

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР

2019 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Том 14

№ 3–4

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4

Главный редактор журнала
Узенёва Елена Семёновна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editor-in-Chief
Elena S. Uzeneva,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ответственный секретарь журнала
Леонтьева Анна Андреевна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editorial Coordinator
Anna A. Leontyeva,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционная коллегия
Данченко Светлана Ивановна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Колосков Евгений Андреевич,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Лунькова Наталья Александровна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Мельчакова Ксения Валерьевна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пахомова Лидия Юрьевна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Хаванова Ольга Владимировна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Чепелевская Татьяна Ивановна,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Яблоков Евгений Александрович,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editorial Board
Tatyana I. Chepelevskaya,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svetlana I. Danchenko,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga V. Khavanova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgenii A. Koloskov,
St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
Natalia A. Lunkova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ksenia V. Melchakova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Lidia Yu. Pakhomova,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgeny A. Yablokov,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционный совет
Бебеш Дёрдь,
Печский университет, Печ, Венгрия
Дель Гаудио Сальваторе,
Киевский университет имени Бориса Гринченко,
Киев, Украина
Запека Оксана Анатольевна,
РГУ имени А. Н. Косыгина, Москва, Россия
Заржицкий Алеш,
Остравский университет, Острава,
Чешская Республика
Китанова Мария,
Институт болгарского языка, Болгарская академия наук,
София, Болгария
Корина Наталия,
Венский университет, Вена, Австрия
Никифоров Константин Владимирович,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пазно-Влазловска Дорота,
Институт славистики ПАН, Варшава, Польша
Соболев Андрей Николаевич,
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Раич Сузана,
Белградский университет, Белград, Сербия
Хаджихалилович Сандра,
Задарский университет, Задар, Хорватия

Editorial Council
György Bebesi,
University of Pécs, Pécs, Hungary
Salvatore Del Gaudio,
Borys Grinchenko Kyiv University, Kyiv, Ukraine
Sandra Hadžihalilović,
University of Zadar, Zadar, Croatia
Maria Kitanova,
Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Natalia Korina,
University of Vienna, Vienna, Austria
Konstantin V. Nikoforov,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dorota Pazio-Wlazłowska,
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Suzana Rajić,
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
Andrey N. Sobolev,
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
Oksana A. Zapeka,
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia
Aleš Zářický,
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издается с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: <https://inslav.ru/slavnyanskiy-mir-v-tremet-tysyacheletii>

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies, Russian
Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies
Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia 119334
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: <https://inslav.ru/slavnyanskiy-mir-v-tremet-tysyacheletii>

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Георгиева Т. (София, Болгария)* Россия и болгарская общность в Салониках во второй половине XIX в. (по материалам консульских донесений) 7
- Гусев Н. С. (Москва)* Русские очевидцы рубежа XIX–XX вв. о европеизации и развитии Софии 23
- Мошечков П. В. (Москва)* Проект «угнетенных народов»: попытка организации сотрудничества национальных движений народов Австро-Венгерской монархии в России (вторая половина 1917 – начало 1918 г.) 37
- Задорожнюк Э. Г. (Москва)* Д. И. Чижевский об украинско-русских межкультурных связях (К 125-летию со дня рождения) 52
- Пескова А. Ю. (Москва)* К вопросу об истории возникновения первого профессионального театра в Словакии 67
- Завельская Д. А. (Москва)* Сатира или сказка: малоизвестная пьеса Е. Л. Шварца в аспекте творческой эволюции . . 85
- Амелина А. В. (Москва)* Образ русской литературы в чешских литературоведческих монографиях 1920-х годов. 103
- Шатько Е. В. (Москва)* Топос Сараева в прозе хорватского писателя М. Ерговича (на материале сборника рассказов «Сараевское Мальборо») 116
- Седакова И. А. (Москва)* Аксиология в сопоставительных исследованиях (на примере концепта «жизнь» в русском и болгарском языках) 130
- Чуфистова О. Н. (Москва)* Некоторые особенности функционирования фразеологизмов в современной словенской и российской прессе 146
- Валенцова М. М. (Москва)* Традиционная культура гуралей: в поисках архаики 158
- Кнежевич А. (Задар, Хорватия)* Культурологические темы как развитие межкультурной компетенции у студентов, изучающих русский язык в качестве иностранного 177

Из истории славяноведения

- Жабрева С. А. (Санкт-Петербург)* Дарственные надписи и пометы из личной библиотеки П. А. Ровинского (по материалам сербохорватского отдела Славянского фонда БАН) . . 188

Публикация источников

- Хаванова О. В. (Москва)* «Где основание не положено, там и строиться нельзя»: рассуждения российского посла в Вене графа Г. К. Кейзерлинга о дворянах посольства 200

Дискуссионная платформа

- Лунькова Н. А. (Москва)* «Когда у меня отняли имя»: об одном болгарско-турецком научном проекте 214

Рецензии и обзоры

- Приступа Н. Н. (Минск)* Гаек М. Воспоминания о чешских левых / отв. ред. и автор послесловия Г. П. Мурашко; перевод с чешск. яз. Г. П. Нешименко. М.; СПб.: Нестор-История, 2019 223

- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва)*
Этнокультурные процессы белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем. Минск: Беларуская навука, 2017. 688 с. . . . 231

- Белова О. В. (Москва)* Л. Г. Каяниди, К. О. Высокович, Л. Л. Степченко, В. В. Федоренко. Фольклорный архив В. К. Ефременкова: материалы и исследования. Смоленск: Маджента, 2018. 188 с. 238

- Керемидчиева Сл. (София, Болгария)* Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / Институт лингвистических исследований РАН; Институт славяноведения РАН; [отв. ред. Т. И. Вендина]. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с. . . . 247

Хроника научной жизни

- Хакимова Ю. Р. (Санкт-Петербург)*
Международная конференция «Балканский диалог-2019» 257

In memoriam

- Пожидаева Г. А. (Москва)* Современное духовно-музыкальное творчество: сочинения Владимира Пожидаева (1946–2009) 263

CONTENTS

Articles

- Tina N. Georgieva*
Russia and the Bulgarian Community in Thessaloniki
(Based on Consular Reports) 7
- Nikita S. Gusev*
Russian Eyewitnesses of the Late Nineteenth and Early Twentieth
Century Europeanisation and Development of Sofia. 23
- Petr V. Moshechkov*
The “Oppressed Nationalities” Project as an Attempt
to Organise the Co-operation of Nationalist Movements
of the Peoples of the Austro-Hungarian Empire
(the second half of 1917 – the beginning of 1918) 37
- Ella G. Zadorozhnyuk*
Dmitry I. Chizhevsky about the Ukrainian-Russian Cross-Cultural
Communications (To the 125th Anniversary since His Birth). 52
- Anna Yu. Peskova*
On the Question of the History of the First Professional Theatre
in Slovakia 67
- Darya A. Zavel'skaya*
Satire or Fairy Tale: A Little-Known Play by Evgeny L. Schwartz
in the Aspect of Creative Evolution. 85
- Anna V. Amelina*
The Image of Russian Literature in Czech Literary Monographs
of the 1920s 103
- Evgeniia V. Shatko*
The Topos of Sarajevo in Prose of the Croatian Writer M. Ergović
(Based on the Storybook Sarajevski Marlboro). 116
- Irina A. Sedakova*
Axiology in Comparative Studies (The Notion of ‘Life’
in Russian and Bulgarian Languages) 130
- Olga N. Chufistova*
The Functioning of Phraseological Units in Modern Slovene
and Russian Journalistic Discourse 146
- Marina M. Valentsova*
Traditional Culture of the Gorals: In Search of the Archaic 158
- Andrea Knežević*
Cultural Elements in Developing the Intercultural Competence
of Students of Russian as a Foreign Language 177

From the history of Slavic Studies

Sofiia A. Zhabreva

Dedicatory Inscriptions and Notes from P. Rovinski's Personal Library
(On the Materials of the Serbo-Croatian Branch of the Slavic Literature
Fund of the Russian Academy of Sciences Library) 188

Publication of historical sources

Olga V. Khavanova

“No Fundament – No Building”: The Russian Ambassador in Vienna
Count Heinrich Keyserling about the “Gentlemen of the Embassy” 200

Discussions

Natalia A. Lunkova

When They Took Away My Name: On a Piece of Bulgarian-Turkish
Scholarly Research. 214

Reviews

Natallia N. Prystupa

Hajek M. *Memoirs about the Czech Lefts* / editor and the author
of the afterword G. P. Murashko; translation from the Czech language
G. P. Neshchimenko. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia,
2019. 488 p. 223

Jurij A. Labyntsev, Larisa L. Shchavinskaja

*Ethno-Cultural Processes in Belarusian Podvinje (Vitebsk region)
in the Past and Present*. Minsk: Belarускаia navuka, 2017. 628 p. 231

Olga V. Belova

L. G. Kaianidi, K. O. Vysokovich, L. L. Stepchenkov, V. V. Fedorenko.
Folklore Archive of V. K. Efremkov: materials and research.
Smolensk: Madgenta, 2018. 188 p. 238

Slavka Keremidchieva

Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects. Vol. 1. The plant world / Institute
for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; Institute of Slavic
Studies, Russian Academy of Sciences; edited by T. I. Vendina. Moscow;
Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017. 736 p. 247

Chronicle of scientific life

Iuliia R. Khakimova

International Conference “Balkan Dialogue – 2019” 257

In memoriam

Galina A. Pozhidaeva

*Modern Sacred Musical Creativity: Vladimir Pozhidaev's Works
(1946–2009)*. 263

РОССИЯ И БОЛГАРСКАЯ ОБЩНОСТЬ В САЛОНИКАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНСУЛЬСКИХ ДОНЕСЕНИЙ)*

Тина Николаева Георгиева –

доктор наук, доцент, исторический факультет,
Софийский университет имени Св. Климента
Охридского

Почтовый адрес: 1504, бул. Цар Освободител 15,
София, Болгария

Электронный адрес: tinag@uni-sofia.bg

Аннотация

Автор ставит перед собой цель пролить свет на отношение России к болгарской общности в Салониках во второй половине XIX в. и старается ответить на вопрос, каким образом болгарское население второго по величине города Европейской Турции присутствовало в планах российской дипломатии. Статья написана на основе русских и болгарских архивных материалов, большая часть которых не опубликована. Она прослеживает контакты болгарского населения многонационального балканского города с российскими дипломатическими агентами, а также факторы, которые способствовали налаживанию тесных связей местных болгар с дипломатами Империи. Анализ документов показывает, что болгары, проживавшие в Салониках, находились под пристальным наблюдением российских дипломатов, а Петербург, с помощью своих официальных представителей, даже участвовал в создании их национальных организаций. Более того, некоторые из российских консулов в Салониках, вроде Александра Якобсона, стремились проводить активную политику в пользу болгарской общности города и защищать ее интересы в гораздо большей степени, чем это предписывалось Азиатским департаментом МИД России. Их попытки убедить руководителей российской дипломатии в целесообразности своих взглядов не имели успеха, поскольку краеугольным камнем российской политики в европейских землях Османской империи оставалось сохранение статус-кво и церковного единства под властью Константинопольской патриархии. Соединение Княжества Болгарии с Восточной Румелией и разрыв дипломатических отношений между Болгарией и Россией оказали отрицательное влияние на контакты болгарской общности города Салоники с российскими дипломатами.

* Статья написана при финансовой поддержке Фонда научных исследований при Министерстве образования и науки Республики Болгария в рамках работы над проектом «Салоники и болгары: история, память, современность» («Солун и българите: история, памет, съвремение») № ДН 10/13 от 17.12.2016 г.

Ключевые слова

Россия, консулы, образование, Салоники, дипломатия

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

RUSSIA AND THE BULGARIAN COMMUNITY IN THESSALONIKI (BASED ON CONSULAR REPORTS)

Tina N. Georgieva

D. Sc., Associate Professor, Faculty of History,
Kliment Okhridsky Sofia University
Postal address: 1504, Tsar Osvoboditel 15 Blvd,
Sofia, Bulgaria
E-mail: tinag@uni-sofia.bg

Abstract

The following article aims to shed light on Russia's relations with the Bulgarian community in Thessaloniki in the second half of the 19th century and attempts to answer the question of how the Bulgarian population in the second largest city in the Ottoman Empire was included in the diplomatic plans of Russia. The article is based on Russian and Bulgarian archives, the majority of which are unpublished. It examines the points of contact that the Bulgarian population in the multinational Balkan city had with Russian diplomats. Analysis of the documents shows that Russian diplomats recognised the presence and importance of Thessaloniki Bulgarians. St. Petersburg closely monitored their actions and, using its official representatives, participated in the process of building their national institutions. Furthermore, some Russian consuls in Thessaloniki, like Alexander Jacobson, strived to conduct more active policies that favoured the Bulgarian community and protected its interests more than the Asiatic Department recommended. However, their efforts to convince the leaders of the Russian diplomacy of the benefits of said policies would bear no fruit, as keeping church institution united under the rule of the Patriarchate of Constantinople was a cornerstone of Russia's policy in the European parts of the Ottoman Empire. The unification of the Principality of Bulgaria and the province of Eastern Rumelia and the ensuing collapse of diplomatic relations between Russia and Bulgaria would leave a negative impact on the connections the Bulgarian community in Thessaloniki had established with Russian diplomats.

Keywords

Russia, consuls, education, Thessaloniki, diplomacy

Received 5 September 2019.

Политика России в отношении Македонии всегда была объектом повышенного интереса со стороны историков и в России, и в балканских странах¹, а огромное количество архивных материалов делают

¹ Историография, посвященная данной проблеме, сама по себе может быть объектом отдельного исследования. Я указала лишь работы, имеющие прямое отношение к затрагиваемым в статье вопросам: *Маркова З.* Българската Екзархия, 1870–1879. София:

эту проблематику привлекательной для исследователей. В поисках более детального изображения имперской политики историки фокусируют внимание на действиях российских дипломатов в европейских территориях Османской империи². Однако связи России с болгарской общностью города Салоники³ еще не становились предметом систематического исследования⁴.

Цель данной статьи – проследить контакты российских дипломатов и салоникиских болгар после Крымской войны и показать, каким образом последние присутствовали в планах имперской дипломатии. Хотя болгарское население во втором по величине городе Европейской Турции никогда не превышало 10% общей численности населения Салоник⁵, его взаимоотношения с российскими дипломатами позволяют пролить свет на политику Азиатского департамента МИД России.

Издательство на БАН, 1989; *Jelavich B. Russian's Balkan Entanglements, 1806–1914.* Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991; *Кинятина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. М.: Издательство Московского университета, 1994; *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М.: Изд. центр Института российской истории, 2004; *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке. 1878–1898. М.: Индрик, 2006; *Она же.* Константинопольский патриархат и Россия: 1901–1914. М.: Индрик, 2012; *Ямбаев М. Л.* Македония и Россия, 1897–1902: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Виноградов В. Н.* Российский двуглавый орел на Балканах: 1683–1914. М.: Индрик, 2010; *Сквозников А. Н.* Македония в конце XIX – начале XX века: «яблоко раздора» на Балканах. Самара: Самар. гуманитар. академия, 2010.

- ² *Сенкевич И. Г.* Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878–1881 гг. // *Славянское источниковедение* / отв. ред. С. А. Никитин. М.: Наука, 1965. С. 82–108; Русия и българското национално-освободително движение 1856/1876. Документи и материали. Т. 1–2. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1987; *Бурбога В. А.* Македонският въпрос в кореспонденцията на руската дипломация (1893–1903) – по материали на консултвата от Солун и Битоля // *Македонски преглед*. 1996. № 1. С. 63–80; *Фролова М. М.* Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе и на ниве школьного образования (Адрианополь, Варна, Битоля) // *Славянский альманах* 2014. Вып. 1–2. М.: Индрик, 2014. С. 44–60.
- ³ Количество исследований, посвященных г. Салоники, огромно. См. *Βιβλιογραφία της Θεσσαλονίκης. Κοινωνικός, οικονομικός και πολιτικός βίος, τέχνη και πολιτισμός.* Επ. Κωνσταντίνος Χατζόπουλος, Θεσσαλονίκη, 1987; *Ιστορία της επιχειρηματικότητας στη Θεσσαλονίκη*, Γενική επιμέλεια: Χαράλαμπος Παλαστάθης & Ευάγγελος Χεκίμογλου τ. Β1, Β2 και Γ, Θεσσαλονίκη, 2004.
- ⁴ Особое внимание на деятельность российских консулов в Салоники обратил болгарский патриарх Кирилл в исследовании, посвященном болгарской Экзархии. См.: *Кирил, патриарх български.* Българската Екзархия в Одринско и Македония след Освободителната война, 1878–1885. София: Синаodalно издателство, 1969. О русской политике в отношении города в середине 50-х годов XIX в. см.: *Frary L.* Russian interests in nineteenth-century Thessaloniki // *Mediterranean Historical Review*. 2008. Volume 23. Issue 1. P. 15–33.
- ⁵ О болгарском населении г. Салоники см.: *Константинова Ю. Т., Желев Й.* Българите в Солун според екзархийското преброяване през 1907 г. // *Известия на държавните архиви*. София, 2019. С. 330–509 и цитированную там литературу.

Первые сведения о связях болгарской колонии в Салониках⁶ с российскими властями относятся к 1862 г. и связаны с попыткой болгар создать свои национальные организации в городе. Тогда Общество салониких болгар обратилось в российское консульство с просьбой оказать финансовую помощь в открытии школы для обучения детей на болгарском языке⁷. Тогдашний российский вице-консул А. Е. Лаговский передал их прошение в Азиатский департамент*, откуда, однако, пришел отказ, аргументированный недостатком средств на подобные цели. Прошение было направлено Одесскому болгарскому настоятельству, но и оно отказалось помочь деньгами, хотя и выразило готовность снабдить будущую школу учебными пособиями. Вмешательство российского дипломата все же дало результат: ему ответила императрица Мария Александровна, которая подарила 100 червонцев** из своих личных средств⁸.

В 1870 г. болгарское население в городе вновь обратилось в консульство России с просьбой о финансовой помощи, а тогдашний консул К. Н. Леонтьев передал это прошение в Петербург и ходатайствовал об удовлетворении просьбы. Он обратил особое внимание на тот факт, что учебному заведению в Салониках, которое содержалось местной болгарской общиной, несмотря на его недолгое существование, удалось привлечь православных детей региона, которые до этого обучались в школе ордена лазаристов⁹. И на этот раз, по-видимому, Азиатский департамент

⁶ Константинова Ю. Т. Солун и българите – между емоциите и прагматизма // Културно-историческо и езиково наследство на «съседна» България / ред. М. Младенова, В. Гешев. София: Университетско издателство „Св. Кл. Охридски“, 2013. С. 213–235.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6682. Л. 5–5 об.

* В 1863 г. при Азиатском департаменте МИД был создан специальный фонд, который предназначался на пособие нуждающимся православным церквям, монастырям и школам в Османской империи. Общая сумма фонда в этот период составляла приблизительно 10 тыс. (9752) рублей.

** Червонец – денежная единица Российской империи, имевшая хождение с 1701 по 1917 гг.; золотая монета трехрублевого достоинства, весом 3,4 г.

⁸ АВП РИ. Ф. 146 Славянский стол. Оп. 495. Д. 6682. Л. 7–8.

⁹ «Вполне сочувствуя добрым намерениям здешних славян <...> осмеливаюсь покорнейше просить Вас <...> исходатайствовать здешней болгарской школе денежное вспомоществование Императорского правительства, принимающего <...> участие в образовании славянского молодого поколения на Востоке», – писал консул директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову 19 (31) августа 1870 г. // Там же. Л. 12–13 об.

Орден лазаристов – католическая конгрегация, созданная в XVII в. во Франции. В 1854 г. лазаристы основали миссию в Салониках, задача которой заключалась в распространении образования и воспитания в католическом духе. С этой целью через пять лет орден открыл в городе начальную школу, которая в 1886 г. была преобразована в гимназию. О деятельности ордена лазаристов в Салониках см.: Histoire de la Mission lazarisstede Macédoine, 1839–1939, par Arthur Droulez C. M. Textepublié parlessoinsde Raïa Zaïmova.

передал просьбу болгар общественным организациям, так как вскоре после этого Санкт-Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета отправило болгарской школе в Салониках 200 рублей, пожертвованные комитету Софьей Дмитриевной Корниловой «на пособие страждущим под игом турок болгарам»¹⁰.

Отдельные случаи оказания финансовой поддержки со стороны России имели место и впоследствии. Так, в середине 1878 г. из средств Московского славянского благотворительного общества в помощь болгарским школам Салоник было даровано 170 австрийских дукатов*. Деньги были ассигнованы «во исполнение желания императорского комиссара»¹¹ и, очевидно, связаны с убеждением князя А. М. Дондукова-Корсакова, что Россия обязана более активно помогать болгарской Экзархии и поддерживать ее действия в отношении Македонии¹².

Для поддержания своих церквей болгарское население Салоник ожидало от России не только денежной помощи, но и вещей, необходимых для проведения православного богослужения. Так, в 1882 г. председатель болгарской общины архимандрит Коста Пречистенский просил генерального консула А. Якобсона содействовать присылке церковного убранства для часовни свв. Кирилла и Мефодия, которое община не в состоянии приобрести на свои деньги¹³. Приблизительно тогда же болгары обратились к инокам подворья русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, которое находилось в Салониках, с просьбой одолжить церковную утварь, для освящения обновленного храма¹⁴.

Позиция российской дипломатии относительно просьб болгарского населения в Салониках вполне отвечала проводившейся в тот период

Istanbul, 2018; *Стамов М. Йероним*. о. д-р. Зейтинлъкъъ при Солун // Сборник Солун. София: печатница «Художник», 1934. С. 318–326.

¹⁰ В письме Стремоухову 15 ноября 1871 г. председатель Петербургского отделения комитета Александр Федорович Гильфердинг отметил, что посылает деньги, «относясь <...> с сочувствием к делу поддержания народного училища на родине Кирилла и Мефодия». См.: АВП РИ. Ф. 146 Славянский стол. Оп. 495. Д. 6682. Л. 15–15 об.

* *Австрийский дукат* – золотая монета весом 3,5 г, которая использовалась в качестве единицы расчета до Первой мировой войны; *дукат стоил в пересчете на рубли приблизительно 4 руб. 41 коп.*

¹¹ П. Алабин – Марину Дринову, 10 июля 1878 г. // Централен държавен архив (далее ЦДА). Ф. 166 к. Дирекция на вероизповеданията. Оп. 1. А. е. 777. Л. 9.

¹² О взглядах князя Дондукова-Корсакова см.: *Кирил, патриарх*. Българската Екзархия в Одринско и Македония. Кн. 1. Част 1. С. 23.

¹³ АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 352. Л. 8.

¹⁴ Монахи предоставили им церковную утварь, но когда попросили болгар вернуть ее русскому подворью, те ответили им, что утварь уже осквернена, и посоветовали выпить себе новую из Москвы или Киева. См.: Вести. 1911. 28VII. № 131. С. 2; *Райнов Б.* Преди половин век. София: Държавна печатница, 1934. С. 52.

Петербургом политике в отношении христианского населения Османской империи – оказывать поддержку школам, церквям и монастырям, воздерживаясь от прямого участия в этом процессе и используя для этой цели общественные организации – Славянские благотворительные комитеты. Эта политика, проводившаяся активно с конца 50-х годов XIX в., давала возможность России поддерживать свой авторитет среди православных Балканского региона.

Одной из главных причин, по которым Россия прислушивалась к обращениям местных христиан, в том числе болгар, было опасение растущего влияния католической пропаганды на Балканах¹⁵. Уже с конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. дипломатические агенты Российской империи все чаще сообщали в своих донесениях об активности миссионеров-католиков, которая, по их мнению, влияла на православное население и таким образом наносила удар позициям России в регионе¹⁶. Российский консул в Салониках А. Е. Лаговский также обращал внимание посла в Константинополе на деятельность ордена лазаристов в городе и просил его обсудить с Вселенским патриархом меры по ограничению деятельности католической церкви в Салоникском вилайете¹⁷.

О необходимости оказать сопротивление католической пропаганде среди болгарского населения в Салониках и Салоникской области писал в 1882 г. в Азиатский департамент генеральный консул А. Якобсон. Дипломат подчеркнул, что из-за отсутствия средств болгарская община в городе не в состоянии удовлетворить стремление болгарского юношества получать образование в национальных учреждениях, вследствие чего молодые болгары посещают школу, созданную лазаристами. Денежное вспомоществование, по его мнению, дало бы возможность общине увеличить количество стипендиатов и привлечь в болгарские школы детей, которые обучаются в католическом учебном заведении. «Подобный результат имел бы большое значение среди вообще болгар, а в особенности униатов, и был бы серьезным успехом против католической пропаганды, ничем до сего времени не обузданной», – писал российский дипломат¹⁸.

¹⁵ О католической пропаганде на Балканах см.: *Кирил, патриарх български*. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в., 1859–1865. София: Синадално издателство, 1962.

¹⁶ *Русия и българското национално-освободително движение 1856/1876*. Документи и материали. Т. 1–2. София: Издателство на Българската Академия на Науките, 1987–1990.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 1546. Л. 4–7.

¹⁸ А. Якобсон – А. И. Нелидову, 22 XI 1882 г. // АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 3–3 об.

В результате этого ходатайства российское правительство приняло решение выделить три тысячи рублей болгарским школам в Македонии, что составляло почти одну треть бюджета специального фонда Азиатского департамента. Эта сумма была передана А. Якобсону в начале 1883 г. с особым наставлением расходовать ее «с крайнею осмотрительностью и лишь на самые настоятельные нужды болгарских школ»¹⁹.

Тогда, кажется, российское правительство впервые оказало прямую финансовую помощь болгарским обществам Салоник. В связи с этим российский консул писал, что из-за невозможности оказать болгарским школам материальную поддержку его влияние до сих пор было лишь моральным и выражалось главным образом в стремлении устранить препятствия, чинимые болгарам турецкими властями и греческим духовенством. Сейчас же он сможет быть полезен не только словом, но и делом. Якобсону принадлежал и план максимально эффективного расходования отпущенных средств: их рассчитали на три года вперед и учредили шесть стипендий для учеников болгарской мужской гимназии в городе²⁰.

Вместе с тем Петербург поощрял болгарское правительство оказывать финансовую помощь болгарским образовательным учреждениям в Салониках. Когда в 1882 г. болгарский Экзарх поручил Науму Спротранову ходатайствовать перед правительством Болгарии в Софии об ассигновании ежегодной субсидии болгарским школам в Македонии, посол России в Константинополе поддержал эту меру и даже написал соответствующее письмо князю Александру Баттенбергу²¹.

С начала 80-х годов XIX в. между российским дипломатическим представителем в Салониках и местной болгарской общиной установились довольно тесные отношения. А. Якобсон не только внимательно следил за деятельностью местных болгар, но и принял участие в процессе создания болгарских организаций. В Архиве внешней политики Российской империи хранятся копии уставов основных болгарских организаций в Салониках: общины, мужской гимназии и пансиона при ней²². Документы написаны на официальном бланке российского консульства на русском языке, их составитель не указан. Здесь же хранится еще один вариант устава болгарской общины, который имеет гораздо

¹⁹ А. И. Нелидов – А. Г. Влангали, 6 I 1883 г. // АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 17, 19 об.

²⁰ АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 22 об. – 23.

²¹ А. И. Нелидов – А. Г. Влангали, 6 XII 1882 г. // АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 13.

²² АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 347. Л. 12–20 об., 27–34 об.

более законченный вид²³. В него внесены изменения, самые существенные из которых относятся к выбору руководства общины. Первоначальный текст предусматривал, что руководство общины избирается от всего болгарского населения Салоник; в соответствии с изменениями оно должно было выбираться из числа «нотаблей болгарского населения» города. Был исключен во втором варианте текст, согласно которому члены общины выбирались ремесленными и профессиональными корпорациями, по одному из каждой²⁴. Сделанные поправки демонстрируют стремление ограничить возможность участия основных слоев населения в управлении организацией за счет увеличения доли влиятельных и богатых представителей салоникических болгар, а в конечном счете – ограничить проявление радикальных настроений в общине²⁵. Из уставов основных болгарских институций, писал А. Якобсон в донесении послу в Константинополе, было устранено все то, что может иметь политический характер, а «распространение болгарской народности путем образования было единственным, пока, побуждением при составлении вышеупомянутых правил»²⁶.

Вмешательство генерального консула в процесс создания болгарских организаций в Салониках подтверждается самим Якобсоном, который признал, что уставы болгарской общины, мужской гимназии им. свв. Кирилла и Мефодия и пансиона при ней были выработаны под его наблюдением²⁷.

Участие, которое российская дипломатия принимала в жизни салоникических болгар, способствовало укреплению влияния там России. Благодаря консулу в Салониках Азиатский департамент имел возможность не только получать сведения о деятельности местных болгар «из первых рук», но в какой-то степени следить за ней и направлять, ограничивая все, что казалось в Петербурге опасным или нежелательным²⁸. В данном случае – не допуская политизации этих организаций.

²³ Там же. Л. 38–42 об.

²⁴ Там же. Л. 38–38 об.

²⁵ Копия устава болгарской общины в Салониках хранится и в Центральном государственном архиве Болгарии – ЦДА. Ф. 176к. Министерство на външните работи и изповеданията. Оп. 1. А.е. 103.

²⁶ АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 2 об.–3.

²⁷ Там же. Л. 2 об.

²⁸ «При благоразумном содействии нашего генерального консула солунской общине удалось положить начало болгарской пропаганды правильным и законным путем воспитания юношества без всякого политического характера», – пишет посол А. И. Нелидов А. Влангали 6 декабря 1882 г. См.: АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 12 об.–13.

В первой половине 80-х годов XIX в. генеральный консул России в Салониках проявлял явный интерес к жизни болгарского населения города. Доказательством этому служит значительное количество хранящихся в АВП РИ документов, посвященных деятельности салоникиских болгар, в основном их образовательным учреждениям: мужской гимназии им. свв. Кирилла и Мефодия и женской гимназии «Святое Благовещение». В этом отношении особый интерес представляет отчет о деятельности мужской гимназии, составленный учителем Петром Драгановым и предоставленный российскому дипломату²⁹. Документ содержит весьма разнообразные сведения: об изменении численности учащихся в школе с 1881 по 1886 гг., о местах рождения и социальном положении учеников, о преподавателях гимназии, результатах экзаменов, расходах учебных заведений и пр³⁰. Автор отчета уделил особое внимание школьной библиотеке, перечислив названия всех книг, их количество по отдельным предметам, основных авторов, в том числе российских – Карамзина, Венелина, Трубе, Иловайского. Такое подробное библиографическое описание я не смогла найти даже в официальных отчетах, которые ежегодно подготавливало руководство болгарской гимназии³¹.

Сведения о количестве учеников болгарской мужской гимназии в 1881–1886 гг., которые указаны в вышеупомянутом докладе, почти полностью совпадают с данными официальных отчетов о деятельности гимназии, которые ее директор передавал болгарскому Экзарху, что подтверждает достоверность информации, предоставленной российскому дипломату.

В донесениях генерального консула России в Салониках нередко встречаются сведения об активности болгарского населения города. Чаще всего дипломат обращал внимание на деятельность болгарских школ, оценивая ее результаты весьма положительно³². Особо он отметил попытку салоникиских болгар торжественно отметить тысячелетие кончины славянского просветителя св. Мефодия. Празднование, однако, не получило нужного размаха из-за позиции местных властей³³.

Сведения о болгарском населении города содержались и в статистических данных, которые дипломатический представитель России собирал,

²⁹ Отчет болгарской Солунской Кирилло-Мефодиевской гимназии за 1885/6 г. // АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 347. Л. 4–11.

³⁰ АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 347. Л. 1–2 об.

³¹ Отчет болгарских школ в Салониках болгарскому Экзарху // ЦДА. Ф. 246к. България Екзархия. Оп. 1. А.е. 26. Л. 25–28.

³² А. Якобсон – А. И. Нелидову, 30 VI 1885 г. № 61 // АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 477. Л. 1–3 об.

³³ АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 511. Л. 5–6.

чтобы создать для себя более точную демографическую картину города. Среди бумаг генерального консульства сохранился доклад 1882 г., который содержит информацию о жителях города, в том числе болгарях, и их религиозной и этнической принадлежности³⁴.

Просмотренные мною документы АВПРИ показывают, что в последней четверти XIX в. российская дипломатия располагала довольно полной информацией о живших в области болгарях и благодаря своему консулу даже имела возможность иногда принимать участие в их деятельности.

В 1880-х годах российское общество продолжило, хотя и нерегулярно, материальную и финансовую поддержку болгар в Салониках. Так, в начале 1885 г. Славянское благотворительное общество в Санкт-Петербурге послало 150 рублей в пользу храма св. Кирилла и Мефодия в городе (деньги были пожертвованы двумя членами общества, которые пожелали сохранить анонимность)³⁵.

Сведения о жизни салоникичских болгар встречались иногда и в русской прессе, в основном в журналах славянофильской направленности, и поэтому чаще всего доброжелательны. К примеру, в 1885 г. «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» опубликовали статью русского слависта П. А. Сырку о книге Офейкова³⁶, в которой болгарская школа в Салониках называлась «самой хорошей болгарской гимназией», а автор корректно изложил взгляды болгарского общественного деятеля на прошлое и настоящее Македонии³⁷. Но всего двумя годами позже те же печатные издания существенно изменили отношение к болгарам в Македонии, а болгарские школы в городе обвиняли в попытках «оболгарить» местных славян³⁸.

Несколько факторов повлияло на становление тесных отношений между российским генеральным консульством и болгарским населением

³⁴ По данным доклада, население города насчитывало около 100 000 человек, из которых 63 000 евреев, 22 000 турок (в том числе 3000 евреев, принявших ислам), 2000 католиков, в основном итальянцев, и 13 000 греков, болгар и армян. См.: АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 354. Л. 9 об.–10.

³⁵ Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1885. № 3 (март). С. 118.

³⁶ Под этим именем опубликовал свое сочинение болгарский дипломат и общественный деятель Атанас Шопов, который с 1897 по 1913 г. являлся основным представителем Болгарии в Салониках. См.: *Офейков*. Македония във време на хилядагодишнината на Св. Методия. Пловдив, печатница на Ед. Дионне, 1885.

³⁷ Известия СПбСБО. 1885. № 4 (апрель). С. 245.

³⁸ *Дурново Н. Н.* Имеют ли болгары исторические права на Македонию, Фракию и Старую Сербию. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895. С. 30, 66.

Салоник в конце 1870-х годов. В первую очередь это уже указанная имперская политика поддержки православного населения на Балканах и тем самым ограничения западного, в основном католического, влияния в регионе. Во-вторых, этому способствовали хорошие отношения, которые формировались между Софией и Петербургом после создания автономного Княжества Болгарии. Контакты с македонскими болгарскими воспринимались – по крайней мере частью российских дипломатов – как продолжение политики по отношению к Болгарии, которую Петербург в то время все еще считал основным союзником России в регионе. В-третьих, тесному сотрудничеству способствовал тот факт, что до конца 1880-х годов большинство лидеров местного болгарского населения являлись выпускниками российских учебных заведений. Так, директор гимназии Георги Кандиларов закончил Киевскую духовную академию, большая часть учителей также обучалась в Новороссийском, Санкт-Петербургском и Московском университетах³⁹. В женской гимназии в 1886–1889 гг. работала Елизавета Кондратьева, уроженка города Болград в Бессарабии, которая руководила учебным заведением и пансионом при нем. Председатель болгарской общины в Салониках в период 1888–1890 гг. архимандрит Григорий получил образование в Московской духовной академии⁴⁰.

Кроме того, установление личных связей также сыграло определенную роль. В российском генеральном консульстве Салоник в этот период работали болгары Тодор Мишев и Наум Спространов. Влияние первого незаметно, но роль второго кажется довольно важной. Спространов занимал должность штатного драгомана консульства и находился в хороших отношениях с Якобсоном, а сам консул высоко ценил болгарского деятеля и рассчитывал на его авторитет и влияние среди местных болгар. Донесения российского дипломата создают впечатление, что они действовали в тесном сотрудничестве и совместно разрабатывали линию поведения в отношении салоницких болгар⁴¹.

³⁹ АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 347. Л. 7 об.–8.

⁴⁰ О нем российский вице-консул в Битоли Демерик написал, что следы полученного в России воспитания и образования «сохранились пока неприкосновенными в складе его суждений и симпатии, вследствие сего, специально на положение болгарских политических и церковных дел он смотрит с вполне русской точки зрения». См.: ЦДА. Ф. 1318к. Патриарх Кирил. Оп. 1. А.е. 5586. Л. 36.

⁴¹ «Благодаря деятельному и смышленому содействию <...> Наума Спространова, занимающегося исключительно болгарскими делами, новоучрежденный в Солуне болгарский пансион предназначен <...> идти на должный путь» – писал Якобсон, отмечая как положительные качества Спространова его умеренность и «правильный» взгляд на политическое положение македонских болгар. См.: АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 2.

Наум Спространов не только помогал налаживанию контактов между болгарскими организациями в городе и официальным представителем России. Благодаря ему российский консул получал подробные сведения о жизни болгарского населения в Салоникском вилайете и о проблемах, с которыми оно ежедневно сталкивалось. Об этом свидетельствует впечатляющее число докладов Н. Спространова А. Якобсону⁴². Его донесения вряд ли остались вне внимания российского дипломата, тем более что они часто сопровождались письмами местных болгар разных сел Салоникского вилайета, которые обращались к России с просьбами о помощи или о защите от злоупотреблений представителей власти⁴³.

Трудно сказать, насколько болгарский деятель и российский дипломат разделяли взгляды на ситуацию в Македонии, как и определить степень влияния Спространова на генерального консула и других факторов, например, популярной в то время в России идеи славянской взаимности, позитивного отношения русской элиты к болгарам и к их национальным идеям. Мне кажется, что на него в большей степени повлияло его знакомство с действительным положением дел в турецкой провинции, в том числе с отношением местных политических и церковных властей к славянскому населению.

Бесспорно, однако, что в первой половине 1880-х годов дипломатический представитель России в Салониках не только принимал личное участие в развитии болгарских учебных заведений в городе. Доступные документы дают право сделать вывод, что Якобсон проявлял готовность действовать в пользу болгар в гораздо большей степени, чем этого требовали инструкции, приходившие из посольства в Константинополе и из Петербурга. Предложения, которые консул выдвигал А.И. Нелидову, а также некоторые его действия доказывают желание Якобсона защищать интересы болгарского населения Салоникского вилайета. Более того, он стремился убедить посла в целесообразности подобной политики⁴⁴. Но Нелидов, напротив, старался придерживаться официальной политической линии, выработанной в Петербурге, которая была направлена на поддержании status quo в Македонии и сохранение церковного единства. Это не предполагало выхода новых территорий из-под влияния Константинопольского патриархата⁴⁵.

⁴² АВП РИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 349, 398, 428, 513.

⁴³ Там же. Д. 349, 352.

⁴⁴ См.: АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6716. Л. 22 об.; Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 359. Л. 2–9.

⁴⁵ Об этой проблеме см.: *Герд Л.А.* Русия и българският църковен въпрос – нови архивни материали и перспективи за проучване // Балканите и Европа в Източната криза 1875–

Разница во взглядах Петербурга и посольства с одной стороны и консула в Салониках с другой еще раз доказывает стремление дипломатических агентов в европейских вилайетах Османской империи разделять интересы местного православного и славянского населения. Особенно явно это можно увидеть в отношении к болгарской общности в Салониках. Некоторые российские дипломаты, как А. Якобсон и А. Гирс⁴⁶, принимали близко к сердцу нужды салоникиских болгар. Другие, как К. Леонтьев, недолго руководивший консульством в начале 1870-х годов, не отходили от предписанной Азиатским департаментом политики, которая, кроме того, отвечала и их личным взглядам⁴⁷.

Объединение Княжества Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. и последовавший разрыв дипломатических отношений между Болгарией и Россией оказали отрицательное влияние на контакты болгарского населения Салоник с российскими дипломатами. Этот процесс совпал с кадровыми изменениями в генеральном консульстве в Салониках. В 1886 г. Александр Якобсон скончался, и его пост занял Иван Ястребов, который, как и его наследник Николай Иларионов, не скрывали скептицизма относительно болгарского присутствия в Македонии⁴⁸. С тех пор консульство России стало занимать гораздо более дистанцированную позицию относительно местных болгар и их организаций. Связи последних с российскими дипломатическими представителями не прервались полностью, но никогда более они не были так близки, выявляя таким образом все сильнее проявлявшееся расхождение интересов России и болгарского населения Македонии.

*Перевод на русский язык автора,
под редакцией Л.А. Аваковой и С.И. Данченко*

1881 г. / ред. П. Митев, Т. Георгиева. София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 2018. С. 34–44.

⁴⁶ «Добрая память о вас в Солуне и вообще в несчастной Македонии не перестает и не будет переставать», – писал А. Шопов А. Гирсу в 1906 г. См.: ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 892. А. А. Гирс. Д. 262. Л. 1 об.

⁴⁷ Когда в 1871 г. Славянский благотворительный комитет выделил финансовую помощь болгарскому населению в Салониках, К. Леонтьев передал деньги попечителям болгарского учебного заведения и обещал им и впредь заботиться о школе, но «лишь при том условии, чтобы болгары выказывали умеренность по отношению к митрополии и вообще к греческому элементу». См.: АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6682. Л. 30–30 об.

⁴⁸ И. С. Ястребов занимал должность генерального консула в Салониках в 1886–1894 гг., а Николай Иларионов – с 1894 по 1902 г. О взглядах И. С. Ястребова см.: ГА РФ. Ф. 892. А. А. Гирс. Д. 268.

Литература

- Бурбига В. А.* Македонският въпрос в кореспонденцията на руската дипломация (1893–1903) – по материали на консулствата в Солун и Битоля // Македонски преглед. 1996. № 1. С. 63–80.
- Виноградов В. В.* Российский двуглавый орел на Балканах: 1683–1914. М.: Индрик, 2010.
- Герд Л. А.* Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке: 1878–1898. М.: Индрик, 2006.
- Герд Л. А.* Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914. М.: Индрик, 2012.
- Герд Л. А.* Русия и българският църковен въпрос – нови архивни материали и перспективи за проучване // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. / ред. П. Митев, Т. Георгиева. София, Университетско издателство Св. Климент Охридски, 2018. С. 34–44.
- Киняпина Н. С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в. М.: Издательство Московского университета, 1994.
- Кирил, патриарх български.* Българската Екзархия в Одринско и Македония след Освободителната война, 1878–1885. София: Синодално издателство, 1969.
- Кирил, патриарх български.* Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в., 1859–1865. София: Синодално издателство, 1962.
- Константинова Ю. Т.* Солун и българите – между емоциите и прагматизма // Културно-историческо и езиково наследство на «съседна» България / ред. М. Младенова, В. Гешев. София: Университетско издателство «Св. Кл. Охридски», 2013. С. 213–235.
- Константинова Ю. Т., Желев Й.* Българите в Солун според екзархийското преброяване през 1907 г. // Известия на държавните архиви. София, 2019. С. 330–509.
- Маркова З.* Българската Екзархия, 1870–1879. София: Издателство на БАН, 1989.
- Райнов Б.* Преди половин век. София: Държавна печатница, 1934.
- Сенкевич И. Г.* Из истории освободительной борьбы в Западной Македонии и Косове в 1878–1881 гг. // Славянское источниковедение / отв. ред. С. А. Никитина. М.: Наука, 1965. С. 82–108.
- Сквозников А. Н.* Македония в конце XIX – начале XX вв. – яблоко раздора на Балканах. Самара: Самар. гуманит. академия, 2010.
- Фролова М. М.* Русские консулы и болгаро-греческое противостояние в церковном вопросе и на ниве школьного образования (Адрианополь, Варна, Битоля) // Славянский альманах. 2014. М.: Индрик, 2014. Вып. 1–2. С. 44–60.
- Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М.: Изд. Центр Института русской истории, 2004.

- Ямбаев М.Л. Македония и Россия, 1897–1902. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Frary L. Russian interests in nineteenth-century Thessaloniki // *Mediterranean Historical Review*. Volume 23. 2008, issue 1. P. 15–33.
- Jelavich B. *Russian`s Balkan Entanglements, 1806–1914*. Cambridge-New York, Cambridge University Press, 1991.
- Βιβλιογραφία της Θεσσαλονίκης. Κοινωνικός, οικονομικός και πολιτικός βίος, τέχνη και πολιτισμός / Επιμ. Κωνσταντίνος Χατζόπουλος. Θεσσαλονίκη, 1987.
- Ιστορία της επιχειρηματικότητας στη Θεσσαλονίκη / Γενική επιμέλεια: Χαράλαμπος Παπαστάθης & Ευάγγελος Χεκίμογλου. Τ. Β1, Β2 και Γ. Θεσσαλονίκη, 2004.

References

- Burbiga, V.A., 1996. Makedonskiiat vupros v korespondentsiata na ruskata diplomatsiia (1893–1903) – po materiala na konsulstvata v Solun i Bitolia [Macedonian question in the correspondence of the Russian diplomats 1893–1903 – based on documents of the consulates in Thessaloniki and Bitola]. *Makedonski pregled* [Macedonian Review], 1, pp. 63–80.
- Frary, L., 2008. Russian interests in nineteenth-century Thessaloniki. In: *Mediterranean Historical Review*, volume 23, issue 1, pp. 15–33.
- Frolova, M.M., 2014. Russkie konsuly i bolgaro-grecheskoe protivostoianie v tserkovnom voprose i na nive shkol'nogo obrazovaniia (Adrianopol', Varna, Bitolia) [Russian consuls and the controversy between Bulgarians and Greeks over church question and school education (Edirne, Varna, Bitola)]. *Slavianskii al'manakh 2014* [Slavic Almanac 2014], 1–2, pp. 44–60.
- Gerd, L.A., 2006. *Konstantinopol' i Peterburg. Tserkovnaia politika Rossii na pravoslavnom Vostoke: 1878–1898* [Constantinople and Petersburg. Russian Church policy in the Orthodox East, 1878–1898]. Moscow: Indrik.
- Gerd, L.A., 2012. *Konstantinopol'skiy patriarkhat i Rossiia. 1901–1914* [The Patriarchate of Constantinople and Russia. 1901–1914]. Moscow: Indrik.
- Gerd, L.A., 2018. Rusiia i bulgarskiiat tsurkoven vupros – novi arkhivni materiala i perspektivi za prouchvane [Russia and the Bulgarian Church question – new documents and prospects for research]. In: Mitev, P., Georgieva, T., eds, 2018. *Balkanite i Evropa v Iztochnata kriza 1875–1881 g.* [The Balkans and Europe in the Eastern Crisis, 1875–1881]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo Sv. Kliment Ohridski, pp. 34–44.
- Iambaev, M.L., 2004. *Makedoniia i Rossiia, 1897–1902. Avtoref. dis... kand. ist. nauk* [Macedonia and Russia, 1897–1902]. Moscow.
- Jelavich B., 1991. *Russian`s Balkan Entanglements, 1806–1914*. Cambridge-New York, Cambridge University Press.
- Khevrolina, V.M., 2004. *Rossiiskii diplomat graf Nikolai Pavlovich Ignat'ev* [The Russian diplomat count Nikolay Pavlovich Ignatiev]. Moscow: Izd. Tsentra Instituta russkoi istorii.

- Kiniapina, N.S., 1994. *Balkany i prolivy vo vneshnei politike Rossii v kontse XIX v.* [Balkans and the Straits in Russian Foreign Policy in the end of the XIXth century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.
- Kiril, patriarch bulgarski, 1962. *Katolicheskata propaganda sred bulgarite prez vtorata polovina na XIX v., 1859–1865* [The Catholic Propaganda among Bulgarians during the second half of XIXth century, 1859–1865]. Sofia: Sinodalno izdatelstvo.
- Kiril, patriarch bulgarski, 1969. *Bulgarskata Ekzarkhiia v Odrinsko i Makedoniia sled Osvoboditelnata voina, 1878–1885* [The Bulgarian Exarchate in Edirne region and Macedonia after the liberation War, 1878–1885]. Sofia: Sinodalno izdatelstvo.
- Konstantinova, Iu.T., 2013. Solun I bulgarite – mezhdu emotsiite i pragmatizma [Thessaloniki and Bulgarians – between emotions and pragmatism]. In: Mladenova, M., Geshev, V., eds, 2013. *Kulturno-istoricheskoto I ezikovo nasledstvo na “susedna” Bulgariia* [Cultural-historical and linguistic heritage of “neighbor” Bulgaria]. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kl. Okhridski”, pp. 213–235.
- Konstantinova, Iu.T., Zhelev, I., 2019. Bulgariite v Solun spored ekzarkhiiskoto prebroiavane prez 1907 g. [Bulgarians in Thessaloniki according to the Exarchate's census of population of 1907]. In: *Izvestiia na durzhavnite arkhivi* [Journal of the State archives], pp. 330–509.
- Markova, Z., 1989. *Bulgarskata Ekzarkhiia, 1870–1879* [The Bulgarian Exarchate 1870–1879]. Sofia: Izdatelstvo na BAN.
- Rainov, B., 1934. *Predi polovin vek* [Half a century ago]. Sofia: Durzhavna pechatnitsa.
- Senkevich, I.G., 1965. Iz istorii osvoboditelnoi bor'by v Zapadnoi Makedonii i Kosove v 1878–1881 gg. [Aspects of the Struggle for Liberation in West Macedonia and Kosovo 1878–1881]. In: Nikitin, S.A., ed., 1965. *Slavianskoe istochnikovedenie* [Slavic source studies]. Moscow: Nauka, pp. 82–108.
- Skvoznikov, A.N., 2010. *Makedoniia v kontse XIX – nachale XX vv. – iabloko razdora na Balkanakh* [Macedonia in the late XIXth –early XXth century – “apple of discord” on the Balkans]. Samara: Samar. gumanit. akademiia.
- Vinogradov, V.V., 2010. *Dvuglavyi orel na Balkanakh: 1683–1914* [The Double-headed Russian Eagle in the Balkans: 1683–1914]. Moscow: Indrik.
- Vivliografiatis Thessalonikis. Koinonikós, oikonomikós kai politicos vios, téchnī kaipolitimós. Epim. Kōnstantinos Chatzópoulos, Thessalonikī, 1987. [Bibliography of Thessaloniki. Social, economic, political life, art and culture. Ed. Konstantinos Hatzopoulos, Thessaloniki, 1987].
- Istoria tis epicheirimatikótita stī Thessalonikī. Genikī epiméleia: Charálampos Papastáthīs & Euággelos Chekimoglou, t. B1, B2 kai G, Thessalonikī, 2004. [History of Entrepreneurship in Thessaloniki, overview: Haralambos Papastatis & Evangelos Hekimoglu, vol. B1, B2 and C, Thessaloniki, 2004].

РУССКИЕ ОЧЕВИДЦЫ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. О ЕВРОПЕИЗАЦИИ И РАЗВИТИИ СОФИИ*

Никита Сергеевич Гусев –

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334, Россия

Электронный адрес: gusevns@gmail.com

Аннотация

В болгарской истории период от освобождения страны в 1878 г. и до так называемых «войн за национальное объединение» 1912–1918 гг. является периодом поступательного развития, нацеленного на вхождение в Европу. Одним из признаков «модерного» европейского государства должна была стать столица, демонстрирующая, что молодое княжество / **царство разделяет ценности европейской культуры**. В статье на основании русских травелогов того времени прослеживается, какое наполнение имело представление о городе. В описаниях доминировала дихотомия «европейский / азиатский (турецкий)», равнозначная противопоставлению «светлый мир будущего / темный мир прошлого». Среди главных признаков европейского города начала XX в. выделялись три: широкие и чистые улицы, высокие каменные дома, применение достижений технического прогресса. В то же время София только двигалась к этому идеалу, и преобразования охватили не весь город. Но скорость данного движения была столь велика, что поражала русских очевидцев и в большинстве случаев заслоняла для них недостатки городской среды и сохранявшие ориентальный облик окраины. Сами же болгары гордились новым обликом Софии, несмотря на то, что предмет этой гордости имел показной, витринный характер. На основании представленного материала делается вывод, что часть европейских ценностей, связанных с городом, болгарам понималась, но не стала одной из основ их собственной системы ценностей.

Ключевые слова

Болгария, София, город, модернизация, русские наблюдатели, европейские ценности
Статья поступила в редакцию 17 сентября 2019 г.

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

RUSSIAN EYEWITNESSES OF THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURY EUROPEANISATION AND DEVELOPMENT OF SOFIA

Nikita S. Gusev

Ph.D., Senior Researcher, Institute of Slavic
Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow,
119334, Russia
E-mail: gusevns@gmail.com

Abstract

In Bulgarian history, the period from the liberation of the country in 1878 to the so-called “wars for national unification” of 1912–1918 was one of progressive development aimed at joining Europe. One of the signs of a “modern” European state was the capital, which would demonstrate that a young Principality / Kingdom shared European cultural values. Using Russian travelogues of the time, this article pieces together a picture of the city during this period. The “European / Asian (Turkish)” dichotomy, equivalent to that of the “light world of the future / dark world of the past”, dominates the descriptions. Among the main features of the European city of the early twentieth century, three were significant: clean and wide streets, tall stone houses, and the usage of technology. At this time, Sofia was only moving towards this ideal, and the transformation did not affect the whole city. The speed of this movement was nevertheless so great that it amazed Russian eye-witnesses. In most cases, they did not see the shortcomings of the urban environment and the outskirts, which retained an Oriental look. The Bulgarians themselves were proud of the new look of Sofia, despite the fact that the subject of this pride was not original. However, it can be concluded that the Bulgarians understood the European cultural values associated with a city. Despite this, urban values did not become one of the foundations of the Bulgarian value system.

Keywords

Bulgaria, Sofia, city, modernization, Russian observers, European values

Received 17 September 2019.

Волею судеб небольшой город с полуторатысячелетней историей стал столицей Болгарского княжества. Не история или экономика послужили аргументами в пользу этого, выбор был обусловлен политическими причинами. Столица молодого славянского государства начала свой бурный рост и стала преображаться на глазах. За 30 лет (1880–1910) население Софии увеличилось в пять раз, в то время как во втором по динамике роста городе – портовой Варне – в 1,69, а во всей стране – в 1,5 раза¹. Такая опережающая скорость роста населения Софии была обусловлена ее столичным статусом, которому руководство страны придавало огромное

¹ Велинова З., Начев И. София и балканската модерност. София: Рива, 2016. С. 60.

значение. Город должен был стать витриной всей Болгарии, наглядным доказательством прогресса и европеизации страны и, как принято сейчас выражаться, олицетворять соответствие европейским ценностям*.

Однако даже при взгляде издали возвышающиеся минареты говорили об ориентальном прошлом города. В феврале 1878 г. в Софии на 11 694 человек насчитывалось две школы, семь церквей и 30 мечетей и суфийских обителей². Уничтожением следов господства ислама уже в 1878 г. занялись Временное русское управление и лично императорский комиссар Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. В то же время, по словам современников, «чтобы не задеть религиозного чувства турок», мусульманские храмы подрывали ночью, прикрываясь раскатами грома³. Однако и православное население было не готово к коренным переменам, почему первый план переустройства города, уже утвержденный князем, так и не реализовался⁴. Впрочем, и для менее радикальных преобразований следовало снести множество зданий. Это требовало волевого и авторитарного руководителя, и самое масштабное преобразование Софии приходится на кметство (мэрство) Димитра Петкова (1888–1893). Местное население пыталось защитить знаковые для себя места, но безуспешно. Так, неподалеку от известной церкви св. Петки Самарджийской находилась подлежащая сносу небольшая церковь Пресвятой Девы. Софианки окружили ее, дабы помешать уничтожению храма, и отказывались уходить, несмотря на угрозы конной полиции применить оружие. Лишь пожарные при помощи брандспойтов сумели разбить живую стену защитниц храма⁵.

Новый облик города служил доказательством успехов страны. Политик Н. Геннадиев с трибуны Народного собрания громогласно вещал, рассказывая о преобразованиях в Болгарии, в том числе произнеся следующее: «Тридцать лет назад пастухи Софийской котловины собирались на рынок в грязном болотистом укреплении. На его месте возник город, который развивается со скоростью, не виданной на европейском

* Термин «ценности» используется в том значении, как его определил американский психолог и социолог М. Рокич: «Ценность есть стойкое предпочтение личностью или обществом определенного образа поведения или конечного состояния, в противоположность другому типу поведения или состоянию» (Цит. по: *Каган М. С. Философская теория ценности*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 51).

² *Славова П.* Метаморфози на строителния процес в следосвобожденска София (1878–1912) // Социологически проблеми. 2003. Кн. 3–4. С. 209.

³ *Ратиев А. Л.* То, что сохранила мне память. София: Изд-во Соф. ун-та им. Св. Климента Охридского, 1999. С. 572.

⁴ *Велинова З., Начев И.* София и балканската модерност... С. 133.

⁵ *Костенцева Р.* Моят роден град София в края на XIX – началото на XX век и след това. София: Рива, 2008. С. 21.

материке, и который украшает наше отечество. Вот это и есть величие Болгарии!»⁶. Сами софиянцы гордились столицей⁷ и задавали иностранцам вопрос: «А как вам нравится София?» «Мы слышали его раз по сту на день», – вспоминал русский путешественник⁸. Исходя из этого, можно заключить, что те преобразования, которые шли в столице, появившиеся на ее улицах новшества одобрялись самим населением, воспринимались им как символы прогресса и успеха. В связи с этой гордостью и одновременным сопротивлением изменениям интересно проанализировать, воплощением каких черт являлся город, то есть чем именно гордились столичные жители, и насколько постулируемая европейскость Софии в действительности соответствовала базовому набору ценностей жителей болгарской столицы.

Существует немало воспоминаний болгар об этом периоде. Но у всех у них большой недостаток – они ретроспективны. Во-первых, рассказывая о городе своей юности, безнадежно утратившем облик в силу его разрастания*, авторы неизбежно идеализировали Софию рубежа XIX–XX вв. Во-вторых, период 1878–1913 гг. остался в болгарской истории периодом оптимистических настроений и светлых устремлений в будущее. «После крушения национального идеала в 1913 г. страна уже никогда полноценно не возвращалась на путь своего поступательного развития», – справедливо отметил болгарский историк Д. Митев, говоря о последствиях Второй балканской войны⁹. Но и многое достигнутое в период нормального развития носило имитационный характер. «И пусть это была имитация, для современников она выглядела достаточно впечатляющей», – заметил болгарский академик И. Илчев. «Со светлой грустью», по его словам, уцелевшие после череды войн вспоминали первое десятилетие века, время, полное надежд, как «по крайней мере, им казалось»¹⁰. Воспоминания болгар о периоде до 1913 г. распространяют романтическую идеализацию

⁶ *Илчев И.* Междено време. София: Колибри, 2005. С. 318.

⁷ *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. С. 251.

⁸ *Амфитеатров А. В.* Недавние люди. СПб.: Типография «Т-ва Худож. Печ.», 1901. С. 99.

* В 1910 г. население городов, включая и небольшие (около 10 тыс. жителей), составляло 19,1% от общего числа жителей страны. До 1946 г. этот показатель изменился всего на несколько процентов, но София выросла с ок. 100 тыс. жителей до ок. 366 тыс. (*Младенов Ч., Димитров Е.* Урбанизацията в България от Освобождението до края на Втората световна война // География. 2009. № 1. С. 14–15.) Это неизбежно вело к размыванию городской культуры и городских традиций.

⁹ *Митев Д.* Готово ли бе българското общество в началото на XX век за изпитанието Балканска война – поглед от началото на XXI в. // Исторически преглед. 2013. № 1–2. С. 3.

¹⁰ *Илчев И.* Междено време... С. 324.

и на картину города, что ведет к их невысокой достоверности в оценках реальности преобразований по европейскому образцу.

В силу сказанного представляется плодотворным, в поиске ответов на поставленный вопрос, обратиться к сведениям, оставленным русскими наблюдателями Софии рубежа XIX–XX вв. В пользу перспективности данного подхода и глубины «русского взгляда» на Балканы приведено немало доводов, что снимает с меня необходимость их повторять¹¹. Вдобавок, используя этот тип источников, можно проследить, какие признаки современного города выделяли русские наблюдатели, тогда, несомненно, как и болгары, ориентировавшиеся на западные образцы. Однако при таких достоинствах, как низкий языковой барьер, позволявший самостоятельно и подробно ознакомиться с Софией, и тесное знакомство авторов травелогов с европейскими городами, что позволяло объективно сравнивать увиденное с идеалами, описания болгарской столицы рубежа XIX–XX вв. несли в себе заведомое искажение. Болгария воспринималась как детище России, а потому к ее успехам относились едва ли не как к собственным, что вело к определенным деформациям в картине. Последняя особенность более всего проявлялась у тех, кто мог сравнить Болгарию, только что обретшую независимость, и Болгарию, прошедшую определенный путь самостоятельного развития.

К данному типу наблюдателей можно отнести ученого и публициста Платона Андреевича Кулаковского. Впервые посетив Болгарию проездом в 1879 г., он вернулся в страну и подробно ее описал в 1899 г. «Теперь все новое, все иное в Болгарии. <...> Ее столицы – Софии – не узнать. Это теперь благоустроенный, совершенно новый город», – утверждал Платон Андреевич на страницах газеты «Московские ведомости»¹². Признавая недостатки, он их оправдывал ростом города и прогнозировал, что все будет исправлено: «Улицы широкие, правда, не мощенные, но отлично шоссированные. Пока освещение города по ночам дурно, но уже окончательно заключен контракт об электрическом освещении Софии. Как в новом городе – много еще пустых мест для будущих построек»¹³.

¹¹ Белов М. В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемакин. СПб.: Алетейя, 2011. С. 38–65; Гусев Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1. С. 3–14; Шемакин А. Л. Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3 С. 21–32; Он же. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.

¹² Московские ведомости. 1899. 8 XI.

¹³ Там же. 20 XI.

Наглядная для него динамика изменений болгарской столицы приводила к уверенности, что все это – лишь шероховатости на пути к будущему прекрасному европейскому городу. Это в определенной степени повлияло и на полноту его картины, из которой он, осознанно или нет, исключил некоторые особенности софийского пейзажа.

Направлявшийся в 1903 г. в Македонию, чтобы в составе чет сражаться с турками, военный журналист Б. Л. Тагеев был поражен Софией, которую знал лишь по рассказам. «Удивительно, что в течение 25 лет мог построиться такой город, как София», – писал он, особо указывая на наличие «прекрасных зданий, электрических трамваев, чудесных магазинов, кафе», хотя «ровно 26 лет назад турки, покинув Софию, оставили болгарам жалкие азиатские постройки да несколько мечетей»¹⁴.

Полны восхищения от Софии воспоминания о посещении этого города в 1907 г. русского генерала и первого военного министра Болгарии Петра Дмитриевича Паренсова. Он 27 лет не был в болгарской столице и «совсем не узнал» ее: «Ужаснейшие, грязные улицы 80-го года заменились отличными шоссе, а на главных улицах – великолепными мостовыми из продолговатых желтых кирпичиков. <...> Широкие тротуары, масса зелени, примерная чистота, быстро летящие по всем направлениям вагоны электрического трамвая и отличные извозчики»¹⁵. Он признал, что достижение подобных успехов облегчается в том числе и мягким климатом, но очевидные внешние преобразования его поражали, и изъяны городской среды оказывались в «слепых зонах». Блеск и европеизация Софии застили Паренсову глаза. Одно из ярчайших его впечатлений от болгарской столицы 1907 г. – это то, что на торжествах к юбилею русско-турецкой войны 1877–1878 гг. кучера и лакеи в каретах были в башмаках, камзолах, белых париках и «треугольных шляпах со страусовыми перьями»¹⁶. На фоне воспоминаний о городе, в котором самыми высокими зданиями являлись двухэтажные, а к приезду монарха в дворец срочно переделывали дом местного турецкого чиновника¹⁷, представшая перед Паренсовым картина действительно поражала и требовала отбросить любые претензии к действительности.

Менее пространно, но тоже ярко восхищался уже в 1912 г. Софией очевидец русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Василий Иванович

¹⁴ Тагеев Б. Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 783.

¹⁵ Паренсов П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. СПб.: В. Березовский, 1908. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. С. 399–400.

¹⁶ Там же. С. 401.

¹⁷ Там же. С. 68.

Немирович-Данченко. Его поражало, что «недавняя чуть ли не деревня турецкая» теперь «его приняла, развернувшись чудесными домами, прекрасными улицами и памятниками, с сказочно быстротой вырастающая столица молодого королевства!»¹⁸. Однако если Немировича-Данченко нередко обвиняли в приукрашивании картины и даже за глаза называли «Немирович-Вральченко»¹⁹, то в том же 1912 г. подробно описал Софию человек совершенно иных взглядов и отношения к журналистике – Лев Давидович Троцкий.

Во время Первой балканской войны 1912–1913 гг. он так и не смог получить разрешение на выезд в действующую армию и провел довольно много времени в Софии, имея возможность подробно ее осмотреть. Будущий советский нарком заметил, что болгарская столица «от вокзала до дворца и парламента» представляет собой европейский город: «Отличные чистые мостовые, высокие дома, электричество, трамвай, корсо, элегантные наряды, дамские шляпы бóльших размеров, чем в Париже». Но существовали кварталы-рассадники зловония и болезней, прибежища ужасающей бедноты. Таким увидел Л. Д. Троцкий Юч-Бунар*, где находилось еврейское гетто²⁰. По мнению украинских исследователей М. Г. Станчева и Г. И. Чернявского, он в значительной степени драматизировал реальное положение дел в этом районе, хотя приятного в том квартале было действительно мало²¹. Как бы то ни было, Л. Д. Троцкого в данном случае трудно обвинить в субъективности, он отметил ту черту, которая, как представляется, определяла облик Софии рубежа XIX–XX вв., – сосуществование показной европейской части города и «азиатских окраин». Однако он был не первым, кто подчеркнул эту особенность болгарской столицы.

В 1894 г. получил отставку всемогущий премьер Болгарии С. Стамболов, и начался процесс нормализации русско-болгарских отношений. В частности, это проявилось и в том, что после долгого перерыва в Болгарию поехали

¹⁸ *Немирович-Данченко Вас. И. С вооруженным народом // Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. СПб.: Типолитография Акц. О-ва «Самообразование», 1913. Т. XIV. С. 39.*

¹⁹ *Гусев Н. С. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // Studia historiae Bulgariae et Europaе Orientalis. К юбилею Т. В. Волокитиной / ред. Е. Л. Валева [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 41.*

* Юч-Бунар – район современных улиц Опълченска, Пиротска.

²⁰ *Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. СПб.: Новый Прометей, 2011. С. 158.*

²¹ *Станчев М., Чернявский Г. Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары. София: Марин Дринов, 2008. С. 82.*

русские журналисты*. Одним из первых был Александр Валентинович Амфитеатров, проведший в Софии несколько лет и уделивший ей немалое внимание, что отразилось и в названии его очерка – «Софийское житье-бытье». Но особого восхищения от города он не испытал, и первый же его вердикт говорит о сложившемся у него впечатлении: «София – это Тифлис филистеров». Сравнение вытекало из двойственности Софии: «одна часть – показная – европейская, даже слишком, до опошления; другая – дикая, азиатская – наследие турок». Уничжительность сравнения же следовала из того, что все предстает «в виде уменьшенном, суженном и омещаненном». Данного русского наблюдателя не впечатлили ни бульвары, ни предмет гордости софианцев – загородный сад, отделенный от города «довольно зловонною канавой или речонкой», через которую переброшен «украшенный орлами мост»²².

В отличие от посетившего болгарскую столицу всего через несколько лет Кулаковского, Амфитеатров видел ситуацию в статическом положении и потому мог заметить, что прилегающие к центральным улицам переулочки – в рытвинах, с разбитой мостовой и «напоминают заштатный город средней полосы России»^{**23}. Кулаковский писал, что в 1879 г. «София представляла странную смесь новых построек в одной части города, а другая половина была грязная, турецкая»²⁴. Но в 1899 г. он эту двойственность не упомянул, потому что, видимо, его поразила сама масштабность преобразований. А. А. В. Амфитеатрову европеизация «скорым кавалерийским наскоком» (по выражению А. Л. Шемякина²⁵) не казалась целью, оправдывающей сложности переходного периода, и он вложил в уста «местной жительницы, оболгарившейся русской» свое неприятие подобных процессов в Болгарии: «Все – как-нибудь, все – наспех, об удобстве, о комфорте, об изяществе

* Это, отметим, объясняет и отсутствие в 1887–1894 гг. каких бы то ни было серьезных корреспонденций из этой страны. Писатель Г. И. Успенский смог лишь с парохода обозреть Болгарию, хотя и желал попасть в страну (*Успенский Г. И.* «Мы» на словах, в мечтаниях и на деле // *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. 10. Кн. 2. С. 57–58).

²² *Амфитеатров А. В.* Недавние люди... С. 98.

^{**} О том, что статический взгляд был более трезв и критичен, говорят также строки из воспоминаний болгарского политического деятеля К. Тодорова, вместе с родителями переехавшего в середине 1890-х гг. из Москвы в Варну: «После Москвы жизнь в Варне выглядела серой и провинциальной даже для 6-летнего ребенка. Улицы были грязны, дом неудобен <...>. Я был очень несчастен». (*Тодоров К.* Изповедта на една луда балканска глава. София: Летописи, 1994. С. 10.)

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Московские ведомости. 1899. 8 XI.

²⁵ *Шемякин А. Л.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Индрик, 2009. С. 41.

жилья – никаких забот... Этот народ весь свой век точно торопится на поезд, и, за скорым отъездом, ему решительно все равно, в какой обстановке проведет он последние двадцать-тридцать минут»²⁶.

Однако подобный негативный взгляд на происходившие преобразования был скорее исключением, чем правилом. Публицист и общественный деятель неославистского толка Дмитрий Николаевич Вергун в 1910 г. сравнивал Софию с «невестой, хлопочущей о приданом», также считая «следы строительной горячки» и вызванную этим грязь лишь вынужденным, но временным следствием «прихорашивания» города²⁷. Для большинства русских наблюдателей строительство нового, как многими отмечено, на немецкий манер²⁸, города было доказательством прогресса, а окраины со следами турецкого владычества представлялись символом азиатской архаики. Лишь более отстраненный от переживаний за европеизацию Болгарии человек, как, например, французский посол Марсель Дюнан, мог отметить в годы Первой мировой войны, что новые кварталы Софии имели «чисто банальный вид маленькой германской резиденции», а турецкие и цыганские кварталы «сохранили свою живописность и оригинальность»²⁹. Для русских путешественников дихотомия «европейский / азиатский», приравненная к «светлый мир будущего / темный мир прошлого», оставалась довлеющим мотивом в описании Софии. Судя по изменению облика столицы, и сами болгары разделяли эту точку зрения. Она распространялась и на изображение других болгарских городов, в которых следов османской эпохи оставалось значительно больше.

В 1912 г. в связи с Первой балканской войной русские журналисты увидели и описали болгарскую провинцию. Писатель Евгений Николаевич Чириков издали любовался вторым по размеру городом страны Пловдивом: «Чистый каменистый путь, широкие и веселые улицы, с большими двухэтажными и трехэтажными домами, тип построек – немецкий». Но вблизи – пестрая толпа, «смесь европейского с азиатским» делала город оживленным и шумным, очарование сказки спадало – «издали было лучше». Город казался новым, но при этом оставались рудименты прошлой эпохи – несколько мечетей, одна из которых перестроена из старой болгарской церкви, несколько развалившихся турецких домов, турецкая

²⁶ *Амфитеатров А. В.* Недавние люди... С. 94.

²⁷ Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Београд: Архив Србије; Москва: Гл. арх. упр. г. Москвы, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А. Л. Шемякин, Мирослав Перишић [и др.]. С. 120.

²⁸ *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М.: Московское книгоиздательство, 1913. С. 135; *Паренсов П. Д.* Из прошлого... С. 400.

²⁹ *Дюнан М.* Българското лято. София: Стрелец, 1993. С. 22.

баня и приютившаяся на отвесной скале маленькая церковь. Здесь, как и в Софии, окраина разительно отличалась от центра: «За мостом через Марицу – большая старая слобода, где еще пахнет Турцией: много мечетей и грязи, а домики прячутся во дворах»³⁰.

Сотрудник газеты «Раннее утро» Николай Петрович Мамонтов, как и многие корреспонденты в 1912 г., посетил Старую Загору, где тогда находился штаб всей армии. Он отметил, что молодой город быстро растет, правильно устроены и функционируют телефон, канализация, водопровод. При этом все же «чистенький, прекрасно распланированный город» сохранял следы своей истории: «Острая игла белого минарета “джамии” теряется в соседстве с золотыми куполами новых храмов, старая баня “хаммам” неуклюже выперла на середину новой, отлично мощеной улицы и с недоумением смотрит подслеповатыми старушечьими глазами своих тусклых окошек на кипящую вокруг нее новую жизнь»³¹. Упомянувшийся Вас. И. Немирович-Данченко считал, что Старая Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом – старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят, поджав ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани³². В Ямболе по бульвару ходили свиньи, овцы, было полно рытвин, и рядом же висело объявление о рентген-кабинете, что в начале XX в. являлось новинкой. «Какой контраст!» – восклицал описавший это корреспондент «Нового времени» Александр Александрович Пиленко³³.

Как видим, для русского наблюдателя рубежа XIX–XX вв. болгарская столица являлась воплощением прогресса, и в большинстве своем очевидцы были готовы закрыть глаза на то, что прогресс пришел лишь на центральные улицы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для них европейский тип города являлся одной из ценностей нового мира, светлой эпохи веры в прогресс и развитие человечества, под которой подвела черту Первая мировая война. А все олицетворявшее турецкое наследие и «азиатчину» предстало архаикой, и следственно, в той системе ценностей, порождало негативное отношение к себе.

³⁰ Чириков Е. Н. Поездка на Балканы... С. 136–137.

³¹ Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М.: Тип. Т-ва Мамонтова, 1913. С. 51.

³² Немирович-Данченко Вас. И. С вооруженным народом... С. 51.

³³ Пиленко А. А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб.: Издание газеты «Вечернее время», 1913. С. 22.

На основе представленных травелогов можно выделить те характеристики, что превращали Софию в город европейского типа начала XX в. Наибольшее внимание уделялось дорогам и улицам. П. Д. Паренсов еще в 1880 г. считал прямые и широкие улицы залогом будущего прекрасного города³⁴, а советский писатель К. М. Симонов в 1944 г., глядя на широкие главные улицы пострадавшей от авианалетов болгарской столицы, предположил, сколь красива она была³⁵. Именно этот фактор в глазах журналистов делал Софию начала XX в. красивее Белграда, где имелись «лишь две хорошие, составляющие продолжение одна другой» улицы³⁶, да и там царила непролазная грязь³⁷. И в итоге, заключил Л. Д. Троицкий, «контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией – разителен»³⁸. Упомянутые в цитате высокие здания являются второй распространенной в травелогах характеристикой европейского города*. В качестве третьей можно выделить достижения технического прогресса – электричество, трамвай** и т. д.

Увидев эти три основные черты, русские очевидцы делали вывод, что София – европейский город в том виде, в каком его представляли в начале XX в. Они «не замечали», что болгарская столица только шла к этому идеалу, поскольку скорость и масштаб преобразований вызывали гордость у представителей русского общественного мнения, считавшего Болгарию детищем России, это чувство вытесняло признание объективной картины. Вдобавок сказывалось и то, что очевидцы являлись представителями

³⁴ Паренсов П. Д. Из прошлого... С. 68.

³⁵ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1942–1945 годы. М.: Грифон М, 2005. С. 380.

³⁶ Мартынов Е. И. Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. С. 7–8.

³⁷ Немирович-Данченко Вас. И. С вооруженным народом... С. 16–17; Троицкий Л. Перед историческим рубежом... С. 47; Чириков Е. Н. Поездка на Балканы... С. 19–20. Хотя в Софии грязь на улицах также не была редкостью. Как метко выразился, вспоминая свое детство в межвоенной Болгарии, социолог и культуролог В. Свинтила, «грязь была софийским бытом» (Свинтила В. Забравена София. София: Захарий Стоянов, 2017. С. 235.)

³⁸ Троицкий Л. Перед историческим рубежом... С. 104.

* Софийские дома производили впечатление и на советских солдат, освобождавших страну в 1944 г. Один из них вспоминал, что затем, работая в райкоме партии, не выдавал путевки в Болгарию тем, кто не посетил Ленинград, Москву или Киев, объясняя им: «...А то увидите в Болгарии трехэтажный дом и начнете восхищаться» (Гуранда Иван Афанасьевич // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/guranda-ivan-afanasevich/> (дата обращения: 15.09.2019).)

** Трамвайное сообщение было запущено в Софии только в 1901 г., в том же году началось элетрическое освещение улиц на постоянной основе (История на България. София: Анубис, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Стателова Е., Грънчаров С. С. 247). Этим обусловлено то, что данные черты повседневной жизни не упоминаются в более ранних травелогах.

городской культуры и, разделяя европейские ценности или противостоя им, имели одинаковое представление о прогрессе в рамках городского пространства и во многом подчиняли ему свое описание Софии.

Говоря о болгарях того времени, можно признать, что сам город и городская культура стали для них одной из так называемых европейских ценностей*. Отстраивая и перестраивая свою столицу, они желали доказать себе и всему миру, что они – часть Европы, а не Азии. «После проведения внешних преобразований можно было обоснованно ожидать европеизации Балкан: когда жителей и их города уже было бы нельзя отличить от других в Европе, предполагалось, что они переймут и все остальные качества, принесшие Западу благосостояние», – писал по поводу изменения облика балканских городов словенский антрополог Б. Езерник³⁹. Однако в действительности стремление быстро изменить именно внешний облик вело к прекрасным показным улицам с мостовой и соседним переулкам в рытвинах. «Витринная» европеизация не давала Балканам стать частью Европы, но, судя по гордости софиянцев за свой город и по тому, что они мирились с описанными окраинами, европейские ценности действительно постулировались и понимались. Хотя полностью и не разделялись.

Литература

Белов М. В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб.: Алетей, 2011. С. 38–65.

Велинова З., Начев И. София и балканската модерност. София: Рива, 2016.

Гусев Н. С. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной / ред. Е. Л. Валева и др. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 31–44.

Гусев Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // *Славяноведение*. 2019. № 1. С. 3–14. DOI 10.31857/S0869544X0003667-6.

Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017.

* Это их сильно отличало от соседей-сербов, где газета правящей партии называла город «гнездом иноземщины», а крестьяне на сходках заявляли: «... Не хотим людей в пальто». (*Шемякин А. Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 185–186.)

³⁹ *Езерник Б.* Дикая Европа... С. 273.

- Илчев И. Междено време. София: Колибри, 2005.
- История на България. София: Анубис, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Стателова Е., Грънчаров С.
- Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
- Митев Д. Готово ли бе българското общество в началото на ХХ век за изпитанието Балканска война – поглед от началото на ХХІ в. // Исторически преглед. 2013. № 1–2. С. 3–15.
- Младенов Ч., Димитров Е. Урбанизацията в България от Освобождението до края на Втората световна война // География. 2009. № 1. С. 13–17.
- Славова П. Метаморфози на строителния процес в следосвобожденска София (1878–1912) // Социологически проблеми. 2003. Кн. 3–4. С. 206–225.
- Станчев М., Чернявский Г. Л. Д. Троицкий, Болгария и болгары. София: Марин Дринов, 2008.
- Шемякин А. Л. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Индрик, 2009. С. 30–63.
- Шемякин А. Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 169–260.
- Шемякин А. Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.
- Шемякин А. Л. Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3. С. 21–32.

References

- Belov, M.V., 2011. Russkie puteshestvenniki i diplomaty na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka: tipologiya i evoliutsiya opisatel'nykh strategii [Russian travelers and diplomats in the Balkans in the first half of the 19th century: typology and evolution of descriptive strategies]. In: Grishina, R.P., Shemiakin, A.L., eds, 2011. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh* [Man in the Balkans through the eyes of Russians]. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 38–65.
- Ezernik, B., 2017. *Dikaia Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov* [Wild Europe. Balkans through the eyes of Western travelers]. Moscow: Lingvistika.
- Gusev, N.S., 2018. Patriarkh otechestvennoi voennoi zhurnalistiki Vas. I. Nemirovich-Danchenko i ego korrespondentsiia s Pervoi balkanskoi voiny [The Patriarch of Russian military journalism Vas. I. Nemirovich-Danchenko and his correspondence from the First Balkan war]. In: Valeva, E.L., ed., 2018. *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. K iubileiu T. V. Volokitinoi* [Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. The anniversary T. V. Volokitina]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 31–44.

- Gusev, N.S., 2019. Iuzhnye slaviane v nachale XX veka: perspektivy i slozhnosti nauchnogo podkhoda [South slavs in the early twentieth century: perspectives and complications of scholarly analysis]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 3–14. DOI 10.31857/S0869544X0003667-6.
- Ilchev, I., 2005. *Mezhdeno vreme* [Border time]. Sofia: Kolibri.
- Kagan, M.S., 1997. *Filosofskaia teoriia tsennosti* [Philosophical theory of value]. Saint Petersburg: Petropolis.
- Mitev, D., 2013. Gotovo li be bulgarskoto obshtestvo v nachaloto na XX vek za izpitanieto Balkanska voina – pogled ot nachaloto na XXI v. [Was the Bulgarian society of the early XX century ready for the test of the Balkan war – a look from the XXI century]. *Istoricheski pregled*, 1–2, pp. 3–15.
- Mladenov, Ch., Dimitrov, E., 2009. Urbanizatsiata v Bulgariia ot Osvobozhdenieto do kraia na Vtorata svetovna voina [Urbanisation in Bulgaria from Liberation to the end of World War II]. *Geografii*, 1, pp. 13–17.
- Shemiakin, A.L., 2004. Serbskoe obshchestvo poslednei treti XIX – nachala XX veka glazami russkikh nabludatelei [Serbian society of the last third of the nineteenth – early twentieth century through the eyes of Russian observers]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 21–32.
- Shemiakin, A.L., 2009. Nikola Pashich: na styke unitaristskikh i federalistskikh ustremlenii [Nikola Pasic: at the junction of Unitarian and federalist aspirations]. In: Shemiakin, A.L., ed., 2009. *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i ideia natsional'nogo gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Before and after Versailles. Political leaders and the idea of a nation-state in Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Indrik, pp. 30–63.
- Shemiakin, A.L., 2016. Osobennosti politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878–1918): mezhdru “natsional’nym idealom” i “grazhdanskim obshchestvom” [Features of the political process in independent Serbia (1878–1918): between the “national ideal” and “civil society”]. In: Shemiakin, A.L., ed., 2016. *Chelovek na Balkanakh. Osobennosti “novoi” iuzhnoslavianskoi gosudarstvennosti: Bolgariia, Serbiia, Chernogoriia, Korolevstvo SKhS v 1878–1920 gg.* [Man in the Balkans. Features of the “new” South Slavic statehood: Bulgaria, Serbia, Montenegro, the Kingdom of SCS in 1878–1920]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 169–260.
- Shemiakin, A.L., 2017. Serbskie sochineniia P.A. Rovinskogo (pervichnoe osmyslenie i perspektivy issledovaniia) [Serbian works of Pavel Rovinski (first consideration and perspectives of further research)]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 87–98.
- Slavova, P., 2003. Metamorfozi na stroitelniia protses v sledosvobozhdenska Sofia (1878–1912) [Metamorphosis of the construction process in Sofia after the liberation]. *Sotsiologicheski problemi*, 3–4, pp. 206–225.
- Stanchev, M., Cherniavskii, G., 2008. *L. D. Trotskii, Bolgariia i bolgary* [Trotsky, Bulgaria and the Bulgarians]. Sofia: Marin Drinov.
- Statelova, E., Gruncharov, S., 1999. *Istoriia na Bulgariia. Vol. 3: Istoriia na nova Bulgariia, 1878–1944* [History of Bulgaria. Vol. 3: New history of Bulgaria, 1878–1944]. Sofia: Anubis.
- Velinova, Z., Nachev, I., 2016. *Sofia i balkanskata modernost* [Sofia and Balkan modernity]. Sofia: Riva.

**ПРОЕКТ «УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ»:
ПОПЫТКА ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА
НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ НАРОДОВ
АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1917 – НАЧАЛО 1918 Г.)**

Петр Владимирович Мошечков –
кандидат исторических наук, младший научный
сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: pmoshechkov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из малоизученных явлений в истории чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны. Ее предметом является попытка ведения в конце 1917 – начале 1918 г. Чешско-Словацким национальным советом совместной политической и военной деятельности с польскими, румынскими и югославянскими организациями, действовавшими на территории бывшей Российской империи. Исторические труды по данной проблематике в большинстве случаев характеризуют руководимое Т.Г. Масариком Отделение Чешско-Словацкого национального совета для России в качестве инициатора данного сотрудничества. Однако они не освещают той роли, которую играли союзники в попытке реализации проекта. В связи с этим в работе рассмотрены позиции начальников французских военных миссий в России, Румынии и Украинской Народной Республике, генералов А.А. Нисселя, А.М. Бертелло, Ж. Табуи и британского военного представителя на Украине майора Дж. Фицвильямса относительно использования чешско-словацких, польских и иных национальных войсковых единиц для восстановления русской армии и возобновления военных действий на Восточном фронте. Проведенное исследование показало, что проект «угнетенных народов» Масарика был тесно связан с попытками союзников восстановить боеспособность русской армии. Фактически он представлял собой видоизмененный вариант плана У. Сомерсета Моэма по привлечению к участию в данном проекте расквартированных на территории бывшей Российской империи национальных войсковых формирований. Статья основана на **опубликованных документах из фондов Центрального военного архива Чешской Республики**, материалах чешско-словацкой и российской периодической печати, воспоминаниях современников.

Ключевые слова

Первая мировая война, Восточный фронт, Россия, Франция, Великобритания, Украинская Народная Республика, Чешско-Словацкий национальный совет, Чешско-Словацкий корпус

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2019 г.

THE “OPPRESSED NATIONALITIES” PROJECT AS AN ATTEMPT TO ORGANISE THE CO-OPERATION OF NATIONALIST MOVEMENTS OF THE PEOPLES OF THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE (THE SECOND HALF OF 1917 – THE BEGINNING OF 1918)

Petr V. Moshechkov

Ph.D., Junior Researcher, Institute of Slavic
Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow,
119334, Russia
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

Abstract

The article deals with one of the insufficiently explored phenomena in the history of the Czecho-Slovak nationalist movement during World War I: the Czecho-Slovak National Council's attempt to lead joint political and military activity with the Polish, Romanian and Yugoslavian organisations which operated on the territory of former Russian Empire. For the most part, historical works characterize the Russian Branch of the Czecho-Slovak National Council led by Tomáš Garrigue Masaryk as the initiator of this co-operation. However, they do not shed light upon the role which the Allied Powers played in the attempt to realise this project. This article therefore touches upon the viewpoints of the chiefs of the French military missions in Russia, Romania and the Ukrainian People's Republic (Generals Henri Albert Niessel, Henri Mathias Berthelot, and Georges Tabouis) and the British military representative in Ukraine (Major Gerald Fitzwilliams) on the use of the Czecho-Slovak, Polish and other national military units for the restoration of the Russian Army and the renewal of hostilities on the Eastern Front. This study shows that Masaryk's "oppressed nationalities" project was closely connected with the Allies' attempt to restore the military efficiency of the Russian Army. In fact, it represented a modified variant of William Somerset Maugham's plan to utilize national military units quartered on the territory of the former Russian Empire. This article is based on published documents from the collections of the Central Military Archive of the Czech Republic, material from the Czecho-Slovak and Russian periodical press, and contemporaneous memoirs.

Keywords

World War I, Eastern Front, Russia, France, Great Britain, Ukrainian People's Republic, Czecho-Slovak National Council, Czecho-Slovak Army Corps

Received 15 September 2019.

Проблема контактов между представителями чешско-словацкого движения и национальных движений иных славянских народов во время пребывания Чешско-Словацкого корпуса на территории Украины является одним из малоизученных вопросов как в истории Чехии и Словакии, так и в отечественной истории XX в. Ему посвящено довольно малое количество трудов, в которых в основном затрагивается

вопрос о сотрудничестве между ведущими деятелями чешско-словацкого заграничного сопротивления и польского национального движения, попытках совместной организации обеими сторонами набора добровольцев в формировавшиеся ими войсковые части. Наиболее показательными в данном отношении являются труды чехословацкого историка межвоенного периода Йозефа Куделы, посвященные пребыванию лидера Чешско-Словацкого национального совета Т.Г. Масарика в России в период с мая 1917 г. по март 1918 г.¹ На основании фактических данных, приведенных в его работах, проблема рассматривалась и в более поздний период – как представителями историографии Чехословацкой Социалистической Республики², так и историками-эмигрантами³. Если говорить о современной научной литературе, то здесь в первую очередь необходимо упомянуть работы польского историка Яна Висьневского⁴. В отечественной историографии сюжеты, связанные с попытками организовать чешско-польское сотрудничество в период с ноября 1917 г. по январь 1918 г., были частично затронуты в исследованиях А.Х. Клеванского и И.М. Кулинича⁵. При этом следует подчеркнуть, что, освещая происходившие на Украине события, ученые в большинстве случаев рассматривают деятельность самого Т.Г. Масарика и руководимого им Отделения Чешско-Словацкого национального совета для России. Зачастую они представляют чешско-словацкую сторону инициатором сотрудничества между действовавшими на территории бывшей Российской империи

¹ *Kudela J.* Československé a polské vojsko v Rusku // *Slovanský přehled*. 1927. Roč. XIX. Č. 7. S. 503; *Idem.* Masaryk v OČSNR na Rusi // *Naše Revoluce*. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 1–31; Sv. 2. S. 161–169; Sv. 3. S. 281–291; 1932. Roč. VIII. Sv. 3. S. 254–271; Sv. 4. S. 399–421; *Idem.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. Praha: Nákladem “Památníku Odboje”, 1923.

² *Колафа Ш.* У истоков советско-чехословацких отношений // Украинско-чехословацкие интернациональные связи: сборник научных трудов / отв. ред. Ч. Аморт, И. Н. Мельникова. Киев: Наукова думка, 1989. С. 38–67; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha: Mladá fronta, 1996. 282 s.; *Vávra J.* Klamná cesta: příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. Praha: Naše vojsko, 1958. 277 s.; *Idem.* Z Masarykovy kontrevoluční činnosti v Rusku // *Historie a vojenství*. 1954. N 1. S. 84–144.

³ См., напр.: *Fic V.M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918. Praha: Academia, 2006. Díl 1.

⁴ *Висьневский Я.* Войско Польское в Сибири во время революции и гражданской войны в России // *Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды*. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 217–259; *Idem.* Kwestia polsko-czechosłowackiej współpracy wojskowej w Rosji (listopad 1917–styczeń 1918). Koncepcje Tomáša G. Masaryka // *Dzieje Najnowsze*. 2017. Roc. XLIX. N 4. S. 75–96.

⁵ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922. М.: Наука, 1965; *Кулинич И.М.* Чешские и словацкие интернационалисты в рядах борцов за советскую власть на Украине // Украинско-чехословацкие интернациональные связи... С. 13–38.

национальными организациями народов монархии Габсбургов. В то же время в тени остается та роль, которую играли в попытке реализации этих проектов представители британской и французской военных миссий⁶.

Период конца лета – начала осени 1917 г. показал, что Россия все более и более погружалась в состояние тяжелого экономического и социально-политического кризиса. Предпринятое в июле 1917 г. на **Восточном фронте** неудачное наступление частей русской армии продемонстрировало ослабление ее военной мощи. Более очевидной становилась потеря Временным правительством контроля над внутренней ситуацией в стране⁷. Дипломатические и военные представители Великобритании и Франции всерьез начали опасаться заключения Россией сепаратного мирного договора с Центральными державами. На первый план стала выходить идея о необходимости предотвращения существовавшей после Февральской революции в России дезорганизации. Параллельно союзники начали разрабатывать планы по стабилизации положения на Восточном фронте⁸.

Эта тенденция отчетливо проявилась во время состоявшейся 25–26 июля 1917 г. Парижской конференции, в ходе которой дипломаты и военные представители западных держав Антанты обсудили вопросы, связанные с возможными способами удержания России в войне. Пристальному рассмотрению были подвергнуты и способы действий союзников в случае выхода страны из войны и заключения ею сепаратного мирного договора с Центральными державами⁹. Первостепенную важность приобрел вопрос о предотвращении дальнейшего развала русской армии и восстановлении ее боеспособности. В этой области были определены обязательства Франции, Великобритании и США. Первая должна была взять на себя реорганизацию сухопутных частей, в то время как вторая – флота. На американскую сторону возлагалось оказание помощи России в деле наведения порядка в железнодорожном сообщении¹⁰.

Одним из возможных способов воссоздания боеспособности русской армии стало предложение английских дипломатов и военных привлечь к участию в данном проекте расквартированные на территории бывшей

⁶ Исключением является монография американского историка Дж. Суэйна. См.: Swain G. The origins of the Russian Civil War. London; New York: Longman, 1996.

⁷ Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 17–20.

⁸ Niessel H. A. Le triomphe des bolchéviki et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917–1918. Paris: Plon, 1940. P. I–II; Swain G. The origins... P. 102.

⁹ Быстрова Н. Е. «Русский вопрос»... С. 16.

¹⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. Т. 5. С. 75–76.

Российской империи национальные войсковые формирования¹¹. Инициатором активных действий на данном направлении выступил писатель Уильям Сомерсет Моэм, в годы Первой мировой войны служивший агентом британской разведки. В конце августа – начале сентября 1917 г. он прибыл в Россию с миссией, первоначально имевшей частный характер. В ходе подготовки к поездке в Петроград ему удалось наладить контакты с рядом находившихся в эмиграции в США и Великобритании представителей славянских национально-освободительных движений. Среди них были члены Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС) Э. Воска и М. Р. Штефаник, а также проживавший в Лондоне польский националист Ян Городынский. Было решено, что Моэм возглавит направляющуюся из Америки в Россию группу, состоящую из четырех чешско-словацких активистов во главе с Воской. Ее основными задачами должны были стать подготовка и издание агитационных материалов по чешско-словацкому, польскому и югославянскому вопросам, а также ведение антибольшевистской пропаганды¹². По прибытии в Петроград 2 сентября 1917 г. члены данной группы основали с этой целью специальную организацию – «Бюро славянской прессы»¹³. В ее рамках предполагалось создать польский филиал, а также отдельную структуру, которая должна была объединить в своих рядах представителей казачества, поляков, чехов и словаков¹⁴.

Проект Моэма предусматривал и организацию военной стороны вопроса. Его внимание привлекло пребывание на территории бывшей Российской империи значительного количества военнопленных Центральных держав, в первую очередь чешского и словацкого происхождения. Он рассматривал их в качестве необходимого людского потенциала, могущего стать основой для формирования новой, боеспособной русской армии. Для реализации этого плана он вступил в переговоры с находившимся на тот момент в России председателем ЧСНС Т. Г. Масариком.

Предложение Моэма было одобрено британской стороной, а также поддержано французскими военными и дипломатическими представителями. Об этом косвенно свидетельствуют воспоминания генерала А. А. Нисселя, с августа 1917 г. занимавшего пост начальника французской военной миссии в России. Его путь к месту назначения из Парижа в Петроград пролегал через Лондон. Здесь Ниссель беседовал с представителями армии и флота Великобритании. Среди них были и сотрудники разведывательных

¹¹ *Swain G. The origins...* P. 103–104.

¹² *Ibid.* P. 105; *Vávra V. Z Masarykovy kontrrevoluční činnosti...* S. 88.

¹³ Англ. – Slav Press Bureau.

¹⁴ *Swain G. The origins...* P. 109.

служб – генералы Джордж Макдонноу и Джордж Кокерилл. С британскими коллегами Ниссель условился вести совместную деятельность по осуществлению контроля над уступленными союзниками России военными материалами. Кроме того, в ходе совещаний был поставлен вопрос об ограничении транспортов, предназначенных для отъезда из России «действительно могущих быть использованными» в военных действиях югославянских, чешских или эльзас-лотарингских войсковых подразделений¹⁵.

Предложения британской стороны нашли поддержку у нового военного министра Временного правительства, генерал-майора Александра Ивановича Верховского¹⁶. Намереваясь укрепить боеспособность деморализованных частей русской армии, он наметил программу ее реформирования. Во-первых, Верховский настаивал на проведении кадровых перестановок в командовании путем назначения на офицерские должности молодых военных, поддерживающих демократический путь развития России. Это вызвало бы, по его мнению, доверие солдат к новым командирам и, как следствие, привело бы к укреплению дисциплины в войсковых частях. Во-вторых, генерал считал необходимым сократить численность армии приблизительно с 12 млн до 7–8 млн человек. Для этого требовалось демобилизовать около 3–4 млн нижних чинов, сохранив при этом количество действующих на фронте дивизий. Равным образом ему представлялось необходимым расформировать ненужные тыловые учреждения, а также потерявшее военную значимость ополчение. А. И. Верховский полагал, что осуществление подобных преобразований вернет офицерам полную власть во вверенных им войсковых частях и, как следствие, поднимет дисциплину в армии¹⁷.

Кроме того, новый военный министр горячо поддержал организацию на территории бывшей Российской империи национальных войсковых частей как одного из возможных способов пробуждения патриотических чувств в армии. На данном направлении он предполагал вести работу по

¹⁵ *Niessel H. A. Le triomphe... P. VIII.* Из воспоминаний генерала следует, что о его миссии в Россию знали генеральный секретарь ЧСНС Эдвард Бенеш и назначенный на пост главы францужско-польской военной миссии в Париже генерал Луи Аршинар. Во время пребывания в Париже Ниссель беседовал с ними и обещал оказывать помощь во всех их начинаниях. См.: *Ibid.* P. VI.

¹⁶ А. И. Верховский находился на посту военного министра с 30 августа по 21 октября 1917 г. См.: *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 110–111.

¹⁷ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. С. 292; *Верховский А. И.* На трудном перевале: записки военного министра. М.: Вече, 2019. С. 364–365; *Niessel H. A. Le triomphe... P. 4, 9.*

созданию польских, украинских и иных национальных частей. Интересно отметить, что А. А. Ниссель, наладивший после приезда в Петроград тесные связи с военным министром, поддержал его планы, полагая, что это позволит сохранить боеспособность армий, сражающихся на Восточном фронте. Ввиду этого Верховский уполномочил его вести переговоры с Генеральным штабом об активизации вербовочной кампании «среди пленных эльзас-лотарингцев, поляков, чехов, румын и югославян»¹⁸.

Параллельно был разработан проект использования данных подразделений на Восточном фронте. По замыслам военных представителей союзников на территории бывшей Российской империи, украинские войсковые единицы предстояло присоединить к румынской армии, в то время как польским подразделениям и частям Чешско-Словацкого корпуса предстояло вести совместные боевые действия с концентрировавшимися на Дону казачьими формированиями. Французский и британский военные представители на Украине, генерал Ж. Табуи и майор Дж. Фицвильямс, проинформировали об этих планах генерального секретаря (министра) иностранных дел автономного правительства Украинской Народной Республики А. Я. Шульгина¹⁹.

К кампании, направленной на претворение данного проекта в жизнь, присоединился и Т. Г. Масарик. Действуя в ее рамках, 20 октября (2 ноября) 1917 г. председатель ЧСНС произнес в зале киевского Купеческого собрания речь, в которой заявил о необходимости привлечения «угнетенных» народов монархии Габсбургов к проблеме стабилизации положения на Восточном фронте²⁰. Профессор выступил с приветствием и во время заседания съезда казаков, состоявшегося в украинской столице 21 октября (3 ноября) 1917 г. В нем он заявил о солидарности чешско-словацкого движения с намерениями представителей данного сословия возродить российскую государственность и подтвердил готовность частей Чешско-Словацкого корпуса проводить совместные военные действия с казачеством²¹.

К предложенному британскими военными и дипломатами проекту был близок план, разработанный начальником французской военной миссии

¹⁸ Ibid. P. 9.

¹⁹ Swain G. The origins... P. 107.

²⁰ Řeč prof. Masaryka na slavnostní schůzi v kupeckém sále v Kijevě dne 20. října 1917 // Masaryk T. G. Válka a revoluce. Praha: Ústav T. G. Masaryka: Masarykův ústav AV ČR, 2008. Díl II: Články – memoranda – přednášky – rozhovory 1917. S. 290–296; Лекция проф. Масарика // Киевлянин. 1917. 22 X. С. 2.

²¹ Казачий слет // Киевлянин. 1917. 22 X. С. 2; Перевод обращения Т. Г. Масарика на чешский язык был опубликован в номере журнала «Ческословенски вояк» от 1 ноября 1917 г. в рубрике «Разные новости». См.: Prof. Masaryk kozákům // Československý voják. 1917. Roč. I. Č. 4. S. 14.

в Яссах генералом А. М. Бертело. Его суть заключалась в освобождении Чешско-Словацкого корпуса и сербских добровольческих частей из-под юрисдикции российского командования. Действуя совместно с частями румынской армии, данные славянские подразделения могли бы стабилизировать обстановку на Украине, образовав единый фронт. Тем самым они обеспечили бы защиту подходов к Южной России. Данный регион, по мнению Бертело, мог стать плацдармом для ведения военных действий против Центральных держав²². Правительство Третьей республики заинтересовалось этим планом и направило Т. Г. Масарику приглашение принять участие в его реализации²³.

Однако председатель ЧСНС не был столь оптимистичен, как настаивавшие на проведении в жизнь плана сотрудничества чешско-словацких и иных славянских частей с казачьими или румынскими войсковыми частями британские и французские дипломаты и военные круги. В ходе поездки в Румынию, совершенной 20–27 декабря 1917 г., он окончательно понял всю утопичность подобного плана. Претворение проекта А. М. Бертело в жизнь представлялось председателю ЧСНС нежелательным по следующим соображениям. Во-первых, румынская сторона была неспособна взять на себя ответственность за организацию снабжения частей корпуса, ввиду полной зависимости страны от поставок продовольствия из России. Масарик не исключал возможность того, что новое российское правительство пойдет на подписание мирного договора с Центральными державами и, как следствие, прекратит снабжать Румынию продовольствием. Во-вторых, деморализация расположенных на территории страны русских войск под командованием генерала Д. Г. Щербачева ставила под вопрос возможность оказания на Румынском фронте серьезного сопротивления неприятелю. В целом из поездки Масарик «вынес впечатление, что Румыния вряд ли будет продолжать войну по заключении мира Украиной и Россией»²⁴. Он прекрасно понимал, что в случае крупномасштабного немецко-австрийского наступления частям румынской армии и Чешско-Словацкого корпуса пришлось бы отступить на территорию России. В том случае, если бы правительство последней заключило сепаратный мир

²² *Fic V.M. Československé legie... Díl 1. S. 230–231; Tabouis G. Comment je devins commissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs // Праці українського наукового інституту. Варшава: б. и., 1932. Т. 8: Спогаді. С. 149.*

²³ *Масарик Т. Г. Мировая революция. В 2 т. Прага: Орбис, 1926. Т. 1. С. 209; Fic V.M. Československé legie... Díl 1. S. 233.*

²⁴ Конспект докладной записки председателя ЧСН Совета Т. Г. Масарики о чехословацком войске и военнопленных // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / сост. А. Р. Ефименко и др. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. № 18. С. 60.

с Центральными державами, предложенный А. М. Бертело план терял всякий смысл²⁵.

Не представлялся Т. Г. Масарику целесообразным и проект совместных действий Чешско-Словацкого корпуса с частями формируемой на Дону генералами М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым и А. М. Калединым Добровольческой армии. Вероятность того, что им удастся собрать значительное количество добровольцев и организовать из них крупное боеспособное подразделение, была крайне невелика²⁶.

В сложившейся ситуации председатель ЧСНС принял решение обратиться к так называемой концепции «угнетенных народов». Основным плацдармом для реализации на практике предлагаемой им стратегии должна была стать территория Украинской Народной Республики (УНР). По своей сути предложенный им план являлся видоизмененным вариантом плана У. Сомерсета Моэма. Ключевой составляющей рассматриваемого Масариком предприятия был тезис о необходимости присутствия на территории Украины войсковых единиц, формируемых из представителей народов-подданных монархии Габсбургов. Оставалось лишь определить масштаб той помощи, которую они могли бы оказать в деле формирования русской армии²⁷.

Следует отметить, что именно этот проект положил начало тесному сотрудничеству между пребывавшими на тот момент на территории Украины представителями чешско-словацкого и польского национального движений. В конце ноября – начале декабря 1917 г. представители польской и чешско-словацкой сторон организовали в помещении Чешско-словацкого кредитного учреждения в Киеве совместное собрание. Его основной целью стала демонстрация взаимной дружбы, а также политической и культурной общности двух народов. В качестве основных докладчиков выступили Т. Г. Масарик и крупный деятель Польской национально-демократической партии профессор Станислав Грабский²⁸. Участники встречи выразили согласие с предложенным лидером ЧСНС проектом. На собрании было принято решение о проведении в Киеве крупной публичной акции всех «угнетенных» народов дуалистической монархии.

²⁵ Директива Т. Г. Масарика Чешско-Словацкому корпусу «на период нынешнего кризиса» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / сост. К. А. Абрамян, А. Р. Ефименко, З. С. Ненашева, Н. С. Тархова и др. М.: Новалис, 2013. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. № 481. С. 878–879; *Masaryk T. G.* Мировая революция. Т. 1. С. 210–211.

²⁶ *Swain G.* The origins... P. 111–112.

²⁷ *Ibid.* P. 113; *Projev na schůzi o česko-polské spolupráci // Masaryk T. G.* Válka a revoluce. Díl 2: Články – memoranda – přednášky – rozhovory 1917. Praha, 2008. S. 311–313.

²⁸ *Kudela J.* Československé a polské vojsko v Rusku // *Slovanský přehled.* 1927. Roč. IX. Č. 7. S. 503.

Для организации этой манифестации был образован специальный подготовительный комитет. В его состав вошли не только чехи, словаки и поляки, но и представители югославян и румын. За день до собрания к нему присоединились и австро-венгерские украинцы.

Сам митинг состоялся вечером 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Местом его проведения стала арена городского цирка. Руководителем митинга был избран заместитель председателя ОЧНС Прокоп Макса. Большинство среди его участников составляли военнослужащие Чешско-Словацкого корпуса, военнопленные чехи и словаки. Присутствовали на мероприятии и представители правительственных учреждений УНР и местных общественных организаций. В конце митинга была принята совместная резолюция. В ней содержался призыв заложить основы для сотрудничества между малыми народами в борьбе против Центральных держав²⁹.

Уже после завершения манифестации было решено приступить к практическим шагам. Первым из них стало превращение 13 декабря 1917 г. комитета во главе с П. Максой в Совецательную комиссию народов, угнетенных немецким и австро-венгерским империализмом³⁰. Ее целью стала организация общих действий в политической, экономической, военной и культурной сферах³¹. В состав комиссии вошли представители четырех национальных организаций: Чешско-Словацкого национального совета, Польского совета межпартийного объединения, Румынской вербовочной комиссии в Киеве и Центрального Югославянского комитета. Устав вновь образованной организации предполагал принятие в ее состав представителей иных народов, симпатизирующих деятельности комитета³².

Политика пришедших к власти в России и на Украине новых правительств, стремящихся к заключению сепаратного мира с Центральными державами, показала членам Совецательной комиссии необходимость координации действий между различными национальными войсковыми частями, дислоцированными на территории Украины. Основным направлением ее деятельности стала попытка налаживания систематического, в том числе и военного, сотрудничества между малыми народами Центральной Европы. Были сделаны попытки провести совместный набор чешских, словацких, польских и румынских добровольцев. В частности, чешско-словацкие эмиссары получили право проводить набор волонтеров

²⁹ Митинг народов // *Československý denník*. 1917. 5 XII. S. 2; *Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi / za vrchní red. br. R. Medka*. Praha: Nákladem vlastním, 1924. Kn. 2. Díl III: Pod vedením prof. T. G. Masaryka. S. 641–642.

³⁰ *Za svobodu...* Kn. 2. S. 646.

³¹ *Ibidem*; *Kudela J. Profesor Masaryk...* S. 157–158.

³² *Ibid.* S. 158; *Za svobodu...* Kn. 2. S. 646.

среди польских военнопленных. В свою очередь, вербовщики-поляки снабжались соответствующими чешско-словацкими удостоверениями³³.

Сотрудничество между чешско-словацкой и польской сторонами продолжилось после того, как в Москве по настоянию секретаря Польского совета межпартийного объединения К. Лютославского была предпринята попытка создания Союза народов Центральной Европы. Поляки обратились к руководству ОЧСНС с просьбой оказать помощь в проведении пропаганды среди своих соотечественников. Кроме того, был затронут и вопрос о статусе польских и чешско-словацких делегатов на будущей мирной конференции. Следовало подготовиться к тому, чтобы на ней один и тот же делегат от чешско-словацкой или польской стороны мог бы отстаивать интересы обоих народов. Это было важно, особенно в том случае, если бы по каким-либо причинам на ней оказался представитель лишь одного из них³⁴.

Проект «угнетенных народов» Т. Г. Масарика был одобрен французским правительством, которое стало настаивать на его скорейшей реализации. Получив такую поддержку, Ж. Табуи рассматривал возможность отправки на западное крыло Румынского фронта чешско-словацких и польских частей³⁵. В ходе проведенных 5 января 1918 г. переговоров с генеральным секретарем (министром) иностранных дел УНР А. Я. Шульгиным он предложил украинской стороне незамедлительную военную помощь с привлечением чешско-словацких, польских и румынских войсковых единиц. Для реализации данной акции французский военный представитель от имени правительства Третьей республики пообещал предоставить крупный заем на сумму около 50 млн рублей, организовать снабжение войск военным снаряжением и оказать дипломатическую поддержку. Командовать объединенными чешско-словацко-польскими вооруженными силами предполагалось назначить французского генерала Лафона. Было высказано намерение образовать в Киеве совместный чешско-польский штаб. Несколькими днями ранее, 2 января 1918 г., ответственный за военную помощь Украине полковник Ванье предложил военной комиссии

³³ *Kudela J. Profesor Masaryk... S. 159.*

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ К концу 1917 – началу 1918 г. на территории России было дислоцировано три польских корпуса. Первый корпус, под командованием генерала Юзефа Довбор-Мусницкого, находился в Белоруссии, в районе Бобруйска. Два других были расквартированы на Украине и находились в состоянии формирования. Командование ими осуществляли: Вторым – генералы Ян Станкевич и Ю. Галлер, Третьим – Евгений Михайлович Михаэлис де Хеннинг. См.: *Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 годах // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 201–202.*

при Отделении ЧСНС для России организовать и объединенный чешско-словацко-польско-украинский совет по снабжению национальных частей продовольствием и снаряжением. Французский офицер сообщил, что по данному вопросу им уже были проведены переговоры с правительством УНР. Основной целью создания этой структуры была координация действий по обеспечению продовольствием и снаряжением³⁶.

Поддержка военными представителями Третьей республики инициативы Т. Г. Масариком и его коллегами по ОЧСНС проекта по сближению «угнетенных народов» Австро-Венгрии стала кульминацией их стремления возобновить военные действия на Восточном фронте. Однако после неудачных попыток союзников привлечь УНР на свою сторону данный проект потерял всякую значимость. Принятие Центральной Радой 9 (22) января 1918 г. IV Универсала, провозгласившего Украинскую Народную Республику независимым государством, и подписание 27 января (9 февраля) 1918 г. в Брест-Литовске украинской делегацией сепаратного мирного договора с Центральными державами стали последними событиями, обозначившими провал планов Масарика по реорганизации русской армии.

Последняя попытка возобновления военных действий на Восточном фронте представителями «угнетенных» народов Габсбургской монархии, пусть даже без участия украинской стороны, была предпринята в конце января 1918 г. чешско-словацкими и польскими частями. Инициатором данной идеи был командующий дислоцированного на Украине III Польского армейского корпуса, генерал-лейтенант Е. М. Михаэлис де Хеннинг. Поляки издали приказ, согласно которому их формирования предполагалось сосредоточить в районе Умани. Таким образом, мог появиться своеобразный «мост» между Румынским фронтом и местом дислокации Чешско-Словацкого корпуса. Основную роль должен был играть I Польский корпус генерала Ю. Довбор-Мусницкого. Его предполагалось перебросить в регион из Белоруссии. Чешско-словацким войсковым единицам было предписано выйти навстречу продвигающимся на Украину польским частям и осуществить захват ключевых железнодорожных станций. Исполняя данную директиву, в начале февраля 1918 г. чешско-словацкие части были размещены на линии Житомир – Бердичев – Казатин с целью установления контроля над железнодорожными магистралями на подходах к Киеву. Однако рассчитывать на помощь со стороны поляков чехи и словаки не могли. В конце января – начале февраля 1918 г. подразделения I Польского корпуса вступили в столкновение с большевистскими частями, понеся

³⁶ *Fic V.M. Československé legie... Díl 1. S. 243–244.*

серьезные потери в личном составе. В мае 1918 г. его командующий был вынужден подписать с немецкими военными представителями протокол о постепенном разоружении и расформировании корпуса. Его демобилизация была проведена с 27 мая по 7 июня 1918 г.³⁷

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод. Разработанный Т. Г. Масариком проект «угнетенных народов» и все предпринятые в его рамках акции были тесно связаны с планами союзников по восстановлению боеспособности русской армии. Основной причиной потери им актуальности стала нестабильная политическая ситуация в Украинской Народной Республике, которую Т. Г. Масарик и военные представители союзников рассматривали в качестве одного из возможных участников проекта. Стремление украинского правительства к ведению мирных переговоров с блоком Центральных держав о сепаратном мире вынудило чешскую сторону отказаться от реализации своих замыслов. Заключение сепаратного мира фактически сделало недействительным предложенный председателем ЧСНС и поддержанный союзниками план по использованию Украины в качестве плацдарма для восстановления русской армии и возобновления военных действий на Восточном фронте. Такое положение дел было невыгодно Отделению ЧСНС для России. Ключевым элементом его деятельности было стремление сохранить целостность Чешско-Словацкого корпуса как боеспособной войсковой единицы, не допустить его деморализации. Единственным приемлемым решением в сложившейся ситуации могла стать лишь отправка данного формирования на Западный фронт. 14 (27) января 1918 г. во время встречи глав военных миссий союзников в Киеве Т. Г. Масарик заявил о своем намерении признать Чешско-Словацкий корпус автономной частью формируемой на территории Франции Чешско-Словацкой армии. Представители стран Антанты выразили свое согласие с данным предложением. 25 января (7 февраля) 1918 г. во время 29-го заседания Президиума ОЧСНС для России Масариком и его коллегами был одобрен и подписан текст соответствующего заявления³⁸. 20 февраля начался процесс вывода частей корпуса с мест их прежней дислокации и их отъезда с территории Украины³⁹.

³⁷ Kudela J. Československé a polské vojsko v Rusku. S. 505; Niessel H. A. Le triomphe des bolchéviks... P. 265–268.

³⁸ Prohlašení // Československý deník. 1918. Č. 15. S. 1.

³⁹ Серапионова Е. П. Чехословацкий корпус в России (1918–1920) // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 2. С. 8.

Литература

- Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917–начале 1920 гг.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель: АСТ, 2003.
- Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922. М.: Наука, 1965.
- Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Сератионова Е.П.* Чехословацкий корпус в России (1918–1920) // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 / сост. А. Р. Ефименко и др. М.: Кучково поле, 2018. С. 5–28.
- Украинско-чехословацкие интернациональные связи: сборник научных трудов / отв. ред. Ч. Аморт, И. Н. Мельникова. Киев: Наукова думка, 1989.
- Fic V.M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918. Díl 1. Praha: Academia, 2006.
- Kudela J.* Československé a polské vojsko v Rusku // Slovánský přehled. 1927. Roč. XIX. Č. 7. S. 497–516.
- Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi // Naše Revoluce. 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 1–31; Sv. 2. S. 161–169; Sv. 3. S. 281–291; 1932. Roč. VIII. Sv. 3. S. 254–271; Sv. 4. S. 399–421.
- Kudela J.* Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. Praha: Nákladem “Památníku Odboje”, 1923.
- Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha: Mladá fronta, 1996.
- Swain G.* The origins of the Russian Civil War. London; New York: Longman, 1996.
- Vávra V.* Klamná cesta: příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. Praha: Naše vojsko, 1958.
- Vávra V.* Z Masarykovy kontrevoluční činnosti v Rusku // Historie a vojenství. 1954. N 1. S. 84–144.
- Wiśniewski J.* Kwestia polsko-czechosłowackiej współpracy wojskowej w Rosji (listopad 1917 – styczeń 1918). Koncepcje Tomáša G. Masaryka // Dzieje Najnowsze. 2017. Roc. XLIX. N 4. S. 75–96.
- Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. Praha: Nákladem vlastním, 1924. Kn. 2. Díl III: Pod vedením prof. T. G. Masaryka / za vrchní red. br. R. Medka.

References

- Amort, Ch., Mel'nikova, I.N., eds, 1989. *Ukrainsko-chechoslovatskie internatsional'nye svyazi: sbornik nauchnykh trudov* [The Ukrainian-Czechoslovak international relations: the collection of scientific papers]. Kiev: Naukova dumka.
- Bystrova, N.E., 2016. "Russkii vopros" v 1917–nachale 1920 gg.: *Sovetskaia Rossiia i velikie derzhavy* [The "Russian question" in 1917 – early 1920: Soviet Russian and the great powers]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Fic, V.M., 2006. *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918*. Díl 1. Praha: Academia.
- Klevanskii, A.Kh., 1965. *Chechoslovatskie internatsionalisty i prodannyi korpus. Chechoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniia v Rossii, 1914–1922 gg.* [Czechoslovak internationalists and the betrayed corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia]. Moscow: Nauka.
- Kudela, J., 1923. *Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi*. Praha: Nákladem "Památníku Odboje".
- Kudela, J., 1927. Československé a polské vojsko v Rusku. *Slovanský přehled*, XIX, 7, pp. 497–516.
- Kudela, J., 1931–1932. Masaryk v OČSNR na Rusi. *Naše Revoluce*, VII, 1, pp. 1–31; 2, pp. 161–169; 3, pp. 281–291; VIII, 3, pp. 254–271; 4, pp. 399–421.
- Medek, R., ed., 1924. *Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. Kn. 2. Díl III: Pod vedením prof. T. G. Masaryka*. Praha: Nákladem vlastním.
- Pichlík, K., Klípa, B., Zabloudilová, J., 1996. *Českoslovenští legionáři (1914–1920)*. Praha: Mladá fronta.
- Serapionova, E.P., 2018. Chechoslovatskii korpus v Rossii (1918–1920) [Czechoslovak Army corps in Russia (1918–1920)]. In: Efimenko, A.R., et al., eds, 2018. *Cheshsko-Slovatskii (Chechoslovatskii) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. T. 2: Chechoslovatskie legiony i Grazhdanskaia voina v Rossii. 1918–1920* [Czechoslovak (Czechoslovak) Army corps. 1914–1920. Documents and materials. Vol. 2. Czechoslovak legions and the Civil War in Russia. 1918–1920]. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 5–28.
- Swain, G., 1996. *The origins of the Russian Civil War*. London; New York: Longman.
- Vávra, V., 1954. Z Masarykovy kontrerevoluční činnosti v Rusku. *Historie a vojenství*, 1, pp. 84–144.
- Vávra, V., 1958. *Klamná cesta: příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií*. Praha: Naše vojsko.
- Volos, M., Orekhov, A., eds, 2009. *Revoliutsionnaia Rossiia i pol'skii vopros: novye istochniki, novye vzgliady* [Revolutionary Russia and the Polish Question: new sources, new views]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Wiśniewski, J., 2017. Kwestia polsko-czechosłowackiej współpracy wojskowej w Rosji (listopad 1917–styczeń 1918). *Koncepcje Tomáša G. Masaryka. Dzieje Najnowsze*, XLIX, 4, pp. 75–96.
- Zaleskii, K.A., 2003. *Kto byl kto v Pervoi mirovoi voine* [Who was who in the World War I]. Moscow: Astrel': AST.

Д. И. ЧИЖЕВСКИЙ ОБ УКРАИНСКО-РУССКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Элла Григорьевна Задорожнюк –
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник, заведующая отделом современной
истории стран Центральной и Юго-Восточной
Европы, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: elzador46@mail.ru

Аннотация

Рассматривается творчество Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), именуемого «Нестором славистики», его филологическая и философская полномасштабность. Ему присуща ориентированность на культурное единение народов – славянского ареала, Европы в целом, всего мира. Чижевский подчеркивал безальтернативность культурного единения в любое историческое время для каждого из народов. Анализируется содержание двух его фундаментальных трудов, в значительной мере затрагивающих проблематику украинско-русского межкультурного взаимодействия: работы по истории украинской литературы и по рецепции философии Гегеля представителями славянских народов. Отмечено, что Чижевский с большим вниманием относился к проявлениям русской общественной мысли. Он считал, что идущая от Г. Сковороды линия на «кардоцентричность» (сосредоточенность не только на ходах мысли, но и движениях сердца), переданная «малороссом» П. Юркевичем своему ученику В. Соловьеву, приемлема и для русского философствования в будущем. На некоторых участках нынешней духовной жизни «бои за Чижевского» не только продолжаются, но и интенсифицируются, хотя надо не столько сражаться за него, сколько изучать его наследие в сфере славистики. Чижевский строго научно доказывал: эволюция «духа» любой славянской нации непредставима без учета его общеславянских и общеевропейских связей, для него плодотворная дифференциация и взаимное оценивание культур идут через расшифровку кода одной из них путем креативной сочетаемости с кодами других. 125-летний юбилей Д. И. Чижевского напоминает, что он как великий ученый-славист политичен лишь в выявлении продуктивности межкультурных связей.

Ключевые слова

Культурное единение народов, славянский мир, межкультурное взаимодействие, «маятник Чижевского», германославика, «кардоцентричность»

Статья поступила в редакцию 28 марта 2019 г.

DMITRY I. CHIZHEVSKY ABOUT THE UKRAINIAN-RUSSIAN CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS (TO THE 125TH ANNIVERSARY SINCE HIS BIRTH)

Ella G. Zadorozhnyuk

D. Sc., Lead Researcher, Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: elzador46@mail.ru

Abstract

The full philological and philosophical impact of the work of Dmitry Ivanovich Chizhevsky, sometimes called the “Nestor of Slavic studies”, is considered in this work. His work is characterised by a focus on the cultural unity of peoples – the Slavic area, Europe as a whole, and the whole world. Chizhevsky emphasised the lack of alternative cultural unity at any historical time for any of these peoples. The contents of two of his most important works that reference perspectives on Ukrainian-Russian cross-cultural interaction are analysed: his works on the history of Ukrainian literature and on the reception of Hegel’s philosophy by representatives of the Slavic people. It is noted that Chizhevsky was very attentive to manifestations of Russian social thought. He considered that the “cardiocentric” philosophy (focusing not only on lines of thought, but also on movements of the heart), which started with Grigory Skovoroda and was transferred by “little Russian” Pamfil Yurkevich to his apprentice Vladimir Solovyov, was acceptable for Russian philosophizing in the future. In some areas of current spiritual life, “fights for Chizhevsky” not only continue, but are intensifying, although it is not battling for him that is needed, but studying his heritage in the sphere of Slavic philology. Chizhevsky strictly scientifically proved: the evolution of the “spirit” of any Slavic nation is not possible without consideration of all its Slavic and European ties; for him, fruitful differentiation and mutual evaluation of cultures requires that the code of one culture needs to be interpreted by comparison with others. On his 125th anniversary, Dmitry I. Chizhevsky reminds us that he, as a great Slavic scholar, was “political” only in the identification of the importance of cross-cultural communications.

Keywords

Cultural unification of the people, Slavic world, cross-cultural interaction, “Chizhevsky’s pendulum”, Germanic and Slavic studies, “cardiocentricity”

Received 28 March 2019.

Творчеству Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), именуемого «Нестором славистики», масштаб научной деятельности которого раскрывается лишь в настоящее время, присуща ориентированность на культурное единение народов славянского ареала, Европы в целом и всего мира. Вынужденная фрагментарность многих его трудов, детерминируемая

во многом бездомностью мыслителя, только четче очерчивает широту его разработок в сфере, в первую очередь, славистики и славянского мира в целом. В том, что рассмотрение его творчества важно особенно сегодня, – в частности, с учетом непростых отношений между Украиной и Россией – убеждать не приходится. Чижевский, на личной судьбе испытавший последствия многих подобного рода разломов, включая разлом между германским и славянским мирами, все же был убежден в безальтернативности культурного единения народов в любые исторические времена.

Судя по его биографии, Чижевский должен был стать ярким антагонистом русскости, принявшей форму советскости, в очень многих точках своего жизненного пути и социально-политической траектории. Родился он 125 лет тому назад, 23 марта (4 апреля) 1894 г. в городе Александрии Херсонской губернии (умер 18 апреля 1977 г. в ФРГ, в Гейдельберге). Его отец был по происхождению польским шляхтичем, но проявлял склонность к русскому народничеству, мать – русская дворянка, не разделявшая взглядов мужа, учившаяся живописи у И. Е. Репина. Но мало кто из мыслителей XX в. сделал столь много для украинистики («украинознания»). А поскольку все его исследования поистине академичны, они по самой своей сути не могли игнорировать факторы историко-культурных связей Украины и России в контекстах всего славянского мира.

Замечу, что выражение «Чижевский и славянский мир», как отражающее широту и глубину его разработок в области славистики, так и утверждающее богатую продуктивность культурных связей между славянскими народами, чаще используется украинскими историками-славистами – И. Валявко, И. Федорив, О. Блажкив и Р. Мнихом¹ (двое последних работают в Польше), которые отметили, что дружба Чижевского со многими деятелями русской культуры строилась на их общей любви к Ф. Тютчеву и интересе к творчеству Ф. Достоевского. Многие сюжеты, связанные с наследием Чижевского, разрабатывались специалистами Института славяноведения РАН (Л. А. Софроновой, Г. П. Мельниковым, А. В. Липатовым и др.), однако в наши дни, на новом историческом витке

¹ *Валявко І.* Дмитро Іванович Чижевський: біографічний нарис // Дмитро Іванович Чижевський і його сучасники. Листи, спогади / ред. І. Валявко, О. Чуднов, В. Янцен. Кіровоград: Imeks-LTD, 2013. С. 23–88; *Федорів І.* Внесок Дмитра Чижевського у розвиток європейського слов'янознавства // Україна–Європа–Світ. Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини / гол. ред. Л. М. Алексієвцев. Тернопіль: ТНПУ, 2013. Вип. 12. С. 123–137. [online]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ues_2013_12_16 (дата обращения: 11.06.2018); *Blashkiv O., Mnich R.* Дмитрий Чижевский versus Роман Якобсон // *Opuscula Slavica Sedlcensia.* / Ed. R. Bobryk. Siedlce T. VI., 2016. URL: <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1378/Opuscula-VI-29.11-1.pdf?sequence=1> (дата обращения: 13.11.2018).

развития двух славянских государств, многие наработки Чижевского в плане украинско-русского межкультурного взаимодействия приобретают повышенную актуальность.

Чижевский в 1918 г. избирался от общероссийской фракции меньшевиков в Центральную Раду, и его кандидатура рассматривалась на пост министра труда в украинском правительстве. Вместе с тем в начале 1918 г. он голосовал в Центральной Раде против полной независимости Украины, придерживаясь позиций федерализма. После ряда скитаний по Украине он отошел от установок и на политизированное украинство, и на меньшевизм, поставив на первое место академические исследования. Чижевский начал изучать корни украинской культуры, не создав поначалу научной школы, но повлияв на практически всех ученых-украинистов.

Отношения Чижевского с украинской диаспорой в любой из стран его пребывания были крайне непростыми. Некоторые соотечественники признавали его заслуги; он переписывался с ними, даже с разделявшими националистические идеи. Другие упрекали его в космополитизме и отсутствии национально-патриотических чувств. «Интересно, что в то время, как определенные круги украинской диаспоры критиковали работы Чижевского за отсутствие четкой национальной позиции, советские ученые видели в нем украинского националиста, который постоянно стремился продемонстрировать приоритет украинской культуры над русской, и, в свою очередь, критиковали его за это»². Современный американский славист и востоковед О. Прицак в воспоминаниях писал: «К тем, кто старался переубедить молодежь, обращаясь к проблемам духовной истории, принадлежал и Дмитрий Чижевский. Поэтому его имя попало в список врагов украинского национального движения»³. Но это, по мнению ученого, и была лучшая служба «украинству».

Будучи студентом историко-филологического факультета Киевского университета (учебу он начинал в Петербургском университете, причем на естественном факультете), Чижевский разделял идеи меньшевиков, что, кстати говоря, помогло ему избежать расстрела большевиками за поддержку правительства П. Скоропадского.

В 1921 г. Чижевский нелегально пересек польскую границу, с теми же проклятиями «советскости», вынудившими его свернуть преподавательскую деятельность в женской гимназии в Киеве. После Польши – Чехословакия,

² *Валявко І.* Інтелектуальна біографія Дмитра Чижевського: спроба наукової ретроспективи // *Чижевський Д.* Філософські твори у 4-х тт. Київ: Смолскип, 2005. Т. 1. С. XXIX–XXX.

³ *Чижевський Д. І.* Избранное. В 3 Т. Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена, И. Валявко, В. Кортхаазе. М.: Библиотека-фонд Русское Зарубежье; Русский путь, 2007. Т. 1. С. 339.

где он стал членом Пражского лингвистического кружка и профессором Украинского педагогического университета им. М. Драгоманова – во многом равновеликого ему ученого. В Праге Чижевский издал книги: «Філософія на Україні» (1926); «Г. С. Сковорода и немецкая мистика» (1929); «Нариси з історії філософії на Україні» (1931) (ключевое слово уже без мягкого знака); статьи по творчеству Достоевского: «К проблеме “Двойника”» (1931) и «Достоевский-психолог» (1932). В Праге же в военные годы вышла его «Історія української літератури» (1942; неоднократно переиздавалась на украинском языке).

В Германии Чижевский постоянно расширял поле своих исследований. Его научные интересы затрагивали сюжеты истории и культуры всех славянских народов: он заслуженно получил в профессиональной среде уже упомянутый титул «Нестора славистики», разработал предметную область, обозначенную им как «германославика», освещая немецкое влияние на славянские культуры и наоборот. С конца 1920-х и до конца 1940-х годов Чижевский преподавал в немецких университетах, будучи, в частности, сослуживцем М. Фасмера, создававшего этимологический словарь русского языка. К национал-социализму относился сдержанно и даже подвергался ограничениям в академической деятельности в сфере германославистики, в частности, из-за своей жены-еврейки, эмигрировавшей в США. Парадоксально, однако, что в 1949 г. он по доносу немецких коллег был обвинен оккупационными властями в сочувствии коммунизму. Больше абсурдности трудно придумать: Чижевский ведь нелегально покинул свою родину, а его труды там были преданы почти полному забвению. С 1949 по 1956 г. Чижевский работал в Гарвардском университете, после чего вернулся в Германию.

В чем же заключается главная особенность работ Чижевского по украинско-русскому межкультурному взаимодействию? В том, что, приступая к анализу любой проблемы указанного взаимодействия и комплексно описывая каждый феномен, он абстрагировался от тех политических противоречий, которые не позволяли выяснить всю полноту этих связей. Это касается и роли русской культуры в становлении не только художника, но и поэта Т. Шевченко, и анализа специфики творчества Н. Гоголя, и комплексного описания феноменов барокко (прежде чем стать нарицательным, оно именовалось украинским), и рецепции взглядов Гегеля отечественными мыслителями в России и на Украине. Одновременно подчеркивалось и место этих связей в широком поле связей межславянских, да и общеевропейских.

В научно корректной вводной статье к четырехтомнику его работ на украинском языке отмечалось, что часть украинской диаспоры, которая

считала главной первоочередную пропаганду украинской культуры, с осуждением воспринимала некоторые работы Чижевского, направленные на исследование русской духовной жизни, упрекая его в космополитизме и отсутствии национально-патриотических чувств.

Чижевскому принадлежит заслуга создания двух фундаментальных трудов, в значительной мере затрагивающих проблематику украинско-русского межкультурного взаимодействия в очень широком контексте. Первый – работа по истории украинской литературы, лишь в последнее время привлекавшая внимание отечественных исследователей. Вторым – по рецепции философии Гегеля представителями двух крупнейших славянских народов – более известен. Этот труд представляется славистическим исследованием, поскольку Чижевский анализировал не только рецепцию Гегеля отечественными мыслителями, но и ее широкие культурные импликации.

Прежде чем рассматривать историю украинской литературы Чижевского в ракурсе ее межкультурных связей, отмечу его методологическое новшество, значимое для многих славистических разработок и сегодня.

Известно, что однофамилец Д. И. Чижевского Александр Леонидович изобрел «люстру Чижевского» – прибор для ионизации воздуха. Дмитрий Иванович, в свою очередь, ввел в литературоведение и искусствоведение понятие «маятник Чижевского», объясняющее феномен чередования типов или стилей культуры после Ренессанса. При этом если к «объективным» стилям он относил классицизм и реализм, то к «субъективным» – барокко, романтизм и модернизм. Эвристический потенциал «маятника», в первую очередь, в славистических исследованиях, далеко не исчерпан.

Одна из ключевых тем на поле межкультурных украинско-российских, всеславянских и общеевропейских связей – барокко. Этот стиль изучался Чижевским особо пристально; некоторые друзья и коллеги даже считали его самого «барочным мыслителем», подразумевая при этом грандиозность его научных замыслов при тщательной отделке их деталей. Важнее другое: Чижевский выявил моменты взаимообогащения барочных мотивов в двух культурах, при этом именно «малороссы» писали пышные барочные творения, перебираясь в церкви Петербурга и Москвы, а также во многие монастыри по всей России.

Если вспомнить концепт «маятника Чижевского», то именно ему принадлежит наиболее тщательное рассмотрение одного из его колебаний в сторону барокко. На это обращали внимание практически все исследующие творчество Чижевского историки-слависты, в первую очередь чешские. Отечественные же исследователи подчеркивали, что проанализированная

преемственность украинских и русских барочных мотивов открывает новую перспективу анализа циркуляции культурных потоков в целом.

Примечателен и комментарий Чижевского: он утверждал, что именно на его работы по барокко украинские и российские исследователи не обращали внимания – причем не столько жаловался на это, сколько констатировал данный удручающий, по его мнению, для славистических исследований факт. Его демонстративный отказ сделать доклад на международной встрече славистов в Праге в августе 1968 г. был связан как раз с проблематикой общеславянского барокко.

Чижевским написано не менее десяти трудов о Г. Сковороде, интерес к творчеству которого не угасал на протяжении всей жизни исследователя. Примечательно, что предок слависта П. Чижевский был отобран в хор для императрицы Елизаветы, и вполне возможно, что там он встречался со Сковородой.

Детально исследуя его поэтическое творчество, Чижевский идентифицировал поэта и мыслителя XVIII в. как носителя барочного начала и предромантизма. Особо выделялась его установка на кардоцентричность – убеждение, что в поисках истины нужна сосредоточенность не только на логике, но и на движениях сердца; позже Чижевский выявил ее значимость в трудах П. Юркевича, начиная с его работы «Сердце и его значение в духовной жизни человека»⁴.

Постоянно подчеркивалось Чижевским, что творения «малороссийского старчика» о метафизике сердца были понятны и «великороссам». Правда, одним из первых, считал Чижевский, на ее место в целостном творчестве Сковороды обратил внимание В. Эрн, русский философ с немецкими этническими корнями. Примечательно, что один из последних творческих замыслов Чижевского сводился к анализу творчества Андрея Белого, в частности, его романа «Петербург», главный герой которого нашел наконец-то умиротворяющие его мысли как раз в творениях Сковороды.

Столь же «деликатен» Чижевский и в пунктах пересечения различных мыслеформ. Возьмем, к примеру, его блистательный доклад «Г. С. Сковорода и немецкая мистика», извлечения из которого были опубликованы в 1929 г. в русскоязычном издании⁵. В нем демонстрируется, что тот же кардоцентризм присущ таким немецким мистикам, как Себастьян Франк (1499–1552) и Яков Бёме (1575–1624), а мистическое начало «сумрачного германского гения» отыскивается в мыслях украинского «старчика» (как

⁴ См.: Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 69–103.

⁵ См.: Русский народный университет. Научные труды. Прага: Русский институт, 1929. Т. II.

именовали Сквороду). Кроме этого, есть еще одно персонифицированное и отдаленное по времени место встречи этих начал, считает Чижевский. Это поэзия Р. М. Рильке, тоже сочетавшая мистичность и кардоцентризм (правда, на мой взгляд, они брались и из русской литературы, бывшей для немецкого поэта духовной святыней).

Отдельного рассмотрения требует оценка Чижевским роли Т. Шевченко в украинской литературе. Его принято относить к представителям украинского и всеславянского романтизма (данная тема детально разработана современным исследователем)⁶. Следует, правда, помнить и то, что украинский поэт все же был близок к русским революционным демократам⁷.

Чижевский больше внимания уделял, с одной стороны, тому, что поэзии Шевченко присущ «романтический (а тем самым обусловленный временем) характер»⁸, а с другой – его связи с современными мыслителями Запада (статья 1931 г. «Шевченко і Давид Штраус»). Чижевский неоднократно подчеркивал, что Шевченко «порывал с тогдашней частично русофильской традицией украинской политической мысли»⁹. О пророческом пафосе поэта он писал редко, хотя и убедительно, но в малодоступных изданиях.

Примечательно рассмотрение Чижевским творчества И. Котляревского, соотносимого им с периодом классицизма в истории украинской литературы. Поэт – автор «Энеиды», написанной в 1798 г., – следовал русскому поэту Н. Осипову, выпустившему свою «Энеиду» в 1791 г., а также ряду иноязычных «Энеид». Но лишь украинскоязычная ее версия стала фактом большой литературы – за счет обновленного языка, считал Чижевский; она чаще читается в русском переводе, чем творение Осипова.

Чижевский постоянно подчеркивал, что тема украинства никогда не исчезала в русской литературе, причем в ее разных политически ориентированных интерпретациях. Так, К. Рылеев подчеркивал противостояние имперским началам, выбирая в качестве героев своих произведений Войнаровского, Наливайко и даже Мазепу. В свою очередь, Н. Гоголь в «Тарасе Бульбе» призывал к «русскому товариществу». В польской литературе была школа «хлопоманов», романтически описывавших как раз украинство, более того, запустивших процессы поиска его культурной идентичности, к примеру, в открытом в 1804 г. Харьковском университете – и они давали свои интерпретации этого феномена.

⁶ См.: *Нахлік Є. К.* Доля – los – судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів: Ліґа-Прес, 2003.

⁷ *Задорженюк Э. Г.* «Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т. Г. Шевченко // Свободная мысль. 2014. № 2. С. 171–184.

⁸ См.: URL: <http://litopys.org.ua//czyzh.czy32> (дата обращения: 28.02.2019).

⁹ Там же.

Н. Гоголь постоянно находился в поле внимания Чижевского-исследователя, показывавшего тончайшее перетекание присущих лишь ему языковых средств «малороссийства» в русскую литературу; ранее это было присуще произведениям Сковороды и Котляревского.

Чижевский не поленился перечислить частоту употребления слова «даже» в «Шинели» Гоголя. Из этого анализа он вывел оригинальнейшую трактовку всего творчества великого писателя, отдав должное и его «петербургизированному малороссийству», и ориентации на русскую культуру, и поиску устоев общечеловеческой духовности. Отечественный исследователь Ю. Барабаш отметил: «Фактически Чижевский положил начало деполитизации, деидеологизации гоголевской темы в зарубежном украинском литературоведении, подчеркнув момент его “духовного одиночества”»¹⁰.

Одна из статей о «духовном одиночестве» этого «малороссиянина в Петербурге» появилась в издававшемся в Нью-Йорке русскоязычном «Новом журнале» (1951. № 27), а труд «О чешскости Коменского» был опубликован там же в 1942 г., когда между Германией, где находился в то время его автор, и США шла война.

В «Истории украинской литературы» Чижевский постоянно подчеркивал позитивность воздействия русской литературы XIX века на украинскую, хотя и отметил воздействие на нее также литератур западных. Так, реализм в ее рамках находился под влиянием, причем весьма мощным, в первую очередь И. С. Тургенева, поддержавшего украинские рассказы Марко Вовчок, а позже – Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. На русском языке писала не только Марко Вовчок (и ранее создававший свои повести и ряд стихов Шевченко), но, к примеру, М. Старицкий (1840–1904), хотя как раз в драматургии эти влияния ощущались, по Чижевскому, слабее. Он особо отмечал воздействие русских писателей на Ивана Франко, в первую очередь его способность к рецепции вершин реализма, а также участие этого писателя из Львова в русскоязычных изданиях.

Как комментировали труд Чижевского его украинские коллеги? Ю. Шевелёв, рецензируя «Историю украинской литературы», писал: «Главные герои книги Чижевского – не народ и даже не писатели. Ее герои – стили»¹¹. Выделив шесть из них (монументальная литература Киевского государства – орнаментальная литература Киевского государства – стили

¹⁰ Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...». Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты. Харьков: Акта, 2003. С. 291.

¹¹ Шевелёв Ю. Вибрані праці у 2 кн. Київ: Дім «Києво-Могилянська Академія», 2008. Кн. 2. С. 540.

Ренессанса и Реформации – барокко – классицизм – романтизм), автор подчеркнул, что данная схема работает мощно, но в отношении не всех писателей. Так, Шевелёв считал, что его коллега неправомерно соотнес творчество Шевченко только с романтизмом, хотя его наблюдение о тождестве восторженно-народнических его истолкований с истолкованиями советскими правомерно. По его же мнению, у Шевченко имели место черты реализма и даже сюрреализма¹² – думается, это замечание справедливо. Нельзя не согласиться и с его заключением: «В книге Чижевского есть украинская литература, а не хождение вокруг нее. До книги Чижевского вообще нельзя было думать об истории украинской литературы»¹³. Как бы вторя ему, И. Дзюба писал о «непреходящей ценности трудов Чижевского для украинской науки»¹⁴.

Национальная определенность культуры – задача, которую, согласно украинскому культурологу И. Лысому, до Чижевского разрешали в XIX в. немецкий психолог В. Вундт и философ Г. Коген, а одновременно с ними – М. Шелер и Н. Бердяев. Следует отметить, что и десятки советских ученых анализировали «национальную по форме, но социалистическую по содержанию» культуру. Большинство из них были, конечно, идеологически ангажированы, однако решали они эту задачу часто с повышенной продуктивностью, не опасаясь, что результаты научных исследований в этом направлении не будут опубликованы; достаточно вспомнить цикл работ Г. Д. Гачева о «национальных образах мира». Чижевский в истолковании означенной проблемы колебался между рационалистическими и романтическими установками, но в конечном счете склонялся к гегелевским, «отводя важное место национальной определенности культуры»¹⁵. Как раз вследствие такой панорамности видения Чижевскому удалось избежать этноцентричности.

В 1939 г. в Париже вышла книга Чижевского о Гегеле в России; она представляла собой часть большого исследовательского проекта «Гегель и славяне». Только в 2007 г. она была издана в Москве, открыв новую страницу в гегелеведении – страницу очень оригинальную, окрашенную спецификой славянской души.

Важны выявленные и зафиксированные Чижевским очень тонкие различия в рецепции Гегеля в России и на Украине. В первой его приверженцами становились главным образом дворяне, во второй – скорее поповичи

¹² Там же. С. 545.

¹³ Шевельов Ю. Вибрані праці у 2 кн. Кн. 2. С. 549.

¹⁴ Дзюба І. З криниці літ у 3 т. Київ: Україна, 2006. Т. 2. С. 659.

¹⁵ Лисий І. До проблеми національної визначеності культури: з досвіду Д. Чижевського // Філософська і мистецька культура / ред. І. Лисий. Київ: КМ Академія, 2004. С. 134.

(как профессор Киевского университета, а после запрещения Николаем I кафедры философии ставший цензором О. Новицкий (1806–1884), его ученик И. Михневич (1809–1885), С. Гогоцкий (1813–1889), уроженец Полтавской губернии П. Редкин (1808–1891), который вместе с Гоголем учился в Нежинском лицее, черниговец А. Рославский-Петровский (1816–1870)). В России же Гегель вдохновлял в основном дворян, искавших пути революционного преобразования империи. В их числе А. И. Герцен и М. А. Бакунин, пришедшие не без влияния идей немецкого мыслителя к проектам федерации славянских народов¹⁶. С критикой ряда идей Гегеля выступали славянофилы, склонные, по Чижевскому, к национальной (а в случае М. Н. Каткова – поначалу левого «гегелиста») (как писал И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети») – к националистической романтике.

Важно и то, что Чижевский указывал на опосредующее влияние в рецепции Гегеля со стороны других представителей немецкого идеализма, а также великих поэтов Германии. И показывал: восприятие творчества любого из них не носило характера прямого заимствования. На первый взгляд мысль тривиальная, но то, как содержание этого творчества «преображалось и переформировывалось» – а на современном языке можно сказать: переформатировалось, – показано Чижевским очень доказательно. Вот что он писал об этом феномене в «Нарисах»: «Тот “Шиллер”, который был так любим русскими и отчасти украинскими писателями, не так уж много общего имеет с подлинным Шиллером, тот “Гегель”, которым так увлекаются поляки или русские, тоже не есть полностью тем самым Гегелем, который имел такое влияние на западноевропейскую мысль. К тому же разные “влияния” приходили с западной Европы к славянам не одновременно – потому встречаем у славян *одновременно* рефлекс культурных явлений, которые на Западе отделены друг от друга годами и десятками лет; и, напротив, встречаем у них отдельные явления, вырванные из контекста, в котором они развивались в западноевропейском окружении <...>. Можно сказать, что так называемые западные влияния вызывали, развязывали у славян собственное и самостоятельное творчество, которое часто было не только *откликом*, но и *ответом* Западу (курсив и написание со строчной «западной Европы» – Чижевского. – Э.З.)¹⁷.

Исследователь И. Лысый отметил: «Чертами украинской ментальности Чижевский считает эмоционализм, из которого он как раз и склонен выводить “кардоцентризм” как “характеристическую” черту украинской мысли, а также

¹⁶ См.: *Задорожнюк Э. Г.* А. И. Герцен, Т. Г. Масарик и славянский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Тезаурус, 2013. С. 721–747.

¹⁷ *Чижевський Д.* Філософські твори у 4-х тт... Т. 1. С. 105.

индивидуализм и подвижность духовной жизни, которые в значительной мере определяют уникальность украинской культуры, ее религиозность»¹⁸. Это и было бы так. Но если рассматривать все культурологические изыскания Чижевского, то, может, и в менее «значительной мере» указанные черты так или иначе присутствуют и в других культурах, к примеру, в чешской и русской. Достаточно вспомнить, как эмоционально-религиозно и даже «кардоцентрично» восприняли философию Гегеля носители русской культуры, причем в первую очередь – представители дворянства, что столь удачно описал тот же Чижевский. Более старшие и авторитетные украинские ученые также говорят об указанной интимности с похожей сдержанностью – даже малейших следов русофобии в его наследии не отыскать.

Действительно, Чижевский с глубоким уважением относился к современным ему проявлениям русской общественной мысли и отслеживал не только эмигрантские ее ответвления, но в ряде обзоров также то, как она сохраняется в СССР. В то же время он осуждал некоторые ее деформации, уравнивая, в частности, призывы к соборности в прошлом и к советскости в его времена с принципом стадности. При этом многие исследователи подчеркивали, что Чижевский оставался – не без русских влияний – потаенным социалистом со времен своего меньшевистского прошлого. В конечном счете, он уповал на то, что присущая украинской философии и идущая от Сковороды «кардоцентричность», переданная малороссом П. Юркевичем его великорусскому ученику В. Соловьеву, станет приемлемой и в чем-то доминирующей в русском философствовании в будущем. Нельзя сказать, что его ожидания в этом плане полностью оправдались, но намеченная этими ожиданиями линия в отечественной философии просматривается все четче.

Остается добавить, что на некоторых участках нынешней духовной жизни «бой за Чижевского» не только продолжаются, но и интенсифицируются. И выразить свою позицию: надо не столько сражаться за Чижевского, сколько его изучать.

Выше уже отмечалось сдержанное отношение к Чижевскому эмигрантов – носителей радикального украинства – в ранние годы скитаний ученого по Европе. Новые его носители прямо и косвенно обличают ученого в социокультурной нейтральности, постмодернистском безразличии, приверженности к этническому нигилизму и даже недостаточной «украинскости» его кардоцентрических идей. «Народный менталитет и дух нации» они трактуют крайне узко, не считаясь с тем, что Чижевский строго научно доказывал: без учета общеславянских и общеевропейских связей нельзя

¹⁸ Лисий І. До проблеми національної визначеності культури... С. 137.

представить эволюцию «духа» любой славянской нации. А если учесть его лично окрашенные контакты с востоковедами – украинцами по происхождению – А. Крымским и О. Прицаком, то и связей евроазиатских (но не евразийских). Для Чижевского плодотворная дифференциация и взаимное оценивание культур идут через расшифровку кода одной из них путем креативной сочетаемости с кодами других.

Имя Чижевского стало звучать именно сегодня, ранее не было большого интереса к его личности. Чижевский в наши дни пользуется широким признанием на Украине. В г. Александрии, где он родился, в его честь названа улица, в 1994 г. его имя присвоено Кировоградской областной библиотеке, а с 1999 г. Национальная академия наук Украины учредила премию его имени.

Что касается международного признания, – в Германии, в Марбурге и Гейдельберге, дело Чижевского продолжают его ученики и последователи – слависты и германослависты, включая работающего там В. Янцена. Оригинальные исследования его творчества ведутся в Польше и Чехии, в других славянских странах. В казавшемся столь негостеприимном Гарвардском университете его имя присвоено кафедре украинской литературы.

Обращение к наследию Чижевского в отечественной славистике только начинается. Следует отметить, что у него были, на мой взгляд, талантливейшие и равновеликие коллеги с двойной интенцией любви (фило): и к языку(логосу), и к мысли (софосу). Это в первую очередь его современник Г. Шпет (они вместе обучались феноменологии у самого Э. Гуссерля; оба были отмечены им как оригинальные исследователи), а позже – Г. Гачев и С. Аверинцев.

125-летний юбилей Дмитрия Ивановича Чижевского – прекрасный повод напомнить, что великий ученый-славист по определению аполитичен, а точнее – политичен лишь в выявлении продуктивности межкультурных связей. Даже само перечисление названий почти тысячи его оригинальных научных трудов, большинство из которых посвящено проблемам славистики, а значительная часть – украинско-русским культурным связям, является тому убедительным свидетельством.

Литература

Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...». Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты. Харьков: Акта, 2003.

Валявко І. Дмитро Іванович Чижевський: біографічний нарис // Дмитро Іванович Чижевський і його сучасники. Листи, спогади / ред. І. Валявко, О. Чуднов, В. Янцен. Кіровоград: Imeks-LTD, 2013. С. 23–88.

- Валявко І. Інтелектуальна біографія Дмитра Чижевського: спроба наукової ретроспективи // *Чижевський Д.* Філософські твори у 4-х тт. Київ: Смолоскип, 2005. Т. 1. С. XXIX–XXX.
- Дзюба І. З криниці літ у 3 т. Т. 2. Київ: Україна, 2006.
- Задорожнюк Э. Г. А. И. Герцен, Т. Г. Масарик и славянский вопрос // *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина* / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Тезаурус, 2013. С. 721–747.
- Задорожнюк Э. Г. «Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т. Г. Шевченко // *Свободная мысль*. 2014. № 2. С. 171–184.
- Лисий І. До проблеми національної визначеності культури: з досвіду Д. Чижевського // *Філософська і мистецька культура* / ред. І. Лисий. Київ: КМ Академія, 2004. С. 134–139.
- Нахлік Є. К. Доля – los – судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів: Ліга-Прес, 2003.
- Федорів І. Внесок Дмитра Чижевського у розвиток європейського слов'янознавства // *Україна-Європа-Світ. Міжнародний збірник наукових праць*. Серія: Історія, міжнародні відносини / гол. ред. Л. М. Алексієвцев. Тернопіль: ТНПУ, 2013. Вип. 12. С. 123–137. [online]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ues_2013_12_16 (дата обращения: 11.06.2018).
- Шевельов Ю. Вибрані праці у 2 кн. Київ: Дім «Києво-Могилянська Академія», 2008. Кн. 2.
- Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 69–103.
- Blashkiv O., Mnich R. Дмитрий Чижевский versus Роман Якобсон // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. VI. Ed. R. Bobryk. Siedlce, 2016. [online]. URL: <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1378/Opuscula-VI-29.11-1.pdf?sequence=1> (дата обращения: 13.11.2018).

References

- Barabash, Iu., 2003. “*Esli ia zabudu tebia, Ierusalim...*”. *Gogol’ i Shevchenko. Sravnitel’no-tipologicheskie opyty* [“If I forget you, Jerusalem ...”. Gogol and Shevchenko. Comparative and typological experiences]. Kharkiv: Act.
- Blashkiv, O., Mnich, R., 2016. Dmitrii Chizhevskii versus Roman Iakobson. In: Bobryk, R., ed., 2016. *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. VI. Siedlce. [online]. URL: <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1378/Opuscula-VI-29.11-1.pdf?sequence=1> (accessed: 13.11.2018).
- Dziuba, I., 2006. *Z krynytsi lit u 3 t. T. 2*. [From a well of years in 3 volumes. Vol. 2]. Kiev: Ukraina.
- Fedoriv, I., 2013. *Vnesok Dmytra Chyzhevs’koho u rozvytok ievropeis’koho slov’ianoznavstva* [Dmitry Chizhevsky’s contribution to development of the European Slavic studies]. In: Alexiyevets, L.M., ed., 2013. *Ukraina-Ievropa-Svit. Mizhnarodnyi zbirnyk naukovykh prats’*. Serii: Istorii, mizhnarodni vidnosyny.

- Ternopil': TNPU. [online]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ues_2013_12_16. (accessed: 11.07.2018).
- Lisyi, I., 2004. Do problemy natsional'noi vyznachenosti kul'tury: z dosvidu D. Chyzhevs'koho [To a problem of the national importance of culture: from D. Chizhevsky's experience]. In: Lisyi, I., ed., 2004. *Filosofs'ka i mystets'ka kul'tura* [Philosophical and artistic culture]. Kiev: KM Akademiia, pp. 134–139.
- Nakhlik, Ie.K., 2003. *Dolia – los – sud'ba: Shevchenko i pol'ski ta rosii's'ki romantyky* [Share- Los-Destiny: Shevchenko and Polish and Russian romantics]. Lviv: Liha-Pres.
- Shevel'ov, Iu., 2008. *Vybrani pratsi u 2 kn. Kn. 2.* [Chosen works]. Kiev: Dim "Kyievo-Mohylians'ka Akademiia".
- Valiavko, I., 2005. Intelktual'na biografiia Dmytra Chyzhevs'koho: sprobna naukovi retrospektyvy [Intellectual biography of Dmitry Chizhevsky: attempt of a scientific retrospective]. In: Chyzhevs'kyi, D., 2005. *Filosofs'ki tvori u 4-k tt.* [Chizhevsky D. Philosophical compositions in 4 volumes]. Kiev: Smoloskip, pp. XXIX–XXX.
- Valiavko, I., 2013. Dmytro Ivanovych Chyzhev'skyi: biografichniy naris [Dmitry Ivanovich Chizhevsky: biographic sketch]. In: Valiavko, I., Chudnov, O., Iantsen, V., eds, 2013. *Dmitro Ivanovych Chyzhevs'kyi i ioho suchasnyky. Lysti, spohadi* [Dmitry Ivanovich Chizhevsky and his contemporaries. Letters, memoirs]. Kirovograd: Imeks-LTD, pp. 23–88.
- Iurkevich, P.D., 1990. *Filosofskie proizvedeniia* [Philosophical Works]. Moscow: Izdatel'stvo "Pravda", pp. 69–103.
- Zadorozhnyuk, E.G., 2014. "Russkoi zemli chelovek zamechatel'nyi". K 200-letnemu iubileiu T.G. Shevchenko ["Russian land of people remarkable". To 200-year anniversary of T.G. Shevchenko]. *Svobodnaia mysl'*, 2, pp. 171–184.
- Zadorozhnyuk, E.G., 2013. A. I. Gertsen, T. G. Masarik i slavyanskii vopros [A. I. Herzen, T.G. Masarik and Slavic question]. In: Churkina, I.V., ed., 2013. *Slaviane i Rossiia: K 110-letiiu so dnia rozhdeniia S.A. Nikitina* [Slavs and Russia: To the 110-th anniversary of the birth of S.A. Nikitin]. Moscow: Thesaurus.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В СЛОВАКИИ

Анна Юрьевна Пескова –
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: apeskova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена истории рождения и становления первого профессионального театра в Словакии – Словацкого национального театра – в период 1918–1938 гг. В центре внимания – деятельность первых руководителей и режиссеров, формировавших художественный облик и концепцию театра, а также влияния, которые оказывали на них различные зарубежные режиссеры и театральные школы. Подчеркивается особая роль чешских театральных деятелей (Б. Ержабек и труппа его Восточно-чешского театра, М. Зуна, О. Недбал, В. Шульц и др.) в формировании и функционировании драматической и оперной трупп Словацкого национального театра. Чрезвычайно важным для него было формирование репертуара на национальном языке, однако этот процесс шел довольно медленно из-за небольшого числа имевшихся качественных переводов зарубежных пьес и достойных оригинальных словацких драматургических произведений. Лишь с приходом в театр во второй половине 1920-х гг. режиссера В. Йиржиковского, заведующего литературной частью Т. Й. Гашпара, а позднее – актера и режиссера Я. Бородача словацкий репертуар начал значительно расширяться. Космополитичная культурная среда Братиславы, а также произошедшее в 1932 г. разделение драматической труппы на словацкую и чешскую провоцировали театральных режиссеров и художников на активную деятельность, эксперименты и соперничество друг с другом. В результате постепенно формировался собственно словацкий театр, воспитывались первые словацкие театральные деятели. Со временем молодой словацкий театр влился в широкий контекст европейского театрального авангарда; его самобытный голос был услышан во всем мире.

Ключевые слова

Словакия, театр, Словацкий национальный театр, межвоенный период, драма, опера
Статья поступила в редакцию 10 сентября 2019 г.

ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE FIRST PROFESSIONAL THEATRE IN SLOVAKIA

Anna Yu. Peskova

Ph.D., Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: apeskova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the history of the birth and formation of the first professional theater in Slovakia – the Slovak national theater, covering the period from 1918 to 1938. The author focuses on the activities of the first leaders and directors who formed the artistic image and concept of the theater, as well as the influence that various foreign directors and theater schools had on it. The author emphasises the role of Czech theatrical figures (Bedřich Jeřábek and the troupe of his East Bohemian Theatre, Milan Zuna, Oskar Nedbal, Viktor Šulc, etc.) in the formation of drama and opera troupes of the Slovak national theatre, and in their choice of repertoire and artistic language. It was extremely important for the first Slovak theatre to build a repertoire in the national language, but this process was quite slow because of the small number of original Slovak dramas and high-quality translations of foreign plays. Only after the arrival in the theater in the second half of the twenties of director Václav Jiříkovský, head of the literary part of Tido J. Gaspar, and later actor and director Janko Borodač, did the Slovak repertoire began to expand significantly. The very cosmopolitan cultural environment of Bratislava, as well as the division of the dramatic troupe of the theater into Slovak and Czech (1932) caused rivalry, surprise and provocation among the directors and artists. As a result, the Slovak theatre itself was gradually formed, and the first Slovak theatrical figures became known. In the future, this allowed the young Slovak theatre to join the broad context of the European avant-garde theater and ensure that its original voice was finally heard throughout the world.

Keywords

Slovakia, theatre, Slovak national theatre, interwar period, drama, opera
Received 10 September 2019.

К началу XX в. в Центральной Европе Словакия оказалась последней страной, в которой не было собственного национального театра. Причины заключались в первую очередь в национальной и культурной политике Австрийской, затем Австро-Венгерской империи, которая

в течение столетий, и особенно – XIX века, была направлена на агрессивную ассимиляцию (мадьяризацию) невенгерского населения венгерских земель. После революции 1848–1849 гг. национальное угнетение словаков усилилось. К концу 1850-х годов на территории Словакии не осталось ни одной словацкой гимназии. Согласно принятому в 1868 г. закону о меньшинствах, формально провозглашалось равенство всех национальностей, образующих единый в политическом смысле венгерский народ, – однако официальным языком на всей территории Венгрии был объявлен исключительно венгерский. Он вводился в качестве обязательного во всех школах; тем самым словацкий язык был низведен до уровня языка бытового общения. Учитывая целенаправленную политику мадьяризации, неудивительно, что венгерское правительство всеми способами препятствовало и тому, чтобы на территории Словакии возникло какое-либо театральное общество¹.

Говоря о зарождении национального театра, отмечу в первую очередь, что подобные процессы в странах Западной и Центральной Европы проходили по-разному. В западноевропейских странах издавна существовала живая народная театральная культура, а из нее постепенно выросло «высокое» искусство, которое затем противопоставляло себя народному театру. Между тем в Центральной Европе возникновение профессиональных театров было связано в основном с романтической идеологией: для каждого из народов театр становился результатом идеологических и просветительских процессов национального возрождения. Такова история возникновения национальных театров в Будапеште (1837 г.), Белграде (1868 г.), Праге (1881 г.). Пожалуй, единственным из театров Центральной Европы, который образовался не из движения национального возрождения, был Польский национальный театр, основанный в Варшаве в 1765 г. при поддержке польского короля, шляхты и богатых горожан. При этом национальные театры народов Центральной Европы изначально ставили перед собой задачу представить публике «высокое» драматическое искусство и брали на себя национально-просветительскую функцию. Впрочем, это продолжалось, как правило, недолго – до тех пор, пока во главе театров не вставали директора, преследовавшие сугубо практические цели и начинавшие составлять репертуар на потребу широкому массовому зрителю.

¹ Как известно, на протяжении XIX в. в Словакии несколько раз предпринимались попытки создания национальных театральных сцен (к примеру, в 1850-е годы в Липтовском св. Микулаше, в 1880-е годы в Турчанском св. Мартине), объявлялись общественные сборы средств и т. п. Однако из-за противодействия государственных властей эти усилия не увенчались успехом.

Однако Словакия оказалась исключением из правила: в период романтизма и национального возрождения здесь так и не возник официальный профессиональный театр с репертуаром на словацком языке. Частично его функции выполнял любительский театр – к примеру, основанная в 1830 г. первая словацкая любительская труппа Театр словацкий в Липтовском Микулаше (*Divadlo slovenské Sväto-Mikuláškse*) или коллектив «Словенски спевокол» (*Slovenský spevokol*) из Мартина². При этом в условиях многолетнего давления со стороны венгерского руководства страны все словацкие любительские театры были сильно ограничены в масштабах деятельности.

Таким образом, в начале XX в. в Словакии не существовало ни одной профессиональной словацкой театральной труппы и ни одной профессиональной сцены, на которой было бы разрешено словацким театральным коллективам демонстрировать свои постановки. При этом на территории Словакии было немало немецких и венгерских профессиональных театральных трупп, в основном ориентировавшихся на два крупнейших словацких города – Братиславу и Кошице. Они имели щедрую материальную поддержку правительства и рассматривались в том числе как важные инструменты политики мадьяризации. У этих театров были хорошие здания, построенные во второй половине XIX в. и приспособленные как для драматических, так и для оперных представлений (в залах имелись оркестровые ямы). В начале XX в. в городских театрах Братиславы и Кошице театральный сезон традиционно делился по месяцам между венгерскими и немецкими труппами; кроме того, здесь регулярно гастролировали труппы из Австрии и Венгрии.

Появление на карте Европы в 1918 г. нового государства – Чехословацкой Республики – естественным образом повлекло серьезные изменения в культурной политике региона. Сразу же с момента образования республики деятели словацкой культуры, хорошо понимавшие роль профессионального театра в развитии национального самосознания, стали вести разговоры о создании словацкого национального театра. Об этом начали говорить еще в мае 1918 г. во время празднования 50-летия закладки первого камня пражского Национального театра, на котором присутствовала словацкая делегация во главе с известнейшим поэтом и писателем Павлом Орсагом Гвездославом. В ходе празднований неоднократно подчеркивалось, какую важную роль сыграл Национальный театр в Праге в жизни чешского народа, сколь велико было его влияние не только на культурную, но и на

² Полное название – Любительское певческое и театральное общество (*Ochotnícky spevácky a divadelný spolok*), 1872–1951.

политическую жизнь. Это дало повод заговорить о том, что в Словакии также необходим национальный театр, который мог бы играть подобную роль в общественной жизни словаков.

К тому моменту Братислава, которая вошла в состав Чехословакии 1 января 1919 г. и 19 января была официально провозглашена столицей Словакии (правда, свое нынешнее название Братислава приобрела лишь 25 марта 1919 г.), являлась многонациональным городом с преобладающим венгерским и немецким населением³. Словаки и чехи, составлявшие значительное меньшинство, не могли оказать серьезное влияние на решения городского совета, а венгерское и немецкое население не было заинтересовано в том, чтобы со сцены городского театра звучала словацкая речь. Оттого идеи представителей новой государственной власти, касавшиеся открытия театра, воспринимались в самой Братиславе, как правило, равнодушно.

В начале февраля в Братиславу переехало Министерство, уполномоченное управлением Словакией (до этого, с 12 декабря 1918 г., оно располагалось в Жилине), во главе с полномочным министром по делам Словакии Вавро Шробаром, который был активным сторонником идеи основания Национального театра. Главный вопрос, который предстояло решить: какая труппа должна составить его основу? Многие считали, что таковой могла бы стать труппа «Словенски спевokol» – на тот момент самый известный в Словакии и, несмотря на все притеснения, систематически и целенаправленно работавший любительский театральный коллектив. Однако Министерство образования и народного просвещения обошло эту идею молчанием – возможно, потому, что она заведомо не была бы поддержана министром В. Шробаром, у которого на тот момент была вполне понятная политическая задача: выстроить в Словакии общество, содействующее развитию молодой Чехословацкой республики и основанное на тесном сотрудничестве между Братиславой и Прагой. В частности, думая об организации театра, следовало учитывать позицию чешских управленцев, чтобы заручиться их поддержкой. Этим, а также, вероятно, стремлением приблизить Братиславу к театральной Праге объясняется решение Шробара пригласить в Словакию чешский театр, который бы давал представления не только в Братиславе, но также в Кошице и других городах. Таким образом, основу первого профессионального театра Словакии – Словацкого национального театра (СНТ – *Slovenské*

³ Согласно данным официальной переписи населения 1910 г., 42% населения Братиславы составляли немцы, 41% – венгры и лишь 15% – словаки; в Кошице же проживало 75% венгров, 15% словаков, 7% немцев.

národné divadlo, SND) – составила не местная любительская труппа, а приглашенный в 1919 г. в Братиславу чешский театральный коллектив, игравший на чешском языке.

Это уникальный в истории европейского театра случай, свидетельствующий о реальной ситуации в словацкой культуре межвоенного времени и об уровне словацкой интеллигенции: говоря откровенно, достаточного количества словацкоговорящей публики, готовой воспринимать словацкий театр, в Братиславе тогда не было. Да и сам СНТ в первые годы существования воспринимался многими в Чехословацкой республике как еще один чешский провинциальный театр.

Выбор министра Шробара пал на труппу из Пардубиц, именованную Восточночешским обществом (*Východočeská společnost*), или Восточночешским театром (*Východočeské divadlo*)⁴, и возглавлявшуюся Бедржихом Ержабек; ей предстояло «вторгнуться» в сложную ситуацию засилья немецко- и венгерскоязычного театра в Братиславе. Еще в годы Первой мировой войны Восточночешский театр столкнулся с серьезнейшими экономическими проблемами, для преодоления которых Ержабек сначала попытался ввести в репертуар побольше оперетт, а потом, уже в конце войны, принял решение переориентироваться на словацкого зрителя. Летом 1919 г. труппа Восточночешского театра впервые побывала с гастролями в Словакии. Актриса труппы Гелена Петцова (позднее в замужестве Паулини-Тотова) вспоминала: «В Братиславу мы прибыли утром 4 июля 1919 года. <...> Впервые на словацкой земле! На станции нас очень сердечно и искренне приветствовала группа чехов и словаков. Это тронуло до слез. Такие моменты не забываются. <...> Сначала публики – кроме первого торжественного представления – было немного, но потом люди откликнулись на призывы в газетах посетить наши спектакли. Их реакция была замечательная и искренняя, да и критика хорошо приняла нас, что очень воодушевляло. <...> Из Братиславы мы отправились в Пештяны, Трнаву, Тренчин, Ружомберок, Липтовский Микулаш, Кошице, Прешов, Левочу и Спишску Нову Вес. Повсюду нас принимали тепло и с любовью, посещаемость везде была довольно хорошая. Народ почувствовал и понял,

⁴ В энциклопедии «Чешские театры» этот театральный коллектив, созданный в 1905 г., упоминается также под другими названиями: Театр объединенных восточных городов (*Divadlo sdružených měst východu*), Театр объединенных восточночешских городов (*Divadlo sdružených měst východočeských*), Театр объединенных восточных и северных чешских городов (*Divadlo sdružených měst východočeských a českého severu*), Восточно-чешский национальный театр (*Východočeské národní divadlo*). См.: *Česká divadla: Encyklopedie divadelních souborů*. Praha: Divadelní ústav, 2000. S. 525–528. Однако Б. Ержабек в переписке использует наименование «Восточночешский театр».

что время изменилось. Вместо венгерского на профессиональной сцене зазвучал если не собственно словацкий, то, по крайней мере, родственный и понятный язык»⁵.

Получив в сентябре 1919 г. от чехословацкого правительства разрешение на работу в братиславском городском театре, труппа Ержабека в начале ноября сыграла на его подмостках первые 14 спектаклей. А 8 ноября по инициативе Шробара был основано Товарищество СНТ (*Družstvo SND*), которое возглавил сам министр; в него вошли выдающиеся деятели политической и культурной жизни Словакии и Чехии: юрист, политик, депутат Юрай Славик, композитор Эмануэль Маршик, поэт и переводчик Богумил Матезиус, архитектор Душан Юркович и многие другие. Это Товарищество (по сути, управляющий совет) было создано по образцу и подобию Товарищества Национального театра в Праге, которое когда-то, с 1881 по 1900 г., также являлось управляющим органом пражского Национального театра. Товарищество СНТ заключило с Восточно-чешским театром соглашение о том, что на протяжении всего первого сезона нового Национального театра его труппа отыграет на его сцене свой репертуар в своей же режиссуре. Словацкий национальный театр открылся 1 марта 1920 г. представлением оперы Бедржиха Сметаны «Поцелуй» (*Hubička*); на следующий день была показана чешская драма Алоиса и Вилема Мрштиков «Мариша» (*Mariša*). Далее одна за другой последовали премьеры спектаклей, которые до этого уже присутствовали в репертуаре театра Ержабека, при этом оперы чередовались с драматическими спектаклями и опереттами. Все представления шли на чешском языке. За короткий театральный сезон с 1 марта по 26 июля 1920 г. в СНТ было сыграно 22 оперных, 30 драматических, 20 опереточных и три балетных спектакля. Что касается репертуара – среди опер, к примеру, доминировала чешская классика (оперы Бедржиха Сметаны, Антонина Дворжака, Леоша Яначека, Зденка Фибиха, Карла Коваржовича, Вилема Блодека) и французская романтическая опера (Массне, Бизе, Адам, Гуно, Оффенбах и др.); кроме того, ставились оперы итальянских композиторов (Пуччини, Леонкавалло, Верди), а из славянских композиторов, кроме чехов, – Чайковского.

Необходимо заметить, что в первые сезоны никакой театральной концепции у СНТ не было. Спектакли появлялись на сцене почти без репетиций и потом игрались по два-три раза, после чего навсегда исчезали из репертуара; практически отсутствовала режиссерско-драматургическая интерпретация, и вовсе не было понятия о сценографии – спектакли шли

⁵ *Petzová-Pauliny-Tóthová H. Ako sme začínali v Bratislave // Slovenské divadlo. 1956. Roč. 4. Č. 1. S. 31–33.*

без художественного решения, оформление состояло лишь в перемене кулис (из имевшихся запасов). Все это объяснялось погоней за посещаемостью: чтобы зал не был полупустым, зрителей нужно было постоянно удивлять новинками, премьерами, что, естественно, сказывалось на качестве постановок. При этом, несмотря на хороший прием критики и похвалы в прессе, в первый сезон трудно было рассчитывать на восторженный прием публики и полные залы, поскольку венгерско- и немецкоговорящие жители Братиславы без энтузиазма относились к драме и опере на чешском языке, а чехи и словаки составляли меньшую часть населения города. С финансовой точки зрения дебютный сезон СНТ оказался в целом провальным.

Первыми спектаклями, сыгранными труппой Национального театра на словацком языке, стали две одноактные пьесы Йозефа Грегора Тайовского «Грех» (*Hriech*) и «На службе» (*V službe*), дававшиеся в один вечер 21 мая 1920 г. В своих воспоминаниях Г. Петцова так описывает подготовку к представлению и знаменательный премьерный вечер: «В одноактной пьесе “На службе” главная роль досталась первой словацкой актрисе Элене Крчмери. Все прочие роли исполняли чешские артисты, которые усердно, хотя и с немалыми трудностями, начали учить словацкий язык. До сих пор помню, как я ходила с учебником в руках и мучила всех словаков в своем окружении вопросами о правильном произношении. <...> 21 мая наступил тот торжественный миг, когда со сцены СНТ впервые в истории зазвучала словацкая речь. Свою сравнительно небольшую роль я играла с удовольствием и старалась говорить по-словацки как можно лучше. Критики меня похвалили; наверное, поэтому я затем так выросла в словацкие роли – ведь ничто так не воодушевляет артиста, как доброе слово и признание, а особенно это важно в самом начале. В дальнейшем я с большой любовью продолжала учить словацкие пьесы»⁶.

Нужно отметить, что словацкая печать в один голос приветствовала представления на любом языке, кроме венгерского и немецкого. Когда был показан первый спектакль на чешском – опера Сметаны «Поцелуй», – газета «Словенски денник» (*Slovenský denník*) с восторгом писала: «Теперь четыре месяца будет звучать наша речь, наше слово, наша песня»⁷.

В следующем сезоне 1920/1921 г. в репертуаре появились три новые словацкие пьесы: «Гана» (*Hana*) Мартина Разуса, «Из векового рабства» (*Z otroctva vekov*) Вавро Шробара (писавшего под псевдонимом Ян

⁶ Petzová-Paulíny-Tóthová H. Ako sme začínali v Bratislave... S. 36–37.

⁷ B[ohumil]. H[aluzický]. K počiatkom stáleho divadla v Bratislave // Slovenský denník. 1920. roč. 3. č. 51. S. 1. (3 III 1920).

Дворский) и «Крестьянская невеста» (*Sedliacka nevesta*) Павла Соханя. В сезоне 1921/1922 г. словацких пьес стало еще больше: из 29 наименований драматических спектаклей шесть шли на словацком языке («Инкогнито» (*Inkognito*) Яна Паларика, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Бедная семья» (*Chudobná rodina*) Тимравы, «Гонорар» (*Honorár*) Павла Соханя, «Предложение» А.П. Чехова и «Растислав» Франка Вольмана). Важно отметить, что в то время существовало не так много качественных переводов зарубежных пьес на словацкий, да и достойных оригинальных словацких пьес было мало.

Летом 1920 г. на должность руководителя (фактически основателя) оперной труппы СНТ был приглашен чешский дирижер Милан Зуна. Вместе с тем ему предстояло, по сути, организовать оркестр театра – кстати, в Братиславе до тех пор не было ни своего симфонического оркестра, ни учебных заведений, готовивших профессиональных музыкантов. Зунa кропотливо выстраивал коллектив, привлекая музыкантов из военных оркестров и талантливых музыкантов-любителей. То же самое пришлось делать при комплектовании оперной труппы. Вершиной деятельности Зуны в СНТ стала премьера в 1923 г. совсем новой оперы Леоша Яначека «Катя Кабанова» (*Káťa Kabanová*), которую «почтил своим присутствием и отметил похвалой»⁸ сам автор. Критика особенно отметила декорации и в целом сценографию постановки, ведь впервые в Национальный театр для подготовки этого спектакля был приглашен сценограф – чешский актер, режиссер и сценограф Йозеф Гурт. Как отмечалось в критике, для «Кати Кабановой» он создал «оригинальные, по-русски пестрые и красочные декорации»⁹. Гурт был одним из первых театральных деятелей в Чехословакии, кто отстаивал сценографию как самостоятельную театрально-художественную дисциплину.

Однако со временем в адрес СНТ стало звучать все больше претензий. В газетах начали говорить о бойкоте зрителей по причине недостаточного художественного уровня спектаклей – при этом печать постоянно призывала чешских и словацких жителей города посещать театр. С другой стороны, говорилось о низком культурном уровне публики (на это сетовал «Альманах Словацкого национального театра»), по большей части состоявшей из переселенцев, которые предпочитали театру поход в кино; в театр их можно было заманить лишь какой-нибудь сенсацией. Кроме всего прочего, Национальный театр упрекали за недостаточное количество спектаклей на словацком языке и не очень активные гастрольные поездки по стране. В ответ на критику в сезон 1921/1922 г. была образована драматическая

⁸ *Ballo I. Káťa Kabanová v SND // Slovenský denník. Roč. 18. Č. 221. S. 4. (26.9.1935).*

⁹ *-ib. Káťa Kabanová // Bratislavské noviny. 1923. Roč. 2. Č. 71. S. 2 (26.3.1923).*

гастрольная труппа СНТ II, или Просветительская труппа СНТ (*Slovenské národné divadlo II., Propagačný súbor SND*), вошедшая в историю под неофициальным наименованием «Маршка» (*Marška*)^{*}. Среди ее членов было пять словаков (трое – бывшие студенты Пражской консерватории): Янко Бородач, Йозеф Келло, Ольга Орагова (позже в замужестве Бородачова), Андрей Багар и Гашпар Арбет. По словам одного из участников СНТ II Карела Балака, оставившего обширные воспоминания, пренебрежительное прозвище «Маршка» и назначение директором труппы опереточного певца Владимира Елецкого свидетельствовали о том, что ей не отводилось какой-либо значительной роли в развитии театра¹⁰. Все спектакли «Маршки» шли на чешском языке, и просуществовала она совсем недолго – до 29 июня 1922 г.

На протяжении всего этого времени городской театр Братиславы по-прежнему принимал на своей сцене гастролировавшие зарубежные театры: венские Бургтеатр, Фолькстеатр, Театр Ан дер Вин, Венскую государственную оперу, будапештский «Вигсинхаз». Осенью 1921 г. здесь демонстрировала свои постановки так называемая качаловская группа МХТ, а годом позже, в октябре 1922 г., выступала труппа Немецкого театра в Берлине под руководством знаменитого режиссера Макса Рейнхардта. Все эти труппы, каждая со своей концепцией и театральным языком, безусловно, формировали вкусы и художественное мировоззрение молодых словацких театральных деятелей, начинающих режиссеров и актеров. Известно, к примеру, какое невероятное впечатление произвели на братиславскую публику постановки мхатовцев, которые с 14 по 17 октября 1921 г. сыграли для словацких зрителей четыре спектакля: «Три сестры», «Дядю Ваню» А. П. Чехова, «На дне» М. Горького и «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского. Свое глубочайшее потрясение игрой и режиссурой мхатовцев описала в воспоминаниях Гелена Петцова: «Их игра была такая точная, реалистичная и человеческая, что это невозможно выразить словами – настолько прекрасна она была. Каждая, даже самая маленькая, роль была разработана до малейшей детали, а режиссура производила столь сильное впечатление и была такой естественной, что после спектакля я не могла подняться с места и сидела молча: мне не хотелось идти домой. От восторга я почти не могла хлопать, чтобы не испортить эти чудесные мгновения. Под впечатлением от этих великих

^{*} Почти сразу же после возникновения эта труппа получила не слишком лестное прозвище «штрафкомпания» (*štráfkumpania*), сокращенно *štráfka, marška*.

¹⁰ *Balák K. U kořenů slovenského profesionálního divadla. (Vzpomínky na první kočující společnost Slovenského národného divadla) // Slovenské divadlo. 1957. Roč. 5. Č. 3. S. 207.*

образцов я, молодая и восторженная актриса, дала себе слово, что всегда буду ценить даже самую маленькую роль и стараться как можно честнее и лучше ее играть. Нашим самым большим недостатком было то, что нам приходилось все очень быстро разучивать и подчас даже играть без всяких репетиций. Когда мы разговаривали с их лучшим актером Качаловым, мы узнали, что они иногда целую неделю репетируют всего несколько сцен. А если действие происходит на природе, то репетируют на природе, чтобы перенести на сцену как можно больше правдивости и жизненности. Зритель не должен почувствовать игру, он должен видеть реальную жизнь. Наибольшее впечатление на меня произвели “Три сестры” Чехова и “На дне” Горького»¹¹.

Янко Бородач позднее также описал впечатления от спектаклей группы под руководством В. И. Качалова, которые он видел весной 1921 г. в Праге, когда учился в Пражской консерватории: «Это было для нас потрясением, которое мы и представить себе не могли на сцене. Это было что-то, о чем мы даже не могли говорить. Все это глубоко засело у нас в памяти, и мы не знали, снилось это нам или было на самом деле»¹². В октябре того же года он стал свидетелем выступлений мхатовцев на братиславской сцене и вновь испытал похожие чувства: «Пражские впечатления возродились и усилились. Это была для нас невероятная школа, хотя никто ничего не объяснял. Об этих спектаклях мы потом говорили весь сезон и всячески пробовали делать так же, как делали они. Нам очень нравилось, что они словно вовсе не думали о публике, что актер был всецело сосредоточен на своем партнере, что на сцене царили жизнь и постоянное напряжение, что каждый преследовал свои цели и все постоянно друг друга удивляли – каждый будто догадывается о намерениях партнеров, но, пока это не произнесено вслух, ничего точно не знает; что отсутствовала суфлерская будка, а после каждого действия актеры не кланялись публике, хотя мы ужасно хотели увидеть их у рампы. Много, много было отличий от наших представлений на сцене. Мы кое-что подсмотрели из актерской техники и глубоко заглянули в человеческую душу через словесное и мимическое выражение, но о режиссуре (например, о мизансценах) никто и не думал. Нас необычайно привлекли взаимоотношения драматического героя с предметами и взаимодействие героев на сцене. Мы смотрели и слушали как обыкновенная публика, но после спектакля уже рассуждали обо всем как актеры. Во второй раз увидеть москвичей было чрезвычайно полезно со всех точек зрения. Возникший тогда душевный контакт не прерывался всю

¹¹ *Petzová-Paulíny-Tóthová H.* Ako sme začínali v Bratislave... S. 43–44.

¹² *Borodáč J.* Spomienky. Bratislava: Národné divadelné centrum, 1995. S. 83.

нашу жизнь»¹³. Проработав один сезон 1921/1922 г. в «Маршке», Бородач через некоторое время, в 1924 г., вернулся в основную драматическую труппу Национального театра и почти сразу основал в Школе музыкальных искусств Словакии курс мастерства драматического актера (в дальнейшем из стен Школы вышло множество известных словацких актеров).

К этому времени Б. Ержабек с частью своей труппы уже покинул СНТ и вернулся в Чехию, проработав в Братиславе в общей сложности два с половиной года. Летом 1923 г. с поста главного дирижера театра ушел и М. Зуна. Причина заключалась в конфликте между ним и дирекцией театра: Зуна старался повышать уровень мастерства оркестра, поэтому настаивал на многочисленных репетициях, заново разучивал с музыкантами партитуры произведений, тогда как дирекция СНТ настаивала на увеличении числа премьер и включении в репертуар все большего числа привлекательных для зрителя оперетт, а не на усовершенствовании качества исполнения произведений. Постоянное повторение одних и тех же спектаклей считалось причиной недостаточной посещаемости и низких сборов театра.

На место М. Зуны пришел Оскар Недбал – выдающийся дирижер и композитор, успевший до этого поработать не только в Праге, но и в Западной Европе. Совмещая посты главного дирижера, руководителя оперы и директора театра, он поставил перед собой и перед всем театром задачу привлечь в зал немецкую и венгерскую публику. Недбал начал формировать художественный облик театра с помощью оперы и балета, и отныне драматические спектакли давались лишь дважды в неделю. Приняв в труппу новых солистов и расширив состав оркестра и хора, он взялся за постановки известных оперных произведений, причем не только сам вставал за дирижерский пульт, но и приглашал других известных дирижеров, чтобы повысить уровень мастерства оркестра и качество постановок. Недбал сосредоточился в первую очередь на классическом репертуаре, в частности, на чешской классике (были разучены все циклы Б. Сметаны, оперы А. Дворжака, Л. Яначека, З. Фибиха), на французской и итальянской опере. Ставились на сцене СНТ и современные чешские произведения С. Суда, Э. Маршика, В. Новака, Ф. Нойманна, К. Коваржовича, В. Блодека, З. Фолпрехта и других, уже забытых сегодня авторов. Правда, подчас эти постановки выдерживали лишь три-четыре показа, после чего исчезали с афиш. Оскар Недбал, а затем и сменивший его в 1928 г. на посту руководителя оперы его племянник Карол Недбал делали попытки пропагандировать и национальную музыку, показав на сцене

¹³ *Borodáč J. Spomienky. P. 83–84.*

СНТ в 1926 г. оперу одного из родоначальников словацкого композиторского искусства Яна Левослава Беллы «Кузнец Виланд» (*Kováč Wieland*, либретто Рихарда Вагнера), а в 1928 г. оперу «Детван» (*Detvan*) Вилиама Фигуша-Быстрого по одноименной поэме А. Сладковича*. К слову, в те годы словацкая музыка все чаще звучала и в симфонических концертах театрального оркестра, которые давались в стенах сегодняшней Словацкой филармонии: оркестр начал исполнять произведения Я. Л. Беллы, Микулаша Шнайдера-Трнавского, Андрея Оченаша, Эугена Сухоня. Но при всем желании в те годы было нелегко найти оригинальные словацкие оперы должного качества, учитывая отсутствие в Словакии музыкальных высших учебных заведений. Так, упоминавшаяся опера Я. Л. Беллы, создававшаяся композитором в 1880–1890 гг., по неоромантическому духу принадлежала к XIX столетию и в 1920-е годы, несмотря на музыкальные достоинства и композиционную зрелость, воспринималась уже как реликт. Да и «словацкость» этой оперы также ставилась под сомнение, поскольку в ее основе лежал немецкий сюжет, и сама опера исполнялась на немецком языке. Поэтому опера В. Фигуша-Быстрого «Детван», либретто к которой на основе поэмы Сладковича написал Эмил Болеслав Лукач (и которую большая часть критики ругала за обилие дословных цитат из фольклора, бессвязность отдельных частей и т. п.), может считаться фактически первой оригинальной словацкой оперой, поставленной на сцене СНТ. Оперная труппа театра была почти полностью чешской, поэтому неудивительно, что чешский репертуар превалировал над словацким и в целом занимал значительное место в оперном репертуаре СНТ.

При Оскаре Недбале браτισлавский театр стал выходить на международную арену. Директор организовал гастрели СНТ в Праге, Вене, Барселоне, Мадриде. Благодаря его контактам в зарубежных театрах стало возможным приглашать в СНТ выдающихся дирижеров и солистов, а для работы в балетной труппе Недбал привлек известного постановщика, представителя итальянской балетной школы Ахилла Вискузи, который начал помогать и в постановке опер. Широкий репертуар, которым владел оркестр, стал сильной стороной СНТ. В 1928 г. Оскар Недбал передал пост директора тогдашнему художественному руководителю СНТ Вацлаву Йиржииковскому, а пост руководителя оперы – Карелу Недбалу, пробывшему на этом посту 10 лет, до 1938 г.; сам О. Недбал оставил за собой лишь должность дирижера.

* Отмечу также, что словацкий язык впервые прозвучал с браτισлавской оперной сцены еще в 1924 г., когда публике была представлена опера Ж. Массне «Жонглер Богоматери» (*Kaukliar u Matky Božej*) в переводе Милоша Руппельдта.

Во второй половине 1920-х годов (1925–1929), благодаря В. Йиржиковскому и заведующему литературной частью театра известному писателю Тидо Йозефу Гашпару, заметно повысился и уровень драматической труппы СНТ, которая стала играть все больше пьес на словацком языке. Так, были поставлены трагедия П. О. Гвездослава «Ирод и Иродиада», «Периферия» Франтишека Лангера и «Трагедия человека» Имре Мадача. Однако это развитие происходило в условиях острого финансового кризиса, который переживал не только театр, но и вся страна в целом. Несмотря на все старания руководителей СНТ, зрители шли в театр неохотно. К тому же на одной сцене были вынуждены уживаться три труппы – драматическая, оперная и балетная, причем больше всех «страдала» именно драматическая, которая по-прежнему давала спектакли лишь дважды в неделю и жаловалась на невозможность проводить достаточное количество репетиций. Театр стал искать другое помещение, и в 1930 г. была открыта новая сцена – Народный театр в здании Общественного дома (*Ludové divadlo v budove Živnodomu*), сегодняшняя Новая сцена (*Nová scéna*). По первоначальному проекту там предполагалось открыть кинотеатр, поэтому зал и сценическое пространство технически были плохо приспособлены под нужды театра, тем более оперы. Оттого было принято решение давать на этой сцене лишь драматические и опереточные постановки. 15 марта 1930 г. в Народном театре состоялась премьера пьесы Ивана Стодолы «Последняя симфония» (*Posledná symfónia*) в режиссуре Яна Бородача, который с 1929 г. занял должность режиссера драматической труппы СНТ. При составлении репертуара руководству театра все реже удавалось ставить во главу угла художественную ценность произведений – приходилось преследовать чисто коммерческие цели, пытаясь всячески привлечь в зал зрителей. Однако задача была трудновыполнимой: даже играя спектакли почти ежедневно, театр все время оказывался «в минусе», и уже через год сцена Народного театра была закрыта. 31 марта 1931 г. там была сыграна последняя премьера – спектакль по пьесе А. Н. Островского «Лес». Однако за год пребывания на новой сцене драматическая труппа значительно разрослась, увеличившись на треть, и в ней появилось много словацких актеров.

В августе 1931 г. новым директором театра стал Антонин Драшар, который ради выхода из бедственной финансовой ситуации сделал ставку на оперетту и в первом же сезоне руководства организовал отдельную опереточную труппу, а в 1932 г. принял судьбоносное решение, разделив драматическую труппу СНТ на чешскую и словацкую. Ян Бородач, ставший во главе словацкой труппы, по-прежнему продолжал укреплять линию реализма, стремясь следовать принципам К. С. Станиславского.

Репертуар этой труппы в большинстве составили произведения русских, советских и словацких авторов. Фактически Я. Бородач сформировал основной репертуар словацкой драматической сцены, который в дальнейшие десятилетия лишь изредка дополнялся новыми пьесами. Из произведений словацких авторов старшего поколения Бородач ставил пьесы Яна Паларика («Приключение на Обжинки*»), *Dobrodružstvo pri obžinkoch*, 1933 и 1936, «Инкогнито», *Inkognito*, 1938, «Жестянщик», *Drotár*, 1942), Йонаша Заборского («Подкидыш», *Najduch*, 1935 и 1940), Павла Орсага Гвездослава («Ирод и Иродиада», *Herodes a Herodiada*, 1937), Яна Халупки («Коцурково», *Kocúrko*, 1940), Феро Урбанека («Жена браконьера», *Pytliakova žena*, 1934, «Каменная дорожка», *Kamenný chodníček*, 1938, «Домовой», *Škriatok*, 1942), Йозефа Грегора Тайовского («Новая жизнь», *Nový život*, 1932, «Мечтатели», *Blúznivci*, 1933, «Женский закон», *Ženský zákon*, 1934 и 1941, «Кутерьма», *Statky-zmätky*, 1936 и 1938). Благодаря ему на сцене СНТ появились и драмы новых словацких авторов: Ивана Стодолы («Цыганенок», *Cigánča*, 1933, «Король Святоплек», *Kráľ Svätoplek*, 1935 и 1939, «Благородные господа», *Veľkomožní páni*, 1938, «Чай у господина сенатора», *Čaj u pána senátora*, 1940, «Марина Гавранова», *Marina Havranová*, 1941), Ладислава Надаши-Еге, ВГВ (Владимира Гурбана Владимировича) («Милица Николичова», *Milica Nikoličová*, 1934), Барч-Ивана (3000 человек, *3000 ľudí*, 1934).

Чешская труппа во главе с приглашенным из Праги режиссером Виктором Шульцем, учеником знаменитых немецких режиссеров Леопольда Йеснера и Макса Рейнхардта, привлекала зрителей современной сценографией и музыкальной составляющей спектаклей. Будучи одним из ярких представителей чехословацкого авангарда, Шульц стремился к созданию целостного сценического произведения** и привлекал к работе над спектаклями лучших словацких и чешских художников того времени: Франтишека Трестера, Людовита Фуллу, Микулаша Галанду. Он инсценировал пьесы чешских и мировых авторов, и, к примеру, пьесы К. Чапека «Белая болезнь» (1937) и «Мать» (1938) в его постановках звучали не только как метафорическое, но и как открытое отрицание немецкого фашизма. Шульц много работал и с оперной труппой, поставив «Леди Макбет» Д. Д. Шостаковича (1935), «Фиделию» Л. ван Бетховена (1936), сценическую кантату А. Моисея «Святоплек» (1935), оперу Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана»

* Праздник окончания жатвы.

** Нем. Gesamtkunstwerk, то есть единое произведение искусства – всеобъемлющее (универсальное) произведение, объединяющее различные виды искусства в рамках одного художественного объекта.

(1935) и др. Две независимые друг от друга, играющие на разных языках труппы просуществовали в театре до 1938 г., и творческое соперничество между ними имело важное значение для развития словацкого театра. В. Шульц привнес в СНТ совершенно новые театральные веяния, социальные и антимилитаристские идеи, стиль чешского и немецкого театрального экспрессионизма. Его современные, даже передовые и социально ангажированные постановки резко контрастировали с реалистическими принципами постановки Бородача. Это заставляло и словацких театральных режиссеров постепенно модернизировать репертуар, включая в него более сложные произведения.

Нужно отметить, что братиславская театральная среда и в 1930-е годы оставалась в целом космополитичной, в ней сосуществовало множество языков и культур: на сцене городского театра по понедельникам шли спектакли на немецком, по вторникам – на венгерском, в остальные дни – на чешском и словацком языках. На братиславскую сцену нередко привозили свои постановки лучшие театры Вены, такие как Театр в Йозефштадте, следовавший художественной линии М. Рейнхардта, или Фолькстеатр с его великолепной актерской труппой (Альберт Бассерманн, Эльза Бассерманн, Йозеф Ярно, Ханси Нисе, Лили Дарваш). Гастролировал здесь и авангардный пражский театр Эмила Франтишека Буриана «D34». После 1933 г., когда в Германии к власти пришли нацисты, на сцене СНТ нередко выступали звездные немецкие актеры, эмигрировавшие из Германии: Александр Моисси, Альберт Бассерманн, Эрнст Дойч, Тилла Дюрье. Безусловно, речь шла о столкновении не только языков, но и различных художественных стилей и культур. Таким образом, братиславская театральная среда сама по себе толкала режиссеров и художников на соперничество, удивление, провокацию, и внутри этого процесса постепенно формировался собственно словацкий театр, воспитывались первые словацкие театральные режиссеры.

После упразднения 31 декабря 1938 г. чешской драматической труппы Я. Бородач стал основным драматическим режиссером СНТ, однако его постановки военного периода, созданные под влиянием насаждавшихся тогда националистических настроений (Я. Паларик «Инкогнито», М. Разусова-Мартакова «Яношик», Й. Заборский «Подкидыш» и др.), трудно назвать режиссерскими удачами. Художественная программа и сценический язык Бородача оказались не вполне созвучны времени. Постепенно на первый план стали выдвигаться постановки молодых режиссеров Фердинанда Хоффманна, Яна Ямницкого, Йозефа Будского, воспринявших и продолжавших линию В. Шульца и других авангардных европейских режиссеров. Каждый из них приходил к зрителю со своеобразным театральным языком,

и все вместе они остались в истории словацкого театра как второе поколение драматической труппы СНТ¹⁴. Так, Я. Ямницкий внедрял принципы синтетического театра, сочетая в постановках элементы драмы, танца, песни; при этом он активно использовал стилизацию, приемы гротеска, делая акценты на ритме, жесте. Придавая большое значение сценографии, Ямницкий сотрудничал с замечательными театральными художниками и режиссерами: Каролом Л. Захаром, Э. Беллушом, Л. Брозмановой и др. Йозеф Будский, еще один выдающийся словацкий режиссер, является создателем современного словацкого поэтического театра, построенного на активном использовании сценической метафоры. С одной стороны, его театральный язык корнями уходил в романтическую традицию и традиции словацкого народного театра, с другой – использовал лучшие достижения авангардного театра. Благодаря этому поколению режиссеров, впитавших лучшие образцы современной европейской режиссуры, молодой словацкий театр влился в широкий контекст европейского и мирового театрального авангарда, обретя известность как самобытное художественное явление.

Литература

- B[ohumil]. H[aluzický].* K počiatkom stáleho divadla v Bratislave // Slovenský denník. 1920. Roč. 3. Č. 51. S. 1. (3.3.1920).
- Balák K.* U kořenů slovenského profesionálního divadla. (Vzpomínky na první kočující společnost Slovenského národního divadla) // Slovenské divadlo. 1957. Roč. 5. Č. 3. S. 206–214.
- Ballo I.* Káťa Kabanová v SND // Slovenský denník. Roč. 18. Č. 221. S. 4. (26.9.1935).
- Blahová-Martišová E.* Súpis repertoáru Slovenského národního divadla 1920–2010. Bratislava: Slovenské národné divadlo, 2010.
- Borodáč J.* Spomienky. Bratislava: Národné divadelné centrum, 1995.
- Česká divadla: Encyklopedie divadelních souborů / Ed. Šormová E. Praha: Divadelní ústav, 2000.
- *ib.* Káťa Kabanová // Bratislavské noviny. 1923. Roč. 2. Č. 71. S. 2 (26.3.1923).
- Lajcha L.* Dokumenty Slovenského národního divadla. Zv. 1. Zápas o zmysel a podobu SND (1920–1938). Bratislava: Divadelný ústav, 2000.
- Lajcha L.* Silueta generácie: Osobnosti činohry SND. Bratislava: Divadelný ústav, 2013.
- Lindovská N. a kol.* Od rekonštrukcie divadelnej inscenácie ku kultúrnym dejinám? 100 rokov Slovenského národního divadla. Bratislava: VEDA, 2015.

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Lajcha L.* Silueta generácie: Osobnosti činohry SND. Bratislava: Divadelný ústav, 2013.

- Maťašík A.* Vznik a prvé roky Slovenského národného divadla. Vývoj inštitúcie Slovenského národného divadla od počiatkov po nástup Oskara Nedbala. Bratislava: Ústav divadelnej a filmovej vedy SAV, 2015.
- Mistrík M. a kol.* Slovenské divadlo v 20. storočí. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 1999.
- Pamätnica Slovenského národného divadla. Sborník / ed. A. Bagar. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1960.
- Petzová-Pauliny-Tóthová H.* Ako sme začínali v Bratislave // Slovenské divadlo. 1956. Roč. 4. Č. 1. S. 27–48.

References

- B[ohumil], H[aluzický], 1920. K počiatkom stáleho divadla v Bratislave. *Slovenský denník*, 3, 51, pp. 1.
- Balák, K., 1957. U kořenů slovenského profesionálního divadla. (Vzpomínky na první kočující společnost Slovenského národného divadla). *Slovenské divadlo*, 5, 3, pp. 206–214.
- Ballo, I., 1935. Káťa Kabanová v SND. *Slovenský denník*, 18, 221, p. 4.
- Blahová-Martišová, E., 2010. *Súpis repertoáru Slovenského národného divadla 1920–2010*. Bratislava: Slovenské národné divadlo.
- Borodáč, J., 1995. *Spomienky*. Bratislava: Národné divadelné centrum.
- Šormová E., ed., 2000. *Česká divadla: Encyklopedie divadelních souborů*. Praha: Divadelní ústav.
- ib., 1923. Káťa Kabanová. *Bratislavské noviny*, 2, 71, p. 2.
- Lajcha, L., 2000. *Dokumenty Slovenského národného divadla. Zv. 1. Zápas o zmysel a podobu SND (1920–1938)*. Bratislava: Divadelný ústav.
- Lajcha, L., 2013. *Silueta generácie: Osobnosti činohry SND*. Bratislava: Divadelný ústav.
- Lindovská, N., a kol., 2015. *Od rekonštrukcie divadelnej inscenácie ku kultúrnym dejinám? 100 rokov Slovenského národného divadla*. Bratislava: VEDA.
- Maťašík, A., 2015. *Vznik a prvé roky Slovenského národného divadla. Vývoj inštitúcie Slovenského národného divadla od počiatkov po nástup Oskara Nedbala*. Bratislava: Ústav divadelnej a filmovej vedy SAV.
- Mistrík, M., a kol., 1999. *Slovenské divadlo v 20. storočí*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV.
- Bagar A., ed., 1960. *Pamätnica Slovenského národného divadla. Sborník*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry.
- Petzová-Pauliny-Tóthová, H., 1956. Ako sme začínali v Bratislave. *Slovenské divadlo*, 4, 1, pp. 27–48.

САТИРА ИЛИ СКАЗКА: МАЛОИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА Е. Л. ШВАРЦА В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Дарья Александровна Завельская –
кандидат филологических наук, доцент,
Институт славянской культуры, Российский
государственный университет имени
А.Н. Косыгина
Почтовый адрес: Хибинский проезд, 6,
Москва, 129125, Россия
Электронный адрес: daralzav@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию пьесы Е. Л. Шварца «Похождения Гогенштауфена» в аспекте жанра и развития характерной для автора художественной модели. Современники отмечали в пьесе общественный сатирический пафос, однако сам Шварц называл произведение сказкой. При анализе произведения учитывается влияние литературных объединений начала XX в. и более ранней традиции – романтических сказок Гофмана и Одоевского. В пьесе Шварца происходит столкновение доброй волшебницы с вампиром, оба они служат в советском учреждении, вместе с обычными людьми. Вампир стремится причинить вред инженеру Гогенштауфену, разлучить его с невестой. Фея разоблачает коварные замыслы и вступает в единоборство с упырем. Сатирический характер пьесы обусловлен обличением явлений современности. Но сюжет выстроен по принципу романтической сказки. Сказочный жанр позволяет сочетать волшебство и обыденную реальность. В дальнейшем это станет основным художественным принципом Евгения Шварца. Таким образом, данное произведение можно считать важным этапом на пути развития писателя как сказочника. Художественная модель рассматривается в сравнении с произведениями В. Каверина и Л. Лунца из объединения «Серapiоновы братья». Взаимодействие с этими писателями могло повлиять на художественный метод Шварца. Во всех произведениях есть сходство с романтическими сказками Гофмана. Подтверждением служат и сказочные пьесы В. Ф. Одоевского, развивавшего ту же литературную модель в русской литературе. Указанной модели присущи такие черты, как столкновение вечных сил, проникновение магии в обыденную жизнь, фантазмагория и условность изображаемых реалий.

Ключевые слова

Драматургия, жанр, сатира, сказка, романтизм, традиция, Шварц, «Серapiоновы братья», Каверин, Лунц, Одоевский, Гофман

Статья поступила в редакцию 20 октября 2019 г.

SATIRE OR FAIRY TALE: A LITTLE-KNOWN PLAY BY EVGENY L. SCHWARTZ IN THE ASPECT OF CREATIVE EVOLUTION

Darya A. Zaveliskaya

Ph.D., Associate Professor, Institute of Slavic
Culture, Kosygin Russian State University
Postal address: Khibinsky Proezd, 6, Moscow,
129125, Russia
E-mail: daralzav@gmail.com

Abstract

This article is devoted to the study of Evgeny L. Schwartz's play *Adventures of Hohenstaufen* and specifically the genre and development of the author's characteristic artistic model. Contemporaries noted public satirical pathos in the play, but Schwartz himself called the work a fairy tale. This analysis considers the influence of the literary associations of both the early twentieth century and an earlier tradition: the romantic tales of Hoffmann and Odoevsky. In Schwartz's play, there is a collision of a good sorceress with a vampire, who both serve in a Soviet institution together with ordinary people. The vampire seeks to harm the engineer Hohenstaufen, and to separate him from his bride. The good sorceress exposes these insidious intentions and enters into combat with the vampire. The satirical nature of the play is due to the denunciation of the phenomena of modernity, but the plot is built on the principle of a romantic fairy tale. The fairy-tale genre allows magic to be combined with everyday reality. In the future, this would become the main artistic principle of Evgeny Schwartz. Thus, this work can be considered an important stage in the development of the writer as a fabler. The artistic model is considered in comparison with the works of Veniamin Kaverin and Lev Lunts from the "Serapion brothers" group. Interaction with these writers may have influenced Schwartz's artistic method. In all the works there are similarities with the romantic tales of Hoffmann. Confirmation is also in the fairy-tale plays of Vladimir F. Odoevsky, who developed the same literary model in Russian literature. This model has such features as the clash of eternal forces, the penetration of magic into everyday life, phantasmagoria and the conventionality of the depicted realities.

Keywords

Drama, genre, satire, fairy tale, romanticism, tradition, Schwartz, "Serapion brothers", Kaverin, Luntz, Odoevsky, Hoffman

Received 20 October 2019.

Творчество замечательного сказочника Е. Л. Шварца вошло в историю отечественной литературы, театра и кинематографа настолько прочно, что зачастую даже переработанные им сюжеты Андерсена, Сервантеса и Шарля Перро лучше помнят по пьесам и сценариям, а экранизации, такие как «Обыкновенное чудо» и «Марья-искусница», для многих поколений стали источником популярных цитат.

Однако сам художественный мир этого автора, притягательный, остроумный и лиричный, требует вдумчивого подхода. Исключительно общественная трактовка реплик, образов или сюжетных поворотов обедняет восприятие произведений. Хотя уже современники писателя, критики и коллеги по театральной работе, часто акцентировали сатирическую линию пьес Шварца. Это нетрудно объяснить идеологической обстановкой тех лет, когда Шварц начал писать пьесы и сценарии. И в Ленинградском ТЮЗе, и в Театре комедии, который в 1935 г. возглавил Н. П. Акимов, сказочным сюжетам требовалось общественно значимое обоснование.

Когда знаменитая пьеса Шварца «Тень» (1940) вышла в издании Ленинградского государственного Театра комедии, сам Акимов, ставивший «Тень» как режиссер и художник сцены, и театральный критик С. Цимбал сопроводили ее двумя предисловиями, некоторые пассажи которых выглядели как попытка защитить произведение от нападков и обвинений в отрыве от насущных проблем советской жизни. Так, Н. Акимов настаивал, что в драматургической «комедии-сказке» вполне может быть выражена «советская мораль»¹.

Акцентируя общественную направленность творчества Шварца, Цимбал писал о роли советского писателя и драматурга в общей «напряженной борьбе всех сил советской литературы за правду, за мысль, за высокую художественную простоту» при помощи сказочного жанра². Называя «Тень» «философской сказкой, сказкой-памфлетом, адресованным не детям, а взрослым»³, настаивая на значимости сказки в истории народа, Цимбал привел в пример и малоизвестные сейчас произведения Шварца, в которых отметил некий прогрессивный пафос: «Это пьеса “Телефонная трубка” и сказка “Похождения Гогенштауфена”. В обеих этих пьесах Шварц выступает как памфлетист – “всяческая мертвечина”, тупое, безобразное существо выхолощенных людишек, случайно и незаконно затесавшихся в новую действительность, поднимают ярость и гнев драматурга <...>. Вокруг талантливого, честного советского человека разыгрывается борьба доброй волшебницы, выступающей в облике скромной уборщицы Кофейкиной, с управделами Упыревой, заправским упырем»⁴.

Воспоминания Акимова о Шварце также начинаются именно с этой пьесы: «Пьесу горячо обсуждали, признали интересной, но требующей

¹ Акимов Н.П. Сказка на нашей сцене // Шварц Е.Л. Тень. Л.: Ленинградский государственный театр комедии, 1940. С. 20.

² Цимбал С. Евгений Шварц и его сказки для театра // Шварц Е.Л. Тень. Л.: Ленинградский государственный театр комедии, 1940. С. 4–5.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 10–12.

доработки. Автор – скромный худощавый молодой блондин – сдержанной вежливостью выделялся из общего стиля более уверенных в себе и темпераментных ораторов. Он согласился со всеми замечаниями и больше к этой работе не возвращался»⁵.

Пьеса была, впрочем, опубликована в 1934 г. в ленинградском журнале «Звезда» под заглавием «Приключения Гогенштауфена», но многие современники упоминают ее как «Похождения Гогенштауфена». Именно такое название используется в статье, посвященной не только жанровой характеристике пьесы, но и вопросам творческого метода Е. Л. Шварца.

К этим вопросам обращался, в частности, М. А. Шеленок, определяя произведение как «сказочно-фантастический водевиль»⁶. Исследователь отметил и важные для последующего творчества автора мотивы, воплощенные в репликах героев⁷. Вслед за многими другими специалистами и критиками Шеленок оценил «Гогенштауфена» как некую пробу пера, произведение ученическое⁸.

Однако Шварц пришел к драматургии отнюдь не в юном возрасте. Его друг, сын знаменитого писателя, Н. К. Чуковский писал, что Шварц «нашел себя» очень поздно: «Первые десять лет его жизни в литературе заполнены пробами, попытками, мечтами, домашними стишками, редакционной работой. Это была еще не литературная, а прилитературная жизнь – время поисков себя, поисков своего пути в литературу. О том, что путь этот лежит через театр, он долго не догадывался. Он шел ощупью, он искал, почти не пытаясь печататься. Искал он упорно и нервно, скрывая от всех свои поиски»⁹.

Можно предположить, что в «Похождениях Гогенштауфена» сказывается не отсутствие опыта как такового, но один из путей поиска тех средств, которыми писатель мог бы выразить уже сложившееся, выстраданное мировоззрение.

Сам Шварц назвал эту пьесу «сказкой», и хотя авторские дефиниции далеко не всегда могут служить основанием для определения жанра, в данном случае не стоит игнорировать подзаголовок. Как раз с того времени

⁵ Акимов Н. П. Наш автор Евгений Шварц // Воспоминания о Евгении Шварце. СПб.: Петрополис, 2014. С. 253.

⁶ Шеленок М. А. Сказочно-фантастический водевиль Е. Шварца «Приключения Гогенштауфена»: поэтика жанра // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 83.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ Чуковский Н. К. Высокое слово – писатель // Шварц Е. Л. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 1: Пьесы. С. 13.

сказка стала основой, сутью творчества Шварца. Его собственные слова можно считать программой, концепцией, даже философией: «Искусство вносит правильность, без формы не передашь ничего, а все страшное тем и страшно, что оно бесформенно и неправильно. Никто не избежит искушения тут сделать трогательнее, там характернее, там многозначительнее. Попадая в литературный ряд, явление как явление упрощается. Уж лучше сказки писать. Правдоподобием не связан, а правды больше»¹⁰.

Впоследствии все его сказочные произведения воплощали именно стремление передать правду при помощи особой модели, которую можно увидеть уже в «Гогенштауфене». Введение такого понятия в литературоведческом исследовании позволяет систематизировать прежде всего соотношение бытийных явлений, базовые элементы художественного мира автора.

В «Похождениях Гогенштауфена» мы видим тесное сосуществование двух миров – обыденного и магического. В советской конторе служат настоящий упырь с фамилией Упырева и ее противница – добрая фея Кофейкина, которая спасает Гогенштауфена и его невесту от злого колдовства, заручившись поддержкой простой женщины Бойбабченко.

К тому времени, когда Шварц обратился к драматургии, он успел создать ряд детских произведений в кругу талантливых авторов, привлеченных С. Я. Маршаком для работы в журналах «Чиж» и «Еж». С первых же выпусков от страниц журналов повеяло особым духом игры, фантазии, юмора, в котором так легко усмотреть крамолу. И это неудивительно: многие авторы состояли в объединении ОБЭРИУ, провозгласившем свободу художественного мышления, вплоть до права на абсурд.

Теперь, после публикации дневников, писем и черновиков Шварца, можно уверенно обосновать влияние на него обэриутов, из которых сам он особо выделял Д. Хармса, хотя близкие дружеские отношения сложились у него с Н. Заболоцким и его семьей, а также – с Н. Олейниковым. Хармс для Шварца был скорее некой недостижимой вершиной, примером, которому он временами пытался подражать в своих поэтических опытах, при этом осознавая серьезную дистанцию.

Разумеется, доля рискованной литературной игры, абсурдизма и смелой фантазии в произведениях Шварца может быть отнесена к влиянию обэриутов. Тонкий юмор автора, который отмечали многие его современники, сказывался в неожиданных, оксюморонных репликах героев, гротеске, внезапных сочетаниях фантастического и реального. Таким было и своеобразное творческое кредо Д. Хармса, Н. Олейникова, Н. Заболоцкого,

¹⁰ Шварц Е. Л. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 4: Киносценарии; Дневники. С. 263.

воплощенное в ярком, живом характере журналов «Чиж» и «Еж». Ранние стихотворные опыты Шварца демонстрируют отчетливое стремление подражать этой поэтике («Случай», «Щенок», «Идиот»).

Примеры такого стиля заметны и в «Гогенштауфене»:

«Кофейкина. Было бы дело зимой – дала бы я вам шапки-невидимки. Но не зима теперь – лето: тепло, хорошо. И раздам я вам поэтому завтра кепки-невидимки. Потрачу капитальное чудо номер два. Где мой электрический пылесос?

Бойбаченко. Да зачем он тебе?

Кофейкина. К ней полечу. Моложе была – на метле летала, а теперь состарилась, отяжелела – летаю на электрическом пылесосе. Мне, старой, на нем покойнее. Все-таки электроэнергия. Спи, Гогенштауфен.

Гогенштауфен. А проект?

Кофейкина. Спи, машины-арифмометры за тебя пороботают.

Гогенштауфен. Позволь, но ведь там надо знать!

Кофейкина. Я все знаю. Моя энергия в них будет работать. Это даже не чудо, а чистая наука. Правят кораблями с берега, а я с дороги буду править машинами. И все очень просто. Чистая наука.

Гогенштауфен. Позволь, но ты-то сама...

Кофейкина. Я все знаю. Забыл, кто я? Я молода была – называлась фея. Это я теперь Кофейкина. Все очень просто. Спи.

В окно влетает подушка. Нерешительно повисает в воздухе.

(Подушке). Да-да, правильно, сюда!

Подушка укладывается Гогенштауфену под голову»¹¹.

Однако налет абсурдизма в сочетании слов и событий здесь не самоцель, а указание на непредсказуемость реального чуда, проникающего в обыденность, – такова модель художественного мира, в котором развивается действие: Упырева стремится уничтожить живое начало в Гогенштауфене, Кофейкина защищает героя. Орудием упыря становятся коварство, искажение правды, разрушение чистой любви; добрая фея старается раскрыть герою правду, сберечь вдохновляющие его отношения с Марусей. Сюжет произведения выстроен по принципу раскрытия тайн, разоблачения обмана. Пьеса полна неожиданных поворотов, буффонады, гротесковых споров – но все эти возможности комедийного жанра лишь подчеркивают сценическую условность, в которой происходят события невероятные, волшебные, не требующие объяснения.

Детство самого Шварца проходило уже в эпохе устоявшейся традиции литературной сказки для детей и взрослых, в том числе – сказки

¹¹ Шварц Е. Л. Собрание сочинений. Т. 1. С. 236.

сценической. А новый виток ее развития приходится на период становления Шварца как драматурга. В этом культурно-историческом контексте и следует рассматривать «Похождения Гогенштауфена», учитывая при анализе произведения художественные и философские искания не только самого автора, но и современных ему, и предшествующих творческих сообществ.

Помимо влияния обэриутов на Шварца, необходимо учесть его знакомство еще с одним ярким литературным объединением. До участия в проекте Маршака, после распада «Театральной мастерской», с которой Шварц приехал из Ростова-на-Дону в Петроград, он успел войти в круг известной группы «Серапионовы братья». С некоторыми «Серапионами» он потом долго поддерживал дружеские отношения.

В воспоминаниях Шварц повествует о присутствии на этих собраниях как об эпизоде скорее курьезном, нежели определяющем его творческий путь. В. Шкловский, М. Слонимский, Л. Лунц, В. Каверин (участники первого вечера, на который попал Шварц) были в своем роде экспериментаторами, демонстрировавшими нечто ему непривычное. И все же возникшее в итоге «общее ощущение талантливости и новизны объясняло и оправдывало их объединение»¹².

Не принимая теоретических концепций Шкловского и Тынянова, будущий сказочник порой весьма глубоко погружался в самую творческую атмосферу сообщества, ощутив в ней стремление близкое по духу: «Среди умерших, но продолжавших считать себя живыми, и пролеткультовскими искусственными цветами они ощущались как люди живые и здоровые. <...> Говоря яснее: на этом вечере я вдруг почувствовал, что не все так далеко от меня в тогдашней литературе, как немецкий экспрессионизм, например. Делается нечто доказывающее, что я не урод, не один. Есть кто-то, думающий, как я»¹³.

А вот что вспоминал о Шварце Каверин: «Он редко посещал серапионовские субботы, а если и приходил, никогда не высказывал своего мнения по поводу прочитанного рассказа. Зато он сразу стал душой наших, запомнившихся кино-театральных вечеров, на которых ставились импровизированные спектакли: “Памятник Михаилу Слонимскому”, “Фамильные бриллианты Всеволода Иванова”, “Женитьба Подкопытина”. <...> Вместе с Лунцем и Зоценко он сочинял эти импровизации, а потом мгновенно превращался то в режиссера,

¹² Шварц Е.Л. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 3: Сказки; Пьесы для кукольного театра; Повести; Воспоминания. С. 388.

¹³ Там же. С. 388–389.

то в конферансе, то в актера, а когда это было необходимо, становился театральным рабочим»¹⁴.

Таким образом, перед нами уже обрисованы основные контуры взаимодействия Шварца с творческим сообществом «Серрапионов»: свое понимание сценического искусства после распада труппы «Театральной мастерской» он продолжал формировать и развивать в активном сотрудничестве с носителями вдохновенных и остроумных моделей художественной литературы, восходящих к традиции остросюжетности, увлекательности, цветущей фантазии.

Можно уверенно предположить, что модель театральной сказки, выбранная Шварцем для выражения правды более высокого порядка, нежели «правдоподобие», сформировалась в его творчестве во многом благодаря «серрапионовскому» влиянию. Тем более, само название сообщества восходило к произведению Э. Т. А. Гофмана, заложившего основы авторской, в том числе детской, сказки.

Творческий эксперимент романтиков XIX века позволял довольно прихотливо сочетать игру воображения, чудеса, долю назидательности и вполне взрослый, глубоко философский смысл. Это в полной мере касается и Андерсена, который обрел жизнь на советской сцене благодаря творчеству Шварца. Переосмысление Андерсена в знаменитых «Снежной королеве», «Тени» и несколько подзабытом «Голом короле» – отдельный исследовательский вопрос.

Такая художественная модель в целом не была характерна для большинства «Серрапионовых братьев». По мнению Лунца, выбранное имя сообщества вовсе не обязывало к подражанию, имело совсем иной смысл: «Мы не школа, не направление, не студия подражания Гофману. <...> Мы назвали себя “Серрапионовыми Братьями”, потому что не хотим принуждения и скуки, не хотим, чтобы все писали одинаково, хотя бы и в подражание Гофману. У каждого из нас свое лицо и свои литературные вкусы, у каждого из нас можно найти следы самых различных литературных влияний»¹⁵.

Тем не менее Гофман был весьма значимой фигурой для участников сообщества, и со всей очевидностью Каверин в ранних фантастических произведениях именно подражал ему, развивая действие «Пурпурного палимпсеста», «Хроники города Лейпцига за 18...год» и отчасти «Пятого странника» в немецких городах гофманской эпохи: колорит, речевая фактура, причудливый мир романтических арабесок, подразумевающий все

¹⁴ Каверин В. А. Ланцелот // Воспоминания о Евгении Шварце. СПб.: Петрополис, 2014. С. 225–226.

¹⁵ Лунц Л. Н. Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007. С. 344.

то же парадоксальное взаимопроникновение обыденного и волшебного. Впоследствии Каверин выстраивал свой индивидуальный творческий стиль на иных основаниях, отойдя от фантастики. Однако фантастический элемент остался в его сказках для детей и получил новое развитие уже начиная с пьесы «В гостях у Кощея» (1938), которая позднее публиковалась под названием «Сказка о Мите и Маше, о Веселом Трубочисте и Мастере Золотые Руки». В этом произведении проявилась, по сути, гофманская модель, закрепленная в детской литературе благодаря знаменитому «Щелкунчику»: дитя попадает в мир волшебства из мира обыденного и совершает нечто, освобождающее от зла оба мира.

Видимо, имели место не только взаимный творческий обмен, близость художественных вкусов и устремлений, но и общность культурного пласта, на котором Каверин и Шварц возводили свои сугубо индивидуальные, хотя и схожие конструкции в жанре авторской сказки.

Мера театральности условности, дающая свободу творческой фантазии драматурга-сказочника, впоследствии стала приметой поэтики Шварца и многих его современников, включая Каверина. И она намечена уже в «Похождениях Гогенштауфена» не только появлением вурдалака и доброй волшебницы в стенах советского учреждения, но и образом Фавна, и финальной сценой с участием осоавиахимовцев и горцев, и прочими проявлениями буффонады, подчеркивающими карнавалльно-сценический характер действия, позволяющего столкнуть в противостоянии не просто сказочных героев, но таинственные силы, вторгающиеся в обычный мир:

«Кофейкина. Ладно. Мертвый этот упырь притворяется у нас в учреждении из живых живейшим. Упыри, они же вурдалаки, иначе вампиры, как известно, кровью человеческой питаются. А наша вон что делает. Смотри! (Свистит.)

Упырева оживает. Достает из сумочки пузырек, из стола рюмочку.

Какает. Пьет. Свисток. Упырева замирает.

Бойбабченко. Чего это она пила?

Кофейкина. Гематоген.

Бойбабченко. Чего, чего?

Кофейкина. Гематоген. Лекарственный препарат из крови завода врачебных заготовлений Наркомздрава. Днем препаратом живет, ну, а вечером она, правда, насыщается досыта. Вечером она совмещает. Служит лаборанткой в лаборатории, куда кровь на исследование дают. Ясно – она по крови специалистка. Она там часть исследует, часть выпьет. Часть исследует, часть выпьет. Вот. Все понятно?»¹⁶.

¹⁶ Шварц Е. Л. Собрание сочинений. Т. 1. С. 228.

Каверин, наряду с прочими коллегами и друзьями Шварца, считал обличительный пафос одной из характерных примет его творчества, не забывая о глубокой этической сути этого пафоса: «Спасибо тебе, дорогой, за Ученого, за Ланцелота, за Дон Кихота, за то, что вместе с ними ты ненавидел больших и маленьких драконов фашизма. За то, что ты нашел в себе силы, чтобы высмеять их, оставаясь серьезным»¹⁷.

И уже в этом фрагменте проявляется осмысление чего-то большего, чем сатирическая заостренность художественной мысли Шварца, проникающей не только в «проблемы современности», но в основы человеческого бытия.

Может показаться странным, что и в «Похождениях Гогенштауфена» Цимбал обнаружил подобную «бытийность»: «Живое сражается с мертвым, и Шварц повествует об этом, прибегая ко всем известным и излюбленным аксессуарам сказки»¹⁸. Однако ничего удивительного тут нет, и внешняя злободневность пьесы, соответствующая чертам сатиры и памфлета, сама исходит из более глубокого художественного осмысления принципов мироустройства. Образ управделами Упыревой карикатурен, но приобретает и зловещую окраску: сама задача обличения мертвенного начала бюрократии заставляет автора выявить его *вневременную суть*:

«Бойбабченко. Бюрократка она!

Кофейкина. Хуже. Она их предвечная праматерь, или, по-русски говоря, шеф. Она враг всего живого, а сама питается живым. Она мертвого происхождения, а сама помирать никак не хочет. Она вечно в движении – зачем? Чтобы все движение навсегда остановить и в неподвижные формы отлить. Она смерти товарищ, тлению вечный друг»¹⁹.

Конечно, в этом фрагменте зловещий смысл смягчен комическим сочетанием торжественного архаичного пафоса с разговорным, деловым и даже публицистическим стилем. Но уже здесь мы имеем дело с той художественной моделью, которая в дальнейшем использовалась Шварцем во многих произведениях.

Дракон – древнее зло, Тень – бессмертное воплощение вечной стихии лжи, и даже Снежная Королева предстает некой «праматерью» холода, владычицей, повелевающей Коммерции Советником и Королем. Еще очевидней это «изначальное» ледяное зло проявлено в образе мрачного Прадедушки Мороза из «Двух братьев».

По словам Каверина, «это было очень трудно, когда Шварц писал для взрослых, годами нащупывая тропинку, которая привела его к “Дракону”».

¹⁷ Каверин В. А. Ланцелот. С. 243.

¹⁸ Цимбал С. Евгений Шварц и его сказки для театра... С. 12.

¹⁹ Шварц Е. Л. Собрание сочинений. Т. 1. С. 227.

Она наметилась уже в одной из первых пьес, в «Похождениях Гогенштауфена»²⁰.

Замечу, что Кашей Каверина (как позднее Дракон Шварца) воплощал сгусток античеловеческой и коварной силы, существующей вне времени. Впоследствии Каверин вновь создал подобный образ в «Верлиоке» (1982), где фантастическое существо, рожденное из зубов мифологического дракона, стремится умертвить живое начало при помощи бюрократии, подобно Упыревой из «Похождений Гогенштауфена».

И, разумеется, во всех названных случаях наличествует обличение конкретных форм зла в современности, что позволяет увидеть в этих произведениях черты сатиры. Тем не менее ключевой фактор и у Шварца, и у Каверина – более древняя сущность зла и добра, более давняя история их борьбы. И фашизм, и бюрократия – их частное проявление. Именно такое извечное зло предстает в сказочных сюжетах Гофмана – маленький человек вступает с ним в битву на стороне добра и в «Золотом горшке», и в «Щелкунчике». Порой в противостоянии древних великих магов добро и зло не столь очевидны: например, в «Крошке Цахесе» или «Повелителе блох»; но практически всегда в сказках Гофмана за событиями современности стоит магическая, мистическая предыстория. И уже начиная с «Похождения Гогенштауфена» Шварц стал использовать этот системный принцип, минимизируя характерный для немецкого романтизма оккультный антураж.

Однако в «Гогенштауфене» можно обнаружить и яркие сцены волшебной фантазмагии, причудливо меняющей реальность:

«Удар грома, молния. В часах сильный звон. Свет в комнате делается значительно ярче. Загорается перегоревшая настольная лампа. Пишущие машинки звонят, стучат. Арифмометры вертятся сами собой, подпрыгивают высоко над столами и мягко опускаются обратно. В углу с грохотом раскрылось и закрылось бюро. Кариатиды – бородатые великаны, поддерживающие потолок, – осветились изнутри.

Гогенштауфен. Что это делается кругом?

Кофейкина. А это из-за меня, товарищ Гогенштауфен. У меня энергии масса. Все кругом прямо оживает. Волшебница ведь я, извините.

Бойбабченко. Волшебница. Понимаешь? В смысле – ведьма. И не подумай, товарищ Гогенштауфен, что в смысле характера или там наружности она ведьма. Нет. Она полная ведьма! На сто процентов! Я с ней весь вечер сегодня объяснялась – все поняла!

Гогенштауфен. Но волшебниц на свете не бывает, слышите вы, безумные, – не бывает!

²⁰ Каверин В. А. Шварц и сопротивление // Воспоминания о Евгении Шварце... С. 24.

Кофейкина. Вообще, действительно, не бывает, но одна всегда была и есть. Это я.

Гогенштауфен. А это все равно, что и нету! Сколько миллиардов людей жило, живет и еще будет жить – против этого страшного числа одна единственная ведьма все равно, что ничего. Считай, что вообще, действительно, их нету»²¹.

При этом не стоит забывать, что и Лунц, с которым был дружен Шварц, хоть и декларировал свободу от подражания Гофману, сам порой использовал возможности фантастики, а точнее – традицию фантазмагии. И в коротком рассказе «Исходящая № 37. Дневник Заведующего Канцелярией» (1922) именно фантазмагорический сюжет, выстроенный по принципу интригующей и пугающей, но одновременно и комичной, гротесковой тайны превращения человека в бумажку, как нельзя лучше соответствует сатирической задаче максимально заостренного обличения все той же мертвенности советской бюрократии. Напоминая по структуре гоголевские «Записки сумасшедшего», «Исходящая № 37» Лунца по духу близка и гофманским произведениям. Им созвучны образ гипнотизера (то ли шарлатана, то ли скрытого мага, запустившего процесс жуткого преображения бюрократа в документ), переплетение мотивов безумия и волшебства. В опубликованных воспоминаниях и письмах Шварца это произведение не упомянуто, но можно предположить, что он читал его, поскольку следил за творческими исканиями Лунца.

Эксцентричная смелость рассказа «Исходящая № 37», по всей видимости, была обусловлена той же «серапионовской» атмосферой, хотя, кроме ведущего мотива – расчеловечивающей сущности бюрократизма, – в ней не так много общего с «Похождениями Гогенштауфена». Стилистика рассказа ближе к творчеству М. Зощенко: «Только что цепь моих рассуждений достигла этого звена, как вдруг вбежала жена моя в сильном возбуждении. Щеки ее пылали, и грудь вздымалась. Она сообщила мне, что в нашем доме поселился гипнотизер, который показывает сейчас в помещении Домкомбеда чудеса. На это я возразил ей, что согласно соответствующих декретов, никакие чудеса невозможны. Войдя в помещение Домкомбеда, я увидел следующую картину. Комната была наполнена публикой. В углу стоял человек подозрительного вида и, двигая руками над головой спящего, требовал, чтобы тот делал то-то и то-то. Тогда я выступил вперед и произнес речь по текущему моменту»²².

²¹ Шварц Е. Л. Собрание сочинений. Т. 1. С. 222.

²² Лунц Л. Н. Литературное наследие. С. 269.

Однако есть существенный фактор, который нельзя обойти вниманием. Сочетая канцеляризмы с фантастическим сюжетом, Лунц стремился передать парадоксальное, на грани абсурда, проникновение мистики в обыденность – это, как показано ранее, характерно и для «Похождений Гогенштауфена». В гораздо большей степени, чем для последующих сказочных пьес Шварца. Хотя нечто подобное, только с куда меньшим контрастом, проявляется и в «Снежной королеве», и в «Тени», и даже в «Кукольном городе» – пьесе для театра марионеток. Но художественные возможности волшебной сказки заставляют переживать острые, кульминационные события в русле приключенческого сюжета.

Так, в «Похождениях Гогенштауфена» происходит открытое магическое сражение Упыревой и доброй волшебницы Кофейкиной, смутно напоминающее финальную схватку Ведьмы и Линдгорста из «Золотого горшка»:

«Показывается Упырева в широком плаще.

Бойбабченко. Вон она, хватай ее!

Кофейкина. Стой!

Бойбабченко. Залетай с правого боку! Окружай с тылу!

Кофейкина. Стой!

Бойбабченко. Гогенштауфен, окружай с того боку! Летай веселей! Поддерживай компас! Ага, окаянная! Ага, грубая!

Окружают Упыреву. Упырева в широком плаще.

Кофейкина. Где Маруся?

Упырева (*распахивает плащ, в руках у нее Маруся*). Не подходи, чхи! Сброшу ее вниз, чхи!

Бойбабченко. Простудилась, мерзкая!

Упырева. Нет. Противно! Чхи! Молодая она, молоком пахнет. Чхи!

Кофейкина. Отдай ее.

Упырева. Зачем?

Кофейкина. Человека жалко.

<...>

Упырева. Еще поживу, хотя полчасика.

Кофейкина. Ты побеждена!

Упырева. Нет, брат. Бой еще идет. А Маруся у меня!

Кофейкина. Так что?

Упырева. А в бою без жертв нельзя»²³.

Для творчества Гофмана также характерен обличительный гротеск, а сказочные сюжеты он практически всегда использовал в том же русле – демонстрируя уродства современной ему жизни как проявление вечного

²³ Шварц Е. Л. Собрание сочинений. Т. 1. С. 275–277.

зла, искажающего прекрасное начало в человеке. Таким образом, эта традиция, заложенная литературой романтизма, проявилась в органичном сочетании памфлета и сказки в ранней пьесе Шварца, причем сказочное начало в данном случае не просто первично как жанровая основа – оно создает смысловую и стилистическую базу для сатиры и гротеска, что позже было использовано в «Тени», «Драконе», «Снежной королеве», «Обыкновенном чуде».

В отличие от Каверина, ни Шварц, ни Лунц не подражают Гофману в стилистике, антураже, атмосфере. Можно уверенно сказать, что оба отечественных писателя использовали модели, сформированные немецким автором и уже укорененные в русской романтической литературе. Каверин сознавал это вполне отчетливо: «В молодости у меня намечался совсем другой путь; он был использован Вельтманом и Вл. Одоевским в XIX веке, он нашел гениальное воплощение в повести Гоголя “Нос”»²⁴.

Особое внимание следует уделить упоминанию об В. Ф. Одоевском. Из русских писателей он отчетливее прочих следовал Гофману – и в эстетике, и в мотивах. Особенно сильны гофманские реминисценции в «Пестрых сказках» (1833). Более того – вариации сюжета и образной системы «Песочного человека» Гофмана, представленные в двух произведениях этого сборника («Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту», «Та же сказка, только на изворот»), посредством фантазмагорического гротеска и печальной иронии превращаются в обличение искаженности и «миражности» современной жизни²⁵.

При этом Одоевский был и драматургом, помимо реалистических пьес, создавшим сказочные: «Сегелиель, или Дон-Кихот XIX столетия» (1838) и «Царь-девица» (1837). Первая, с подзаголовком «Сказка для старых детей», не была закончена и опубликована лишь небольшим отрывком, однако уже по этому фрагменту и замечаниям П. Н. Сакулина, разбиравшего черновики пьесы²⁶, можно составить представление о философской и художественной сути произведения: один из падших духов ради любви к людям поселяется на земле под видом чиновника и противостоит как своим собратьям, строящим злобные козни, так и самодовольным смертным с душами, подпавшими под власть зла²⁷.

²⁴ Каверин В. А. Очерк работы. Открытая книга. Литературные заметки. Избранные письма. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 623.

²⁵ Греков В. Н. Жизнь и мираж (О сказках В. Ф. Одоевского) // Одоевский В. Ф. Пестрые сказки; Сказки дедушки Иринея. М.: Худож. лит, 1993. С. 12–15.

²⁶ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 52–53.

²⁷ Там же. С. 94–97.

И не зря Одоевский называет произведение именно сказкой, хотя, вне всякого сомнения, модель восходит еще к предромантизму И. В. Гете: в этой пьесе Одоевского – все та же модель соотношения добра и зла, не просто абстрактные «силы», но могущественные создания со своим характером, индивидуальностью, личностной волей влияют на земную жизнь, покровительствуя или препятствуя людям. Жанр *авторской романтической сказки* способствовал развитию этого изобразительного принципа. Так, современный исследователь В. В. Пешкова убедительно показывает сложившуюся в европейской литературе традицию, сочетающую этический и мистический компонент благодаря фантастическому сюжету и принципам сказочной эстетики²⁸.

Была ли пьеса Одоевского о духе Сегелиеле знакома Шварцу и Каверину? Вряд ли Каверин, погруженный в эпоху русского романтизма благодаря работе над диссертацией о Сенковском (Бароне Брамбеусе), мог обойти стороной работу П. Сакулина и свидетельства современников.

Однако можно с немалой уверенностью предположить, что Каверин и Шварц знали текст «Царь-девицы», поскольку он был включен в сборник Наркомпроса «Игра» 1920 г., посвященный принципам детской драматургии и театральным постановкам в детском коллективе. Если сборник распространяли в советских детских театрах, то Шварц мог прочесть его в Ленинградском ТЮЗе, с которым сотрудничал еще до начала работы над «Похождениями Гогенштауфена».

Пьеса «Царь-девица», ныне малоизвестная, должна учитываться в контексте развития детской драматургии, поскольку этим произведением Одоевский, по сути, открывал данный жанр в России. На «Сегелиеле» она похожа мало, но в ней прослеживается другой важнейший фактор, обусловивший поэтику драматургии Шварца, – намеренная условность в сочетании несочетаемого.

Сам Одоевский снабдил «Царь-девицу» шуточным комментарием, где обосновал эту условность: «Но я должен сказать вам, что сочинитель трагедии “Царь-Деввица” был человек очень неученый и, по-видимому, совсем не знал истории: он спутал все имена, все эпохи, все происшествия и даже все костюмы. <...> Задача состоит в следующем: означить, в чем именно ошибся сочинитель трагедии “Царь-Деввица”, какие из действующих лиц действительно могли или не могли, по истории, между собою встретиться, к какому времени какое действующее лицо принадлежит

²⁸ Пешкова В. В. Роман «Отар из Бретани» М. Хансена в контексте европейской литературной традиции первой половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2015. С. 62–63.

и чем отличается это время от другого, например: какое различие между тем временем, когда жил Одиссей, тем, когда были крестовые рыцари, и, наконец, тем, когда носили сарафаны»²⁹.

Сам Шварц использовал меру условности в этом ключе творческой свободы, предоставляемой сценическим действием. Намеренное смешение мотивов, участие ожившей статуи Фавна и осовиахимовцев, «императорская» фамилия простого советского служащего – все это предвещает особенности его дальнейшего творчества.

Таким образом, мы можем сделать вывод о системной значимости пьесы «Похождения Гогенштауфена» в творческом пути Е. Шварца, о пробе или отработке индивидуального художественного метода, базирующегося на традициях романтической авторской сказки, включающей фантасмагорию, гротеск, элемент сатиры и бытийно-философскую основу. В данном случае эта философская основа, как во многих последующих сказках Шварца, воплощена внешне юмористически, но подразумевает нечто очень значимое для автора.

При жизни Шварца пьеса не была поставлена, однако в воспоминаниях о сказочнике ее многие упоминали. А после успеха «Тени» один из критиков так отметил особую авторскую манеру: «Шварц написал подлинную, всамделишную пьесу-сказку. Но в то же время в этой пьесе очень много подлинной жизненной правды <...>. Шварц умеет остроумно реализовать сказочные метафоры, переводить сказочные образы в бытовой, «домашний» план, приближать их этим к читателю и зрителю».³⁰ Эту характеристику творческого подхода Шварца к сказке и правде в целом вполне можно распространить и на остальные его произведения, на «Похождения Гогенштауфена» – в том числе. И крайне важно, что критик акцентировал именно «простой» жизненный пласт в произведениях драматурга. Шварц очень дорожил живым, человеческим началом.

И если Упырева отнимает радость жизни, отравляет любовь, разрушает творческую силу, то Кофейкина стремится приумножить жизнь и радость. И, вероятно, ее забавная фамилия – тоже вполне говорящая. Вот что вспоминал Каверин: «Он был писателем уже тогда, когда пятилетним мальчиком попал в кондитерскую и испытал чувство, для которого (вспоминая свое детство) не нашел другого выражения, как “чувство кондитерской”»³¹.

²⁹ Одоевский В. Ф. Царь-девица. Трагедия для театра марионеток // Игра: не-периодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению, 1918–1920. № 3. Пг.: Гос. издательство, 1920. Ч. 2. С. 130.

³⁰ Гринберг И. Ученый и его тень // Литературная газета. 1940. № 26 (10 мая). С. 5.

³¹ Каверин В. А. Ланцелот. С. 223–224.

Эта философия простой земной радости была для Шварца отнюдь не поверхностной. Позднее она воплотилась и в Аннунциате из «Тени», и в Бабушке из «Снежной королевы», и, возможно, в самом глубоком, самом близком автору персонаже – трактирщике Эмиле из «Обыкновенного чуда». Наверняка не зря реплику Кофейкиной «Бей в барабаны! Труби в трубы!» Шварц передал возлюбленной и тезке Эмиля, грубоватой, но истинно сердечной «кавалерственной даме», стремившейся, порой неуклюже, примирить главных героев.

Именно сказка дала простор этой выстраданной за годы лишений философии драматурга – светлой, мудрой и человеческой. Именно сказка, воспринятая из предшествующей литературной традиции, давала возможность столкнуть в поединке могущественные силы теплого, ясного добра и ледяного, мертвенного зла, сочетать абсурд с истиной, быт с фантастикой и реальность – с чудом.

Тем плодотворнее было бы использование понятия «художественной модели» для изучения преемственности в литературном творчестве и конкретного автора, и сообществ, развивающих изобразительную и жанровую традицию.

Литература

- Акимов Н. П.* Наш автор Евгений Шварц // Воспоминания о Евгении Шварце. СПб.: Петрополис, 2014. С. 252–262.
- Акимов Н. П.* Сказка на нашей сцене // *Шварц Е. Л.* Тень. Л.: Ленинградский государственный театр комедии, 1940. С. 16–23.
- Греков В. Н.* Жизнь и мираж (О сказках В. Ф. Одоевского) // *Одоевский В. Ф.* Пестрые сказки; Сказки дедушки Иринья. М.: Художественная Литература, 1993. С. 5–22.
- Гринберг И.* Ученый и его тень // Литературная газета. 1940. № 26 (10 мая). С. 5.
- Каверин В. А.* Ланцелот // Воспоминания о Евгении Шварце. СПб.: Петрополис, 2014. С. 223–243.
- Каверин В. А.* Очерк работы. Открытая книга. Литературные заметки. Избранные письма. М.: Гудьял-Пресс, 1999.
- Каверин В. А.* Шварц и сопротивление // Воспоминания о Евгении Шварце. СПб.: Петрополис, 2014. С. 244–251.
- Луниц Л. Н.* Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007.
- Пешкова В. В.* Роман «Отар из Бретани» М. Хансена в контексте европейской литературной традиции первой половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2015. С. 61–63.
- Чуковский Н. К.* Высокое слово – писатель // *Шварц Е. Л.* Собрание сочинений. В 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 1: Пьесы. С. 5–24.

Шеленок М. А. Сказочно-фантастический водевиль Е. Шварца «Приключения Гогенштауфена»: поэтика жанра // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 84–87.

References

- Akimov, N.P., 2014. Nash avtor Evgenii Shvarts. In: Binevich, E., ed., 2014. *Vospominaniia o Evgenii Shvartse* [Memories of Eugene Schwartz]. Saint-Petersburg: Petropolis, pp. 252–262.
- Akimov, N.P., 1940. Skazka na nashei stsene. In: Shvarts, E.L., 1940. *Ten'* [Shadow]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi teatr komedii, pp. 16–23.
- Chukovskii, N.K., 2010. Vysokoe slovo – pisatel'. In: Shvarts, E., 2010. *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 1: P'esy*. [Collected works in 5 volumes. Vol. 1: Plays]. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek, pp. 5–24.
- Grekov, V.N., 1993. Zhizn' i mirazh (O skazkakh V. F. Odoevskogo). In: Odoevskii, V.F., 1993. *Pestrye skazki; Skazki dedushki Irineia* [Motley fairy tales; Tales of grandfather Irenaeus]. Moscow: Hudozh. Lit, pp. 5–22.
- Kaverin, V.A., 1999. *Ocherk raboty. Otkrytaia kniga. Literaturnye zametki. Izbrannye pis'ma* [Essay work. Open book. Literary notes. Selected letters]. Moscow: Gud'ial-Press.
- Kaverin, V.A., 2014. Lantselot. In: Binevich, E., ed., 2014. *Vospominaniia o Evgenii Shvartse* [Memories of Eugene Schwartz]. Saint-Petersburg: Petropolis, pp. 223–243.
- Kaverin, V.A., 2014. Shvarts i soprotivlenie. In: Binevich, E., ed., 2014. *Vospominaniia o Evgenii Shvartse* [Memories of Eugene Schwartz]. Saint-Petersburg: Petropolis, pp. 244–251.
- Lunts, L.N., 2007. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Peshkova, V.V., 2015. Roman “Otar iz Bretani” M. Hansena v kontekste evropeiskoi literaturnoi traditsii pervoi poloviny XIX veka. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, pp. 61–63.
- Shelenok, M.A., 2017. Skazochno-fantasticheskii vodevil' E. Shvartsa “Priklucheniia Gogenshtaufena”: poetika zhanra. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Filologiiia. Zhurnalistika*, 17, 1, pp. 84–87.
- Tsimbal, S., 1940. Evgenii Shvarts i ego skazki dlia teatra. In: Shvarts, E., 2010. *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 1: P'esy*. [Collected works in five volumes. Vol. 1: Plays]. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek, pp. 3–15.

ОБРАЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ МОНОГРАФИЯХ 1920-Х ГОДОВ

Анна Вячеславовна Амелина – младший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: anna.v.amelina@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются первые чешские монографии о русской советской литературе (в том числе в контексте классической русской литературы), которые были опубликованы в 1920-е годы. При исключительном политическом и культурном плюрализме того времени русские писатели часто воспринимались чешскими критиками и исследователями сквозь призму политических взглядов первых, вследствие чего появлялись очень разные, а то и противоположные, трактовки творчества. Целью данной статьи было выяснить, насколько взгляды авторов влияют на видение русской литературы и как в связи с этим различаются подходы к ее исследованию. Идеиная ориентация авторов отразилась не только на интерпретации творчества русских писателей и литературного процесса в целом, но и на структуре их трудов. Ф. Кубка в книге «Поэты революционной России» (1924) дал философское видение революционной поэзии как представитель славянофильского, националистического крыла, рассмотрев поэтов разных идейных взглядов. И. Вайль в книге «Русская революционная литература» (1924) представил чешскому читателю панораму русской революционной литературы как носитель социалистических идей, рассматривая русских современных писателей с точки зрения того, насколько хорошо им удалось стать подлинными певцами революции. А. Врзал, будучи католическим священником, в книге «Краткая история новой русской литературы» (1926) показал историю русской литературы XX в. преимущественно с религиозных позиций.

Ключевые слова

Чешская литература, межвоенная литература, русско-чешские литературные связи, межславянские литературные связи, чешская русистика

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2019 г.

THE IMAGE OF RUSSIAN LITERATURE IN CZECH LITERARY MONOGRAPHS OF THE 1920S

Anna V. Amelina

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: inslav@inslav.ru

Abstract

The article deals with the first Czech monographs on Russian Soviet literature, including in the context of classical Russian literature, published in the 1920s. With exceptional political and cultural pluralism in this golden era of Czech history, Russian writers were often perceived by Czech critics and researchers through the prism of the political views of the latter, as a result of which very different, if not opposite, interpretations of their works appeared. This is clearly seen in publications in periodicals of different orientations, which has been shown in our previous studies. The aim of this article was to find out how the views of the authors influence the vision of Russian literature and how the approaches to its study differ in this regard. The ideological orientation of the authors affected not only the interpretation of the work of Russian writers and the literary process as a whole, but also the structure of their works. František Kubka in the book *Poets of Revolutionary Russia* (1924) gave a philosophical vision of revolutionary poetry as a **representative of the Slavophile nationalist wing considering poets of different ideological views**. Jiří Weil in the book *Russian Revolutionary Literature* (1924) gave the Czech reader a panorama of Russian revolutionary literature as a bearer of socialist ideas, viewing Russian contemporary writers in terms of how well they managed to become genuinely in praise of the revolution. Augustin Alois Vrzal, being a Catholic priest, in the book *A Brief History of New Russian Literature* (1926) showed the history of Russian literature of the twentieth century, mainly from a religious position.

Keywords

Czech literature, interwar literature, 1920s, Russian-Czech literary relations, inter-Slavic literary relations, Czech Russian studies

Received 5 November 2019.

Эпоха 1920-х годов для истории Чехии – это период культурного расцвета после обретения долгожданной независимости и создания национального государства, когда политические институты начали формироваться фактически заново. После строгой цензуры и замирания политической жизни в период войны первое межвоенное десятилетие принесло чехам невиданное разнообразие как политических движений, так и течений, направлений культуры и литературы. Характерной яркой особенностью последней является массовая политизированность авторов (литературных критиков, литературоведов и самих писателей).

В качестве примера приведу фельетон 1921 г. талантливого чешского сатирика И. Гауссмана¹, где новость о юбилее Л. Н. Толстого предстает у разных современных автору газет в самых разных культурно-политических оценках. Сатирик таким образом высмеивает идеологические ярлыки, которые публицисты вешают на столь многогранных писателей, как Толстой. *Národní listy* (буквально «Национальные листы»), издание с сильным националистическим уклоном, называет его типичным славянином и здравым националистом. Для коммунистического *Rudé právo* (буквально «Красное право») Толстой – первый бескомпромиссный коммунист. Национал-социалисты из газеты *České slovo* («Чешское слово») считают его социалистом-славянином. Католики из издания *Čech* говорят, что он был близок римско-католической церкви. Аграрники из газеты *Venkov* («Деревня») за его любовь к земле видят в нем защитника простого мужика. И так далее. Автор фельетона, безусловно, преувеличил, но в целом довольно наглядно изобразил среду, в которую попадает творчество русских авторов².

В рамках исследования восприятия русских писателей в Чехии нами было опубликовано несколько статей, посвященных С. А. Есенину³, где анализ критики показал, что чешские публицисты (от крайне левых до католиков и либералов) интерпретируют есенинскую поэзию преимущественно в зависимости от своих политических взглядов, отражая тем самым разные ее стороны: русский поэт рассматривается сквозь призму национализма, панславизма, догматов христианства, а в связи с коммунистической идеологией и революцией о нем пишут как об их противнике или же яром поборнике.

В 2019 г. была написана еще одна статья, расширяющая данную проблематику⁴, где анализируется восприятие русской и советской литературы в чешских массовых периодических изданиях левой ориентации. С одной стороны, в данной работе перечисляются опубликованные в них произведения русских авторов, с другой – прослеживается, какие писатели интересовали чехов больше всего и как они знакомились с новой советской литературой. Из всех авторов и произведений, появившихся

¹ Hausmann J. Tryzna // *Pešta P. Satirik převratu Jiří Hausmann. Praha: Atlantis, 1999. S. 238–242.*

² Подробнее об основных направлениях литературы и литературной критики см. в труде: *История литературы западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. III. С. 424–478.*

³ См., напр.: *Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина в Чехии в 1950–60-е гг. // Современное есениноведение. 2019. № 2 (49). С. 11–20.*

⁴ *Амелина А. В. Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. С. 81–111.*

в левой периодике, сейчас широко известны лишь некоторые. Выбор в одних случаях был, на наш взгляд, обусловлен экзотичностью содержания и особенностями быта – например, жителей Киргизии или Дальнего Востока; в других произведение публиковалось в целях пропаганды вне зависимости от художественного уровня, в чем, впрочем, признавались сами редакторы. По материалам этой левой периодики мы можем сказать, что наиболее часто публикуемыми и известными на протяжении всех 1920-х годов являются следующие авторы: Блок, Есенин, Клюев, Маяковский, Короленко, Горький, из публицистов – Троцкий. Впоследствии планируется продолжить работу с чешской периодикой и исследовать издания других политических ориентаций.

Проблема русско-чешских литературных связей активно разрабатывается и в Чехии, и в России со второй половины XX в., когда культурное взаимодействие было усилено в том числе и политическими обстоятельствами. Среди отечественных исследователей следует отметить С. В. Никольского, Л. Н. Будагову, Н. К. Жакову, И. А. Герчикову, среди чешских – Яна Йишу, М. Заградку, М. Кучеру, О. Рихтерека и др.⁵

В данной статье мы остановимся на первых чешских литературоведческих монографиях о русской литературе, которые затрагивают не только классику, но и современное авторам творчество советских писателей, и проследим, как проявляется тенденция политизированности на уровне крупных исследовательских трудов, в частности, в работах Франтишека Кубки «Поэты революционной России» (1924), Иржи Вайля «Русская революционная литература» (1924), Алоиса Августина Врзала «Краткая история новой русской литературы» (1926)⁶. Первые две книги написаны профессиональными литературными критиками и знатоками русской советской литературы, третья – деревенским священником, переводчиком и славистом.

⁵ См., например: *Jiša J. Česká poesie dvacátých let a básníci sovětského Ruska*. Praha: Nakladatelství české akademie věd, 1956; Пути к друзьям. Из истории чешско- словацко-русских и –советских литературных отношений и контактов. Red. E. Fojtíková. Praha: Lidové nakladatelství, 1986; *Жакова Н. К.* Чешско-русские литературные связи в XIX веке. М. Ю. Лермонтов и чешская литература. Л.: ЛГУ, 1987. Общение литератур: Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв. / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991; *Zahrádka M. Slovník rusko-českých literárních vztahů*. Ústí nad Orlicí: Ofis, 2008.

⁶ *Kubka F. Básníci revolučního Ruska*. Praha: Ot. Štorch-Marien, 1924; *Weil J. Ruská revoluční literatura*. Praha: Jan Košatka, 1924; *Vrzal A. Přehledné dějiny nové ruské literatury*. Brno: A. Vrzal, 1926. Можно также назвать работу Вацлава Найбрта «Краткая история русской литературы» (*Najbrt V. Stručné dějiny ruské literatury*. Praha: V. Najbrt, Plamja [distributor], 1925), краткое пособие для учащихся, не представляющее для нас интереса в рамках темы данной статьи.

Разумеется, о русской литературе в своих трудах писали и многие другие авторы (в особенности отметим Б. Матезиуса, чей сборник лекций по русской литературе вышел отдельной книгой лишь в 1960-е годы), однако нас в данном случае интересуют именно первые монографии о русской литературе, написанные еще в отсутствие налаженных каналов взаимодействия между Чехией и Советским государством, которые, во-первых, являются относительно целостными концепциями литературного процесса, не отягощенными послевоенным догматизмом, во-вторых, дают нам интересный материал для изучения состояния общества и культуры Чехии 1920-х годов и иллюстрацию многообразия критической мысли сквозь призму родной и понятной нам русской литературы и, наконец, представляют порой неожиданную интерпретацию последней.

Ф. Кубка (1894–1969) был один из тех, кто знакомил чешского читателя с русскими современными писателями на страницах периодики, и уже к 1924 г., как и Вайль, он накопил достаточно материала для его обобщения. Кубка представлял славянофильское, условно националистическое крыло. Он был не только критиком, но и переводчиком с русского языка. Во время учебы был призван в армию и попал на русский фронт, а в 1915 г. оказался в плену, легионером прошел путь от Иркутска до Дальнего Востока. В России женился. В Чехию вернулся в 1921 г., окончил университет и поступил в аспирантуру. Много путешествовал по Европе.

Монография Кубки «Поэты революционной России» была издана как второй том серии «Народной библиотеки» либерального издательского центра «Авентинум». В своей работе автор пытается философски осознать явление русской революции. Это видно уже по оглавлению книги: «Неизменность», «Мистика революции», «Хаос и мистерия материи», «Пролетарские поэты», «Прояснения», «Перспективы». Во введении к труду Кубка обозначил его лейтмотив, отметив, что для большей части русской литературы явление революции являлось сакральным мифом о новом рае, достигаемом буйством стихии, и что мало кто задавался вопросом, не служит ли революция собственно реализацией материалистических принципов⁷. Вопреки своим националистическим взглядам Кубка рассматривает революцию не как явление исключительно негативное (что было характерно для его идейных соратников), а как явление чисто русское, как проявление русской национальной идеи и характера. Человеческая стихия, ставшая орудием в руках вождей, позволила народу избавиться от вековой культурной тьмы. Певцы революции, по мнению Кубки, после затихания бури от воспевания материи перешли к миру

⁷ Kubka F. Básníci revolučního Ruska. S. 3. (Здесь и далее перевод с чешского наш. – А.А.)

духовному, «последовательный материализм принес угрозу спиритуализма. Последовательная интернациональность – новый, глубокий национализм. Над обломками натурализма, чьей родиной были страна Достоевского, снова развеваются светлые знамена духа»⁸. Автор также поясняет, что в своей работе он рассматривает авторов, которые заняли определенную идеологическую позицию по отношению к революции и создавали свои произведения на территории России. То есть для него главным углом зрения при изучении современной ему русской поэзии является революция.

В первой главе «Неизменность» кратко характеризуются те поэты, на творчество которых революция коренным образом не повлияла: Брюсов, Бальмонт, Кузьмин, Н. Гумилев, Волошин, Городецкий, Северянин. В главе «Мистика революции» подробно разбирается творчество Блока и Белого. Именно им, по мнению автора, судьбой было предназначено выразить мистическую суть русской революции и ее стихийные истоки, чтобы осознать революцию как национальное движение, сакральными извилистыми путями ведущее к возрождению национализма. Далее Кубка заключает: «Александр Блок был русским националистом, хотя и относился к лагерю революционеров. <...> Русь для Блока является мистерией сама по себе»⁹. И ниже приходит к выводу: «Русская революция поднялась из материализма и была осмыслена мистикой. Революцию возглавляет незримый Христос. Революция преступна, подла и плоха – но ведет она в конечном итоге к Богу. Пафос революции – религиозный. Поэтому суть этой поэмы [“Двенадцать”] чисто русская. В ней, в условиях новых порядков, выживают герои Достоевского, верящие всеми фибрами души в того самого Бога, против которого восстали. <...> Революция есть добро, поскольку она русская»¹⁰. О Белом Кубка высказывается в том же ключе: «Революция есть мистерия. Такова основная мысль Андрея Белого. Он хотел видеть революцию *an sich* – не революцию пролетариата, не революцию последовательного марксизма и коммунизма <...>, а революцию таинственного движения человеческого духа»¹¹.

Следующая глава, «Хаос и мистерия материи», посвящена футуризму и имажинизму. В первом Кубка видит точки соприкосновения с большевизмом в борьбе против всего традиционного и упоре на материальное. Подробно разбирается творчество Маяковского, для которого Пушкин и белогвардейцы являются равноценными врагами его революционности.

⁸ Ibid. S. 6.

⁹ Ibid. S. 18.

¹⁰ Ibid. S. 34.

¹¹ Ibid. S. 36.

Кратко характеризуются Мариенгоф, Каменский, Хлебников; в рамках имажинизма подробно – Кусиков, Есенин. В связи с последним характерен у Кубки мотив создания новой мистерии в «Инонии», мистерии материи, нового рая, построенного на обломках Радонежа, а в заключение отмечаются его «славянские образы природы».

В главе «Пролетарские поэты» автор противопоставляет ожидания идеологов пролетарской поэзии и фактическую реализацию их догматов в поэтических текстах: «Так получилось, что в стихи, которые написаны людьми насквозь материалистических воззрений, незаметно прокралась душа. В жесткой мужицкой пролетарской поэзии столько нежного и человеческого смиренного, что стихотворения о фабрике, о беспризорниках, о войне с польской шляхтой имеют тон молитвы. Душа, которая носит морщины жестокого жизненного опыта – по-другому они писать не могут!»¹².

Глава «Прояснение» посвящена поэтам, которые не приняли деятельного участия в революции, оставшейся для них идейно чуждой, но в личном плане она полностью перевернула их жизни и поэтическое нутро, что отразилось в их творчестве: Иванову, Ахматовой, Клюеву, Сологубу.

В заключительной главе Кубка делает общие выводы о новой русской поэзии, в основе которой лежит философская борьба между спиритуализмом и материализмом, – то есть, по мнению автора, на сцене революции выступил вечный русский дуализм, характерный для творчества Достоевского: материализм, порой с мистическим компонентом, нашел своих последователей среди футуристов, а мистика, русская душа, православие – среди идеалистов. Эти романтические мистики видят в революции приход Третьего Рима, новое Царство Божие и возрождение человечества через смерть и страдание. Третья группа – пролетарские поэты, сыны марксистской революции. Но будущее Кубка видит в новом идеализме.

И. Вайль (1900–1959, чешский писатель еврейского происхождения, литературный критик, журналист и переводчик) также одним из первых открывал для чешского читателя русскую современную литературу, но уже в основном на страницах левых периодических изданий. Он изучал славянскую филологию, в период учебы стал членом литературной группы «Деветсил» и работал переводчиком в российском представительстве в Праге. Несколько раз в 1933–1935 гг. бывал в СССР. Будучи сначала убежденным коммунистом, в 1937 г. за роман «Москва-граница» был исключен из компартии за критическое изображение Советской России. Писал для литературных журналов и других периодических изданий. Много переводил с русского, в том числе Маяковского, Пастернака, Горького и др.

¹² Ibid. S. 83.

В 1932 г. Вайль издал собственный сборник советской поэзии – *Sborník sovětské revoluční poezie*.

В своих статьях о русской литературе Вайль интересовался прежде всего революционной литературой, новым советским искусством, порожденным тектоническим историческим сдвигом. Это проявилось и в его монографии 1924 г. «Русская революционная литература». Отбор, очевидно, проводился с точки зрения того, удалось ли автору стать подлинным певцом революции, – это подчеркивается непрерывно. Что касается структуры работы, если у Кубки разделение на главы обусловлено больше идейно-философским отношением к революции, то у Вайля оно более традиционное – сообразно художественным течениям.

Первая глава «Революция и русская литература» поясняет, почему именно революция ставится в книге во главу угла. Он утверждает, что революция застала русскую литературу в период кризиса: господствующий символизм распался, а новый футуризм не дал этой эпохе ничего, кроме теоретических статей и пылких манифестов, в то время как революция, колоссальное социальное потрясение, в один момент избавляет от кризиса и освобождает литературу из плена правил и формул, приближая ее к жизни¹³. Далее автор говорит, что возникла необходимость творить в настоящем, поскольку возврат к старому был невозможен, а революция не давала уйти в идиллию. При этом полностью изменилось отношение к классикам, и именно после революции пришло подлинное понимание Достоевского. Влияние революции на русскую литературу, по мнению Вайля, заключалось в ее опрощении, приближении к народу, и именно это вывело ее из кризиса. Революция вынудила литературу не обращаться к избранным личностям, а влиться в жизнь, язык поэзии стал языком улиц.

Следующие главы посвящены различным литературным направлениям. Начинает Вайль с «Угасающего реализма», где выстраивает традицию от Гоголя до новой прозы Белого и Ремизова. По его мнению, реализм не подходит для эпохи революции с ее бурлением и хаосом, она требует новых форм, как, например, у А. Толстого. Горький, в свою очередь, реалист лишь по форме, а по содержанию – романтик нового господствующего класса.

Говоря о символизме, автор останавливается на тех поэтах, которые революцию приняли: Брюсове, который видел в ней путь к Западу, Белом, усмотревшем в ней, наоборот, поворот к Азии, и Блоке, романтик-рационалисте, влюбившемся в революцию так, что был готов простить ей и кровь, и смерть, и уничтожение культуры¹⁴. Вместе с Блоком, по мнению

¹³ Weil J. Ruská revoluční Literatura. S. 7.

¹⁴ Ibid. S. 25.

Вайля, умер единственный поэт из символистов, который полностью отдал себя служению революции: «В революции он написал лучшую поэму, при революции умер»¹⁵.

В главе «Футуризм и левое искусство» автор противопоставляет западный буржуазный футуризм русскому футуризму примитивизма с его опорой на идеологию народничества. По его мнению, довоенный футуризм не был в русской литературе значим, однако революция его идейно переродила. «Маяковский – подлинный поэт, рожденный революцией, трибун улиц, в которые он выкрикивает стихи своей эпопеи <...>. Сегодня он самый знаменитый поэт во всей России, а его стихи декламируются почти на каждом собрании»¹⁶. Так же подробно разбираются Каменский, Асеев, Хлебников, Пастернак, Эренбург (поскольку поменял отношение к большевикам после эмиграции). Как ответвление футуризма выделяется имажинизм, который видится смесью эпигонов футуризма – Шершеневича и Мариенгофа и двух настоящих самостоятельных поэтов – Есенина и Кусикова, и далее они подробно характеризуются. Первый для автора ценности не представляет, поскольку революция на него никак не повлияла. А вот Есенин «выкрикнул свое слово лишь при революции и лучше всего о революции»¹⁷.

В главе о пролетарской поэзии Вайль детально описывает первый шаг ее создания – разработку идеологического плацдарма, заключая, что современная пролетарская поэзия – это прежде всего поэзия. Здесь подробно рассматриваются Александровский, Гастев, Кириллов и Казин.

В главе «Новая русская проза» кратко характеризуются ее истоки и традиции, особенно Достоевский, а также творчество Ремизова, Замятина, Зощенко, Никитина, более подробно – Пильняка. По мнению Вайля, новая проза избавляется от психологизма и между Толстым и Достоевским выбирает путь первого.

Подводя итоги, автор утверждает, что революция возвращает русскую литературу на самобытный путь и отдаляет ее от западной литературы, тем самым давая ей возможность влиять на последнюю своей уникальной новизной, как когда-то произошло с русским реализмом.

А. Врзал (1864–1930) очень отличается от двух предыдущих авторов. Он был католическим священником, бенедиктинцем, славистом, переводчиком, работал преподавателем теологии, затем капелланом в небольших моравских поселках. Был трудолюбивым исследователем, по словам его

¹⁵ Ibid. S. 27.

¹⁶ Ibid. S. 30.

¹⁷ Ibid. S. 43.

друга, учившим католиков любить русское православие. Известно, что он вел переписку с Чеховым, Горьким и Короленко. Долгие годы он работал сначала над историей русской литературы XIX в., а затем издал труд, охвативший уже и XX в., – «Краткую историю новой русской литературы» (1926). В предисловии он отмечает сложность своей работы, связанную с невозможностью постоянно иметь доступ к источникам и отслеживать новинки. До Врзала историю русской литературы знали только по книге В. Найбрта, краткого пособия для учащихся (брошюра чуть более 60 страниц). Новую русскую литературу Врзал начинает с Пушкина как ее основателя.

Последняя треть книги охватывает у Врзала XX век и состоит из следующих глав: «На рубеже двух столетий. Канун пролетарской революции», «Л. Андреев», «Религиозно-мистический символизм и его противники: имажинисты и футуристы» и «Мировая война и пролетарская революция. Хаос в жизни и литературе». Позиция автора, с одной стороны, проглядывает сквозь отбор авторов и пропорциональность уделенного им внимания. С другой стороны, порой он выражает ее прямо, особенно это очевидно в последних главах по нарастающей.

Первая из перечисленных глав посвящена Горькому, Бунину (отмечается изменение поэтики после 1905 г. в сторону объективного изображения жестоких реалий), Куприну, Золотареву, Шмелеву, Амфитеатрову, отдельно рассматриваются неореалисты (А. Толстой, Зайцев, Сергеев-Ценский) и «порнографы». По поводу последних Врзал пишет: «Когда революция 1905 г. достигла определенной политической свободы <...>, некоторые писатели начали провозглашать развязность, свободную любовь, гедонистский материализм <...>, это приводило к этическому, нравственному и общественно-политическому нигилизму <...>. Спустя несколько лет книжный рынок заполнился русскими порнографическими рассказами и романами»¹⁸, где грязь прикрывалась политическим мученичеством.

Отдельная глава посвящена Л. Андрееву, чья судьба и взгляды были, очевидно, интересны и даже близки Врзалу: «После всего этого перекручивания известных событий и скопления у Андреева эффектов света и тьмы намного сильнее нас притягивает очаровывающая простота правды, тихое и трагичное слово Евангелия о человеке, который предал своего Бога»¹⁹.

В следующей главе, о символистах и футуристах, автор излагает идеи Соловьева и анализирует творчество Блока, с которым полемизирует: «Блок хотел возвысить пролетарскую революцию до космической, мистически

¹⁸ *Vrzal A. Přehledné dějiny nové ruské literatury. S. 233.*

¹⁹ *Ibid. S. 237.*

связать революционные мотивы с религиозными <...>. Но ведь революция отказалась от Бога, Христа, креста <...>. И Блок вскоре осознал немистический характер пролетарской революции»²⁰. Так же подробно рассматривается Белый, который тоже впоследствии высмеял свой революционный мистицизм, затем кратко – акмеисты (Н. Гумилев, Ахматова, Городецкий), эгофутуристы и кубофутуристы.

В последней главе о революционных годах литература рассматривается по разделам. Очень сжато – писатели в эмиграции (Бунин, Шмелев, Куприн, Мережковский, Ремизов, Цветаева), погибшие (Л. Андреев, Блок, Гумилев и др.), писатели во «внутренней эмиграции» (Замятин, Сологуб). Вскользь упоминаются писатели, принявшие советскую власть и революцию (Блок, Брюсов, Вересаев, Серафимович, «попутчики» – Эренбург, Пильняк, Вс. Иванов, Сейфуллина и др.).

Далее идут пореволюционные футуристы и имажинисты; много внимания уделено Маяковскому, однако характеристика его отличается от традиционной для чешской печати: «Уже в стихах 1909–1914 гг. отразилось его дьявольское восстание против Бога, неукротимое богохульство, низкий материализм, воинственное учение о пролетарском рае на земле, симпатия к отбросам человеческого общества, проституткам, сифилитикам, заклятая ненависть сытых мещан, вандалское стремление к уничтожению старой культуры, всех ценностей искусства, музеев, литературы»²¹.

В разделе о сельской поэзии основное внимание уделяется Есенину, и в отличие от Вайля, Врзал рассматривает и раннее творчество поэта. Но после «Инонии», «после этих лишенных надежды, беспомощных криков, уродующих светлую поэзию молодости, Есенину уже нечего было сказать. Очевидно, Инония его разочаровала, он возлагал надежды на деревню, навестил родной край»²².

Заключительным аккордом стал раздел о пролетарской литературе, в котором автор выразил свое отношение к революции: «Революция распространила в России насилие коммунистических догм и теорий над идеями и чувствами, придушила свободное художественное творчество, подавила свободу печати <...>, выбросила из библиотек Пушкина, Толстого, Достоевского, преследовала писателей из круга интеллигентов. И хотя советское правительство признало необходимость искусства и литературы <...>, его стремление организовать пролетарскую культуру с помощью просветительских организаций <...> не принесло литературе

²⁰ Ibid. S. 246–247.

²¹ Ibid. S. 270.

²² Ibid. S. 273.

никакой пользы <...>. В целом пролетарская идеология однолика, бездушно материалистична, деструктивна, а пролетарская поэзия воспевает борьбу, ненависть и смерть <...>. В ней нет образов живых людей, теплых чувств, вместо жизни здесь много теории, тезисов, формул. Какой будет правда и красота новой жизни – об этом пролетарские поэты не говорят, они лишь указывают на красные знамена <...> и пишут скорее агитки»²³. И тем не менее в итоге Врзал признает, что новая русская литература не может быть создана эмигрантами, а только в России, но без обращения к корням и традициям это невозможно.

Таким образом, мы можем заключить, что если Кубку и Вайля интересовали прежде всего феномен революции и его отражение и влияние на литературу, пусть и с разных позиций – национализма и социализма, то Врзал отрицал революцию полностью и попытался показать чешскому читателю русскую литературу более объемно с точки зрения литературного процесса, но под религиозным углом зрения. Анализ этих монографий дополняет мозаичный образ русской литературы, созданной чешской литературной критикой 1920-х годов, обобщив, расширив и заострив отрывочные тезисы кратких статей периодики отдельных направлений.

Литература

- Амелина А. В.* Восприятие С. А. Есенина в Чехии в 1950–60-е гг. // Современное есениноведение. 2019. № 2 (49). С. 11–20.
- Амелина А. В.* Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. редактор Ю. А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. С. 81–111. DOI 10.31168/91922–081–7.4.
- Жакова Н. К.* Чешско-русские литературные связи в XIX веке. М. Ю. Лермонтов и чешская литература. Л.: ЛГУ, 1987.
- История литературы западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. III. С. 424–478.
- Пути к друзьям. Из истории чешско-словацко-русских и советских литературных отношений и контактов / red. E. Fojtíková. Praha: Lidové nakladatelství, 1986.
- Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв. / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991.
- Hausmann J. Tryzna // Pešta P.* Satirik převratu Jiří Hausmann. Praha: Atlantis, 1999. S. 238–242.

²³ Ibid. S. 275–276.

- Jíša J. *Česká poesie dvacátých let a básníci sovětského Ruska*. Praha: Nakladatelství české akademie věd, 1956.
- Kubka F. *Básníci revolučního Ruska*. Praha: Ot. Štorch-Marien, 1924.
- Najbrt V. *Stručné dějiny ruské literatury*. Praha: V. Najbrt, Plamja [distributor], 1925.
- Vrzal A. *Přehledné dějiny nové ruské literatury*. Brno: A. Vrzal, 1926.
- Weil J. *Ruská revoluční Literatura*. Praha: Jan Košatka, 1924.
- Zahrádka M. *Slovník rusko-českých literárních vztahů*. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008.

References

- Amelina A. V., 2019. Russkie pisateli v cheshskoi srede 1920-kh gg.: periodika levogo politicheskogo kryla [Russian writers in the Czech environment of the 1920s: periodicals of the left political wing] In: Sozina Iu.A., ed., 2019. *Rol' Rossii v rasprostranenií znanií o slavianskve* [Russia's role in spreading knowledge about Slavic world] Moscow: Lingvistika, pp. 81–111. DOI 10.31168/91922-081-7.4.
- Amelina, A. V., 2019. Vospriatie S.A. Esenina v Chekhii v 1950–60-e gg. [Perception of S.A. Esenin in Czech lands in the 1950–1960s]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2 (49), pp. 11–20.
- Budagova, L.N., ed., 2001. *Istoriia literatury zapadnykh i iuzhnykh slavian. T. III*. [History of literature of the Western and Southern Slavs. Vol. 3]. Moscow: Indrik, pp. 424–478.
- Fojtíková, E., ed., 1986. *Puti k druž'iam. Iz istorii cheshsko-slovatsko-russkikh i –sovetskikh literaturnykh otnoshenií i kontaktov* [Ways to friends. From the history of Czech-Slovak-Russian and –Soviet literary relations and contacts]. Praha: Lidové nakladatelství.
- Hausmann, J., 1999. *Tryzna*. In: Pešta, P. 1999. *Satirik převratu Jiří Hausmann*. Praha: Atlantis, pp. 238–242.
- Jíša, J., 1956. *Česká poesie dvacátých let a básníci sovětského Ruska*. Praha: Nakladatelství české akademie věd.
- Kubka, F., 1924. *Básníci revolučního Ruska*. Praha: Ot. Štorch-Marien.
- Najbrt, V., 1925. *Stručné dějiny ruské literatury*. Praha: V. Najbrt, Plamja [distributor].
- Nikol'skii, S.V., ed., 1991. *Cheshsko-russkie i slovatsko-russkie literaturnye sviazi 19–20 vv.* [Czech-Russian and Slovak-Russian literary relations of the nineteenth – twentieth centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR.
- Vrzal, A., 1926. *Přehledné dějiny nové ruské literatury*. Brno: A. Vrzal.
- Weil, J., 1924. *Ruská revoluční Literatura*. Praha: Jan Košatka.
- Zahrádka, M., 2008. *Slovník rusko-českých literárních vztahů*. Ústí nad Orlicí: Oftis.
- Zhakova, N.K., 1987. *Cheshsko-russkie literaturnye sviazi v 19 veke. M. Iu. Lermontov i cheshskaia literatura* [Czech-Russian literary relations in the nineteenth century. M.Yu. Lermontov and Czech literature]. Leningrad: LGU.

**ТОПОС САРАЕВА В ПРОЗЕ
ХОРВАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ М. ЕРГОВИЧА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ
«САРАЕВСКОЕ МАЛЬБОРО»)***

Евгения Викторовна Шатько –
младший научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: eshatko@gmail.com

Аннотация

В статье дается краткий анализ использования термина «топос» в современном российском литературоведении, а также исследуется топос города Сараево на примере сборника рассказов боснийско-хорватского писателя М. Ерговича. Через оппозицию свой / чужой автору удается передать своеобразие города. Осажденный Сараево в рассказах Ерговича наполнен повседневными, но важными предметами-символами, а война играет роль лупы, благодаря которой повседневные вещи выходят на первый план. Эти объекты становятся центром событий, приобретая иносказательный смысл. «Сараевское Мальборо» не сборник рассказов о войне, он о жизни, о людях и их отношениях, а война лишь контекст их взаимодействия. Нарратор эмоционально отстранен, но через страдания и эмоции персонажей пробивается его голос. Строя повествование вокруг повседневных предметов, таких как кактус, письмо или фотография, писатель приближает историю к читателям, не знающим войны, что позволяет каждому хотя бы немного приблизиться к пониманию того, как она повлияла на судьбы людей. Нарративная стратегия Ерговича близка традиции боснийского рассказа начала XX в., которая отражала жизнь отдельных людей на фоне исторических или культурных перипетий боснийского общества на рубеже XIX–XX вв. **Повествование такого типа стало характерной чертой боснийско-герцеговинской литературы в целом.** Сараево Ерговича – «символический исторический топос, показывающий крах основных моральных и гуманистических ценностей современной технологической и информационной цивилизации на фоне ужасной войны». Анализ сборника рассказов «Сараевское Мальборо» может стать началом исследования топоса Сараево как в рамках творчества М. Ерговича, так и шире – началом изучения сараевского текста в боснийской (а также сербской и хорватской) литературе. Литературное воплощение Сараева может выступать как особый объект художественного постижения, как некое целостное единство.

* Работа проводилась в рамках проекта Института славяноведения РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018–2020 гг. Президиума РАН объединенного проекта «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России».

Ключевые слова

М. Ергович, «Сараевское Мальборо», топос, рассказ в боснийской литературе, современная проза Боснии

Статья поступила 15 октября 2019 г.

**THE TOPOS OF SARAJEVO IN PROSE
OF THE CROATIAN WRITER M. ERGOVIĆ
(BASED ON THE STORYBOOK SARAJEVSKI MARLBORO)**

Evgeniia V. Shatko

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect 32A,

Moscow, 119334, Russia

E-mail: eshatko@gmail.com

Abstract

The article gives a brief analysis of the use of the term “topos” in the modern Russian history of literature, and explores the topos of the city of Sarajevo based on a storybook of the Bosnian-Croatian writer Miljenko Jergović. He manages to convey the originality of the city through the twin concepts of own / alien. The besieged Sarajevo in Ergović’s stories is filled with everyday, but important, symbolic objects, while the war plays the role of a magnifying glass, thanks to which everyday things come to the fore. These objects become the centre of stories, acquiring allegorical meaning. *Sarajevski Marlboro* is not a collection of stories about the war, but it is about life, about people and their relationships, and the war itself is only the context of their interaction. The narrator is emotionally detached, but his voice breaks through the suffering and emotions of the characters. Building a story around everyday objects such as a cactus, writing or photography, the writer brings history closer to readers who do not know war, which allows everyone to at least get a little closer to understanding how it influenced the fate of people. Jergović’s narrative strategy is close to the tradition of the Bosnian story of the beginning of the twentieth century, which reflected the lives of individuals against the background of historical or cultural upheavals of Bosnian society at the turn of the twentieth century. The *Sarajevski Marlboro* endorsed a story of this type as an identification mark of Bosnian-Herzegovinian literature itself. Jergović made Sarajevo “a symbolic historical topos, showing the collapse of the basic moral and humanistic values of modern, technological and information civilization against the backdrop of a terrible war.” An analysis of the storybook *Sarajevski Marlboro* is the beginning of a study of the topos of Sarajevo, both within the framework of Miljenko Jergović’s work, and more broadly – the beginning of the study of the Sarajevo text in Bosnian (as well as Serbian and Croatian) literature. The literary embodiment of Sarajevo can act as a special object of artistic comprehension, providing a kind of integral unity.

Keywords

Miljenko Jergović, *Sarajevski Marlboro*, topos, story in Bosnian literature, modern prose of Bosnia

Received 15 October 2019.

Исследованием топоса как литературоведческой категории занимались такие ученые, как Э.Р. Курциус, Л. Арбузов, Р. Бахем, П. Йен, Э. Мертнер и В. Фейт, У. Шмидт-Биггеман, Р. Лаусберг, Р. Грубель, Р. Николози, Р. Лахманн. Заимствованный из античной риторики термин «топос» (греч. «место») вошел в науку о литературе благодаря работе Э.Р. Курциуса «Европейские литературы и латинское Средневековье» (1948), в которой топос определяется как «твердые клише или схемы мысли и выражения, запечатлевающие формулы, фразы, обороты, цитаты, стереотипные образы, эмблемы, унаследованные мотивы <...>». Ему присуще временное и пространственное всеприсутствие. В этом величностном стилевом элементе мы касаемся такого пласта исторической жизни, который лежит глубже, чем уровень индивидуального изобретения¹. Таким образом, Курциус отмечает связь топоса с архетипом, указывая, что топос – явление коллективного сознания, проявляющееся в литературном творчестве.

В русском литературоведении термин «топос» используется значительно реже. Ему А. М. Панченко предпочитает термин «ядерные образы»², а понятию «топика» – «национальную аксиоматику»³, В. М. Жирмунский – «словесные темы»⁴, Л. Я. Гинзбург – «отстоявшиеся формулы», «слова-формулы», «условные слова», «слова-сигналы»⁵. М. М. Бахтин определил понятие «топос» как особую эстетическую категорию, для него это пространственный образ художественного текста, пространство, сквозь которое проступают координаты мира⁶.

В литературоведении в широком понимании топос – это «“общее место”, набор устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальной литературы»⁷. Таким образом, топос касается «вечных» проблем и сюжетов той или иной литературы. Н. Д. Тмарченко, А. М. Панченко и Е. В. Хализев считают его устойчивой

¹ Махов А. Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 1076.

² Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Панченко А. М. Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236.

³ Там же. С. 246.

⁴ Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.

⁵ Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. С. 13.

⁶ Махов А. Е. Топос. С. 1076.

⁷ Комкова А. В. Понятие «топос» в современном литературоведении // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: Электронный сборник статей по материалам XX студенческой международной научно-практической конференции. № 5 (20) / ред. Н. В. Дмитриева, А. Г. Бердникова. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 134–138. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 10.10.2019).

системой универсальных смыслов, не зависящих от контекста конкретного произведения. Такое понимание топоса связано с изучением традиционного способа письма, поэтому к нему чаще прибегают литературоведы-медиевисты.

Более узкое понимание данного термина – «значимое для художественного текста “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства, как правило, открытым»⁸, то есть топос является единицей художественного пространства. По Ю. М. Лотману, это «пространственный континуум текста, в котором отображается мир объекта»⁹. Термин «локус» используется для обозначения составных элементов топоса, то есть закрытых пространств, включенных в общее – открытое. Топос – «элемент художественного пространства текста, как правило, открытого, восходящий к бессознательной поэтике и служащий выражению непространственных отношений, ценностных представлений автора»¹⁰. Таким образом, «топос, как правило, не является элементом произведения: он принадлежит к историко-литературной реальности, из которой произведение возникает, к материалу, из которого творит художник»¹¹. В нашей работе используется именно такое понимание топоса: при анализе конкретного сборника рассказов выделяются образ осажденного Сараева и элементы бессознательного, относящиеся к исторической реальности и/или к стереотипному видению города, отраженному в авторском тексте М. Ерговича.

Миленко Ергович родился в Сараеве в 1966 г., с 1994 г. живет в Загребе. На филологическом факультете Сараевского университета он изучал филологию и социологию. С 1990-х годов сотрудничал с еженедельной газетой *Nedjeljna Dalmacija* («Воскресная Далмация») в качестве журналиста, а позже стал заместителем ее главного редактора. Первый, самый известный и успешный, сборник рассказов о Боснии во время войны – *Sarajevski Marlboro* («Сараевское Мальборо») – вышел в 1994 г. До 2001 г. Ергович вел колонку *Istorijska čitanka* («Историческое чтение») в боснийском журнале *Dani* («Дни»), затем для газеты *Jutarnji list* («Утренняя газета») он стал писать об актуальных политических, социальных и спортивных событиях в Хорватии, сотрудничает также с сербским журналом *Политика* («Политика») и сплитским еженедельником *Feral Tribune* («Дикая трибуна»).

⁸ Там же.

⁹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 280.

¹⁰ Комкова А. В. Понятие «топос» в современном литературоведении.

¹¹ Юденкова А. В. Исследование топоса Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя (на материале «Петербургских повестей») // Актуальні проблеми Слов'янської філології, Бердянськ: БДПУ, 2010. Вип. XXIII. Ч. 1. С. 65.

Его произведения публикуются не только в Хорватии и Боснии, но и в Сербии и Черногории. Ергович считает, что «СФРЮ в культурном смысле не только не распалась, но и не может распасться даже с помощью самого страшного национализма»¹². В 1988 г. он получил награду Мака Диздара за сборник стихов *Opservatorija Varšava* («Обсерватория Варшава»), в 1990 г. – награду Веселко Тенжера за журналистскую деятельность, в 1994 г. – премию мира имени Эриха Марии Ремарка и награду «Ксавер Шандор Джальский» за сборник «Сараевское Мальборо», в 2003 г. – итальянскую литературную премию «Гринцане Кавур» за сборник рассказов *Mama Leone* («Мама Леоне»), в 2007 г. – награду Меши Селимовича за роман *Ruta Tannenbaum* («Рута Танненбаум») и др. В 2009 г. он вместе с Гораном Рушиновичем, известным хорватским режиссером, участвовал в создании фильма *Buick Riviera* («Бьюик Ривьера»), за который получил награду Матицы хорватской за вклад в литературу и искусство.

Многие произведения Ерговича переведены на итальянский, французский, немецкий, английский, испанский, каталонский, португальский, шведский, финский, голландский, болгарский, венгерский, македонский, словацкий, литовский, белорусский, польский, чешский, словенский и русский языки¹³. Действие большей части его произведений развивается на просторах бывшей Югославии, за исключением романа «Бьюик Ривьера», который повествует о встрече беженца из Боснии и беженца из Сербии на американской земле.

Проза Ерговича описывает обычных людей, частные и незначительные события, повседневность, которая является своеобразным поводом к размышлениям о Балканах, их истории и современности. Фоном для этой повседневности становится гражданская война в Боснии. Герой Ерговича – человек, утративший свой дом и так и не нашедший нового, герой в вечном поиске метафизического дома: «Ах, Загреб, Загреб – это город, где всегда найдется кто-то, кто напомнит мне хотя бы раз в неделю, что я не из Загреба. Когда-то меня это задевало, но со временем человек привыкает. В остальном, если бы их не было, я бы и не знал, что

¹² Miljenko Jergović // Vecernji.hr [сайт]. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474>. (дата обращения: 10.10.2019). Перевод наш.

¹³ Публикации М. Ерговича на русском языке: Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/10/rasskazy-206.html> (дата обращения: 10.12.2019); Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2010/7/iz-knigi-mama-leone.html> (дата обращения: 10.12.2019); «Отец», главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2011/6/otecz-7.html> (дата обращения: 10.12.2019); Gloria in Excelsis. М.: Центр книги Рудомино, 2018. (Серия «100 славянских романов»); Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.

можно – и впрочем, легко – быть ниоткуда. С тех пор, как я не из Сараева, а уже несколько лет я не оттуда, это ощущение появляется у меня и в этом городе, точно так же хотя бы раз в неделю кто-то мне на это указывает. Я понял, что значит быть ниоткуда»¹⁴. Чувство утраченной принадлежности – постоянный мотив творчества Ерговича, позволяющий ему показать закрытость современного общества (чаще хорватского) и раскрыть такие темы, как бегство от прошлого, поиски идентичности.

Ергович активно участвует в литературной жизни как родной Боснии, так и Хорватии. В сербской Википедии статья о нем начинается словами «боснийско-герцеговинский и хорватский журналист и писатель», а в хорватской – «хорватский писатель, журналист и публицист». Он член обоих ПЕН-клубов, а сам автор считает себя «не хорватским и не боснийским писателем, а принадлежащим только тем, кто по собственному желанию читает его книги на языке, на котором они написаны, независимо от того, какой они национальности»¹⁵. Он не только пишет о самых разных (чаще – боснийских) семьях и их частных историях, но и ведет «летопись проблемы идентичности, проблемы, ставшей причиной самых страшных страданий в Европе»¹⁶, что поднимает его творчество на общеевропейский, если не на мировой уровень, о чем свидетельствуют многочисленные издания переводов его произведений. Однако географически мир Ерговича-писателя – это Босния, и уже – Сараево.

Сборник рассказов «Сараевское Мальборо» поделен на три части: «Незаменимая деталь биографии», «Реконструкция событий» и «Who will be the witness». В первой и третьей частях – по одному рассказу, а во второй – 27. Война во всех сюжетах находится на втором плане: она невидимо управляет жизнями персонажей, влияет на их судьбы, меняет повседневность и забирает жизни. Сборник начинается с рассказа «Экскурсия», в котором герой впервые сталкивается со смертью (становится свидетелем дорожной аварии), что тематически предвосхищает атмосферу всего сборника. Смерть из феномена перерастет в повседневную реальность. Последующие рассказы посвящены межличностным отношениям через призму материального мира. Герои Ерговича – люди, потерявшие почву под ногами, «не разбирающиеся

¹⁴ Jergović M., Mehmedinović S. Transatlantic Mail. Zagreb: v/b/z, 2009. S. 34. Перевод наш.

¹⁵ Miljenko Jergović // Vecernji.hr [сайт]. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474>. (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁶ Doris L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (перевод с немецкого Anne-Kathrin Godec) // Fraktura.hr [сайт]. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (дата обращения: 10.10.2019).

в политике и мечтающие только о мире и спокойной жизни»¹⁷. Писатель объединяет в одном сборнике «рассказы, крайне разнородные по тематике, тональности, динамике, степени сюжетности и действующим в них лицам»¹⁸, благодаря чему осажденное Сараево становится моделью мира в целом.

В центре внимания находится холодная, беспокойная повседневная жизнь, интенсивные эмоции передаются с помощью метафор и символов. Так, сюжет рассказа «Кактус» строится вокруг истории любви: героиня дарит своему возлюбленному кактус, но из-за войны покидает город; герой заботится о растении, но война подбирается ближе к его дому, он вынужден жить в подвале, где со временем умирает кактус, а значит, и их любовь. В рассказе «Слободан» (имя в переводе с сербского означает «свободный») психически нездоровый человек в военные годы остается совсем один, без крова и становится своего рода символом осажденного Сараева: «Один из первых военных репортажей CNN из Сараева показывал, как Слободан абсолютно спокойно и беззаботно бродит по городу, пока вокруг падают снаряды. Камера сняла, как он прошел метров семьдесят, журналист, вероятно, ожидал, что поймает момент, когда взрыв разорвет сараевца. Слободан прогулочным шагом из глубины кадра дошел до оператора, улыбнулся ему, кивнул <...>. За его огромной спиной продолжали падать снаряды, а репортер тем вечером немного разочарованно сообщил зрительской аудитории, что среди сараевцев еще есть храбрые люди»¹⁹. Потерянный, бездомный, ничего не понимающий и нездоровый Слободан значительно ближе другим сараевцам, чьи жизни сломала война, чем стервятник-журналист, не распознавший болезни в больном городе.

Именно в столкновении с чужим, человеком из другого, невоющего мира наиболее ярко вырисовывается образ Сараева. В рассказе «Могила» герой-босниец, разговаривает с американским журналистом: «Он меня спрашивает, не жалею ли я, что после того, как трижды объехал мир, остался в осажденном Сараеве, а я ему говорю, что я тут не остался, а тут родился»²⁰; босниец хочет быть похоронен только здесь, где с каждого кладбища открывается вид на весь город, а не в Америке, где «мертвецы

¹⁷ *Королькова П. В.* Сборник рассказов как тематическая мозаика и жанровый гибрид («Сараевский Мальборо» М. Ерговича и «Дьявол в Сараеве» Н. Величковича) // Гибридные формы в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 191.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Jergović M.* Sarajevski Marlboro. Podgorica: Nova knjiga, 2016. S. 51. Здесь и далее перевод наш.

²⁰ *Ibid.* S. 71.

выстраиваются, как военные, – строем»²¹. Босниец советует журналисту не смотреть на людей, раз он их не понимает, – пусть смотрит на мир вещей, как он сам, будучи в Америке, рассматривал вывески, рекламу, полки в магазинах. Он приводит в пример пачку сигарет: в осажденном городе не хватало материалов для упаковки, поэтому пачки были без опознавательных знаков, белые, а внутри можно было обнаружить часть киноафиши или рекламы обуви. Герой хочет показать журналисту свою пачку как пример, но в этот раз внутри оказывается обертка пачки «Мальборо»: «Что бы я ему ни сказал, он, такой, какой есть, подумает: “Сумасшедший народ, выворачивают сигаретную пачку, чтобы увидеть, какие сигареты купили. Как сигаретные пачки у них наизнанку, так и всё наизнанку, и что говорят, и что думают, и что делают”»²². Люди с разным менталитетом, разными культурными кодами и жизненным опытом (даже при возможности диалога) часто неспособны понять друг друга.

Однако «чужой» у Ерговича не всегда находится в настолько жесткой оппозиции к «своему» – сараевский мультинациональный и мультирелигиозный «котел» готов принять всех. В рассказе «Дворянин» главным персонажем предстает «свой чужой» хорват Иво, которого соседи всегда считали отстраненным и надменным. Когда пропадает вода в общественных колодцах, он позволяет всем соседям пользоваться своим. Каждый день с 10 до 12 часов перед его домом выстраивалась очередь, объединяющая сербов, хорватов и мусульман, а хозяин лично наполнял их тару водой. За день до Рождества он повесил объявление, что в праздник не будет работать. «В праздничный день водоносы принесли дары. Пирог, пахлаву, кувшины с простоквашей, небольшие свертки с молотым кофе, а один парнишка где-то заказал пачку сигарет “Croatia” с фильтром, что особо тронуло Иво»²³. Военное положение в городе, упоминаемое вскользь, сближает людей в стремлении выжить и стирает все различия. Город организует пространство обитания человека, провоцирует его «на поступки, генерирует события, необратимые, а потому судьбоносные»²⁴.

В рассказе «Боснийский котел» глазами хорватки Елены, приехавшей в Сараево учиться, показан довоенный город: «Сначала ее нервировали водители трамвая, не на остановке выбегавшие купить бурек на Башчаршии»²⁵,

²¹ Ibid. S. 72.

²² Ibid. S. 73.

²³ Ibid. S. 31.

²⁴ *Гурин С. П.* Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. URL: <http://www.topos.ru/article/6747> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁵ Центральная площадь в Сараеве.

ее выводили из себя громко разговаривающие люди с их жесткими шутками, ей мешали слишком сильные и незнакомые запахи, парни, при первой встрече рассказывающие всю свою жизнь, а при второй – позволяющие себе крепкое словцо. Но так как это был город, который не требует, чтобы ты менялся, и который перенесет и чужое презрение, Елена смогла к нему привыкнуть»²⁶. Ее возлюбленный, босниец Злая, позже, спасаясь от войны, некоторое время будет жить с ней в Загребе. Он начнет готовить и, будто в поисках утраченного дома, искать боснийский котел, необходимый для приготовления одноименного блюда*, что «невозможно во всех этих глупых цептерах и кастрюлях, на которых еще лет сто будет написано “Made in Yugoslavia”». Для боснийского котла нужна глиняная посуда, каких в турбоевропейском Загребе, конечно, нет. Каких, в общем-то, не было и в сараевских магазинах, но их можно было найти во всех сараевских домах»²⁷. Этот котел становится не только символом утраченного мира и особой атмосферы города, но и символом невозможности обрести утраченное: Злая, даже приобретя посуду, не успеет приготовить блюдо, так как из-за проблем с документами его заберут в лагерь беженцев.

Еще одна история переезда и попытки адаптироваться – рассказ «Склонение» о мальчике Дино, которого мать перевезла в Загреб. «Отчим <...>, конечно, католик. Мальчик, конечно, нет. Он рассказывает, как девочка, которая учится с ним в одном классе и в которую он влюблен, исправляет его»²⁸, от стеснения он едва ли решается попросить у отчима посмотреть мультфильмы. Отдушиной для него становятся письма деду в Зеницу (город в Боснии). «Загребские» эпизоды в сборнике подчеркивают ужас войны; от нее можно убежать, но при этом она не проходит бесследно, отбирая у человека не только дом, но и саму возможность обрести его в другом месте.

В последнем рассказе «Библиотека» автор делит книги на три группы: самую многочисленную из них составляют те, что так и не будут прочитаны; во второй оказываются книги, любимые с детства; третья же – произведения, которые, как мы думаем, останутся с нами навсегда. Однако «природное агрегатное состояние книги – пламя, дым и пепел»²⁹. Эту классификацию можно перенести и на межличностные отношения: история, как пламя, съедает книги, стирает человеческие желания и планы.

²⁶ Jergović M. Sarajevski Marlboro. S. 74.

* Классическое боснийское блюдо, жаркое с овощами и специями.

²⁷ Jergović M. Sarajevski Marlboro. S. 37.

²⁸ Ibid. S. 105.

²⁹ Ibid. S. 136.

В осажденном Сараеве Ерговича обыденные предметы становятся символами: глиняный котел как символ утраченного дома; кактус как символ любви; спрятанная в кошельке убитого мужа фотография любовницы как разрушение не только счастливого брака, но и всего старого мира; яблоки как символ продолжения жизни; колодец как символ единства; звон трамвая и взошедшие семена салата и моркови как символ продолжающейся жизни города и др. Война играет роль лупы, благодаря которой повседневные вещи выходят на первый план. Эти объекты становятся центром событий, приобретая иносказательный смысл.

Город наполнен и очевидными для его жителей, создающими местный колорит деталями: типичная «мусульманская семья, пахнущая легким боснийским исламом и бальзамированным венским дворянством»³⁰, упоминаются ключевые места (остановка «Мариин двор», перекресток Титовой и Твртковой улиц, Художественная академия, сараевский пивной завод, районы города: Илиджа, Ковачи, Алифаковац, Бьелаве и др.), запахи (в основном кофе и ракии), события (Сараевская Олимпиада).

Война присутствует в тексте в виде таких деталей, как гуманитарная помощь, неработающие светофоры, дефицит сигарет и др. Важное место занимает звуковой фон: «Греметь стало синкопами, взрывы размеренными волнами переходили из одного района города в другой»³¹; «взрывы больше не доносились <...>, выстрелы раздавались нежно и близко, как напоминание, что этой ночью еще остались бодрствующие, еще остались люди с сумасшествием, горестями и заботами в голове»³².

Наиболее ярко показана повседневная «нормальность» военных действий, пожалуй, в отрывках радиопередачи: «Точное время – двадцать один час. Вы слушаете новости, сегодня с официальным визитом уехал, семнадцать мертвых и восемьдесят пять раненых, под артиллерийским обстрелом агрессора, отступающего в панике, министр по гуманитарным вопросам Республики Франции, поклонился жертвам, нам написал наш постоянный слушатель с территории свободы, новое преступление агрессора, на мировом чемпионате по парусному спорту, каяк в диких водах, нашим аплодировали стоя, люди плакали, погода ожидается дождливая и ветреная»³³. В этих обрывках новостей лежит ключ к пониманию жизни осажденного города: ужас войны становится привычным и неизменным явлением, как перемена погоды.

³⁰ Ibid. S. 34.

³¹ Ibid. S. 88.

³² Ibid. S. 90.

³³ Ibid. S. 87.

«Сараевское Мальборо» не сборник рассказов о войне, он о жизни, людях и их отношениях, а война лишь контекст их взаимодействия. Нарратор эмоционально отстранен, но через страдания и чувства персонажей пробивается его голос. Строя повествование вокруг таких повседневных предметов, как кактус, письмо или фотография, писатель приближает историю к читателям, не знающим войны, что позволяет каждому хотя бы немного понять, каково ее влияние на судьбы людей: «Люди, пишущие об этой войне без желания заработать статус и пробиться наверх по мертвым и живым головам, то есть люди, которых очень мало, но они есть, <...> отчаянно пытаются сохранить разодранную картину мира»³⁴.

Боснийский историк литературы Э. Казаз в статье «Новая повествовательная Босния» написал, что рассказ для боснийской литературы стал «романом в малом»³⁵. На рубеже XX–XXI вв. апокалипсис войны создал новую литературную волну. Именно в жанре рассказа, раньше, чем в поэзии и романе, возникла реакция на изменение исторических и социальных обстоятельств, рассказ стал «моральной хроникой апокалипсиса войны»³⁶. Творчество К. Заимовича, Н. Величковича, Д. Узуновича, Г. Самрджича и М. Ерговича обновило реалистические нарративные стратегии: обратившись к поэтике свидетельства, авторы создали малые, индивидуальные сюжеты, противопоставленные монументальной и героической наррации. Сборник Ерговича «Сараевское Мальборо» через трагичные судьбы маленьких людей в обстоятельствах войны, через их гуманность и моральную стойкость «превратил Сараево в символический топос истории». Ергович не стремится стать новым идеологом, его рассказы строятся на индивидуальных биографиях героев. Казаз пишет, что нарративная стратегия Ерговича близка традиции боснийского рассказа начала XX в., которая отражала жизнь отдельных людей на фоне исторических или культурных перипетий боснийского общества на рубеже XIX–XX вв. Сборник «Сараевское Мальборо», по мнению исследователя, утвердил повествование такого типа как опознавательный знак боснийско-герцеговинской литературы в целом. Ергович «показал крах основных моральных и гуманистических ценностей современной, технологической и информационной цивилизации на фоне ужасной войны»³⁷. Хронотоп, традиционно присущий повествованию о Боснии, переносится на всеобщий глобальный уровень,

³⁴ Ibid. S. 109.

³⁵ Kazaz E. Nova pripovjedačka Bosna // Sarajevske sveske. 2006. № 14. URL: <http://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 10.10.2019).

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

моральная хроника кровавой боснийской войны, реализованная в рамках исторического хронотопа, может восприниматься и на уровне метафоры общей истории, ее иррациональности и жестокости.

Анализ сборника рассказов «Сараевское Мальборо» может стать началом исследования топоса Сараево как в рамках творчества М. Ерговича (в особенности более позднего сборника рассказов «Сараево, план города», в котором столица Боснии описывается в развитии, начиная с 1970-х годов до настоящего времени), так и шире – началом изучения сараевского текста³⁸ в боснийской (а также сербской и хорватской) литературе. Литературное воплощение Сараево выступает особым объектом художественного постижения.

Литература

Булгакова А. А. Топика в литературном процессе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2008.

Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.

Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // Топос. Литературно-философский журнал. 2009. URL: <http://www.topos.ru/article/6747> (дата обращения: 10.10.2019).

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.

Комкова А. В. Понятие «топос» в современном литературоведении // «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки»: Электронный сборник статей по материалам XX студенческой международной научно-практической конференции. № 5 (20) / ред. Н. В. Дмитриева, А. Г. Бердникова. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 134–138. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 10.10.2019).

Королькова П. В. Сборник рассказов как тематическая мозаика и жанровый гибрид («Сараевский Мальборо» М. Ерговича и «Дьявол в Сараево» Н. Величковича) // Гибридные формы в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 193–200.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Махов А. Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 1076.

Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // *Панченко А. М.* Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250.

Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 87–91.

Топоров В. Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

³⁸ Понятие городского текста в литературоведение ввел В. Н. Топоров в работе «Петербургский текст русской литературы», по аналогии возникли понятия московского, парижского, вильнюсского и других текстов.

Хализев Е. В. Теория литературы: Учебник. М.: Высшая школа, 2002.

Юденкова А. В. Исследование топоса Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя (на материале «Петербургских повестей») // Актуальні проблеми Слов'янської філології / ред. Зарва В. А. Бердянськ: БДПУ, 2010. Випуск XXIII. Чстина 1. С. 64–72.

Jergović M. *Sarajevski Marlboro*. Podgorica: Nova knjiga, 2016.

Jergović M., Basara S. *Tušta i tma*. Beograd: Laguna, 2014.

Jergović M., Mehmedinović S. *Transatlantic Mail*. Zagreb: v/b/z, 2009.

Kazaz E. *Nova pripovjedačka Bosna* // *Sarajevske sveske*. 2006. N 14. [online] URL: <http://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 10.10.2019).

References

Bulgakova, A.A., 2008. *Topika v literaturnom protsesse: posobie* [Topic in the literary process]. Grodno: GrGU.

Ginzburg, L.Ia., 1974. *O lirike* [About a lyric poetry]. Leningrad: Sovetskii pisatel'.

Gurin, S.P., 2009. *Obraz goroda v kul'ture: metafizicheskie i misticheskie aspekty. Topos*. [The image of the city in culture: metaphysical and mystical aspects. Topos]. *Literaturno-filosofskii zhurnal*. [online]. URL: <http://www.topos.ru/article/6747> (accessed: 10.10.2019).

Halizev, E.V., 2002. *Teoriia literatury: Uchebnik* [Literary theory. Poetics. Stylistics]. Moscow: Vysshiaia shkola.

Iudenkova, A.V., 2010. *Issledovanie toposa Peterburga v tvorchestve N. V. Gogolia (na materiale «Peterburgskikh povestei»)* [Studies of the topoi of St. Petersburg in the writings of N. V. Gogol (on the basis of Petersburg Tales)]. In: Zarva V.A., ed. *Aktual'ni problemy Slov'ians'koi filologii, XXIII* [Actual problems of Slovenian philology]. Berdyansk: BDPU, pp. 64–72

Jergović, M., 2016. *Sarajevski Marlboro*. Podgorica: Nova knjiga.

Jergović, M., Basara, S., 2014. *Tušta i tma*. Beograd: Laguna.

Jergović, M., Mehmedinović, S., 2009. *Transatlantic Mail*. Zagreb: v/b/z.

Kazaz, E., 2006. *Nova pripovjedačka Bosna*. *Sarajevske sveske*, 14. URL: <http://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 10.10.2019)

Komkova, A.V., 2014. *Poniatie "topos" v sovremennom literaturovedenii* [The concept of «topoi» in modern literary criticism]. In: Dmitrieva, N.V., Berdnikova, A.G., eds, 2014. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletia. Gumanitarnye nauki: Elektronnyi sbornik statei po materialam XX studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 5 (20) [The scientific community of students of the XXI century. Humanities. Electronic collection of articles on the materials of the XX student international research-to-practice conference]. Novosibirsk: Izd. SibAK, pp. 134–138. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (accessed: 10.10.2019).

- Korolkova, P.V., 2014. *Sbornik rasskazov kak tematicheskaiia mozaika i zhanrovii gibril*. In: Zlydneva, N.V., ed, *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh. Sbornik statei* [Hybrid forms in Slavic cultures. Collection of articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. pp. 193–200.
- Lotman, Yu.M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow: Iskusstvo.
- Makhov, A.E., 2001. Topos [Topoi]. In: Nikoliukin, A.N., ed., 2001. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak. p. 1076
- Panchenko, A.M., 1986. Topika i kul'turnaia distantsiia [Topic and cultural distance]. In: Panchenko, A.M., 1986. *Istoricheskaiia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. The results and prospects of the study]. Moscow: Nauka, pp. 236–250.
- Prokof'eva, V.Iu., 2004. Kategoriiia prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [The categories of space in literary refraction: loci and topoi]. *Vestnik OGU*, 11, pp. 87–91.
- Toporov, V.N., 2009. *Peterburgskii tekst* [Petersburg text]. M.: Nauka.
- Zhirmunskii, V.M., 1977. Teoriia literatury [Theory of Literature]. *Poetika. Stilistika* [Poetics and Stylistics]. Leningrad: Nauka.

АКСИОЛОГИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ)*

Ирина Александровна Седакова –

доктор филологических наук, заведующая
отделом типологии и сравнительного
языкознания, руководитель Центра
лингвокультурных исследований BALCANICA,
Институт славяноведения Российской
академии наук

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия

Электронный адрес: irina.a.sedakova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются аксиологические параметры концепта «жизнь» в русском и болгарском языках с привлечением лексических и фольклорных материалов. Сравнение двух родственных славянских и при этом отдаленных языков, русского и болгарского (с учетом «балканскости» болгарского), имеет целью выявление общего и различного в восприятии системы ценностей в целом и определение языкового потенциала выражения оценки. Концепт «жизнь» как сверхценность задает направление для других аксиологических концептов и характеристик, обеспечивая их существование, поскольку вне жизни они или отсутствуют вообще, или нерелевантны. Не случайно «жизнь» прочно связана со «смертью», что эксплицируется в языке, фольклоре и обрядовых актах. «Жизнь» включает в себя и другие базовые аксиологические концепты, связанные с ее восприятием как пути, судьбы («здоровье», «счастье / удача», «семья», «любовь» и пр.) и составляющие комплекс представлений о благополучии. При негативной оценке «жизни» концепт включает в себя такие понятия, как «болезни», «несчастье / неудача», «безбрачие» и др. Количество сопредельных ценностей увеличивается с привлечением синонимов, диалектизмов и членов всего словообразовательного гнезда. В болгарском языке важную роль играют синонимичные турцизмы, которые привносят в концепт «жизнь» некоторый «восточный» гедонистический акцент. Важную роль играет сравнение русских и болгарских клише и идиомов с «жизненной» лексикой, наличие межязыковых синонимов. Исследование позволяет сделать вывод, что оценка «жизни» в значительной степени зависит от конкретного словосочетания и контекста; эта ценность может перейти в антиценность и поменять положительную оценку на отрицательную, что является характерным процессом для оценочной системы языков в целом.

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUSCall 2018 (проект #472-LED-SW).

Ключевые слова

Аксиология, этнолингвистика, концепт «жизнь», семантика, фразеология, русский и болгарский языки

Статья поступила в редакцию 29 октября 2019 г.

AXIOLOGY IN COMPARATIVE STUDIES (THE NOTION OF 'LIFE' IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES)

Irina A. Sedakova

D. Sc., Head of the Department of Typology and Comparative Linguistics, head of the Center of Linguocultural Studies BALCANICA, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334, Russia

E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Abstract

This article scrutinises the axiological parameters of the notion of 'life' in Russian and Bulgarian languages on the grounds of lexicological and folklore data. Comparative analysis of the two related yet distant languages, Russian and Bulgarian (with regard to the Balkan character of the Bulgarian language), is aimed at the detection of common and differing attitudes towards values in general and for the ascertainment of language evaluative potential. The notion of 'life' is the most important in the hierarchy of basic values; it determines the very being of other concepts, since without life they do not exist or are not relevant. It is no coincidence that 'life' is tightly connected with 'death' as evidenced by languages, folklore and rituals. The notion of 'life' includes other basic axiological concepts, which reflect the archaic idea of life as a road and a fate ("health", "happiness / good luck", "family", "love", etc.), thus constructing the idea of well-being. When 'life' has negative connotations, such notions as 'disease', 'unhappiness / bad luck' and 'loneliness' become an integral part of it. The quantity of the topical values for the notion of 'life' increases when synonyms, dialectal expressions and all the members of the word-building process are taken into account. In the Bulgarian language, Turkish borrowings are important, as they demonstrate a hedonistic "Eastern" axiological view of life. Comparison of Russian and Bulgarian clichés and idioms with corresponding words, denoting 'life' and similar concepts, and interlanguage synonyms are at the core of this article. The study allows us to conclude that the evaluation of 'life' depends to a great extent on the combinations of words and the context; the value can drastically change a positive marker to a negative, which is a typical process in the evaluation system of languages in general.

Keywords

Axiology, ethnolinguistics, the notion of 'life', semantics, phraseology, Russian and Bulgarian languages

Received 29 October 2019.

Одним из ключевых и наиболее интересных направлений в славянской лингвистике и гуманитаристике последних десятилетий можно считать аксиологию. Изучение имплицитной и эксплицитной оценки явлений, объектов, субъектов, действий, качеств в языковой картине мира разных исторических периодов и разных социальных срезов весьма продуктивно в этнолингвистических, социолингвистических и лингвокультурных изысканиях¹. Особый интерес представляет аксиологический анализ с добавлением сопоставительных и типологических методик разных традиций, близких и весьма отдаленных иерархий оценок. Сравнение ценностей по определенной, общей для всех работ методике проводится в рамках международного проекта EURJOS под руководством Е. Бартминьского. Результатом исследований стал ряд публикаций, в том числе пять томов «Аксиологического лексикона славян и их соседей»².

Для данной статьи сравнение проводилось на материале языков и культуры русских и болгар. Русский и болгарский языки дают интересный пример для сопоставительных исследований во всех областях лингвистики – фонетике, морфологии, лексике и семантике, синтаксисе. Оба языка славянские, прошли через этапы взаимовлияний, включая и южнославянское влияние на древнерусскую письменность, русское влияние на Болгарию; в XX в. пережили периоды доминирования идеологического новояза (хотя и разные по продолжительности), а теперь испытывают на себе воздействие новых, западных ценностей с их лексикой, стилистикой и семантикой. Болгарский язык, разделяющий многие черты балканского языкового союза, БЯС (в том числе и общебалканский словарь, что особенно важно для этого исследования) с характерной балканской моделью мира (по Т. В. Цивьян³), в своих оценках и в системе ценностей также во многом схож с другими членами БЯС. В истории болгарского языка и его балканизации существенную роль сыграли многие факторы: соседство и коммуникация с другими народами полуострова, би- и полилингвизм,

¹ Эволюция ценностей в языках и культурах / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Пробел-2000, 2011; *Bartmiński J. Polskie wartości w europejskiej aksjoserferze. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej*, 2014; *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014; Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С. М. (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015; *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016; *Седакова И. А.* Традиционные и нетрадиционные ценности русских и болгар: проблемы и методы исследования // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 169–184.

² *Leksykon aksjologiczny Sławian i ich sąsiedów. Tom 1–5. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej*, 2015–2019 (Т. 1. Dom; Т. 2. Europa; Т. 3. Praca; Т. 4. Wolność; Т. 5. Honor).

³ *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: УРСС, 2005.

греческое влияние и многое другое. Заметный след оставил турецкий язык вследствие пятивекового османского присутствия, и это до сих пор проявляется в системе ценностей, ментальных концептах и установках болгар⁴. Ислам соединился сложным образом с христианскими воззрениями, в том числе в их народно-православной форме, с присущими ей языческими компонентами.

Мы остановимся на основополагающем, базовом ценностном концепте «жизнь» – и на этом примере попытаемся показать характерные черты выражения оценки в языке и культуре, акцентируя внимание на специфике сравнительного аксиологического подхода и метода. Многие параметры концепта останутся за пределами данной публикации в силу ограниченности объема, а также с учетом имеющихся работ (в том числе и диссертационных), анализирующих «жизнь» с применением различных методик в различных лингвокультурах⁵. Это небольшое исследование на примере двух родственных славянских и при этом отдаленных языков, русского и болгарского (с учетом отмеченной выше «балканскости» болгарского), призвано выявить общее и различное в восприятии системы ценностей, а также сравнить устойчивость традиционных аксиологических взглядов, их современную вариативность в двух системах, основные направления в развитии семантики и прагматики. Наши предыдущие работы по аксиологии и собственно по концепту «жизнь» проводились на разном материале, ограниченном русской традицией. Изучались и смежные аксиологические понятия («судьба», «удача» и др.) в болгарском языке на общеславянском фоне⁶. Эти исследования, опубликованные в 2000–2010-х годах, служат своеобразной базой для анализа некоторых черт функционирования и динамики ценностных концептов в разных жанрах в разные эпохи⁷.

⁴ Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М.: Индрик, 2007; *Она же*. Распад «идеологических» языковых союзов: универсальное и специфическое // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. М.: Индрик, 2008. С. 429–450.

⁵ Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. СПб.: АКД, 2005; *Она же*. Жизнь // Антология концептов / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. С. 146–166; Васильев А. Д. Концепт «жизнь» в системе ценностей жителей Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического института им. В. П. Астафьева. 2016. № 4. С. 215–217; и др.

⁶ Sedakova I. The Notion of Fate (Russian “судьба”) in Slavonic Folk Tradition: An Ethnolinguistic Approach // *Cosmos*. 2012. 28. Pp. 154–169.

⁷ Седакова И.А. Базовые ценности и их метаморфозы: *жизнь* (от выживания до «искусства жить») // Язык и общество в современной России и в других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2010. С. 492–496.

Концепт «жизнь» задает направление для других аксиологических концептов и характеристик, обеспечивая их существование, поскольку вне жизни они или отсутствуют вообще, или нерелевантны*. Сама «жизнь» постоянно противопоставляется смерти, небытию, либо имплицитно, либо эксплицитно**. Наличие антонимичного концепта является одной из типичных черт почти любой ценности; ее потенциальное вхождение в бинарную оппозицию, соотнесение с антиценностью (ср.: «честь – бесчестье», «любовь – ненависть» и др.) – важное свойство языковой картины мира. При этом аксиологические отношения намного сложнее, чем просто антонимия; можно говорить о градации позитивности или негативности того или иного концепта с точки зрения его ценности, включая и нулевую, нейтральную позицию (рус. «жизнь как жизнь»).

Кроме того, один и тот же концепт, в данном случае «жизнь», подвергается различной оценке в зависимости от контекста, который высвечивает его положительную или отрицательную составляющую. Важен и жанр, в котором используется ценностное понятие, – так, реклама иногда в корне меняет аксиологический статус базовых традиционных понятий о жизни и об образе жизни, добавляет к ним новые интерпретации, актуализирует некоторые прежде нерелевантные содержательные компоненты и нивелирует прежде доминировавшие.

Любой ценностный концепт очерчивает и сопредельные понятия, составляя целый «пучок» ценностей. Особенно это относится к концепту «жизнь», который включает в себя и охватывает другие базовые аксиологические концепты, связанные с метафорой жизни как пути, синонимом судьбы («здоровье», «счастье / удача», «семья», «любовь» и пр.), составляя комплекс представлений о благополучии. В случае же негативной оценки «жизни» концепт будет включать такие понятия, как «болезни», «несчастье / неудача», «безбрачие» и др. Количество сопредельных ценностей увеличивается, если мы анализируем все словообразовательное гнездо и синонимы. Ниже мы подробнее остановимся на этих свойствах ценностного концепта «жизнь».

Концепт «жизнь» в русском и болгарском языках обозначается разными, но однокоренными словами общеславянского происхождения: рус. *жизнь*, болг. *живот*. В современном русском языке *живот* в значении 'жизнь' также фиксируется, но в ряде словарей дается с пометой

* В данном тексте мы не касаемся религиозных трактовок жизни / смерти.

** О соположении жизни и смерти в русских поговорках см. основательную статью: Фролова О. Е. Жизнь и смерть как ценность и антиценность (на примере русских поговорок) // Категория оценки и система ценностей... С. 418–431.

«устаревшее»^{*}, хотя через церковнославянский сохраняется в нескольких весьма устойчивых выражениях (безусловно, известных и болгарам: *Живот вечный, Живот или смерть?* и др.). Такое сосуществование разностилевых лексем в литературном русском важно для аксиологической системы, потому что само слово *живот* = *жизнь* отсылает к определенной системе ценностей – христианской (о лексеме *живот* в русских говорах см. ниже). В болгарском языке такой религиозной отсылки нет. В нем, в свою очередь, фиксируются словообразования от *жизн-*, что также свидетельствует об их стилистической маркированности, их литературном характере, заимствовании из церковнославянского^{**}, а также и из современного русского (и советского) языка, ср. болг. *жизнен, жизненост*, а также сложные слова с *жизн*: *жизнерад, жизнеспособен, жизнелюбив, жизнелюбивост*⁸. Хотя в этой статье мы не исследуем специально диалектную лексику (лишь попутно даем самые яркие примеры), все же надо отметить, что в русских диалектах фигурируют оба слова – *жизнь* и *живот*, причем последнее слово используется не в анатомическом, а в «жизненном» значении и демонстрирует значительную географическую распространенность, разветвленность семантики и богатство контекстов⁹. В болгарском языке наличие двух отмеченных слов для «жизни» на составе словариков диалектных словарей не отражается: *жизнь*^{***} не фиксируется, используется только *живот*¹⁰.

* Еще в Словаре В. И. Даля *Живот* в первом значении обозначает «жизнь», и лишь затем «утроба» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого русского языка. М.: ГИС, 1955. Т. 1. С. 540). В современных словарях русского языка *Живот* «жизнь» выделяется в отдельную словарную статью с пометой *стар.* (Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 234). Об истории этих слов в русском языке с когнитивной точки зрения, см., в частности: *Петрухина Е. В.* История слов живот, жизнь, житие и концепт ЖИЗНЬ в русском языке // Когнитивные исследования языка. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. 2015. Т. 23. С. 321–342.

** В болгарском словаре редких и устаревших слов в словарной статье *жизн, жизньн*, отмеченных как *лит.* и *уст.*, говорится о заимствовании из церковнославянского с примерами из художественной литературы (Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и от XX век. София: Изд-во на БАН, 1974).

⁸ Речник на съвременния български книжовен език. София: Изд-во на БАН, 1955. Т. 1. С. 346.

⁹ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука. Вып. 9 / гл. ред. Ф. П. Филин. 1972. С. 156–158; см. также: *Колесов В. В.* Слова литературного языка в диалектной речи. Жизнь // *Колесов В. В.* Слово и дело. Из истории русских слов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.

*** В нашей экспедиционной работе в Болгарии слово *жизн* однозначно ассоциируется с периодом социализма и советским влиянием и звучит в разговорах на соответствующие темы о НРБ и СССР.

¹⁰ Българска диалектология. Проучвания и материали. София: Издателството на Българската академия на науките / отв. ред. К. Мирчев, 1962–1981. Т. 1–10.

Рус. *жизнь*, болг. *живот* полисемичны, и в каждом из конкретных значений аксиологические характеристики различаются, направляя исследователя в смежные, а иногда более отдаленные номинативные сферы. Иерархия значений «жизнь» в толковых словарях русского и болгарского языков почти не различается; обозначим сокращенно основное, не цитируя полностью словарные дефиниции: 1. Существование, бытие; 2. Время, продолжительность существования; 3. Обстоятельства существования; 4. Деятельность¹¹. При этом семантическая детализация и примеры в словарных статьях неодинаковы. Так, в однотоминых толковых словарях для русского языка выделяется значение ‘оживление, проявление деятельности, энергии’ с примером *Больше жизни!*¹², для болгарского же приводится значение, помеченное как «разговорное», ‘согласие с окружающими’ с примером *Няма живот с тия хора* [Нет согласия с этими людьми]*. В данном случае, кроме некоторой условности и наличия определенных принципов в лексикографической практике (теоретические посылы авторов, объем словаря и др.), существенно и то, что оба отмеченных значения потенциально возможны в русском и болгарском языках, но они требуют или уточнения, или других конструкций. Так, трехтомный словарь болгарского языка для *живот* дает значение ‘оживление, бодрость, живость’ с пометой «переносное» и с примером *Из улиците движението и животът кипеше* (‘На улицах движение и жизнь кипела’)¹³. Из примера видно, что изолированное *живот* требует уточняющего глагола для выражения семантики «живости». Значение ‘согласие, отсутствие ссор’ входит и в русское слово *жизнь*, при этом передается иной конструкцией, глагольной или идиоматической, ср.: «Жить душа в душу». Диалекты значительно увеличивают ряд примеров, в которых оценка включена в слово или же для ее выражения необходим эпитет, ср. болг. диал. *животя* ‘жить дружно, в согласии’¹⁴, рус. диал. *живот* с пометой «бранное слово» и примером *Пропадающий живот*¹⁵.

Именно в прагматике, в контексте и словосочетаниях, особенно заметны сходства и различия между ценностным наполнением русской и болгарской «жизни» как концепта. Каждому значению соответствует

¹¹ Толковый словарь русского языка. С. 235; Български тълковен речник. София, 1973. С. 216.

¹² Толковый словарь русского языка. С. 235.

* В русском языке вполне возможно такое предложение *Жизни нет с этими людьми*, но значение этого выражения намного шире, чем просто «мирное сосуществование».

¹³ Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1. С. 345.

¹⁴ Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и от XX век. С. 134.

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Т. 9. С. 158.

свой ряд синонимов, и это может объединять или, наоборот, разделять два языка с точки зрения аксиологии. Безусловными схождениями будут, к примеру, идеологические коннотации, о чем свидетельствует трактовка «жизни» в период существования СССР и НРБ. Так, *жизнь* – это ‘имущество, благосостояние, счастье’ с примером из стихотворения Н. Вапцарова *Ще изградим със много пот един живот желан и нужен, и то какъв живот!*¹⁶, в революционном, социалистическом дискурсе «жизнь» в настоящем времени – это борьба, подвиг, а счастье ассоциируется с будущим временем. На примере концепта «жизнь» особенно отчетливо видна идеологизация некоторых аксиологических концептов в разные исторические периоды.

Расхождения между русским и болгарским появляются не только в семантическом составе, но и в словообразовательном поле «жизни». Оно многосоставно в обоих языках, включает разные части речи, анализ которых также добавляет специфики в русскую и болгарскую аксиологические картины мира. Однокоренные словообразования (рус. *живой, жить*; болг. *жив, живей*), по мысли С. М. Толстой, привносят дополнительные ценностные, оценочные параметры¹⁷. Кроме того, они увеличивают синонимические ряды ценности, поскольку морфологические различия также релевантны – суффиксы и аффиксы нередко несут значительный аксиологический потенциал.

К примеру, глаголы – рус. *жить* и болг. *живей* – совпадают во многих значениях, которые имплицитно включают оценку. Однако в русском и болгарском языках различается префиксация глаголов – в русском она значительно более развита и способствует выражению оценки, ср.: *выжить, нажить, прижить, сжить* [со свету]. В болгарском в целом глагольная префиксация менее развита и префиксация с элементами оценочной семантики представлена реже, а если она и фиксируется, то нередко может быть с противоположным знаком по сравнению с русской. Так, рус. *зажить* используется с положительной оценкой (*Ну теперь мы заживем!*), тогда как болг. *заживей* означает ‘начать жить, испытывая серьезные проблемы’. Значит, для выражения, синонимичного русскому, требуется атрибутив: болг. *Заживей хубаво* ‘начать жить в довольстве’. Кроме того, в двух языках различаются клишированные выражения, передающие именно оценку условий жизни, ср. болг. *живей живота* ‘жить в удовольствие’, рус. *жить полной жизнью*. Подобные схождения

¹⁶ Български тълковен речник. С. 216.

¹⁷ Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской лингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

и расхождения обнаруживаются при аксиологическом анализе прилагательных, наречий, сложных слов, входящих в лексико-семантическую группу «жизни».

Говоря о синонимии «жизни» и ее аксиологии, отметим болг. глагольную лексему *векувам*¹⁸, одно из значений которого «жить хорошо»¹⁹. Его синонимом служит глагол с прозрачной внутренней формой *добрувам* «жить счастливо, благоденствовать» (рус. с примером *Добрува тя при син и снаха* («Ей хорошо живется у сына и невестки»)²⁰. Такую же оценку «жизни» передает и глагол *благувам* «жить счастливо, в материальном благополучии»²¹. Еще один болгарский глагол, относящийся к концепту «жизни», – это *светувам* 1. Жить, существовать; 2. Жить хорошо, благоденствовать²². На основании этих болгарских глаголов, которые носят или диалектный, или народнопоэтический характер и в любом случае архаичны, можно сделать вывод о том, что аксиология здесь непосредственно выражена семантикой словообразующего корня. Показательным фактом служит удвоение корней в конструкциях – *благ благувам, свят светувам*. И в болгарском, и в русском языках функционируют однокоренные синонимичные глаголы: рус. *преуспевать, процветать*, болг. *преуспявам, процъфтявам*, в которых присутствует семантика успешной деятельности и благосостояния.

При анализе оценки «жизни» в болгарском следует привлекать и синонимичные турцизмы, которые приносят в этот концепт некоторый «восточный» аксиологический акцент, ср.: *живея рахат* «жить беззаботно»; *рахатясвам* 1. Успокоиться, освободиться от забот; 2. Зажить беззаботно,

¹⁸ Български тълковен речник. С. 83.

¹⁹ В трехтомном словаре 1950-х годов и в современном многотомном словаре болгарского языка для *векувам* такого положительного значения не дается, отмечается только продолжительность жизни (Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1. С. 107; Речник на българския език. София: Изд-во на БАН, 2001–2015. Т. 1–15. S. v. *векувам*). В словаре Н. Герова это значение у глагола *векувам* выделяется со следующими русскими соответствиями: *добровать, благоденствовать, блаженствовать, красотничать* (Герова Н. Речник на българския език. София: Български писател, 1978. Т. 1–6. S. v.). Предположим, что это значение является архаизмом и сохранилось в диалектах и художественной литературе XIX века (позднее – при исторической стилизации или фольклоризации).

²⁰ Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1. С. 166. Ср. показательный пример употребления этого глагола: *И сега нейната Тинка отива у тези харни люде, дето ще добрува и ще живее хубав живот.* («И теперь ее Тинка уходит жить к этим прекрасным людям, где будет жить-поживать без забот») (Речник на българския език. S. v. *добрувам*).

²¹ Речник на българския език. S. v. *благувам*.

²² Български тълковен речник. С. 28. На особую архаичность этого глагола обращает внимание С. М. Толстая (Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 26).

привольно, в довольстве; *рахатувам* «жить спокойно и беззаботно». Как отмечает исследователь турецкой лексики в болгарском языке М. Стаменов, не всегда в этих конструкциях акцентируется богатство как важное условие счастливой жизни, главное – мир, спокойствие²³.

Еще один аспект, который уже вкратце затрагивался выше, – это роль эпитетов, расширительных конструкций и нарративного контекста. Представления о ценности «жизни» могут получить противоположную или амбивалентную оценку с учетом отмеченных факторов. Так, например, в глубокой старости пожилые люди тяготятся жизнью, о чем свидетельствуют паремии, клишированные фразы и комментарии в беседах с информантами²⁴. В народной философии нередко отмечается и изменчивость качества жизни, ср.: *Животът му е като месец – кога пълен, кога кратък* («У него жизнь, как луна – то полная, то молодая (т. е. почти пустая)»)²⁵.

Часто лексема *жизнь* и ее словообразования выступают в коллокациях²⁶ со смежными по значению словами – например, рус. *жив-здоров*. В болгарском эта коллокация выступает обычно как пожелание по случаю радостного известия, дня рождения, именин, бракосочетания и других праздничных событий: *жив и здрав, живи и здрави* и др. В русском поздравительном дискурсе используются иные конструкции, обычно более подробные и описательные: «Желаем долгих лет жизни, здоровья и благополучия»; такого клише, как в болгарском, нет.

Изолированное употребление концепта «жизнь» и его лексики в одном языке иногда составляет пару «здоровью» и его однокоренным в другом языке. Например, лозунгу «Да здравствует...» в болгарском соответствует конструкция «Да живее...». Зачин русских сказок «Жили-были...» неизвестен болгарским сказкам, которые всегда начинаются с конструкции «Имало едно време...» (букв. «Были однажды...»). Можно сравнить также пословицы: болг. *Живот с пари се не купува* («Жизнь за деньги не купишь») и рус. *Здоровье не купишь*.

«Жизнь» и ее сопредельные аксиологические концепты – основные мотивы в проклятиях, клятвах и благопожеланиях. Эти краткие «чистые»

²³ Стаменов М. Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София: Изток-Запад, 2011. С. 541–542.

²⁴ Подробнее об аксиологии старости в традиционной картине мира болгар см.: Седакова И. А. Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне) // Категория оценки... С. 237–259.

²⁵ Славейков П. Р. Български притчи и пословици или характерни думи. София: Български писател, 1972. С. 206.

²⁶ Об этой методике аксиологических исследований см.: *Bartmiński Jerzy. Polskie wartości...*

оценочные жанры чрезвычайно развиты в болгарской речи, включая и современный городской узус²⁷. В русском их разнообразие и частота употребления меньше, хотя в диалектной речи они тоже присутствуют²⁸. Отметим недостаточно исследованный болгарский и македонский зачин *Жив ми, Жив ти*, который грамматикализировался в частицу *Жи* или стал универбом *Жими, Жити*: болг. *Жити Господ (Христос, Богородица) = Да те поживи Господ (Христос, Богородица)* «Пусть Господь (Христос, Богородица) продлит твою жизнь», макед. *Жими вера!* («Клянусь верой»), *Жими децава (очиве, лебов, венецот)* («Клянусь своими детьми (глазами, хлебом, браком)»)»²⁹.

Интересны загадки о грудном ребенке в обоих фольклорных корпусах, целиком построенные на образованиях от *жив-*: болг. *Живо живуленче* и соответствующая русская о младенце у груди матери: *Сидит живая живулечка на живом стульчике, теребит живое мясе*³⁰; ср. также: *От рогатого берут и живулькам (людям) дают* [отгадка: молоко]³¹. Здесь человек представлен через жизнь, вершину аксиологической иерархии.

Добавим к этому, что в Болгарии до сих пор используются личные имена с прозрачной внутренней формой, непосредственно выражающей ценность жизни: *Живко, Живодар, Живодан, Живо, Живомир, Дабижив; Живка, Живомира, Жива, Живот, Живана, Живелина*. Эти пожелательные имена выбираются в тех случаях, если в семье умирали дети, а впоследствии, по болгарской традиции, передаются (иногда в несколько видоизмененной форме) от деда к внуку. Само по себе имя в Болгарии (и шире на Балканах) – особая ценность. Празднование именин редко носит церковный характер, чаще это семейный праздник, направленный на то, чтобы род продолжался (одно из поздравлений – *Да ти е живо името!* «Пусть будет живо твое имя»). «Жизнь имени» как синоним родовой памяти, передающейся через именование в честь дедов и прадедов, – очень важный, сохранившийся до наших дней фрагмент балканской культуры, богато представленный у болгар и других балканцев. О культе имени как

²⁷ Крумова-Цветкова Л. Болгарските благословии, пожелания и клетви – част от националната самобитност и културното наследство. С речник на благословиите, пожеланията и клетвите. София: ИК «ЕМАС», 2010.

²⁸ Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.

²⁹ Макаријоска Л. Речник на македонската традиционална култура. Скопје: Графоден, 2016. С. 146.

³⁰ Словарь русских народных говоров. Т. 9. С. 160.

³¹ Там же.

о балканизме писал еще П. Папахаджи в начале XX в.³² В этом контексте пословица *По-добре да изгубиш живота, а не името си*³³ («Лучше потерять жизнь, чем имя») подтверждает, что в ряде контекстов честь, доброе имя оцениваются выше, чем жизнь. В русском современном именовании подобные имена и подобный культ имен не встречаются³⁴.

Отдельного исследования заслуживает современное восприятие жизни как ценности, которое значительно отличается от народной интерпретации. Наши исследования коммерческих рекламных текстов показывают серьезный отход от традиционных принципов оценки. Жизнь становится «пустым» концептом, обязательно требующим пояснения, как языкового, так и визуального (*Достойная жизнь, Шикарная жизнь, Живи играючи, Яркая жизнь* и др.). При этом центральной точкой оценки становятся гедонистические мотивы, не характерные для традиционной картины мира³⁵. Подобный подход к жизни мы видим во все набирающем популярности «околопсихологическом дискурсе», где жизнь «разбирается» на проблемы и «токсичные» моменты, «детские травмы», от которых постепенно надо избавляться, пополняя свой «жизненный ресурс», выходя из зоны «жизненного комфорта» и т. д. К этому можно добавить огромное количество афоризмов о жизни в социальных сетях и интернете, нередко неверно приписываемых великим людям, но в целом формирующих «правила» ее восприятия. Все это в совокупности создает современное учение о жизни и ее ценности и индоктринирует общество России и Болгарии.

Литература

Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.

Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.

Българска диалектология. Проучвания и материали / отг. ред. К. Мирчев. София: Издателство на Българската академия на науките, 1962–1981. Т. 1–10.

³² *Papahagi Per*. Parallele Ausdrücke und Redensarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugriechischen und Bulgarischen, Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der philosophischen Fakultät der Universität Leipzig vorgelegt von Per. Papahagi aus Avela (Türkei) (Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig, 1908, 113–170).

³³ *Славейков П. П.* Български притчи. С. 450.

³⁴ URL: <http://stratsimir.exsisto.com/> (дата обращения: 12.10.2019).

³⁵ Подробнее об этом см.: *Толстая С. М.* Категория оценки в языке и тексте // Категория оценки... С. 11–33.

- Васильев А. Д.* Концепт «жизнь» в системе ценностей жителей Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического института им. В. П. Астафьева. 2016. № 4. С. 215–217.
- Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.
- Ипанова О. А.* Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. СПб.: АКД, 2005.
- Ипанова О. А.* Жизнь // Антология концептов / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 146–166. Т. 2
- Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С. М. (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015.
- Колесов В. В.* Слова литературного языка в диалектной речи. Жизнь // Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 625–642.
- Крумова-Цветкова Л.* Българските благословии, пожелания и клетви – част от националната самобитност и културното наследство. С речник на благословиите, пожеланията и клетвите. София: ИК «ЕМАС», 2010.
- Петрухина Е. В.* История слов живот, жизнь, житие и концепт ЖИЗНЬ в русском языке // Когнитивные исследования языка. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. 2015. Т. 23. С. 321–342.
- Седакова И. А.* Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С. М. (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015. С. 237–259.
- Седакова И. А.* Базовые ценности и их метаморфозы: *жизнь* (от выживания до «искусства жить») // Язык и общество в современной России и в других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2010. С. 492–496.
- Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М.: Индрик, 2007.
- Седакова И. А.* Распад «идеологических» языковых союзов: универсальное и специфическое // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. М.: Индрик, 2008. С. 429–450.
- Седакова И. А.* Традиционные и нетрадиционные ценности русских и болгар: проблемы и методы исследования // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 169–184. DOI 10.31168/0428–2.10.
- Славейков П. Р.* Български притчи и пословици или характерни думи. София: Български писател, 1972.
- Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София: Изток-Запад, 2011.

- Толстая С. М. Категория оценки в языке и тексте // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С. М. (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015. С. 11–33.
- Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. DOI 10.31168/91674-550-4.
- Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской лингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Фролова О. Е. Жизнь и смерть как ценность и антиценность (на примере русских паремий) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Толстая С. М. (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015. С. 418–431.
- Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: УРСС, 2005.
- Эволюция ценностей в языках и культурах / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Пробел-2000, 2011.
- Bartmiński Jerzy. Polskie wartości w europejskiej aksjosferze. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014.
- Sedakova Irina. The Notion of Fate (Russian ‘судьба’) in Slavonic Folk Tradition: An Ethnolinguistic Approach // *Cosmos*. 2012. 28. Pp. 154–169.

References

- Bartmiński, J., 2014. *Polskie wartości w europejskiej aksjosferze*. [Polish values in the European axiosphere]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Berezovich, E.L., 2014. *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Lexicon in the All-Slavic Setting]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke.
- Berezovich, E.L., Surikova, O.D., 2018. K rekonstruktsii leksicheskogo sostava proklatiit: kategoriia aktora i osobennosti ee realizatsii v tekstakh (na materiale russkikh narodnykh govorov) [On the reconstruction of the vocabulary of the curses: the category of the actor and specific features of its realisation in the texts (on the data of the Russian dialects)]. In: *Voprosy iazykoznanii*, 3, pp. 89–111.
- Civjan, T.V., 2005. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [Model of the World and Its Linguistic Grounds]. Moscow: URSS.
- Frolova, O. E., 2015. Zhizn' i smert' kak tsennost' i antitsennost' (na primere russkikh paremi) [Life and Death as Value and Anti-Value (on the Example of the Russian Proverbs)]. In: Tolstaia, S.M., Belova, O.V., Gura, A.V., eds, 2015. *Kategoriia otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture* [The Category of Evaluation and the System of Values in the Language and Culture]. Moscow: Indrik, pp. 418–431.
- Ipanova, O.A., 2005. *Kontsept “zhizn'” v russkoi iazykovoi kartine mira: lingvokul'turologicheskii i leksikograficheskii aspekty* [The Concept of ‘Life’ in the Russian Language Picture of the World: Lingua-cultural and Lexicographic Aspects]. Saint Petersburg: AKD.

- Ipanova, O.A., 2005. Zhizn' [The Life]. In: Karasik, V.I., Sternin, I.A., eds, 2005. *Antologiya kontseptov. T. 2* [Anthology of concepts. Vol. 2]. Volgograd: Paradigma, pp. 146–166.
- Kolesov, V.V., 2008. Slova literaturnogo iazyka v dialektnoi rechi. Zhizn' [The Words of Literary Language in the Dialectal Speech. The Life]. In: Kolesov, V.V., 2008. *Slovo i delo. Iz istorii russkikh slov* [Word and deed. From the history of the Russian words]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 625–642.
- Krumova-Tsvetkova, L., 2010. *Bulgarskite blagoslovii, pozhelaniia i kletvi – chast ot natsionalnata samobitnost i kulturnoto nasledstvo. S rechnik na blagosloviite, pozhelaniia i kletvite* [Bulgarian Blessings, Good Wishes and Curses – Part of National Uniqueness and Cultural Heritage. With a Dictionary of Blessings, Good Wishes and Curses]. Sofia: IK “EMAS”.
- Mirchev K., ed., 1962–1981. *Bulgarska dialektologiya. Prouchvaniia i materialii. T. 1–10.* [Bulgarian Dialectology. Studies and Materials. Vol. 1–10]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Petrukhina, E.V., 2015. Istoriia slov zhivot, zhizn', zhitie i kontsept ZHIZN' v russkom iazyke [History of the Words Zhivot, Zhizn', Zhitie and the Notion 'Life' in the Russian Language]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniia*, 23, pp. 321–342.
- Sedakova, I., 2012. The Notion of Fate (Russian судьба) in Slavonic Folk Tradition: An Ethnolinguistic Approach. In: *Cosmos*, 28, pp. 154–169.
- Sedakova, I.A., 2007. *Balkanskiye motivy v iazyke i kul'ture bolgar* [Balkan Motifs in the Bulgarian Language and Culture]. Moscow: Indrik.
- Sedakova, I.A., 2008. Raspad “ideologicheskikh” iazykovykh soiuzov: universal'noe i spetsificheskoe [Decay of the ‘Ideological’ Language Unions: Universal and Specific Features]. In: Moldovan, A.M., ed., 2008. *Slavianskoe iazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. (Okhrid, 10–16 sentiabria 2008 g.). Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. XIX International Slavic congress (Okhrid, September, 10–16, 2008). Papers of the Russian delegation]. Moscow: Indrik, pp. 429–450.
- Sedakova, I.A., 2010. Bazovye tsennosti i ikh metamorfozy: zhizn' (ot vyzhivaniia do “iskusstva zhit'”) [Basic Values and their Transformations (from survival towards ‘the art of living’)]. In: Vinogradov, V.A., Mikhail'chenko, V.Iu., eds, 2010. *Iazyk i obshchestvo v sovremennoi Rossii i v drugikh stranakh. Mezhdunarodnaia konferentsiia. Moskva, 21–24 iyunia 2010 g. Doklady i soobshcheniia* [Language and society in contemporary Russia and other countries. International conference. Moscow, June 21–24, 2010. Papers and presentations]. Moscow: Institut iazykoznanii RAN, pp. 492–496.
- Sedakova, I.A., 2015. Aksiologiya starosti v traditsionnoi kartine mira bolgar (na obshch斯拉vianskom fone) [Axiology of Elder Age in the Bulgarian Traditional Picture of the World (in the All-Slavic Perspective)]. In: Tolstaia, S.M., Belova, O.V., Gura, A.V., eds, 2015. *Kategoriia otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture* [The Category of Evaluation and the System of Values in the Language and Culture]. Moscow: Indrik, pp. 237–259.

- Sedakova, I.A., 2019. Traditsionnye i netraditsionnye tsennosti russkikh i bolgar: problemy i metody issledovaniia [Traditional and Non-Traditional Values of the Russians and Bulgarians: Problems and Methods of Investigation]. In: Sedakova, I.A., ed. 2019. *Vzgliad na slavianskuiu aksiologiiu* [A view of the Slavic axiology]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 169–184. DOI 10.31168/0428-2.10.
- Sedakova, I.A., ed., 2011. *Evoliutsiia tsennostei v iazykakh i kul'turakh* [Evolution of the Values in the Languages and Cultures]. Moscow: Probel-2000.
- Slaveikov, P.R., 1972. *Bulgarski pritchi i poslovti ili kharakterni dumi* [Bulgarian Paremia and Proverbs and Specific Words]. Sofia: Balgarski pisatel.
- Stamenov, M., 2011. *Sudbata na turtsizmite v bulgarskiiia ezik i bulgarskata kultura* [The Life of the Turkish Loan Words in Bulgarian Language and Culture]. Sofia: Iztok-Zapad.
- Tolstaya, S.M., 2010. *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury. Ocherki po slavianskoi lingvistike* [Semantic Categories of the Language and Culture. Essays on the Slavic Linguistics]. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM".
- Tolstaya, S.M., 2015. Kategorii otsenki v iazyke i tekste [The Category of Evaluation in the Language and Text]. In: Tolstaia, S.M., Belova, O.V., Gura, A.V., eds, 2015. *Kategorii otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture* [The Category of Evaluation and the System of Values in the Language and Culture]. Moscow: Indrik, pp. 11–33.
- Tolstaya, S.M., 2019. *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu i etnolingvistike* [Human World in the Language Mirror. Essays on the Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. DOI 10.31168/91674-550-4.
- Tolstaya, S.M., Belova, O.V., Gura, A.V., eds, 2015. *Kategorii otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture* [The Category of Evaluation and the System of Values in the Language and Culture]. Moscow: Indrik.
- Vasil'ev, A.D., 2016. Kontsept "zhizn'" v sisteme tsennostei zhitelei Prieniseiskoi Sibiri [Concept of 'Life' in the system of values of the inhabitants of Sub-Enisey Siberia]. *Vestnik Krasnoiar'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Astaf'eva*, 4, pp. 215–217.
- Vinogradova, L.N., 2016. *Mifologicheskii aspekt slavianskoi fol'klornoj traditsii* [Mythological Aspect of the Slavic Folklore Tradition]. Moscow: Indrik.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВЕНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Ольга Николаевна Чуфистова –
студент, филологический факультет,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: onchuf@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу использования фразеологизмов авторами словенских ежедневных газет «Дело» и «Дневник», а также ежедневных российских изданий «Известия» и «Московский комсомолец». Объектом исследования стали фразеологизмы из текстов, опубликованных в названных газетах с июля 2018 г. по март 2019 г. Были проанализированы частотность фразеологизмов в данных изданиях и ее зависимость от темы, жанра текста, структурные, семантические особенности использованных фразеологизмов, а также наиболее частотные трансформации фразеологических единиц, к которым прибегают авторы газетных текстов. Кроме того, проведенный анализ позволил выявить некоторые концепты, которые наиболее часто репрезентируются фразеологизмами. Среди них, например, концепты «успех», «неуспех», «власть», «время», «пространство» и другие. Выявленные сходства и различия в употреблении фразеологизмов российскими и словенскими авторами свидетельствуют об отражении в языке СМИ культурных и социальных особенностей русских и словенцев. Среди сходных черт анализируемых газет можно выделить частое употребление фразеологизмов в текстах о мировой политике и более редкое – в текстах, связанных с экономикой. Среди фразеологизмов, используемых русскими и словенскими авторами, нередко можно встретить полные или частичные эквиваленты. К особенностям русских газетных текстов относятся широкое употребление фразеологизмов в трансформированном виде, частое обращение к паремиям. В отличие от российских газет, в словенских почти не используются клише, паремии и крылатые выражения. Для языка словенской прессы характерны повторы одних и тех же фразеологизмов, редкое, по сравнению с российскими газетами, использование фразеологизмов в текстах о культуре.

Ключевые слова

Словенский язык, СМИ, фразеологизм, трансформация, концепт

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2019 г.

THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN SLOVENE AND RUSSIAN JOURNALISTIC DISCOURSE

Olga N. Chufistova

Student, Philological Faculty, Lomonosov
Moscow State University
Postal address: Leninskie Gory, 1/51, Moscow,
119991, Russia
E-mail: onchuf@gmail.com

Abstract

In this article, the functioning of phraseological units in Slovenian daily newspapers *Delo*, *Dnevnik* and in Russian daily newspapers *Izvestiya* and *Moskovskij Komsomolets* are analysed. The objects of study are phraseological items from text published in these newspapers from July 2018 to March 2019. The analysis includes the frequency of use of phraseological units in these newspapers, its dependence on the theme and genre of the text, structural and semantic features of these phraseological units and the most frequently used types of transformations. In addition, the analysis helped to select some concepts represented by phraseological units. Among them are the concepts of “success”, “failure”, “time” and “space”. Identified similarities and differences in the functioning of phraseological units show the cultural and social peculiarities of Slovenes and Russians. Among the similarities in the texts are a high frequency of phraseological units about world politics and a low frequency of such units about economics. There are also equivalent phraseological units that Slovenian and Russian journalists use in their texts. A peculiarity of Russian journalistic discourse is the wide use of transformed phraseological units and proverbs. In contrast to Russians, Slovenian authors use catchphrases, proverbs and aphorisms less frequently. Among the features of the Slovene press are the repetition of the same units and the small number of phraseological units in the texts about culture.

Keywords

Slovenian language, media, phraseological unit, transformation, concept

Received 15 September 2019.

Фразеологизмы занимают особое место в ряду языковых средств, характерных для газетного стиля. Являясь одним из главных способов придания экспрессивности тексту, они, кроме того, выполняют воздействующую функцию, так как с их помощью автор выражает свое отношение к сообщаемым фактам. При этом использование фразеологизмов производит особый эффект: стирается грань между мнением автора и интерпретацией читателя, поскольку «при употреблении они выражают субъективное отношение, которое является результатом <...> коллективного опыта, в то время как в случае использования метафоры или метонимии это отношение индивидуально субъективно»¹.

¹ *Kržišnik E.* Frazеолоška sredstva v vlogi razkrivanja družbenih sprememb med leti 1945 in 1995 // *Slovenski jezik* / ur. A. Vidovič-Muha. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 1998. S. 184.

Изучение использования фразеологии в сопоставительном аспекте вызывает интерес в связи с тем, что фразеологизмы возникают в языках на основе представления о действительности, которое отражает духовный и исторический опыт народа. Как отмечает В. Н. Телия, «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурологической общности менталитет, служащий для нее <...> психологическим инструментарием»².

В данном исследовании меня интересовало, проявляются ли в языке прессы особенности культур словенцев и россиян, влияет ли на язык газетных текстов политическая и общественная ситуация в Словении и России.

В рамках исследования были проанализированы тексты различной жанровой и тематической направленности, опубликованные в словенских газетах *Delo* («Дело») и *Dnevnik* («Дневник»), а также в российских газетах «Известия» и «Московский комсомолец», изданных в период с июля 2018 г. по март 2019 г. Все названные газеты являются ежедневными и формально независимыми от государства. Кроме того, у каждой из них своя целевая аудитория, что, вероятно, влияет на их стиль, тематическую и жанровую направленность.

Delo и *Dnevnik* занимают второе и третье места в рейтинге самых популярных словенских ежедневных газет³. Эти издания были выбраны для анализа еще и потому, что в них освещается наиболее широкий круг тем: внутренняя и внешняя политика страны, новости мировой политики, события в культурной и социальной сферах⁴.

«Известия» и «Московский комсомолец» занимают первое и пятое места в рейтинге цитируемости российских газет⁵. Среди наиболее популярных изданий преобладают деловые (к таким можно отнести и «Известия»), поэтому для более полного анализа я обратилась также к текстам газеты «Московский комсомолец», которая является скорее общественно-политической по направленности.

Фразеологизмы из данных изданий извлекались путем сплошной выборки: в ходе просмотра газетных номеров отмечались все встреченные

² Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 233.

³ Raziskava branosti in bralcev [сайт]. URL: <https://rbb.si/> (дата обращения: 16.05.2019).

⁴ Такого многообразия тем и жанров нет, на мой взгляд, в газете *Slovenske novice*, которая является наиболее популярной ежедневной газетой Словении.

⁵ Топ-10 самых цитируемых газет – март 2019 [сайт]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/6617/#gazeti> (дата обращения: 16.05.2019).

в текстах фразеологические единицы⁶. Таким образом, анализировались тексты разных жанров (то есть разного объема и стиля)* и тематической направленности.

Анализ частотности фразеологизмов (см. табл. 1) показывает, что к использованию данных единиц одинаково часто прибегают авторы рассматриваемых словенских газет и российской газеты «Известия» (в среднем 1,5 фразеологизма на текст для словенских изданий, 1,4 для «Известий»). Выделяется, однако, «Московский комсомолец» (2,3 фразеологизма на текст), что свидетельствует о большей экспрессивности и образности языка текстов этого издания.

Таблица 1

Газета	Количество фразеологизмов	Количество текстов	Частотность (количество фразеологизмов на текст)
<i>Delo</i>	103	71	1,4
<i>Dnevnik</i>	103	70	1,5
«Известия»	103	73	1,4
«Московский комсомолец»	103	44	2,3

При этом необходимо учитывать повторяемость фразеологизмов в том или ином издании. Чаще всего одинаковые единицы используются в газете *Delo* (из 103 единиц не повторяются лишь 77). Данный факт свидетельствует о том, что фразеологизмы в текстах этой газеты зачастую играют роль стандартов⁷, то есть стандартизированных средств выражения. В текстах газеты *Dnevnik* повторяются шесть фразеологизмов из 103, в «Известиях» находим семь повторяющихся фразеологизмов из 103. В собранных текстах издания «Московский комсомолец» повторяется дважды лишь один фразеологизм *камень преткновения*. Таким образом, по количеству и разнообразию фразеологизмов на текст выделяется именно эта газета.

Частотность фразеологических единиц зависит и от тематики газетных текстов (см. табл. 2).

⁶ Было, однако, решено ограничить выборку одинаковым числом фразеологизмов из всех рассматриваемых изданий.

* Стоит отметить, что в данном исследовании не учитывалась связь авторского стиля с количеством экспрессивных средств (в том числе фразеологизмов) в тексте.

⁷ *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: Издательство МГУ, 1971. С. 57.

Таблица 2

Тема текста	<i>Delo</i>	<i>Dnevnik</i>	«Известия»	«Московский комсомолец»
Внутренняя и внешняя политика страны	16 (15%)	11 (11%)	8 (8%)	15 (15%)
Мировая политика	33 (32%)	38 (37%)	44 (43%)	28 (27%)
Спорт	14 (14%)	16 (15%)	5 (5%)	8 (8%)
Культура	6 (6%)	6 (6%)	18 (17%)	18 (17%)
Экономика	14 (14%)	13 (13%)	10 (10%)	7 (7%)
Общество	20 (19%)	19 (18%)	18 (17%)	27 (26%)
Всего фразеологизмов	103	103	103	103

Так, наиболее часто встречаются фразеологизмы в текстах, освещающих мировые политические события (в газетах *Delo*, *Dnevnik*, «Известия»). Этот факт можно объяснить повышенным интересом авторов и аудитории к данным темам, а значит, высокой степенью эмоциональности и, кроме того, отсутствием самоцензуры. На втором месте по использованию фразеологических единиц в данных изданиях – новости социальной сферы. Высокая употребительность фразеологизмов в текстах с общественной тематикой, возможно, связана с большей степенью субъективности авторов и их стремлением с помощью средств языка выразить свою позицию и убедить в ней читателя.

Заслуживает внимания тот факт, что в рассматриваемых словенских изданиях фразеологизмы активнее используются в текстах на спортивную тематику, чем в текстах о культуре. Противоположная ситуация – в «Известиях» и «Московском комсомольце», где преобладают фразеологизмы в текстах с культурной тематикой. Э. Кржишник, рассуждая о низкой частотности фразеологизмов в текстах на темы, связанные с культурой, писала, что такой показатель говорит о «большей инновативности авторов текстов о культуре»⁸. Такая корреляция, вероятно, может свидетельствовать о культурных различиях русских и словенцев. Однако данное положение требует дальнейшего исследования с использованием большего количества материала.

Характерной особенностью рассматриваемых изданий является то, что в текстах, посвященных событиям внешней и внутренней политики

⁸ Kržišnik-Kolšek E. Frazеologija v slovenskem časopisju 1991 // Zbornik predavanj XXVII. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture / ur. H. Jug-Kranjec. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnost Filozofske fakultete, 1991. S. 92.

страны, а также новостям экономики, фразеологизмы встречаются значительно реже по сравнению с текстами, освещающими события мировой политики. Первое объясняется, вероятно, самоцензурой*, а второе – тем, что тексты об экономике не имеют развлекательной функции и не нуждаются в той степени экспрессивности, какую мы можем встретить в текстах о политике.

В ходе исследования была проанализирована также зависимость употребительности фразеологических единиц от жанра газетного текста. Во всех рассматриваемых изданиях преобладают заметки, на втором месте – комментарии. Примечателен тот факт, что в текстах интервью из анализируемых словенских газет не было найдено ни одного фразеологизма.

Таблица 3

Жанр текста	<i>Delo</i>	<i>Dnevnik</i>	«Известия»	«Московский комсомолец»
Заметка	73 (71%)	97 (94%)	34 (33%)	90 (87%)
Комментарий	30 (29%)	6 (6%)	51 (49,5%)	8 (8%)
Интервью	–	–	18 (17,5%)	5 (5%)
Всего фразеологизмов	103	103	103	103

В таблице 3 собраны данные о частотности фразеологизмов в текстах рассматриваемых жанров. В газетах *Dnevnik* и «Московский комсомолец» значительно более частотны фразеологизмы в заметках. Это связано в целом с преобладанием текстов данного жанра в рассматриваемых газетах. Заслуживает внимания газета «Известия», в которой по частотности фразеологизмов преобладают тексты в жанре комментария. Тексты других жанров в данном издании отличаются большей сдержанностью и более редким употреблением средств выразительности.

В таблице 4 представлены данные, отражающие частотность использования фразеологических единиц в различных частях текста. Как мы видим, авторы чаще используют данные единицы непосредственно в основной части текста, избегая их в заголовках. Исключение составляет газета «Известия», в которой авторы часто прибегают к употреблению фразеологизмов в заголовках текстов, вероятно, рассчитывая таким образом привлечь внимание читателей.

* Рассматриваемые издания являются формально независимыми от государства, однако масштаб их аудитории, вероятно, накладывает отпечаток на то, какие языковые средства используют авторы.

Таблица 4

Расположение фразеологизмов в тексте	<i>Delo</i>	<i>Dnevnik</i>	«Известия»	«Московский комсомолец»
Фразеологизмы в основной части текста	94	99	81	102
Фразеологизмы в заголовке	9	4	22	1

Таблица 5

Типы фразеологизмов	<i>Delo</i>	<i>Dnevnik</i>	«Известия»	«Московский комсомолец»
Идиомы	80 (78%)	92 (89%)	80 (78%)	72 (70%)
Фразеологические сочетания	19 (18%)	11 (11%)	8 (7%)	17 (16,5%)
Паремии	4 (4%)	–	13 (13%)	6 (6%)
Клише	–	–	1 (1%)	–
Крылатые выражения	–	–	1 (1%)	8 (7,5%)
Всего фразеологизмов	103	103	103	103

В таблице 5 представлены данные, отражающие частотность фразеологизмов различных видов в собранных текстах. Большую часть составляют идиомы (*mlatiti prazno slamo*, букв. «молотить пустую солому»; *trn v peti*, букв. «заноза в пятке»; *podliti maslo v ogenj*; *vijti bokom* и др.) и фразеологические сочетания (*slepa ulica*, букв. «слепая улица»; *stara celina* ‘старый континент’; *otbiti zelanie*; *strana vzhodnjega sonca* и др.), что объясняется, вероятно, их краткостью, ярко выраженным номинативным характером, высокой образностью. В отличие от российских газет, в словенских почти не используются клише, паремии (*čas je denar*, букв. «время – деньги») и крылатые выражения. В публикациях российских изданий активно используются разного рода пословицы и поговорки (*овчинка выделки не стоит*; *клин клином вышибают*), а также крылатые выражения (*хлеба и зрелищ*; *а Васька слушает да ест*), которые занимают значительное место в лексическом фонде русского языка, понимаются и активно используются его носителями. Стоит, однако, отметить, что паремии и крылатые фразы употребляются в газетных текстах зачастую в трансформированном виде, ср., например: «То, что мы видели в Ярославле, – не просто цветочки, а бутончики цветочков» (вместо *это еще цветочки, а ягодки*

впереди) (Владимиров В. *Пытательная среда* // Московский комсомолец. 03.08.2018. № 27747).

Среди фразеологизмов, используемых русскими и словенскими авторами, нередко можно встретить полные или частичные эквиваленты. Среди них особое место занимают фразеологизмы с соматическим компонентом, например, *zlomiti hrbtenico* – *сломать хребет*: «V 2. svetovni vojni sta bili odločilni dve stvari, ki sta Hitlerju *zlomili hrbtenico*» (Kukić B. *Kam plovemo*⁹) [Во время Второй мировой войны определяющими были две вещи, которые сломали хребет Гитлеру]; «Теперь имеет все шансы превратиться в соломинку, которая в электоральном смысле *сломает* Порошенко *хребет*» (Ведруссов А. *Не хлеба, так зрелищ* // Известия. 05.04.2019. № 30294. С. 2).

Немало среди эквивалентов и фразеологизмов, связанных с античной или библейской тематикой, например, *Ahilova peta* – *ахиллесова пята*: «*Ahilova peta* njegovega 41-letnega nasprotnika je med drugim milijarder Ihor Kolomojski» (Šorl M. *Porošenku ostaja upanje na premislek Ukrajincev*¹⁰) [Ахиллесова пята его сорокаоднолетнего противника – миллиардер Игорь Коломойский]; «Давно пора, потому как среди *милльона ахиллесовых пят* президента было и то, что Иванка пользуется своей должностью, чтобы продвигать и пиарить свой бизнес» (Соловьев В. *Заглядывая в 2024* // Московский комсомолец. 04.08.2018. № 27748. С. 7).

Частое использование одних и тех же фразеологических единиц в газетных текстах превращает их в штампы и снижает их экспрессивную функцию. Для того, чтобы придать тексту большую выразительность и увеличить количество экспресsem, авторы нередко прибегают к употреблению фразеологизмов в трансформированном виде. Так, в текстах газеты *Delo* мы находим 16 единиц (15,5% от всех фразеологизмов) в измененном виде, в газете *Dnevnik* – 11 (10%), в «Известиях» – 22 (21%), в «Московском комсомольце» – 23 фразеологизма (22%).

При этом данные фразеологические единицы выполняют в текстах различные функции. Так, в газете «Известия» фразеологизмы в трансформированном виде чаще всего используются в качестве заголовка (16 из 22 единиц) и служат для привлечения внимания читателя. В других изданиях они используются в основном непосредственно в тексте, выполняя функцию экспресsem (в заголовках газеты *Delo* – две единицы в измененном виде, в газете *Dnevnik* – одна).

⁹ URL: <https://www.dnevnik.si/1042881193/Odprta%20stran/kam-plovemo-654376834>, 30.03.2019 (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁰ URL: <https://www.dnevnik.si/1042881540/Svet/na-predsedniskih-volitvah-v-ukrajini-po-prvih-izidih-najvec-podpore-zelenskemu-in-porosenku>, 01.04.2019 (дата обращения: 16.05.2019).

Среди наиболее частотных видов трансформации стоит отметить:

1) редукцию (*župan v senci* ‘мэр в тени’ вместо *biti v senci koga* ‘быть в тени кого-либо’);

2) увеличение числа компонентов фразеологизма (*vrteti okrog malega prsta*, букв. «вертеть вокруг мизинца» вместо *vrteti okrog prsta* ‘вертеть вокруг пальца’; *клин, как известно, клином вышибают* вместо *клин клином вышибают*);

3) замену компонентов (*preveč interesov, kilavo dete* ‘слишком много интересов – болезненный ребенок’ вместо *veliko babic, kilavo dete* ‘много бабушек – болезненный ребенок’; *береженого вклад бережет* вместо *береженого бог бережет*).

Стоит отметить, что для авторов российских газет характерно использование сложных трансформаций фразеологизмов (например, контаминации). Такого рода изменения являются сугубо авторскими, тесно связаны с контекстом и не могут быть использованы в других текстах. Например, словосочетание *все остальное – орешки*, где использованы фразеологизмы *целкать как орехи* и *это еще цветочки, а ягодки впереди*, что может быть понятно лишь в контексте целого текста. Словенские же журналисты, пишущие для анализируемых изданий, чаще прибегают к более простым, понятным для читателя изменениям, названным выше.

Фразеологизмы, найденные в газетных текстах, можно условно отнести к шести семантическим группам: характеристика явлений и ситуаций (сравнение, описание и др.), социальные отношения (борьба, дружба и др.), физические величины (время, пространство, мера), способности человека (речь, зрение, слух), свойства человека и качества его характера (корысть, гордость, эмоции и др.), жизнь человека и восприятие им окружающего мира (смерть, опыт и др.).

Наиболее часто репрезентируются фразеологическими единицами в анализируемых изданиях следующие концепты:

- время: *sredi belega dne* ‘среди белого дня’; *по горячим следам* и др.;
- пространство: *čez lužo*, букв. «через лужу»; *перед глазами* и др.;
- ясность, понятность: *[kaj] je na dlani* ‘что-л. на ладони’; *разложить по полочкам* и др.;
- неясность, тайна: *za zaprtimi vrati* ‘за закрытой дверью’; *кот в мешке* и др.;
- успех: *pobrati [vsò] smétano* ‘собрать все сливки’; *достичь (результата) малой кровью* и др.;
- неуспех: *voz se je ustavil* ‘воз остановился’; *грянул гром* и др.;
- власть: *vleči niti* ‘тянуть нити’; *заказывать музыку* и др.;

- сотрудничество: *sésti za okróglo mízo* ‘сесть за круглый стол’; *navesti mosty* и др.;
- борьба: *zломíти hrbteníco kóму / čéму* ‘сломать хребет кому-л. / чему-л.’; *gnуть свою линию* и др.

Для описания отдельных фреймов словенские и российские авторы нередко используют полные или частичные эквиваленты. Например, *zakuhati čorbu komu*, букв. «заварить кому-то похлебку» – *заварить кашу*, *izpuliti kaj komu iz rok*, букв. «вытащить что-л. у кого-л. из рук» – *выбить из рук* [карты, козыри], ср.: «Tam sta se za županski položaj soočila bivši turški premier Binali Yildirim in Ekrem Imamoglu iz opozicijske Republikanske ljudske stranke (CHP), ki je doslej vodil trendovsko okrožje Carigrada Beylikdüzü, tega pa je iz rok AKP izpulil na lokalnih volitvah leta 2014» (*Kovač D. Lokalni trenutki resnice za Erdogana*¹¹) [Там в борьбе за должность мэра столкнулись бывший турецкий премьер Бинали Йылдырым и Экрем Имамоглу из оппозиционной Республиканской народной партии (CHP), управлявший районом Бейликдюзю, который он вырвал из рук АКР на местных выборах в 2014 году]; «Нам самим надо было, опережая других, посмеяться над собственными преступными вождями. И погоревать о них. И – *выбить козыри из рук* якобы злопыхателей» (*Яхонтов А. Время убогой кастовой усредненности // Московский комсомолец. 06.04.2019. № 27945. С. 5*).

При этом структура концептов нередко не совпадает. Например, в русском концепте «успех», в отличие от словенского, выделяются семантические группы «общественное признание» и «успешное протекание деятельности» (куда входят фразеологизмы, описывающие успех, для достижения которого субъекту не приходится прилагать усилий), ср.: «Краснодарский край мечтает заполучить дорогу *на блюдечке с голубой каемочкой*» (*Вардуть Н. Дорога длиною в триллионы рублей // Московский комсомолец. 07.08.2018. № 27750. С. 4*); «Прилив сил зависит не столько от зрительской реакции, сколько от физических возможностей, но, конечно, когда зритель тебя принимает с такой любовью, *это дает карт-бланш*» (*Рогова А. Нет более ранимого человека, чем актер // Известия. 01.08.2018. № 30125. С. 7*).

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить как сходства, так и различия в функционировании фразеологизмов в русской и словенской прессе. Среди черт сходства можно выделить частое употребление идиом в качестве экспресsem, преобладание фразеологизмов в текстах словенских и российских авторов о мировой политике, где, по сравнению

¹¹ URL: <https://www.dnevnik.si/1042881543/Svet/erdogan-na-lokalnih-volitvah-izgubil-ankaropod-vprasanjem-tudi-istanbul>, 01.04.2019 (дата обращения: 16.05.2019).

с другими темами, можно отметить более низкий уровень самоцензуры, а также частое употребление трансформированных фразеологизмов для повышения экспрессивности текста.

Выявленные различия позволяют говорить о некоторых культурных особенностях, отраженных в языке СМИ. Среди них, например, большая, по сравнению с российскими газетами, клишированность языка, «сдержанность», консервативность в выборе языковых средств авторов словенских газет, о чем свидетельствуют частые повторы одних и тех же единиц в разных текстах, а также использование простых типов трансформаций, легко понимаемых читателями.

В отличие от словенских газет, в российских наблюдается активное использование фразеологизмов в интервью. Эта особенность объясняется тем, что фразеологизмы являются неотъемлемой частью русской разговорной речи, что отражается и в языке прессы. Характерной чертой российской публицистики является также активное использование паремий и крылатых выражений, которые представляют богатый материал для трансформаций.

Литература

- Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.
- Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Издательство МГУ, 1971.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996.
- Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968.
- Keber J.* Slovar slovenskih frazemov. URL: <https://fran.si> (accessed: 16.05.2019).
- Korošec T.* Stilistika slovenskega poročevalstva. Ljubljana: Kmečki glas, 1998.
- Kržišnik E.* Frazeološka sredstva v vlogi razkrivanja družbenih sprememb med leti 1945 in 1995 // Slovenski jezik / ur. A. Vidovič-Muha. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 1998. S. 183–200.
- Kržišnik E.* Izraba semantične potence frazemov // Slovensko jezikoslovje danes / ur. A. Vidovič-Muha. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2006. S. 259–279.
- Kržišnik-Kolšek E.* Frazeologija v slovenskem časopisju 1991 // Zbornik predavanj XXVII. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture / ur. H. Jug-Kranjec. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnost Filozofske fakultete, 1991. S. 89–98.

References

- Keber, J. *Slovar slovenskih frazemov*. [online]. URL: <https://fran.si> (accessed: 16.05.2019).
- Korošec, T., 1998. *Stilistika slovenskega poročevalstva*. Ljubljana: Kmečki glas.
- Kostomarov, V.G., 1971. *Ruskii iazyk na gazetnoi polose. Nekotorye osobennosti iazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki* [Russian language in newspapers. Some features of the language of modern journalistic discourse]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Kostomarov, V.G., 2005. *Nash iazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action: Essays about modern Russian stylistics] Moscow: Gardariki.
- Kržišnik, E., 1998. Frazeološka sredstva v vlogi razkrivanja družbenih sprememb med leti 1945 in 1995. In: Vidovič-Muha, A., ed., 1998. *Slovenski jezik*. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, pp. 183–200.
- Kržišnik, E., 2006. Izraba semantične potence frazemov. In: Vidovič-Muha, A., ed., 2006. *Slovensko jezikoslovje danes*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, pp. 259–279.
- Kržišnik-Kolšek, E., 1991. Frazeologija v slovenskem časopisju 1991. In: Jug-Kranjec, H., ed., 1991. *Zbornik predavanj XXVII. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture*. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnost Filozofske fakultete, pp. 89–98.
- Molotkov, A.I., ed., 1968. *Frazeologičeskii slovar' russkogo iazyka* [Russian phraseological dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Teliia, V.N., 1996. *Ruskaia frazeologija. Semantičeskii, pragmatičeskii i lingvokul'turoloģičeskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ГУРАЛЕЙ: В ПОИСКАХ АРХАИКИ*

Марина Михайловна Валенцова –

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334, Россия

Электронный адрес: mvalent@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты выявления архаических элементов в традиционной духовной культуре гуралей, или горалей, – жителей горных карпатских областей (Татры, Бескиды, Магура) в южной Польше и северной Словакии. Несмотря на этническую и языковую пестроту региона (славянское заселение из Малопольши, немецкая колонизация, валашская миграция с сильным русинским влиянием, вхождение в состав Венгрии и Австро-Венгрии), в языке и духовной культуре горалей сохраняется ряд архаических черт, выявляемых на основе сопоставления поверий, обрядов, обычаев, мотивировок, текстов и лексики с другими славянскими традициями, не только соседними, но и удаленными от Карпат, такими как Полесье и Южная Славия. Обзорно представлены архаизмы в области народной астрономии (лексика и представления о персонификации месяца), народной метеорологии (обычай и поверья, касающиеся защиты от града и бури), семейной обрядности (родинной, свадебной и похоронной). Подробнее рассмотрены архаические представления в сфере народной демонологии: поверья и лексика, описывающая демонов и полудемонов (ведьм и колдунов, облакопрогонников и погодных демонов); сглаз и порчу и способы избавления от них; сюжеты быличек о волколаке; а также лексико-семантический архаизм (производные глагола **činiti* с значениями ‘наводить / снимать порчу, сглаз’) и фольклорно-мифологический архаизм (мотив из песен-нравоучений, исполняемых мифологическими персонажами). Делается вывод об осязаемом влиянии не только словацкой, но и восточнославянской традиционной культуры, хронологические рамки и пространственный вектор которого требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова

Этнолингвистика, славянская традиционная культура, гуралы / горалы, культурная архаика

Статья поступила в редакцию 26.10.2019 г.

* Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический подход» (рук. – акад. С. М. Толстая).

TRADITIONAL CULTURE OF THE GORALS: IN SEARCH OF THE ARCHAIC

Marina M. Valentsova

Ph.D., Senior Researcher, Institute of Slavic
Studies, Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow,
119334, Russia

E-mail: mvalent@mail.ru

Abstract

This article presents the results of the identification of archaic elements in the traditional spiritual culture of the Gorals, who settled in the mountainous Carpathian regions in southern Poland and northern Slovakia (the Tatras, Beskids, and Magura). Despite the ethnic and linguistic diversity of the region (Slavic settlement from Lesser Poland, German colonization, Wallachian migration with a strong Ruthenian influence and being a part of both Hungary and Austro-Hungary), a number of archaic features are preserved in the language and spiritual culture of the Gorals. These features can be revealed by comparing the beliefs, rites, customs, motivations, texts and vocabulary with other Slavic traditions, not only with those of neighbors, but also with those that are more distant from the Carpathians, such as Polessie and Southern Slavia. We present an overview of archaisms in the field of folk astronomy (vocabulary and ideas about the personification of the month), folk meteorology (customs and beliefs regarding protection against hail and storm) and family rituals (birth rituals, weddings and funeral rites). Archaic representations from the field of folk demonology are examined in more detail: beliefs and vocabulary describing demons and half demons (witches and sorcerers, cloud-breakers and weather demons), evil eyes and corruption and ways to overcome them, and legends about werewolves; lexico-semantic archaisms (derivatives of the verb *činiti with the meanings 'to throw / to remove spoilage, evil eye'); and folklore-mythological archaisms (the motive of "moralizing songs" performed by mythological characters). We conclude there is a tangible influence of not only Slovak, but also of East Slavic traditional culture. The chronological framework and spatial vector of this influence requires further study.

Keywords

Ethnolinguistics, Slavic traditional culture, Gorals, cultural archaism

Received 26.10.2019.

Гурали, или горали (польск. *górali*, словац. *gorali*), – собирательное наименование населения горных областей северных Карпат от Украины до Моравии и Силезии, в настоящее время входящего в состав Польши, Словакии и Чешской Республики. Устоявшийся термин *гурал* / *горал* употребляется только по отношению к польским и словацким горцам, хотя подобный тип материальной и духовной культуры, а также специфическая лексика характерны и для карпатоукраинских этнических групп бойков, верховинцев, гуцулов, польских лемков, словацких

русин и другого населения горных территорий, составляющих почти 70% современной Словакии. В довоенных этнографических и лингвистических работах западноукраинские области включались в исследования по гуральской тематике¹. В статье термин употребляется в узком значении.

Первоначальное заселение горных территорий происходило несколькими потоками с северо-востока через Малопольшу², позже на западе переселенцы из Малопольши заселили окрестности г. Чадца, потоки из окрестностей г. Живец – горную и отчасти среднюю Ораву³. С XIV в. сюда стали активно проникать немецкие переселенцы, впоследствии колонизированные. На этногенез гуралей оказала большое влияние валашская колонизация XIV–XVII вв., которая, двигаясь с Балкан (пастухи смешанного этнического состава: арумуны, южные славяне, албанцы, румыны) через Румынию, Буковину, затем на запад вдоль Карпат, захватила с собой значительную часть восточнославянского населения. Эта миграция обусловила общие черты материальной (деревянные постройки, народный костюм, отгонное овцеводство) и духовной культуры (збойницкие и пастушеские песни, танцы, специфические обычаи), а также языка. Высокие горы (Татры, Бескиды, Магура) с их гребнями и перевалами способствовали значительной изоляции отдельных групп населения и формированию этнических подгрупп горцев, среди которых выделяются гуралы подгальянские, оравские, бабьегурские, живецкие, чадецкие, спишские, шчавницкие, пенинские, загорянские, надпопрудские, клишчацкие, силезские (тешинские), сондецкие. Между гуралями и жителями равнин тянется переходный пояс, население которого в Польше называют ляхами, погорянами (*podgórzanie*). В их пастушеско-земледельческой культуре, особенно в культуре материальной, сильны следы средневековой немецкой колонизации, откуда произошло определение “na Głuchoniemcach”⁴.

В Словакии к гуральским областям относятся север региона Кисуце (пять сел), Верхняя Орава (11 сел) и Верхний Спиш (34 села), также небольшие анклавы в Липтове и Верхнем Погронье (окрестности Банской

¹ См., например: *Falkowski J. Etnografia górali środkowych i wschodnich Karpat Polskich. Warszawa: Komisja naukowych badań ziem wschodnich, 1938.*

² *Kamocki J. Zarys grup etnograficznych w Polsce // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia Vol. 46/47 (1991/1992). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1992. S. 110. URL: <http://dlibra.umcs.lublin.pl/dlibra/plain-content?id=5664> (дата обращения: 10.10.2019).*

³ *Stieber Z. Problem językowej i etnicznej odrębności Podhala // Stieber Z. Świat językowy Słowian. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1974. S. 394.*

⁴ *Kamocki J. Zarys grup etnograficznych... S. 112–113. Буквальное значение «на глухонемцах» обыгрывает этноним *немец* < немой.*

Быстрицы)*. Они не составляют географического и культурного единства и обозначаются обычно как спишские, оравские и кисуцкие горали. Их говоры относят к польскому типу. Народная культура горалей представляет особую переходную польско-словацкую зону, в то время как языковые черты указывают на связь с малопольскими диалектами⁵.

Гуралям посвящена большая этнографическая и лингвистическая литература⁶, в том числе особое внимание уделялось отдельным регионам: Подгалью⁷, польскому Спишу⁸, польской Силезии⁹, словацким горалям¹⁰.

* С диалектологической точки зрения ареалы спишских и оравских горальных диалектов располагаются в Словакии и Польше, составляя единое историческое, географическое, языковое, этнографическое и культурное целое; соответственно, общее количество спишских горальных сел – 48, оравских горальных – 24 (*Dudášová-Kriššáková J. Goralské nárečia z pohľadu súčasnej slovenskej jazykovedy. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2016. S. 17*).

⁵ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava: Veda, 1995. T. 1. S. 153.

⁶ *Kolberg O. Dzieła wszystkie..*. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1968. T. 44. Góry i Podgórze, cz. 1; *Malecki M., Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934. Cz. 1–2; *Dejna K.* Atlas gwar polskich. Warszawa: Upowszechnianie nauki – Oświata “UN-O”, 1998. T. 1. Małopolska; *Sobierajski Z.* Atlas polskich gwar spiskich na terenie Polski i Czechosłowacji. 1966. T. 1; 1970. T. 2; 1973. T. 3; 1977. T. 4; Poznań: Wydawnictwo PTPN; Общекарпатский диалектологический атлас / ред. Я. Закревская, П. Лизанец, Е. Жеребецкий Львов: Институт украиноведения, 1993. Вып. 4. и др.

⁷ *Stieber Z.* Problem językowej...; *Wajda L.* Pogranicze gwarowe góralsko-lachowskie // *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Z. 58. Prace Językoznawcze III.* Kraków, 1976. S. 273–290; Podhale. Tradycja we współczesnej wsi / pod red. D. Tyłkowej. Kraków: Wydawnictwo PAN, 2000; *Błaszczuk-Żurowska H.* Kultura ludowa Podhala. Zakopane: Muzeum Tatrzańskie, 2000; *Kąś J.* Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej; Nowy Sącz: Dom Ludowy, 2015. T. 1, T. 2. Bukowina Tatrzańska; T. 3. Bukowina Tatrzańska: Dom Ludowy, 2016; T. 4; T. 5. Kraków; Nowy Sącz: Astria, 2017; *Rak M.* Kulturomy podhalańskie: Uniwersytet Jagielloński, 2015; *Idem.* Materiały do etnografii Podhala. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016.

⁸ *Lehr-Lenda U.* Wierzenia i zabiegi magiczne zabezpieczające zagrodę // *Etnografia Polska.* 1982. T. XXVI, z. 1; *Lehr U.* Wierzenia demonologiczne // *Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego.* Polska Akademia nauk, Oddział w Krakowie, Komisja Etnograficzna, 1985; *Grochola-Szczepanek H.* Język mieszkańców Spisza. Pleć jako czynnik różnicujący. Kraków: Instytut języka polskiego PAN, 2012; *Kultura ludowa Górali Spiskich / red. Urszuli Janickiej-Krzywdy.* Kraków: Oficyna Wydawnicza “Wiechy”, 2012; и др.

⁹ *Tambor J.* Mowa Górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2006; *Smolińska T.* Tradycyjne zwyczaje i obrzędy śląskie: wypisy. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2004; *Simonides D.* Od kolebki do grobu. Śląskie wierzenia, zwyczaje i obrzędy rodzinne w XIX wieku. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1988.

¹⁰ *Horák G.* Nárečie Pohorelej. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1955; *Grigel' M.* Goralské nárečie. Slovník. Námestovo: Štúdio F, František Teťák, 2004; *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 2006; *Dudášová-Kriššáková J.* Goralské nárečia...; *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných Slovanov. Rigorózná práca. Bratislava: Univerzita Komenského, 1976; и др.

В гуральских диалектах сохранился ряд языковых архаизмов – акцентологических, грамматических и лексических¹¹. То же можно сказать и о традиционной народной культуре и фольклоре. Эти культурные архаизмы могут быть не только славянскими, но и генетически романскими и венгерскими, воспринятыми в славянские культуры.

Карпатская традиционная культура имеет уже долгую историю изучения как отдельных этнических традиций, так и их сопоставления с целью выявить карпатскую специфику, генезис обрядов, этимологию терминов и слов. Литература предмета огромна. Поэтому сосредоточимся лишь на избранных архаических чертах в духовной культуре гуралей / горалей.

В области **народной астрономии** очень древними являются взгляды на воздействие света месяца на человека. Месяц персонифицировался: он рождался (*miesioncek się rodzi*), достигал полноты (*pełny miesiąc*) и старел (*się starzeje*). Уменьшение месяца использовалось для лечебных заговоров (*zamawiania*) болезней. Время безлуния, когда в течение трех ночей его не было видно, у спишских гуралей, как и в Полесье, называлось «пустым»: *próżne dni*, то есть *puste*. В это время не сеяли, не сажали растений, не собирали травы. Нарождающийся месяц приветствовали словами: “Witojze, witoj, ty nowy krolu, ciebie ku pełni, a nom ku zdrowiu” [Приветствую тебя, новый король, тебе на полноту, а мне на здоровье]¹². Аналогичный приговор знают и словаки: “Vítaj, vítaj, nový kráľu. Ja teba vítam na zemi, a ty ma privítaj na nebi” [Приветствую, приветствую тебя, новый король. Я тебя приветствую на земле, а ты меня приветь на небе]¹³.

К сфере **народной метеорологии** относятся прежде всего ритуалы защиты от бури и града. Для этого выставляли во двор хлебную лопату – стороной, на которую кладут хлеб, по направлению к приближающейся градовой туче. Верили, что град и молния не могут в нее ударить, потому что она контактировала с огнем и хлебом (пенинские гуралы, с. Обидза)¹⁴. На хлебной же лопате сжигали травы, дым от которых должен был отогнать градовые тучи. Архаические представления о том, что земной огонь противостоит небесному (молнии), реализовались в выставлении на окно громничной (или любой другой) свечи¹⁵. Против бури на горячие угли в печи насыпали освященные травы или освященную муку. Дым от

¹¹ См.: *Stieber Z. Problem językowej...* S. 397–399, 403; *Wajda L. Pogranicze gwarowe...* S. 278, 281–282; *Grochola-Szczepanek H. Język mieszkańców Spisza...* S. 46–47.

¹² *Kultura ludowa...* S. 223.

¹³ *Filová B., Mjartan J. (eds.). Slovensko. Ľud. II časť* Filová B., Mjartan J. (eds.). Bratislava: Obzor, 1975. S. 1025.

¹⁴ *Lehr-Lenda U. Wierzenia i zabiegi ...* S. 278.

¹⁵ *Ibid.* S. 279.

них мог улетать в тучи и переносить их в отдаленные места. Кроме того, градовые тучи отгоняло битье в колокола. Для этого специально строили часовенки с лоретанскими колоколами¹⁶. Их звук обеспечивал границу, которую не могли пересечь злые силы¹⁷.

Эти представления и магические приемы известны, с вариациями, почти всем славянским традициям, включая восточно- и южнославянские, и были подробно проанализированы в работах Н. И. и С. М. Толстых¹⁸.

У гуралей и шире – во всем северокарпатском регионе¹⁹ – охрана от бури и града всего села принадлежала компетентным людям, которых называли *czarnoksiężnicy* (с. Истебна) или *planetnicy* (с. Обидза)²⁰.

Эти люди или, по другим рассказам, погодные **демоны или полудемоны*** – *planetnicy*, *czarnoksiężnicy*, *chmurnicy* – могли управлять ветром, дождем, градом и бурей. Спишские гуралы описывали планетника так: «Огромный и тонкий мужчина на длинных ногах, и хватался за огромные скалы длинными руками»; защитить от него могли освященные ветки пасхальной вербы (*palmy*) и другой зелени, освященной в праздники Божьего Тела и Матки Боски Зельной, которые втыкали над дверью дома²¹. Как и многие демонологические персонажи, особенно на Балканах, планетник рождался «в рубашке» (*w czepku*), которую, высушенную, носил с собой всю жизнь (с. Обидза)²². Этот факт связи судьбы человека с обстоятельствами его рождения, безусловно, является архаизмом в этом новом, сформировавшемся на Карпатах, образе погодного (полу)демона.

Люди считали, что если при виде градовой тучи вынести на двор хлебную лопату с тлеющей на ней ячменной мукой, то это подкрепит силы планетника из их села, который борется с чужим в небесах, чтобы отвести тучи от своих полей (с. Обидза)²³. Мотив борьбы воздушных

¹⁶ Лоретанский колокол (назван по г. Лоретто в Италии) – это колокол, специально освященный для использования против бури и града.

¹⁷ *Kultura ludowa Górali Spiskich...* S. 307.

¹⁸ См., например, раздел «Метеорологическая магия» в: *Толстой Н. И. Очерки славянского язычества*. М.: Индрик, 2003. С. 75–268.

¹⁹ См.: *Валенцова М. М. Славянская мифологическая лексика карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект)* // *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград. 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018.

²⁰ *Lehr-Lenda U. Wierzenia i zabiegi...* S. 280.

* Изображение планетника как человека, демона или полудемона зависит от региона фиксации рассказов, времени записи и от информанта; нередко эти ипостаси смешиваются и перетекают друг в друга.

²¹ *Kultura ludowa Górali Spiskich...* S. 307.

²² *Lehr U. Wierzenia demonologiczne we wsi Obidza (region Sądecki) w świetle badań empirycznych* // *Lud*. 1982. Т. 66. S. 136.

²³ *Lehr U. Wierzenia demonologiczne...* S. 104.

демонов, своего и чужого, является характерным для южнославянской демонологической метеорологии²⁴, и его следует признать архаической чертой, сохранившейся в гуральских поверьях.

Представление о ведьмах и колдунах — одно из наиболее старых во всех человеческих обществах. У гуралей колдуны и ведьмы называются заимствованными словами *strziga*, *bosioroka*, но используются и славянские: *czarownica*, *babrula* (от *babrać* ‘портить (молоко)’²⁵), *guślor* (от *gusło* ‘чары, магия’²⁶), *guselnica*, *guselnik*, *guślarka*, *guślarz*, *guslarz*, *guślin*, *guślinka*, *guślnica*, *guśnica*, *guślnik*²⁷, также у словацких горалей: *gušlař*, *gušlařka*²⁸, *gušlarka* (< *gušlič* ‘колдовать’) ²⁹. Термин, скорее всего, восходит к **gusla* ‘колдовство, чары’ (архаическое значение) < *gosti* ‘играть на струнном инструменте, гудеть’ и т.п.³⁰. Верили, что ведьмы могут заклятием, прикосновением, через личную вещь, через еду и питье и т.п. вызвать (*rzucić*) несчастья у людей и животных³¹.

Как и у словацких горалей, на польском Спише пастухи-бачи (*bacowie*) считались ведьмаками³². В быличке из Подгалья «*Baca-czarownik*» рассказывается, как такой бача, грозный колдун, обошел несколько салашей (место выпаса отар в горах) и что-то там «сделал» (*poczynił*), а когда пришел к своему салашу, повесил чупагу (= топорик) над котлом, и с него полилось молоко, а овцы, которых он посетил, стали доиться кровью. Считается, что этим мастерством отличаются венгерские чаровники по ту сторону Татр (= на словацкой стороне)³³. Быличка является горской трансформацией широко распространенных славянских рассказов о ведьме, которая обходит луга, собирая на полотно (узду и т.п.) росу, а потом дома с него течет молоко.

²⁴ Плотникова А. А. Фрагмент балканославянской народной демонологии: борьба воздушных демонов // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого / ред. Т. А. Агапкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 158–169.

²⁵ *Karłowicz J. Słownik gwar polskich*. Kraków: Akademia umiejętności, 1900. Т. 1. S. 31.

²⁶ *Rak M. Materiały do etnografii...* S. 309.

²⁷ Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. С. 251.

²⁸ *Chalupecký I., Harabin J. a kol. Dejiny Osturne*. Osturňa: Hsrotický a kultúrny spolok v Osturni, 2004. S. 206.

²⁹ Полевые материалы автора, с. Остурня, 2013 г.

³⁰ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 85, 178.

³¹ *Kultura ludowa...* S. 224.

³² *Ibid.* S. 303.

³³ *Rak M. Materiały do etnografii...* S. 309.

Древнейшие и широко распространенные до сих пор в разных мировых традициях представления о сглазе (*urok*), то есть бесконтактном нанесении вреда другому человеку, популярны и у гуралей. Сглаз мог стать причиной болезни: “Ftosi musioł na siebie rucić urok” [Тебя, верно, кто-то сглазил]. Способностью к сглазу может обладать не только ведьма, но и любой человек с «сильным» (*silny*) взглядом и «сильными» (*mocne*) глазами, которые считали урочливыми (*uroczne*). Самым быстрым способом помочь себе при сглазе был счет на пальцах в обратную сторону, от девяти до одного (нужно было повторить трижды и перекреститься). Другой способ: плюнуть на изнанку одежды и вытереть ею лицо. Чтение или счет в обратном порядке при лечении заговорами, магические действия левой рукой и наотмашь и т. п., реализующие концепт «наоборот», также имеют древнейшие истоки.

От очень сильного сглаза лечились заговорами, обращаясь к знахарям. Снятие сглаза (*odczynianie uroku*) всегда заканчивалось молитвой. Окуривали больного освященными травами, а если и это не помогало, то окуривали веткой рождественской «подлазнички» (*podłaźniczki*)³⁴. В целом способы снятия сглаза у гуралей не являются специфическими: чаще всего это бросание в воду тлеющих угольков, хлеба, спичек; эту воду давали отпить больному, а остаток выливали в определенное место. Вот один любопытный пример из с. Фрыдман (гмина Лапше Нижне): горящие угольки бросали в воду и произносили: “Urok, urok, urok, jak ześ chłopski, wleż pod kapelus, jakześ dziywecki, wleż pod warkoc, jakześ babski, wleż pod seriec” [Урок, урок, урок, если ты от мужчины, влезь под шляпу, если от девушки, влезь под косу, если от бабы, влезь под чепец]. Потом произносили молитвы и смотрели, какой из угольков утонет, – от того человека и урок³⁵. Заговор этот встречается, с небольшим отличием, при лечении уроков у русин Восточной Словакии: когда бросали угольки (*odмітували вуглики*), считали в обратном порядке: «не девять, не восем, не сїмь...», а потом, совершая другие магические действия, приговаривали: «Як од хлопа, та под калапише, кедь от бабы, то под чепише, як от дивки, то под косу» [Если от мужика, то под шляпищу, если от бабы, то под чепчище, если от девки, то под косу]³⁶.

Интересны также трансформации известных в разных славянских традициях магических действий. У гуралей, например, в случае, если ребенка

³⁴ Kultura ludowa... S. 225.

³⁵ Ibid. S. 304.

³⁶ Полевые материалы, записанные М. М. Валенцовой и М. Н. Толстой во время экспедиции в Восточную Словакию, 2018 г.; информантка родом из Уличске Криве.

сглазили и он сильно плакал, мать или бабка «переплевывала младенца» (*przepluwała niemowlę*): плевала без слюны на внутреннюю сторону своей руки, а потом делала три круга по лицу ребенка в левую сторону или руку, на которую «поплевала», прикладывала к его губам³⁷. Ритуал ясно указывает на архаическую магическую практику передачи личной силы и магии с помощью плеванья в рот (так передавали магическое знание)³⁸, которое изофункционально магическому слову. В словацкой традиции известны подобные ритуалы и вне гуральского ареала: на западе (с. Завод, окрестности г. Малацки) «переплевывают глаза» (*oči preplývajú*) как метод лечения сглаза; мать трижды облизывает ребенку глаза и отплеивается³⁹; на юго-западе страны «выплювать слезы» (*vyplúvať z očí*) – один из способов снятия сглаза, заключающийся в символическом плеваньи (*tfi, tfi*) на все стороны⁴⁰.

Интересна в гуральских описаниях лечения сглаза лексическая параллель с южнославянским ареалом: снятие сглаза знахарями обозначается словосочетаниями *odczynić czary, odczynianie uroku, odczynienie uroku*⁴¹, а также *сynić urok* ‘магическими приемами делать так, что кто-либо начинает болеть, с кем-то случаются несчастья (*rzucać urok*)⁴², ср. также приведенную выше быличку о баче, который *porzucił* чужим овцам. Обозначение магического действия производно от глагола *сynić* ‘делать, совершать’, известного всем славянским языкам; однако мифологические значения слов с этим корнем имеются, кажется, только у карпато-украинцев (гуцул. *чинтар, чінкар, чинтарка* ‘ведьмак’, ‘ведьма’, *чинки, чінки* ‘чары’), в том числе у русин (*чиньба* ‘сглаз’), у сербов-лужичан (*činkar, činkarka* ‘колдун, колдунья’, *činki* ‘чары’) и у южных славян (серб., хорв. *чинилица* ‘ведьма’, серб. *чинилица чинила* ‘ведьма вредила’, босн. *činilice znale učiniti* ‘ведьмы умели чаровать’ и однокоренные серб. *чињарица*, босн. *činilica* ‘ведьма’, *чини* ‘порча, магия’⁴³).

Эти параллели интересны тем, что в других польских диалектах в значении ‘колдовать, сглазить’ употребляется преимущественно глагол *porobić*,

³⁷ Ibid. S. 228.

³⁸ См.: Толстая С. М. Фольклор и этнолингвистика // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. Т. 1 / отв. ред. А. С. Каргин. С. 121.

³⁹ *Bužeková T. Za horama, za vodú... Ludové rozprávania z obce Závod. Senica: Ústav etnológie SAV, 2007. S. 88.*

⁴⁰ Полевые материалы автора, записанные в с. Радава, окрестности Нове Замки, 2011 г.

⁴¹ *Kultura ludowa... S. 224, 225, 228.*

⁴² *Kąś J. Ilustrowany leksykon... T. 2. S. 305.*

⁴³ *Плотникова А. А. Карпато-балканские этнолингвистические параллели // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 454–459.*

а значение ‘порча, чары’ выражается существительным *porobisko*⁴⁴. Со словом *rosynić* приводится только пример “*Rosynić, porobić ... rok*” [По-работать... год]; *czary* = *czarować, urok rzucić* [(сделать) чары = колдовать, навести порчу]⁴⁵, в котором форма *rosynić* указывает на гуральский диалект.

В словацком глагол *činiť* хоть и сохраняется в языке как архаизм, но в значении «наводить порчу» не зафиксирован; с магической семантикой в говорах употребляются термины, производные от *robiť* ‘делать, работать’: *porobiť* ‘сглазить, наколдовать (*počariť, pobosorovať*) и *odrobiť* ‘снять порчу, сглаз’⁴⁶, а также в горальских диалектах *babraňe, pobabrac* наряду с глаголами *porobjac, odrabjac*, названием порчи *porobisko, porobeňe* и *pobabraňe* (замагур.)⁴⁷, *gušľić* (орав.)⁴⁸, *odbosorovať* (орав.)⁴⁹.

В моравских диалектах – *počarovat, podělat, porobit, zostudit*⁵⁰.

Значение ‘навести и снять порчу, сглаз’ в украинском обозначаются словами *porobutu* ‘причинить болезнь злой волей или каким-либо чародейским действием’⁵¹ и *odrobutu*, неоднократно фиксировавшимися в Полесье.

Таким образом, учитывая серболужицкие данные, можно говорить о старой диалектной семантической изоглоссе +*rob-* / +*čin-* в славянском ареале.

Волколак (*wilkołak*) как демонический персонаж, человек-волк, известен с этим именем всем славянским и балтийским традициям, а в германских очень схожие поверья бытуют о вервольфе (*werwolf*). У гуралей тоже рассказывают о том, что некоторые люди, и мужчины, и женщины, могли время от времени обращаться в волка. Мачей Рак опубликовал две такие былички из Подгалья. Одна из них – широко распространенный в украинских Карпатах сюжет о «муже-волколаке»: «Раз “на Венграх” муж с женой гребли сено, сложили уже копну, и муж говорит жене: “Знаешь что, залезай на копну, возьми палку, и кто бы к тебе ни подошел – бей”. Женщина так и сделала. Только муж скрылся в кустах, бежит к ней волк и хочет стянуть ее с копны, но она начала бить его палкой и отогнала.

⁴⁴ *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków: Akademia umiejętności, 1906. T. 4. S. 271.

⁴⁵ *Ibid.* S. 162.

⁴⁶ *Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka.* Bratislava: Veda, 2006. D. II. S. 1006, 553.

⁴⁷ *Blagoeva-Neumanová T.* Ludová démonológia... S. 149–151.

⁴⁸ *Grigel' M.* Goralské nářečie... S. 404.

⁴⁹ Полевые материалы автора, записанные на Ораве (с. Бобров, Груштин, Рабчице, Оравске Веселе – окрестности Наместово), 2009 г.

⁵⁰ *Bartoš F.* Moravský lid. Telč: Nákladem českého knihkupectví E. Šolca, 1892. S. 142.

⁵¹ *Гринченко Б.* Словарь української мови. Київ: Видавництво Академії наук УРСР, 1959 (репринт 1909 г.). Т. 3. С. 345.

Через какое-то время возвращается ее муж – но уже не в виде волка, а как обычный человек, но был такой бледный, измученный, едва дышал. Она ему пожаловалась на то, что произошло, но он ничего, промолчал. Он ей потом признался, что с ним стало, но не сразу». Вторая быличка тоже известна на славянской, но также и на германской территории: «Один мужик из Марушины ходил бачей в Польшу, и был у него старший пастух (*starcarz*), который старых дойных овец пас и обычно спал около отары. Тот бача раз превратился в волка и побежал к тому пастуху, покусал его, подушил, так что тот потом едва пришел в себя. А бача побежал домой, на салаш, и снова обернулся человеком. Поэтому теперь потомки того бачи в Марушине Вилькусами (*Wilkus*) зовутся»⁵².

Следует отметить такую архаическую деталь, как оценка «чужого» как отрицательного. В упомянутой выше быличке о волколаке превращение мужа в волка происходит «в Венгрии», то есть на словацкой стороне Татр. Кроме того, например, спишские гуралы, говоря о ведьмаках, добавляли, что они, *guślorze*, были «за Горой», то есть с другой стороны Татр (*za górą to tacy byli*)⁵³.

В гуральской традиции причудливо отразился демонологический мотив, связанный в западном Полесье с песнями русалок, появляющихся на земле на Троицкой неделе. Речь идет о «песнях-нравоучениях», содержащих назидания и запреты, самые частые из которых касались мытья ноги об ногу и просеивания муки прямо в дежу: «Нэ сий муки на дижку, бо вэлики грэх буде, / Нэ мый ногу об ногу, бо вэлики грэх, грэх буде» (Берестье, ровен.), «Нэ бий нижка об нижку, / Нэ сий муки на дижку, / Бо грэх будэ, бо грэх будэ!» (Олтуш, брест.), «Не мий ніжка в ніжку, бо ручка є; не сій муки на діжку, бо стіл є»⁵⁴ и другие, в которых запрещалось ложиться днем спать на меже, пить воду прямо из ведра, проклинать своих детей и т. п.⁵⁵

В опубликованном Мачеем Раком тексте из Подгалья также звучат знакомые запреты, но поются они Смертью: «Уже почти 300 лет тому, как у нас был мор. Тогда в этих Калужисках [село] смерти танцевали и пели так: “Nie muj nogi noga, nie tucz soli solą, używaj pieprzycia, biedrzyńca i jałowca, to ci nie będzie nic”» [Не мой ногу об ногу, не толки соль солью, употребляй перец, [растение] кровохлебку и можжевельник, и ничего с тобой не случится]⁵⁶.

⁵² Rak M. Materiały do etnografii... S. 313.

⁵³ Kultura ludowa... S. 302.

⁵⁴ В источнике для этой цитаты дается ссылка на статью: *Галайчук В.* Демонологічні уявлення Середнього Полісся про русалок // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2008. Вип. 43. С. 320–381.

⁵⁵ *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. С. 337–339.

⁵⁶ Rak M. Materiały do etnografii... S. 314.

Подгальянский текст отличается от полесских, но такие же девиации «русалочьих песен» Л. Н. Виноградова отмечает в карпатоукраинских, гуцульских и подольских селах, где, однако, эти песни встречаются очень редко и к тому же контаминируют с другими фольклорными жанрами. Кроме того, в Полесском архиве записана информация из с. Смоляны Брестской области, что «русальскую песню», которую слышали жнущие около кладбища женщины, поют умершие, и это сближает полесские и гуральские варианты: «Яны жнуть и чують, што покойники вышли, поють и танцують: “Не сей муки на дежечку, не мый ложок на прыпячку, не мый ножок об ножочку”»⁵⁷.

Еще больше черт сходства у подгальянской песни, где называются средства от смерти, с гуцульской, где ее поют русалки (умершие некрещеными дети), называемые *лісні-лісницьы*, но при этом перечисляют средства-апотропеи, защищающие от них самих: «Не мий ногу ногою, / Не пий воду рукою! / Йик би не лук-чеснок / И не оделен-зільи, / Мати би сина / На съвіт не сплodiла!» (Космач)⁵⁸.

Аналогичные песни с почти дословным повторением запретов (советов) записаны также у сербов-мусульман в окрестностях г. Прибоя А. А. Плотниковой. Это песни мифологических персонажей *вил*, аналогичных русалке: «Не валя, не валя воду на воду сипати, чини су чини; Не валя, не валя ногу под ногу прати, чини су чини» [Не нужно, не нужно воду на воду лить, магия есть магия; Не нужно, не нужно ногу об ногу мыть, магия есть магия]. В других песнях, известных лишь в ограниченном ареале центра Южной Славии (западная Сербия, восточная Босния), *вилы* также советуют не приносить «воду на воду» (то есть приносить каждое утро свежую), не пить с руки, не вытираться рукавом, не бить коня уздой, не называть милого по имени и т. п.⁵⁹ Анализируя приводимый материал, А. А. Плотникова сделала вывод о том, что данный сюжет относится «к древнейшему фонду традиционной духовной культуры», а общие культурно-языковые черты центра Южной Славии и гуцульщины подтверждают «на этнолингвистическом материале предположение о второй волне заселения славянами Балканского полуострова, происходящей с восточногалицийской территории»⁶⁰.

Гуральские данные расширяют ареал распространения «песен-нравоучений», которые, скорее всего, были принесены в Подгалье мигрирующим на запад карпатоукраинским населением.

⁵⁷ Виноградова Л. Н. Мифологический аспект... С. 342–343.

⁵⁸ Шухевич В. Гуцульщина. Львів: Загальна Друкарня, 1908. Пята часть. С. 199.

⁵⁹ Плотникова А. А. Карпато-балканские... С. 461, 464, 469.

⁶⁰ Там же. С. 469.

Народный календарь гуралей имеет много общего с традиционным календарем католических народов, вместе с тем сохраняет некоторые архаические элементы, которые помогают объяснить происхождение или значение обычаев и обрядов в других традициях.

Например, широко известный в Словакии обычай обвязывать стол на Рождество цепью и замыкать ее замком (с мотивировкой «чтобы в будущем году не было убытка ни в имуществе, ни в людях») может объясняться пастушескими обрядами в период весеннего новогодья: в Подгалье после Пасхи бача заключал с хозяевами договор и принимал у них овец на выпас. При этом он замыкал овец в кошаре двойной цепью с замком. Это означало, что так же, как очажную цепь невозможно разорвать, так неразрывно будет связано и пасущееся стадо овец на горных лугах, а люди – общей заботой о каждой доверенной пастуху овце⁶¹.

Известное в Полесье, на Карпатах и на Балканах приглашение на рождественский ужин животных, природных стихий, святых и Бога⁶² было обычным и у гуралей, ср. поговорку *We Wilijom niek i wilcki se uzyjom* [В сочельник пусть и волки порадуются]. На Ораве, в с. Гаркабуз, приглашали на ужин также Беду, чтобы она поела и хозяев потом не преследовала⁶³.

В Юргове верили, что в Задушки (календарные поминальные дни) нельзя прясть, тереть лен, иначе душам умерших в глаза сыплешь кострой. Нельзя также стирать пестом, чтобы не забрызгать водой гостей с того света⁶⁴. Эти мотивировки, также хорошо известные в Полесье, надо признать очень древними.

Можно найти архаические элементы и в **семейной обрядности**, например, запрет для беременной смотреть на калек и убогих, запрет показывать ребенка до года чужим людям (все это отражает веру в силу взгляда и его магические последствия); сватовство как обряд купли-продажи

⁶¹ *Kois M.* Doroczne zwyczaje górali podhalańskich. URL: http://www.profesor.pl/mat/na7/pa7_m_kois_030717_1.php (дата обращения: 17.10.2019).

⁶² См. статьи: *Толстая С. М., Виноградова Л. Н.* Структура и семантика ритуальных приглашений на рождественский ужин // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / ред. Вяч.Вс. Иванов, В. П. Нерознак, Т. В. Свешникова, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. Ч. 1. С. 95–100; *Они же.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: структура текста // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов / отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1993. С. 60–81; *Они же.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г. Л. Пермякова / Вяч.Вс. Иванов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 166–197.

⁶³ *Rak M.* Materiały do etnografii... S. 122.

⁶⁴ *Kultura ludowa...* S. 266.

(староста в доме девушки сообщает, что они хотели бы что-то купить, и спрашивает, нет ли чего-нибудь на продажу); обычай несколько раз на свадьбе подменивать настоящую невесту ряжеными; в рамках похоронного обряда – сбивание гроба не гвоздями, а деревянными колочками, развязывание рук и ног умершего, троекратное опускание (стучание) гроба на каждый порог – прощание с домом, или «вытряхивание души» умершего, сообщение скоту в хлеве о смерти хозяина и др.

Краткий обзор генетических связей гуральской традиционной культуры показал, что, являясь в основе своей польской, точнее, малопольской, она включает заметное количество архаических элементов других славянских, а также ряда неславянских карпатских традиций. По словам М. Рака, в Подгалье мы видим «сосуществование культурных элементов: польских, словацких, валашских и лемковских, главным образом в области пастушества, костюма и фольклора»⁶⁵, можно продолжить – и в области традиционной культуры и описывающей ее лексики⁶⁶.

Известно, что в горах и на труднодоступных территориях лучше сохраняется архаика, и в этом смысле горальский ареал не исключение. Перспективным остается дальнейшее изучение карпато-балканских связей (в связи с упомянутой в статье мифологической семантикой корня *czup-*; ср. еще фиксацию у гуралей слова *kusa* ‘пристройка при щитовой стене дома, предназначенная для хранения хозяйственного инструмента или дров’⁶⁷, соотносимого, с учетом мазурения, с серб. *kuћа* ‘дом’) и определения времени их формирования.

Необщепринятые сокращения:

гуцул. – гуцульский (–ая, –ое)

замагур. – замагурский (–ая, –ое)

орав. – оравский (–ая, –ое).

Литература

Валенцова М. М. Славянская мифологическая лексика карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект) // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 417–435. DOI 10.31168/0417-6.4.1.

⁶⁵ Rak M. Materiały do etnografii... S. 115.

⁶⁶ См.: Общекарпатский диалектологический атлас. Львов: Институт украиноведения, 1993. Вып. 4.

⁶⁷ Rak M. Materiały do etnografii... S. 381.

- Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.
- Плотникова А. А.* Карпато-балканские этнолингвистические параллели // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 453–471. DOI 10.31168/0417–6.4.3.
- Плотникова А. А.* Фрагмент балканославянской народной демонологии: борьба воздушных демонов // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого / ред. Т. А. Агапкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 158–169.
- Санникова О. В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990.
- Толстая С. М.* Фольклор и этнолингвистика // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. Т. 1 / отв. ред. А. С. Каргин. С. 118–132.
- Толстая С. М., Виноградова Л. Н.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: структура текста // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов / отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1993. С. 60–81.
- Толстая С. М., Виноградова Л. Н.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г. Л. Пермякова / ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 166–197.
- Толстая С. М., Виноградова Л. Н.* Структура и семантика ритуальных приглашений на рождественский ужин // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / ред. Вяч. Вс. Иванов, В. П. Нерознак, Т. В. Свешникова, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. Ч. 1. С. 95–100.
- Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003.
- Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamaguri v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných Slovanov. Rigorózná práca. Bratislava: Univerzita Komenského, 1976.
- Błaszczuk-Żurowska H.* Kultura ludowa Podhala. Zakopane: Muzeum Tatrzańskie, 2000.
- Bužeková T.* Za horama, za vodú... Ľudové rozprávania z obce Závod. Senica: Ústav etnológie SAV, 2007.
- Chalupecký I., Harabin J. a kol.* Dejiny Osturne. Osturňa: Hisrotický a kultúrny spolok v Osturni, 2004.
- Dudášová-Kriššáková J.* Goralské nárečia z pohľadu súčasnej slovenskej jazykovedy. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2016.
- Falkowski J.* Etnografia górali środkowych i wschodnich Karpat Polskich. Warszawa: Komisja naukowych badań ziem wschodnich, 1938.

- Grigel' M.* Goralské nářečie. Slovník. Námestovo: Štúdio F, František Teťák, 2004.
- Grochola-Szczepanek H.* Język mieszkańców Spisza. Płeć jako czynnik różnicujący. Kraków: Instytut języka polskiego PAN, 2012.
- Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 2006.
- Horák G.* Nářečie Pohorelej. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1955.
- Kamocki J.* Zarys grup etnograficznych w Polsce // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia.* Vol. 46/47 (1991/1992). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1992. S. 103–132. URL: <http://dlibra.umcs.lublin.pl/dlibra/plain-content?id=5664> (дата обращения: 10.10.2019).
- Kois M.* Doroczne zwyczaje górali podhalańskich. URL: http://www.profesor.pl/mat/na7/na7_m_kois_030717_1.php (дата обращения: 17.10.2019).
- Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 44. Góry i Podgórze, cz. 1. Wrocław; Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1968.
- Kultura ludowa Górali Spiskich / red. Urszuli Janickiej-Krzywdy.* Kraków: Oficyna Wydawnicza “Wiechy”, 2012 (*Łukuś E.* Medycyna ludowa Spisza. S. 215–244; *Masłowiec J.* Obrzędy doroczne. S. 245–268; *Grochal A.* Obrzędy rodzinne. S. 269–298; *Kolanowska K.* Demonologia. S. 299–310).
- Lehr U.* Wierzenia demonologiczne we wsi Obidza (region Sądecki) w świetle badań empirycznych // *Lud.* 1982. T. 66. S. 113–149.
- Lehr U.* Wierzenia demonologiczne // *Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego.* Kraków: Polska Akademia nauk, Oddział w Krakowie, Komisja Etnograficzna, 1985. S. 91–116.
- Lehr-Lenda U.* Wierzenia i zabiegi magiczne zabezpieczające zagrodę // *Etnografia Polska.* 1982. T. XXVI, z. 1. S. 277–283.
- Podhale. Tradycja we współczesnej wsi / pod red. D. Tyłkowej.* Kraków: Wydawnictwo PAN, 2000.
- Rak M.* Kulturemy podhalańskie. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2015.
- Rak M.* Materiały do etnografii Podhala. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016.
- Simonides D.* Od kolebki do grobu. Śląskie wierzenia, zwyczaje i obrzędy rodzinne w XIX wieku. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1988.
- Filová B., Mjartan J.* (eds.). Slovensko. Lud. II časť. Bratislava: Obzor, 1975.
- Smolińska T.* Tradycyjne zwyczaje i obrzędy śląskie: wypisy. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2004.
- Stieber Z.* Problem językowej i etnicznej odrębności Podhala // *Stieber Z.* Świat językowy Słowian. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1974. S. 393–406.
- Tambor J.* Mowa Górnoszlązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2006.
- Wajda L.* Pogranicze gwarowe góralsko-lachowskie // *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny.* 1976. Z. 58. Prace Językoznawcze III. S. 273–290.

References

- Blagoeva-Neumanová, T., 1976. *Ludová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných Slovanov*. Rigorózná práca. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Błaszczak-Żurowska, H., 2000. *Kultura ludowa Podhala*. Zakopane: Muzeum Tatrzańskie w Zakopanem.
- Bužeková, T., 2007. *Za horama, za vodú... Ludové rozprávania z obce Závod*. Senica: Ústav etnológie SAV.
- Chalupecký, I., Harabin, J. a kol., 2004. *Dejiny Osturne*. Osturňa: Histrotický a kultúrny spolok v Osturni.
- Dudášová-Kriššáková, J., 2016. *Goralské nárečia z pohľadu súčasnej slovenskej jazykovedy*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity.
- Falkowski, J., 1938. *Etnografia góraki środkowych i wschodnich Karpat Polskich*. Warszawa: Komisja naukowych badań ziem wschodnich.
- Filová, B., Mjartan, J. (eds.), 1975. *Slovensko. Lud*. II časť. Bratislava: Obzor.
- Grigel, M., 2004. *Goralské nárečie. Slovník*. Námestovo: Štúdio F, František Teťák.
- Grochola-Szczepanek, H., 2012. *Język mieszkańców Spisza. Pleć jako czynnik różnicujący*. Kraków: Instytut języka polskiego PAN.
- Habovštiak, A., 2006. *Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu*. Martin: Vydavateľstvo Marice slovenskej.
- Horák, G., 1995. *Nárečie Pohorelej*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- Janicka-Krzywda, U., ed., 2012. *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Kraków: Oficyna Wydawnicza "Wiechy".
- Kamocki, J., 1992. Zarys grup etnograficznych w Polsce. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia* Vol. 46/47 (1991/1992). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 103–132. URL: <http://dlibra.umcs.lublin.pl/dlibra/plain-content?id=5664> (accessed: 10.10.2019).
- Kois, M., *Doroczne zwyczaje górali podhalańskich*. URL: http://www.profesor.pl/mat/na7/na7_m_kois_030717_1.php (accessed: 17.10.2019).
- Kolberg, O., 1968. *Dzieła wszystkie. T. 44. Góry i Podgórze, cz. I*. Wrocław, Poznań: Polskie wydawnictwo muzyczne, Ludowa spółdzielnia wydawnicza.
- Lehr, U., 1982. Wierzenia demonologiczne we wsi Obidza (region Sądecki) w świetle badań empirycznych. *Lud*, 66, pp. 113–149.
- Lehr, U., 1985. Wierzenia demonologiczne. *Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego*. Kraków: Polska Akademia nauk, Oddział w Krakowie, Komisja Etnograficzna, pp. 91–116.
- Lehr-Lenda, U., 1982. Wierzenia i zabiegi magiczne zabezpieczające zagrodę. *Etnografia Polska*, XXVI (1), pp. 277–283.
- Plotnikova, A.A., 1998. Fragment balkanoslavianskoi narodnoi demonologii: bor`ba vozdušnykh demonov [Fragment of the folk demonology of the Balkan Slavs:

- the fight of the air demons]. In: Agapkina, T.A., Zhuravlev, A.F., Tolstaya, S.M., eds, 1998. *Slovo i kul'tura. Pamiati Nikity Iliicha Tostogo. T. 2* [Word and culture. In memoriam of Nikita Il'ich Tolstoy. Vol. 2]. Moscow: Indrik, pp. 158–169.
- Plotnikova, A.A., 2018. Karpato-balkanskije etnolingvističeskie paralleli [Carpathian-Balkan ethnolinguistic parallels]. In: Tolstaya, S.M., ed., 2018. *Slavic Linguistics. XVI International Congress of Slavists. Belgrade, August 20–27, 2018. Reports of the Russian Delegation*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 453–471. DOI 10.31168/0417–6.4.3.
- Rak, M., 2015. *Kulturemy podhalańskie*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Rak, M., 2016. *Materiały do etnografii Podhala*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Sannikova, O.V., 1990. *Pol'skaia mifologičeskaia leksika v etnolingvističeskom i sravnitel'no-istoričeskom osvешenii. Dis. ... kand. filol. nauk*. [Polish mythological lexics in the ethnolinguistic and comparative-historic light]. Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR.
- Simonides, D., 1988. *Od kolebki do grobu. Śląskie wierzenia, zwyczaje i obrzędy rodzinne w XIX wieku*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Smolińska, T., 2004. *Tradycyjne zwyczaje i obrzędy śląskie: wypisy*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Stieber, Z., 1974. Problem językowej i etnicznej odrębności Podhala. In: Stieber Z., 1974. *Świat językowy Słowian*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, pp. 393–406.
- Tambor, J., 2006. *Mowa Górnoszlązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Tolstaya, S.M., Vinogradova, L.N., 1988. Struktura i semantika ritual'nykh priglasheonii na rozhdestvenskii uzhin [The structure and semantics of the ritual invitation for Christmas supper]. In: Ivanov, Viach.Vs., Neroznak, V.P. Svешnikova, T.V., Tolstoy, N.I., Toporov, V.N., eds, 1988. *Etnolingvistika teksta. Semiotika malykh form fol'klora. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu. Ch. 1*. [Ethnolinguistics of the text. Semiotics of small folklore forms. Proceedings and pre-materials for the symposium]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, pp. 95–100.
- Tolstaya, S.M., Vinogradova, L.N., 1993. Ritual'nye priglasheeniia mifologičeskich personazhei na rozhdestvenskii uzhin: struktura teksta [Ritual invitation of the mythological creatures for Christmas supper: the text structure]. In: Tolstaya, S.M., Civjan, T.V., eds, 1993. *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Struktura malykh fol'klornykh tekstov* [Slavic and Balkan linguistics]. Moscow: Nauka, pp. 60–81.
- Tolstaya, S.M., Vinogradova, L.N., 1995. Ritual'nye priglasheeniia mifologičeskich personazhei na rozhdestvenskii uzhin: formula i obriad [Ritual invitation of the mythological creatures for Christmas supper: the formulations and the rite]. In: Ivanov, Viach.Vs., ed., 1995. *Malye formy fol'klora. Sb. statei pamiati G. L. Permiakova* [Small folklore forms. Collection of articles in memoriam of G. L. Permiakov] Moscow: Izd. firma "Vostochnaia literatura" RAN, pp. 166–197.

- Tolstaya, S.M., 2005. Fol'klor i etnolingvistika [Folklore and ethnolinguistics]. In: Kargin, A.S., ed., 2005. *Pervyi Vserossiiskii kongress fol'kloristov. Sbornik dokladov. T. 1.* [The first all-Russian congress of folklorists. Collection of reports. Vol. 1.]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii centr russkogo fol'klora, pp. 118–132.
- Tolstoy, N.I., 2003. *Ocherki slavianskogo iazychestva* [Essays on the Slavic paganism]. Moscow: Indrik.
- Тыłkowa, D., ed, 2000. *Podhale. Tradycja we współczesnej wsi.* Kraków: Wydawnictwo PAN.
- Valentsova, M.M., 2018. Slavianskaia mifologicheskaia leksika karpatskogo regiona: genezis osobennosti (etnolingvisticheski aspekt) [Slavic mythological lexics of the Carpathian region]. In: Tolstaya, S.M., ed., 2018. *Slavic Linguistics. XVI International Congress of Slavists. Belgrade, August 20–27, 2018. Reports of the Russian Delegation.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 417–435. DOI 10.31168/0417-6.4.1.
- Vinogradova, L.N., 2016. *Mifologicheskii aspekt slavianskoi fol'klornoj traditsii* [Mythological aspect of the Slavic folklore tradition]. Moscow: Indrik.
- Wajda, L., 1976. Pogranicze gwarowe góralsko-lachowskie. *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Z. 58. Prace Językoznawcze III*, pp. 273–290.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕМЫ КАК РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК В КАЧЕСТВЕ ИНОСТРАННОГО

Андреа Кнежевич –

аспирантка, отделение русистики,
Задарский университет

Почтовый адрес: Обала Петра
Крешимира IV/2, Задар, 23000, Хорватия
Электронный адрес: aknezevi2@unizd.hr

Аннотация

Язык и культура вместе образуют индивидуальность каждого члена определенного социального сообщества. Современное обучение направлено на то, чтобы подготовить студентов к встрече и сосуществованию с разными людьми в разных социальных и культурных контекстах. Развитию межкультурной компетенции при обучении иностранным языкам уделяется недостаточно внимания. В данной работе анализируются культурологические темы в серии учебников «Дорога в Россию», которые используются при обучении РКИ. Многообразие культурологических материалов не гарантирует развития межкультурной компетенции. Межкультурность подразумевает гораздо больше, чем просто обладание широкими фоновыми знаниями о русской культуре. Такие материалы должны быть дополнены современными темами в соответствии с потребностями и интересами студентов с целью развития не только языковой, но и межкультурной компетенции. Самое важное значение здесь имеет непрерывное образование преподавателей, которым необходимо постоянно развивать собственное межкультурное образование, чтобы передавать межкультурные ценности своим студентам. Другими словами, преподаватель сам решает, какую стратегию выбрать в презентации учебного материала, в какой мере его расширить дополнительными темами и т. д. Кроме того, необходимо постоянно подчеркивать важность включения культурологических тем в процесс обучения, что не только послужит основой для обработки языкового материала (грамматического и лексического), но и будет способствовать личному развитию каждого студента, учитывая, что в соответствии с ОКВИЯ, кроме лингвистической, необходимо развивать и межкультурную компетенцию пользователя языка.

Ключевые слова

Межкультурная компетенция, культурологическое содержание в учебных материалах при обучении русскому как иностранному, учебник русского языка для обучения русского как иностранного «Дорога в Россию»

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.

CULTURAL ELEMENTS IN DEVELOPING THE INTERCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Andrea Knežević

Postgraduate Student, Department of Russian
Studies, University of Zadar
Postal address: Obala Petra Krešimira IV/2,
Zadar, 23000, Croatia
E-mail: aknezevi2@unizd.hr

Abstract

Language and culture, together, form the identity of each member of a particular social community. Contemporary teaching is aimed at the student and provides students with practical preparation to meet and coexist with different people in different social and cultural contexts. In fact, little attention is devoted to intercultural competence when teaching foreign languages. To investigate this, the cultural content of the textbook *Doroga v Rossiiu (Way to Russia)* has been analysed in this work, since it is the textbook used for university teaching of Russian as a foreign language. It is obvious that a great deal of cultural context does not guarantee the development of intercultural competence. To be intercultural implies far more than accumulating factual knowledge about Russian culture. Such content needs to be complemented and expanded with contemporary themes, in accordance with the needs and interests of the targeted audience (in this case, students). The lifelong education of teachers is very important here. They need to invest in their own intercultural education on a daily basis, since, quite often, they aren't sufficiently educated to convey intercultural attitudes and values to their students. There is a need to raise awareness on the importance of incorporating cultural themes into teaching that will not only serve as a basis for the processing of language content, but also as a way of thinking that will contribute to the personal development of each individual student.

Keywords

Intercultural competence, cultural element in teaching Russian as a foreign language, textbook for teaching Russian as a Foreign Language *Way to Russia*

Received 2 September 2019.

Понятие межкультурной компетенции¹ в преподавании иностранных языков в последние несколько десятилетий стало актуальным

¹ В научной литературе можно найти множество различных терминов и их переводы на хорватский язык, например: *kros-kulturalna adaptacija* (кросскультурная адаптация), *interkulturalna osjetljivost* (интеркультурная чувствительность), *multikulturalna kompetencija* (мультикультурная компетенция), *transkulturalna kompetencija* (транскультурная компетенция), *kroskulturalna učinkovitost* (кросскультурная эффективность) и т. д. (см.: Piršl E. Odgoj i obrazovanje za interkulturalnu kompetenciju // Pedagogijska istraživanja. 2011. Sv. 8. N 1. S. 53–70; Bedeković V. Interkulturalne kompetencije nastavnika. Doktorski rad. Filozofski fakultet. Zagreb, 2011). В Общевропейских компетенциях владения иностранными языками (2005) говорится об интеркультурности, хотя в последнее время в практике установилось понятие межкультурная (коммуникативная) компетенция, которое и будет использоваться в настоящей работе.

по многим причинам. Демографическая картина Европы в XX в. коренным образом изменилась из-за мировых войн, освобождения колониальных стран, новых технологий, улучшения транспортной связи и т. д. Все упомянутое привело к массовым миграциям, эмиграции в другие страны, в которых переселенцы, как правило, сталкиваются с другими народами, религиями, языками и обычаями. Сегодня невозможно говорить о так называемых этнически чистых территориях, где проживают представители только одного сообщества, традиционно занимающие определенную территорию, на которую имеют историческое право. Именно поэтому все чаще встречаются понятия с префиксами *мульти-*, *много-*, *поли-*, *плюра-*, *интер-* и др. (например, *многоязычие*, *мультикультурализм*, *интеркультурализм*, *плюрализм*). В контексте воспитания и образования делается акцент на продвижение ценностей, проявляющихся в уважении «другого», отличного от нас собеседника. Среди целей преподавания нельзя выделить исключительно коммуникативные и прагматические (функциональные) компетенции учеников и студентов, на первый план выходит важность воспитания и образования, которые учат понимать и уважать разнообразие. Именно преподавание иностранных языков является плодотворной почвой для укрепления таких ценностей. Изучая несколько языков, люди встречаются со многими культурами, которые неминуемо отличны от их родного языка и культуры. По этой причине сегодня среди основных целей преподавания упоминается и развитие межкультурной компетенции.

В преподавании иностранных языков наряду с изучаемым языком всегда используется, хотим мы этого или нет, родной язык или язык-посредник. Другими словами, в процессе преподавания в контакте всегда находятся минимум два разных языковых кода. Хорошим примером является образование в университетах, когда студенты изучают иностранный язык на занятиях с преподавателем, не владеющим родным языком студентов. В этом случае коммуникация осуществляется на изучаемом языке. Происходит не только языковой, но и культурологический трансфер, то есть такая форма преподавания подходит для неосознанного обмена знаниями, воззрениями и ценностями. Университетская среда является идеальной для развития межкультурной компетенции, поскольку объединяет представителей разных слоев общества. Следует учитывать, что это не должны быть исключительно представители разных стран, здесь встречаются и представители регионов одной страны (например, в Хорватии это Далмация, Истрия, Славония, Загорье, Загреб). У каждой области есть свои особенности, глубоко укорененные в идентичности ее жителей, которые

передают свои ценности осознанно, а чаще всего бессознательно, обмениваются ими, контактируя с «другими».

Новак-Милич и Гулешич-Махата², говоря о развитии межкультурной компетенции, подчеркнули, что даже низкий уровень владения другим языком подразумевает существование определенной межкультурной способности, в то время как высокого уровня межкультурной восприимчивости можно достичь и без высокого уровня владения чужим языком. Другими словами, цель изучения языка у каждого из нас неодинакова. Для некоторых учеников важнее достичь удовлетворительной межкультурной компетенции, чем в совершенстве овладеть иностранным языком, поэтому такие требования нужно было бы включить в программы преподавания иностранных языков. Авторы подчеркивают, что межкультурная компетенция часто важнее для выживания в другой культуре, чем языковая. Поэтому необходимо знать, как обратиться к другому человеку, что считается приемлемым, а что неприемлемым, каков допустимый тон голоса, каких тем в разговоре лучше избегать, кому можно делать комплимент и т. д.³. Однако преподавание иностранных языков часто не учитывает подобные потребности студентов. Например, превосходное знание грамматической и лексической системы иностранного языка без знания норм поведения, основных привычек и обычаев народа, для которого этот язык является родным, при встрече с новой культурой нам не поможет. Множество примеров показывает, что систематическое и плановое введение культурологических элементов в преподавание иностранных языков является основой для целостного и успешного их изучения, а тем самым – для развития языковой и межкультурной компетенции студентов. Когда мы говорим про изучение иностранных языков в университете, можно заметить, что культурологические элементы чаще всего вводятся в форме типичных тем под названием «Культура и цивилизация» или сводятся к культурологическому содержанию учебников и других материалов. Хорошими проводниками культурологического знания и фактов являются сегодня иностранные преподаватели, которые показывают студентам культурологическую действительность изучаемого языка.

Большинство преподавателей русского как иностранного мало знают о межкультурной компетенции и о том, какими культурологическими знаниями должны обладать их студенты в конце обучения. По окончании формального образования преподаватели зачастую не способны обучить

² *Novak-Milič J., Gulešić-Machata M. Međukulturna kompetencija u nastavi hrvatskoga kao drugoga i stranoga jezika // Lahor. 2006. Sv. 1. N 1. S. 70.*

³ *Ibid. S. 70.*

навыкам межкультурной коммуникации и, таким образом, они не отдают себе отчет в важности культурологического элемента при обучении иностранным языкам. В процессе преподавания нередко (неосознанно) остаются в стороне культурологические аспекты, что лучше всего видно на тем, в которых прорабатываются элементы культуры народов, носителей изучаемого языка (как, например, о проведении летних и зимних праздников, прослушивание оригинальных песен и т. д.). В основном этот процесс сводится к выполнению грамматических упражнений и усвоению лексики. Можно сделать вывод, что преподаватели иностранных языков в основном сами решают, как, когда и каким образом преподавать межкультурную компетенцию. Большинство преподавателей задействуют лишь небольшое количество упражнений и других методов обучения, которые демонстрируют культурные различия, в том числе в вербальной и невербальной коммуникации и т. д.⁴ Таким образом, возникает вопрос: как связать культурологическое содержание с целями преподавания, чтобы развить у студентов наряду с языковой еще и межкультурную компетенцию?

Что касается включения культурологического содержания в преподавание русского как иностранного, на начальной ступени изучения прежде всего развенчиваются определенные стереотипы и предрассудки о русских, их языке и культуре. Например, одной из основных ассоциаций, связанных с русской культурой, является популярный сувенир «*матрешка*», которую большинство хорватских студентов в начале учебы называют неправильно – *бабушка*. Лево-Овчина и Пруго-Бабич⁵ привели в качестве примера название *Красная площадь*, которая часто ошибочно ассоциируется с красным цветом, как символом политического режима. Остальные примеры связаны с географией, историей, искусством и литературой. Культурологические особенности исторического плана относятся к золотому периоду Российской империи, эпохам Петра Первого и Екатерины Великой. В значительно меньшей степени говорится об общественно-политической ситуации начиная от распада Империи и далее. Создается впечатление, что даже сегодня, в XXI в., все еще господствует цензура в тех областях культурологических знаний, которые передаются студентам, изучающим русский язык. Это можно объяснить наследием прошлого, цензуры, которая долгое время господствовала в коммунистических странах. Учитывая, что русские учебники и пособия по русскому

⁴ Bilić-Štefan M. Uključivanje interkulturalne komunikacijske kompetencije u poučavanje stranih jezika // *Odgovorne znanosti*. 2006. Sv. 8. N 1 (11). S. 227.

⁵ Ljevo-Ovčina A., Prugo-Babić L. Kompetencije i uloga nastavnika ruskog kao stranog, 2015. [online]. URL: https://www.academia.edu/5081089/KOMPETENCIJE_I_ULOGJE_NASTAVNIKA_RUSKOG_JEZIKA_KAO_STRANOG (дата обращения: 07.01.2018).

языку как иностранному нередко содержат идеализированную картину российского общества, в контексте развития межкультурной компетенции важно объективно и всесторонне показать российскую действительность, значительную роль при этом играют и межкультурное образование, воззрения и ценности самого преподавателя.

В контексте включения культурологических тем с целью развития межкультурной компетенции у студентов, изучающих русский язык и литературу интересно обратить внимание на серию учебников «Дорога в Россию», предназначенных для изучающих русский язык уровнем А1, А2, В1⁶ по ОКВИЯ⁷.

Уже на первый взгляд учебник производит впечатление «москвоцентричности». Неосведомленный ученик, глядя на список тем, может ошибочно прийти к заключению, что вся культура Российского государства ограничена исключительно Москвой. Правда, среди множества тем, в которых речь идет исключительно о столице России, нередко упоминается и Санкт-Петербург. Наряду с очень подробными, практически туристическими, описаниями двух самых известных российских городов иногда вскользь упоминаются и другие российские города, достопримечательности, известные личности. Первый из серии учебников «Дорога в Россию» (уровень А1) изобилует множеством типичных российских мотивов и фотографий Москвы и Санкт-Петербурга. Среди главных достопримечательностей выделяются (и повторяются) *Московский государственный университет, Красная площадь, Большой театр, Кремль, стадион Лужники, Арбат, Третьяковская галерея, Тверская улица, Киевский вокзал* и др., а также типичные достопримечательности Санкт-Петербурга (*Санкт-Петербургский государственный университет, Русский музей, Измайловский сад, дом-музей Пушкина*), приводится информация об известных людях, жизнь которых также связана с Москвой или Санкт-Петербургом. Что касается личных имен, вначале приводятся типичные русские имена (*Ирина, Антон, Иван, Виктор, Ольга, Анна* и др.), постепенно вводятся имена иностранного происхождения (*Жан, Клара, Том, Джон, Джейн, Лю Кун, Ма Лин*), которые в текстах играют двойную роль: обозначение персонажей – иностранных студентов (по именам мы можем понять, что речь идет о представителях Франции, США, Китая и других стран), которые в России изучают русский язык, что вполне типично для большинства учебников иностранных языков⁸.

⁶ Названия и год издания приводятся в списке литературы.

⁷ В статье используется аббревиатура ОКВИЯ (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка) (2005).

⁸ В этом учебнике много примеров, связанных с восточным, азиатским рынком, возможно, потому, что все больше жителей Азии поселяется в восточной части России, и в последнее время учебники русского языка для иностранцев приспособляются

Кроме того, хорватские студенты сразу же замечают основное различие в двух славянских языках: в хорватском языке, как правило, используется оригинальное иностранное написание (например, John, Jane), тогда как в русском в этом случае используется транскрипция. Одновременно с русским языком студенты знакомятся и с русской культурой, что способствует развитию межкультурной компетенции. Студенты обмениваются опытом, сравнивают собственные обычаи с русскими, приводят культурологические сходства и различия.

Самыми частыми мотивами в российских учебниках, связанных с проведением свободного времени, являются прогулка, чтение книг, походы в кино, театр, и даже цирк! Хорватским студентам подобное времяпрепровождение могло бы показаться искусственным (может быть, и надуманным) при дидактическом осмыслении усваиваемой лексики. И здесь роль преподавателя чрезвычайно важна. Его задача – показать студентам различия между двумя культурами. Важно также, чтобы сам преподаватель обладал навыками для обучения студентов межкультурным различиям. Необходимо уметь распознавать, какие материалы использовать в преподавании, когда их необходимо дополнить более интересными и современными темами. Часто можно увидеть, что материалы в учебниках не соответствуют времени, в котором мы живем. Такой пример есть и в этом учебнике. Нигде не упоминаются смс-сообщения и электронные письма, использование мобильных телефонов и приложений, но показано написание классических писем. Это можно объяснить и оправдать стремлением авторов обучить студентов на уровне А1⁹ способам обращения, приветствия, характерным для личных писем, однако темы также должны быть современными. Преподаватель должен быть способен отбирать темы и материалы, которые он будет использовать для обучения межкультурным различиям. Какими бы хорошими ни были темы в учебнике, не следует оставлять без внимания и возможности, которые нам предоставляют технологии XXI в., а в учебниках все еще можно найти слово *магнитофон*, который современное поколение *iPod-a* никогда не видело и не знает, о чем идет речь.

Во втором учебнике этой серии расширяется круг культурологических

к этому рынку. В качестве доказательства можно привести первую страницу учебника «Дорога в Россию», где изображены три студента, один из которых – представитель азиатской общины. В учебниках также много китайских мотивов, например, Великая Китайская стена, Пекин, упоминается и площадь Тяньаньмэнь, гостиница «Пекин», показана карта Китая.

⁹ Согласно ОКВИЯ, ученик на уровне А1 должен быть в состоянии написать короткую простую открытку, например, послать привет из отпуска, заполнить бланк с личными данными и т. п.

тем: в большем объеме вводятся другие российские города, однако все же остается впечатление «москвоцентричности», поскольку тексты о Москве продолжают преобладать¹⁰. Чаще упоминаются известные личности, даются небольшие художественные тексты и стихотворения, которые адаптированы для уровня А2. В них говорится о российской культуре, но, с другой стороны, речь идет о довольно искусственных диалогах, составленных с дидактической целью, и о текстах, в которых все русское хорошее и слишком идеализировано. Таким образом, можно сделать вывод, что подобные учебные материалы не подходят для развития межкультурной компетенции. Конечно, необходимо учитывать, что речь идет об очень низком уровне знания русского языка, когда трудно вводить аутентичные темы, например, из газет, журналов, интернет-порталов.

Учебник для уровня В1 состоит из двух частей, и таким же образом в нем прорабатываются темы из области культурологии. Продолжают доминировать «московские» темы, аутентичные короткие рассказы, а все культурологические темы дополняются и расширяются. Заметно продолжение тенденции приукрашивания действительности, персонажи в рассказах, как правило, позитивные, успешные, правильные, талантливые, гении своего времени. Нигде не представлена другая точка зрения. В особенности это относится к историческим фактам и черным пятнам российской истории (например, в приведенном учебнике не говорится об убийстве императорской семьи Романовых, тоталитарных режимах Ленина и Сталина, массовых убийствах, цензуре, преследовании писателей и деятелей искусства и т. д.). Таким образом, происходит манипуляция студентами, изучающими русский язык, в плане их культурологической коммуникации, создания у них исключительно положительного образа России. Темы учебника нужно дополнить и иными материалами, а также стремиться представить и другие области интересов студентов (политика, история, спорт, искусство). Не следует ограничиваться исключительно географическими данными или данными из российской истории, для развития межкультурной компетенции необходимо представить и другую сторону, где не все так однозначно. Показывая российскую действительность и сравнивая ее с другими культурами, прежде всего с родной культурой, и со всеми остальными, мы можем лучше понять менталитет другого народа.

¹⁰ На предыдущем уровне студенты познакомились с основными достопримечательностями, усвоили их русские названия, поняли, где они расположены, теперь же они расширяют знания об истории, географии, искусстве в зависимости от темы, которую проходят.

Изучение культурологических тем интересно всем: ученикам школ и студентам. Как правило, такие темы лучше запоминаются, потому что они интересны, отражают действительность; они поучительны, а студенты видят смысл и цель в обучении, что способствует и высокой мотивации. Знакомство с «другими» всегда интригует и мотивирует, пробуждает в нас любопытство, сталкивает с уже созданными собственными представлениями, предрассудками и т. д. Благодаря современным технологическим достижениям, интернету, обучение иностранным языкам, включая и обучение русскому языку, продвинулось вперед. Существует много способов и методов работы, с помощью которых мы можем интенсифицировать преподавание, сделать его разнообразным и креативным. Особенно это относится к введению культурологических тем. Именно благодаря интернету преподаватели больше не ограничены использованием учебника, который в основном не предназначен для обучения и развития межкультурной компетенции у студентов. В развитии межкультурной компетенции необходимо, чтобы сами преподаватели обладали ценностями и воззрениями, например, принимали и уважали различия, были готовы взаимодействовать и сотрудничать с «другими».

Анализ примеров из учебника русского как иностранного «Дорога в Россию», убедительно показал, что количество культурологических тем не гарантирует развитие межкультурной компетенции. На основе всего сказанного можно прийти к выводу, что для развития межкультурной компетенции студентов более важным, чем культурологические темы, является то, как мы их будем использовать в преподавании. Роль преподавателя чрезвычайно важна, поскольку он решает, какую стратегию выбрать в презентации материала, в какой мере его расширить дополнительными темами и т. д. Имея небольшое количество часов и обширное количество тем и грамматического материала, которые необходимо проработать, преподаватель часто вынужден затрагивать культурологические темы лишь вскользь, что не способствует развитию компетенции у студентов, учитывая, что в соответствии с ОКВИЯ, кроме лингвистической, необходимо развивать и межкультурную компетенцию.

Перевод с хорватского Г. П. Пилипенко

Литература

- Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень). СПб.: Издательство Златоуст, 2014.
- Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (базовый уровень). СПб.: Издательство Златоуст, 2013.
- Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (первый уровень – I). СПб.: Издательство Златоуст, 2013.
- Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (первый уровень – II). СПб.: Издательство Златоуст, 2012.
- Bedeković V. Interkulturalne kompetencije nastavnika. Doktorski rad. Filozofski fakultet. Zagreb, 2011.
- Bilić-Štefan M. Uključivanje interkulturalne komunikacijske kompetencije u poučavanje stranih jezika // *Odgojne znanosti*. 2006. Sv. 8. N 1 (11). S. 279–288.
- Čeliković V. Zajednički europski referentni okvir za jezike: učenje, poučavanje, vrednovanje. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Ljevo-Ovčina A., Prugo-Babić L. Kompetencije i uloga nastavnika ruskog kao stranog, 2015. URL: https://www.academia.edu/5081089/KOMPETENCIJE_I_ULOGJE_NASTAVNIKA_RUSKOG_JEZIKA_KAO_STRANOG (accessed: 07.01.2018).
- Novak-Milić J., Gulešić-Machata M. Međukulturna kompetencija u nastavi hrvatskoga kao drugoga i stranoga jezika // *Lahor*. 2006. Sv. 1. N 1. Š. 69–82.
- Piršl E. Odgoj i obrazovanje za interkulturalnu kompetenciju // *Pedagogijska istraživanja*. 2011. Sv. 8. N 1. S. 53–70.

References

- Antonova, V.E., Nakhabina, M.M., Safronova, M.V., Tolstykh, A.A., 2014. *Doroga v Rossiiu. Uchebnik russkogo iazyka (elementarnyi uroven')* [Way to Russia. Russian language Textbook (A1)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Zlatoust.
- Antonova, V.E., Nakhabina, M.M., Safronova, M.V., Tolstykh, A.A., 2013. *Doroga v Rossiiu. Uchebnik russkogo iazyka (bazovyi uroven')* [Way to Russia. Russian language Textbook (A2)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Zlatoust.
- Antonova, V.E., Nakhabina, M.M., Safronova, M.V., Tolstykh, A.A., 2013. *Doroga v Rossiiu. Uchebnik russkogo iazyka. (pervyi uroven' – I)* [Way to Russia. Russian language Textbook (B1 – I)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Zlatoust.
- Antonova, V.E., Nakhabina, M.M., Safronova, M.V., Tolstykh, A.A., 2012. *Doroga v Rossiiu. Uchebnik russkogo iazyka (pervyi uroven' – II)* [Way to Russia. Russian language Textbook (B1 – II)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Zlatoust.
- Bedeković, V., 2011. *Interkulturalne kompetencije nastavnika. Doktorski rad*. Zagreb: Filozofski fakultet.
- Bilić-Štefan, M., 2006. Uključivanje interkulturalne komunikacijske kompetencije u poučavanje stranih jezika. *Odgojne znanosti*, 8, 11, pp. 279–288.

- Čeliković, V., 2005. *Zajednički europski referentni okvir za jezike: učenje, poučavanje, vrednovanje*. Zagreb: Školska knjiga.
- Ljevo-Ovčina, A., Prugo-Babić, L., 2015. *Kompetencije i uloga nastavnika ruskog kao stranog*. [online] URL: https://www.academia.edu/5081089/KOMPETENCIJE_I_ULOGI_NASTAVNIKA_RUSKOG_JEZIKA_KAO_STRANOG (accessed: 07.01.2018).
- Novak-Milić, J., Gulešić-Machata, M., 2006. Međukulturna kompetencija u nastavi hrvatskoga kao drugoga i stranoga jezika. *Lahor*, 1, 1, pp. 69–82.
- Piršl, E., 2011. Odgoj i obrazovanje za interkulturalnu kompetenciju. *Pedagogijska istraživanja*, 8, 1, pp. 53–70.

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ И ПОМЕТЫ НА КНИГАХ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ П. А. РОВИНСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРБОХОРВАТСКОГО ОТДЕЛА СЛАВЯНСКОГО ФОНДА БАН)*

София Александровна Жабрева –
библиотекарь, сектор Славянского фонда,
отдел фондов и обслуживания, Библиотека
Российской академии наук
Почтовый адрес: Биржевая линия, 1,
Васильевский остров, Санкт-Петербург,
199034, Россия
Электронный адрес: sofiazhabreva@mail.ru

Аннотация

В Славянском фонде БАН в ходе документальной проверки были выявлены экземпляры из личной библиотеки П. А. Ровинского. Большинство книг содержит дарственные надписи от сербских и черногорских деятелей науки, культуры и политики. Для удобства чтения текст статьи разделен на две части. Первая представляет собой комментарий обнаруженных надписей и помет. Во второй части, озаглавленной «Приложение», приводится перечень всех выявленных экземпляров из библиотеки П. А. Ровинского, содержащих надписи или пометы. В «Приложении» содержатся описание книги, текст дарственной надписи с указанием места ее нахождения в книге, перечень страниц с пометами хозяина библиотеки и перечень страниц с вложениями или вклейками. Дарственные надписи на сербском языке были по возможности расшифрованы и приведены в «Приложении». В конце записи указывается шифр экземпляра, соответствующий его расположению в хранении Славянского фонда БАН. Каждая запись пронумерована. Среди дарственных надписей – стихотворение воеводы Шако Петровича-Негоша, написанное на форзаце книги и посвященное персонально П. А. Ровинскому, а также другие личные послания. Текст стихотворения Ш. Петровича-Негоша публикуется впервые, как и его перевод. Помимо дарственных надписей в статье описаны пометы на книгах, сделанные самим ученым. Не все дарственные надписи поддаются расшифровке и атрибуции, а часть опубликованных в «Приложении» дарственных надписей не удалось даже прокомментировать. Послания на титульных листах, пометы

* Автор выражает глубокую благодарность научному сотруднику Библиотеки Российской академии наук Драгане Дракулич-Прийма и председателю Общества русско-сербской дружбы Ивану Федоровичу Прийме за помощь в подготовке текстов на сербском языке и их перевод на русский язык.

и комментарии на полях страниц помогают создать более полное представление об истории славяноведения в России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова

П. А. Ровинский (1831–1916), личные библиотеки, дарственные надписи, Ш. Петрович-Негош (1854–1914)

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2019 г.

**DEDICATORY INSCRIPTIONS AND NOTES FROM P. ROVINSKI'S
PERSONAL LIBRARY (ON THE MATERIALS OF THE
SERBO-CROATIAN BRANCH OF THE SLAVIC LITERATURE FUND
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES LIBRARY)**

Sofia A. Zhabreva

Librarian, Sector Slavic Literature Fund,
Department of Funds and Services, Russian
Academy of Sciences Library
Postal address: Birzhevaya liniya 1, Vasilievski
Island, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sofiazhabreva@mail.ru

Abstract

Several editions from the personal library of Pavel Rovinski were revealed during documentary verification in the Slavic Literature Fund of RASL. Most of them contain dedicatory inscriptions from Serbian and Montenegrin persons of science, culture and politics. For ease of reading, the text of this article is divided into two parts: the first is a commentary on the discovered inscriptions and notes, and the second is an appendix which provides a list of all identified editions from Rovinski's library containing inscriptions or notes. Dedicatory inscriptions in Serbian were translated and are, if possible, described in the appendix. The appendix contains a list of records with a description of the book, the text of the dedicatory inscription indicating its location in the book, a list of pages with notes from the library's owner, and a list of pages with attachments or stickers. At the end of each record, the code of the edition is given, which corresponds to the book's location in the storage of the Slavic Literature Fund of RASL. Each record is numbered. Among the dedicatory inscriptions is a poem by the governor Shako Petrović-Negoš, written on the book and dedicated personally to Rovinski, as well as other personal messages. The text of the poem by Petrović-Negoš is published for the first time, as well as its translation. In addition to dedicatory inscriptions, the article describes notes on the books made by Rovinski himself. We were not able to decipher or attribute some inscriptions, so they are published in the appendix without any comment. Messages on the title pages, notes, and comments on the margins of the pages are important for Slavic studies.

Keywords

P. Rovinski (1831–1916), personal libraries, dedicatory inscriptions, Shako Petrović-Negoš (1854–1914)

Received 30 September 2019.

В ходе документальной проверки в Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук (далее – Славянский фонд) были выявлены экземпляры из личной библиотеки П. А. Ровинского, большинство которых содержит дарственные надписи от сербских и черногорских деятелей науки, культуры и политики. Статья разделена на две части; первая представляет собой комментарий обнаруженных надписей и помет. Во второй части, озаглавленной «Приложение», дается перечень всех выявленных экземпляров из библиотеки П. А. Ровинского, содержащих надписи или пометы, при этом приводятся описание книги, текст дарственной надписи с указанием места ее нахождения в книге.

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) – известный российский ученый-славист, внесший значительный вклад в развитие книжной культуры, собрав в своей библиотеке различные труды по истории, филологии, этнографии и литературе славянских стран. Трудно точно оценить масштабы этого личного собрания книг, но его значительная часть в начале XX в. обогатила Славянский фонд БАН.

Книги П. А. Ровинского можно атрибутировать по ряду отличительных признаков. В первую очередь, таким признаком является номер по «Книге поступлений»¹, который проставлен практически на всех изданиях, поступивших в Славянский фонд до 1930 г. Номер по «Книге поступлений» имеет вид дроби, в числителе которой указывается год поступления книги, а в знаменателе – ее порядковый номер в текущем году. Сверяя подобный номер с самой «Книгой поступлений», можно узнать источник поступления, фамилию дарителя, продавца, организацию или иные сведения об издании.

Другим важным признаком книг П. А. Ровинского являются дарственные надписи, сделанные их авторами, составителями, издателями или просто заинтересованными людьми на обложках, титульных листах или страницах подаренных изданий. Авторами личных посланий на экземплярах из собрания Ровинского являются по большей части деятели литературы, науки, дипломатии в основном из Королевства Сербия и Черногорского княжества. Их труды были распределены в сербохорватский отдел Славянского фонда согласно языковому принципу комплектования на рубеже XIX–XX вв. Об этих изданиях и пойдет речь далее.

В Славянский фонд книги П. А. Ровинского поступали как от самого ученого, так и в составе других собраний уже после его смерти. П. А. Ровинский передал книги в 1904 г., о чем свидетельствует запись

¹ О «Книге поступлений» см.: Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки / сост. М. В. Колмакова, Д. Ю. Чернышенко; отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб.: БАН, 2016. С. 6.

в соответствующей графе «Книги поступлений»: «От П. А. Ровинского в подарок»². После смерти ученого издания поступали в 1918 и 1923 г.³ – в «Книгах поступлений» за указанные годы имеется соответствующая запись: «Из книг П. А. Ровинского».

За годы пребывания в Сербии и Черногории П. А. Ровинский нашел коллег и друзей. В 1868–1869 гг. ученый находился в Сербии по поручению «Санкт-Петербургских ведомостей», затем второй раз летом – осенью 1878 г., и накопленные за это время материалы были положены в основу его исследований, посвященных сербским землям. С 1879 г. П. А. Ровинский жил в Черногории, путешествуя по всей стране и собирая сведения по физической географии, этнографии, археологии и истории. Эти материалы легли в основу его фундаментального трехтомного труда «Черногория в ее прошлом и настоящем»⁴. Ученый прожил в Черногорском княжестве больше 20 лет и подробно изложил российскому читателю реалии жизни молодого независимого государства⁵. Прделанная П. А. Ровинским в Сербии и Черногории работа способствовала укреплению их связей с Россией. Не вызывает удивления уважительное и дружеское отношение, которое испытывали к ученому авторы дарственных надписей на книгах из его личного собрания.

Среди авторов книг, а следовательно, и авторов дарственных надписей можно встретить коллег П. А. Ровинского – ученых, писателей, преподавателей и людей книжной культуры. Среди них – Стоян Новакович (1842–1915) – сербский историк, филолог и дипломат, который в дарственных надписях обращался к российскому ученому как к близкому знакомому (Приложения № 2 и № 8). С той же теплотой к П. А. Ровинскому обращались крупный сербский книготорговец и издатель Арса Паевич (1841–1905) (№№ 11, 12) и выдающийся сербский драматург и актер Милош Цветич (1845–1905) (№ 17). С выражением уважения к адресату подписал свои работы деятель черногорского просвещения, преподаватель и автор школьных учебников Джуро Попович (1845–[1902])⁶ (№ 18, 19).

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФА РАН). Ф. 1. Оп. 10. № 239. Книга поступлений № 8 (1917–1925). Л. 42.

³ *Комиссарова Е. В.* Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук: этапы формирования, структура, пути использования: дис. ... канд. пед. наук. СПб.: БАН, 2000. С. 55, 59.

⁴ *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. – География. История. Этнография. Археология. Современное положение. Спб., Птг, 1888–1915.

⁵ *Хлебникова В. Б.* П. А. Ровинский об уникальности черногорской истории // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2009. № 1. С. 17, 23.

⁶ *Маркуш Ж.* Читанка у књажевине Црној Гори: Боже благослови српског ђака [Электронный ресурс] // ИИ4С [сайт]. URL: <http://www.spckotor.com/609-2019-02-24-07-39-43> (дата обращения: 30.11.2019).

Особое внимание привлекает также дарственная надпись Филипа Ковачевича (1859–1922)⁷, черногорского профессора филологии, изучавшего русский язык, преподавателя, библиотекаря и архивиста (№ 13). Ф. Ковачевич в данном случае выступил издателем поэтического сборника почившего на момент публикации воеводы Черногории Мирки Петровича (1820–1867). Пространная надпись книгоиздателя содержит крайне примечательное обращение: «*Велеуваженоме брату Русу Г'у П. А. Ровинскомe*».

Имевший тяжелую судьбу мятежника и изгнанника Йово Лепава (1850–1916)⁸ преподавал сербский и русский языки и занимался переводами в Цетине. Дарственная надпись этого деятеля короткая и простая, но в то же время весьма эмоциональна и в полной мере выражает уважительное отношение к П. А. Ровинскому как к создателю серьезного исследования: «*Автору “Черногории”*» (№ 5).

Среди дарственных надписей в книгах П. А. Ровинского присутствуют и послания от церковных деятелей. Например, Митрофан Бан (1841–1920), епископ Сербской православной церкви, архиепископ Цетинский и митрополит Черногорский, оставил обширную запись на своем труде (№ 1). От политических деятелей П. А. Ровинский также получал книжные дары – от Лазара Томановича (1845–1932), премьер-министра Черногории (№ 16) и Симо Поповича (1846–1921), писателя и политика, секретаря черногорского князя Николы I Петровича-Негоша (№ 15).

Сам Никола I (1841–1921, князь в 1860–1910 гг., король – 1910–1918 гг.) также оставил дарственную надпись на одном из своих изданий: «*Господину Павлу Ровинскому Васоевицкому Диогену*» (№ 7). Трудно сказать, что именно имел в виду автор, обращаясь подобным образом к ученому. Васоевичи (серб. Васојевићи) – название исторической области в Черногории, а также проживавшей на этой территории этнической группы, известной с XV в. С большой вероятностью именно этот топоним был использован в обращении к ученому.

Самая обширная дарственная надпись производит особенное впечатление, ведь это настоящее стихотворение, автором которого является воевода Шако Петрович-Негош (1854–1914). Председатель народного собрания Черногорского княжества и первый президент Народной партии Черногории издавал сборники стихов собственного сочинения. Один из таких сборников и был подарен П. А. Ровинскому вместе с обширной дарственной

⁷ Антовић Д. Био-библиографија Филипа Ј. Ковачевића // БОКА. Зборник радова из науке, културе и умјетности. 2003. Бр. 23. С. 317–327.

⁸ Душан Др., Мартиновић Ј. Портрети: био-библиографски преглед. Цетинье: Централна народна библиотека СР Црне Горе «Ђурђе Црнојевић», 1983. С. 143–144, 364.

надписью, которая содержит обращение к ученому, стихотворение из 16 строк и подпись автора (№ 14). Стихотворение на сербском языке было расшифровано Драганой Дракулич-Прийма, перевод подготовлен Иваном Федоровичем Приимой. Оба текста публикуются впервые.

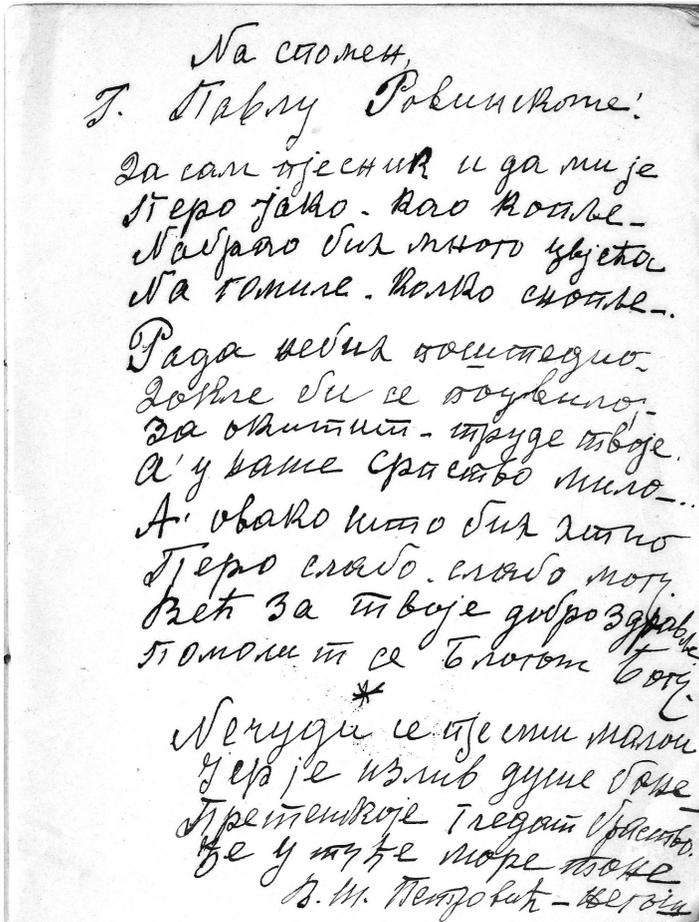

Рис. 1. Петровић-Негош Ш. «На память, г. Павлу Ровинскому». Петровић-Негош Ш. Нетку и Стојану Ковачевићима. Никишић: Никашићска Акцијонерска Штампарија, 1902. 22 с.

Отдельно следует сказать еще об одном экземпляре из личной библиотеки П. А. Ровинского с дарственной надписью – от российского коллеги Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), известного филолога-слависта и публициста. Для двух ученых общим предметом исследований являлись Черногория и Сербия. Российский историк А. Л. Шемякин привел

высказывание П. А. Кулаковского о своем коллеге: «Ровинский – действительно прекрасный знаток южных славян, очень умный и образованный человек <...>. Он был и профессором, и писал уже много о Сербии, и долго жил здесь и изучал народ и страну»⁹. Книга «Юбилей князей Негошей в Черногории» П. А. Кулаковского содержит простую дарственную надпись: «П. А. Ровинскому» (№ 4).

Не все дарственные надписи поддаются расшифровке и атрибуции. Часть опубликованных в примечании надписей не удалось должным образом прокомментировать. Например, «Общий имущественный кодекс Черногорского княжества» (№ 10) имеет дарственную надпись: «Господину Павлу А. Ровинскому», выполненную ровным почерком, но не подписанную. Помимо многочисленных помет, сделанных, предположительно, рукой П. А. Ровинского, экземпляр имеет несколько десятков вклеек, содержащих исправления печатного текста. Вклейки представляют собой прямоугольные листочки тонкой бумаги, с одного края приклеенные к странице книги ближе к переплету. Вторая часть листочка выполняет роль ширмы, которую можно отодвинуть от страницы и просмотреть печатный текст, а можно прижать к странице – и увидеть на листочке текст П. А. Ровинского. Примечательно, что почерк ученого в данном случае довольно разборчив.

Среди надписей, выполненных предположительно самим П. А. Ровинским, нужно отметить вложение в уже упоминавшейся книге «Кодекс Стефана Душана царя Сербии» (№ 2). Вложение было обнаружено между страницами 266 и 267, хотя изначально оно, скорее всего, располагалось в другой части книги. Это квадратный листок грубой бумаги 9,5x9,5 см, с обеих сторон заполненный карандашным текстом. В отличие от предыдущего экземпляра, на этом вложении почерк ученого прочитать довольно трудно; следовательно, он делал данную заметку для себя. Текст вложения разбит на четыре абзаца, каждый из которых пронумерован цифрами и, вероятно, комментирует определенные части текста в книге.

Дарственные надписи и пометы на книгах из личного собрания П. А. Ровинского позволяют лучше понять мир ученого-слависта XIX в. Послания на титульных листах, пометы и комментарии на полях страниц повествуют о взаимоотношениях между деятелями науки, культуры и политики из славянских стран. Все это способствует созданию более полного представления о истории славяноведения в России на рубеже XIX–XX вв.

⁹ *Шемакин А. Л.* Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 89.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. **Бан М. (митр.)** Спомоћно упуство о исповиједи за свештенство и народ. Цетиње: К. Ц. државна штампарија, 1898. 306 с.

Оборот титулног листа: «**Његовомъ Высокороди / Павлу Аполоновичу / Господину Ровинскомъ / у знак ... уваженя / Цетиње 20/10 / 1898 / Митрополитъ / Митрофанъ**». Шифр: XXVII₁ / б 533.

2. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354 / С. Новаковић. У Београду: у државној штампарији, 1898. 312 с. (Издање задужбине Илије М. Коларца, 91).

На титулном листе: «**Своме старом пријатељу / П. А. Ровинскому / Ст. Новаковић**».

XXXI–LXVII Между 266 и 267 с. Вложение – квадратный листок грубой бумаги (9,5 x 9,5 см). С обеих сторон карандашный текст.

1 сторона:

«(1) И эту землю ц[е]р. Николы / никто не обрабатывает, / только тому ее дает / митрополит из десят[ька] / (очев., с услов. десятины). / Только [колоны], сидящие здесь / и имиющ. [бакшиш] (угосты) / без десят[ка], то ему пахат / землю церковную кроме своего [угостья], и дают / 10 церкви.»

2 сторона:

«(2) Хрисовул митроп. Душана¹⁰ / Влахи, которые [угнали] / [зимой] [собачей] (зачеркнуто, ниже – [нуждой]) на царь землю / в зимовье, дают церкви / траву по закону, и как и сербы.

(4) Люди жупанские, которые / имеют виноград на церковной / земле, дают от них св. Никол / доход по закону, сколько в [Скопи] / дают от винограда.

(5) Люди церковные дают: 2 [вида] / серебра (зачеркнуто, выше – вина) и работ. 2 дня в неде[лю] / и тд.». Шифр: XXVII₁ / б 587 91.

3. Историја философије: стари и средњи вијек: по разним писцима. Књ. 1 / Поповић Л., саст. Цетиње: К. Ц. Државна Штампарија, 1902. 177 с.

Тит. лист: «**Глубокоуважаемому / Павлу Аполоновичу Ровинскомъ / на добрую память от / Автора. / Цетиње, / 18/VII/ 1902.**». Шифр: XXVII₁ / б 2510.

4. Кулаковский П. Юбилей князей Нѣгошей въ Черногории. 1696–1896 г. Москва: Университетская типография, 1896. 83 с.

Первый лист обложки: «**П. А. Ровинскому.**»

Шифр: XXIV / а 328.

¹⁰ Здесь и далее подчеркивание как в оригинальном тексте.

5. **Љепава Ј.** Теорија књижевности (стилистика, риторика, поетика) за своје ученице дјевојачког царице Марије института на Цетињу и ученике гимназије и богословско-учитељске школе. Цетиње: Државна Штампарија, 1895. 169 с.

Титуљный лист: «*Автору “Черногори” / составитель*» Шифр: XXVII₁ / б 2374.

6. **Марковић Кр. В.** Пјесме и приче. Загреб: Српска штампарија, 1903. 136 с. – Издао неколико пријатеља и поштовалаца покојникових.

Оборот титуљного листа: «*Поштованом Господину / П. А. Ровинском / Драгоману Из Руске Мисије / надар од Породице Покойног Писца*».

Шифр: XXVII₁ / б 2521

7. **Никола I [Петровић-Његош, Н.]**. Пјесник и вила од Николе I. Цетиње, 1892. 205 с.

Титуљный лист: «*Господину Павлу Ровинском / Васојевићком Диогену / КН*»

Шифр: XXVII₁ / б 558.

8. **Новаковић С.** Српска књига, њени продавци и читаоци у XIX веку: пред освитак XX века. Београд: Државна Штампарија краљевине Србије, 1900. 118 с.

Авантитул: «*б. II. 1902/70 / Великоме пријатељу српскога народа / П. А. Ровинском / 31. дек. 1900 / у Петрограду / Писац*».

Шифр: XXVII₁ / б 620.

9. Општи имовински законик за Књажевину Црну Гору и његова важност за науку и законодавство / критички оглед Др. Миленка Р. Веснић. Београд: Краљевско-српска државна штампарија, 1891. С. 106–201. (Одштампано из Годишњице Н. Чупића књ. XII).

На титуљном листе: «*[нрзб.]/XI 91 / Господ. П. Ровинском / у знак захвалности и отличног / поштовања / Писац*».

Шифр: XXVII₁ / б 562.

10. Општи имовински законик за Књажевину Црну Гору. На Цетињу: У Државној штампарији, 1888. 356 с.

Авантитул: «*Господину / Павлу А. Ровинском*».

Шифр: XXVII₁ / б 597.

11. **Пајевић А.** Мала споменица на Русије. I: Са погребца Александра Александровића III, руског цара миротворца. II: Утисци и слике из Русије. У Новоме Саду: Издање и штампа А. Пајевића, 1895. 160 с.

На авантитуле: «*Књижевнику великану и научењаку / Господину / Павлу Аполоновићу Ровинском / великоме србљубу / с велештовањем подноси / Писац*» Шифр: XXVII₁ / б 2499.

12. **Пајевић А.** Писма из Москве са крунисања руског цара Николаја II Александровића и руске царице Александре Феодоровне (Са више слика). У Новоме Саду: Издање књижарнице А. Пајевића, 1896. 208 с. (Велика споменица из Русије, св. 1).

На обороте првог форзаца: *«Велештованом пријателу / Господину / Павлу А. Ровинском / [Изишу] сь књиге / захвалан] / Писац».*

Вложение: *«Драгом пријателу Павлу А. Ровинском, / који је нехотице крстио ову књигу / захвалан Писац.»* Шифр: XXVII₁ / б 630.

13. **Петровић М.** Јуначки споменик пјесме о најновијим турско-црногорским бојевима. На Цетињу: у књажевској штампарији, 1895. 170 с.

Титуљни лист: *«Велеуваженоме / брату Русу / Г/П. А. Ровинском / Који особитом симпаћу / ишчекива и пропраћа / издања Књ. Цн. Држ. Штампарје / у знак благодарног признана / на дар за успомену / Издавател Штампарје / одани / Филип [П] Ковачевић / Цетиње, 30/III 1896. Проф.»* Шифр: XXVII₁ / б 626.

14. **Петровић-Његош Ш.** Нетку и Стојану Ковачевићима. Никшић: Никашићска Акцијонерска Штампарија, 1902. 22 с.

На авантитуле:

<p><i>На спомен, Г. Павлу Ровинском:</i></p> <p><i>Да сам пјесник и да мије Перо јако. Као копље ... Набрао бих много цвјећа На гомиле. Колико снопље ... Рада небих поштедио ... Докле би се поувило, ... За окитит труде твоје. А'у наше српство мило... А' овако што бих хтио Перо слабо. Слабо могу. Већ за твоје добро здравље Помолит се Благом Богу.</i></p> <p style="text-align: center;">*</p> <p><i>Нечуди се пјесми малои Јерје излив душе боне ... Претешкоје гледат браство. Бе у туђе море тоне</i></p> <p><i>В. Ш. Петровић-Његош</i></p>	<p><i>На память, Г. Павлу Ровинскому</i></p> <p><i>Будь я пламенным поэтом, Будь перо востро, как копья, Я собрал бы сто соцветий, Как в стога собрал, как в снопья... Сил своих не пощаждаю, Сыпал, чтоб не увядали, Все в цветах, труды твои... А о милом сердцу сербстве, То сказать, что бы хотелось,— Слаб пером, едва ль смогу я. Лучше за твое здоровье Христа Бога помолю я.</i></p> <p style="text-align: center;">*</p> <p><i>На стих малый не посетуй — Это глас души, ей больно. Тяжело мне видеть братьев — Тех, что в чуждом море тонут...</i></p> <p><i>В. Ш. Петровић-Негош (Перевод с сербског И. Ф. Прийма)</i></p>
---	---

Шифр: XXVII₁ / б 510.

15. Рамо / прев. С. Поповић. Цетиње: Државна Штампарија, 1896. 167 с. (Индијске пјесме, књ. 1).

Титуљни лист: «*Своме милом пријателу / Павлу Ровинском / 12.4.96. Симо / Цетињ*».

Шифр: XXVII₁ / б 594.

16. Томановић Л. Г. Руварац и Montenegrina. Ср. Карловци: српска манастирска штампарија, 1899. 120 с.

Первы лист обложки / титуљни лист: «*П. А. Ровинском / свом добром другу / Цетиње, 11–1–1900 / Писац*».

Шифр: XXVII₁ / б 583.

17. Цветић М. Душан: трагедија у пет чинова. Београд: штампано у штампарии краљевине Србије, 1889. 191 с.

Титуљни лист: «*Своме вис. п. и драгом / Павлу Аполоновићу Ровинском / на пријатељско сећање / Писац*».

На странице 111: «*Все глупо и мизерно!*» **Шифр: XXVII₁ / б 2368.**

18. Читанка за први разред. Основнијех школа / саст. Ћ. Поповић. Цетиње: Државна Штампарија, 1896. 78 с.

Первы лист обложки: «*Г^м П. А. Ровинском*».

Шифр: XXVII₁ / б 2563.

19. Читанка за четврти разред основнијех школа / сост. Ћ. Поповић. Цетиње: Државна Штампарија, 1897. 319 с.

Титуљни лист: «*Господину / Г-ну П. А. Ровинском*».

Шифр: XXVII₁ / б 2378.

Литература

Антовић Д. Био-библиографија Филипа Ј. Ковачевића // БОКА: Зборник радова из науке, културе и умјетности. 2003. Бр. 23. С. 317–327.

Душан Др., Мартиновић Ј. Портрети: био-библиографски преглед. Цетиње: Централна народна библиотека СР Црне Горе «Ђурђе Црнојевић», 1983. С. 143–144.

Комиссарова Е. В. Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук: этапы формирования, структура, пути использования: дис. ... канд. пед. наук. СПб.: БАН, 2000.

Маркуш Ј. Читанка у књажевини Црној Гори: Боже благослови српског Ђака [Електронный ресурс] // ИН4С [сайт]. URL: <http://www.spckotor.com/609-2019-02-24-07-39-43> (дата обращения: 30.11.2019).

- Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки / сост. М. В. Колмакова, Д. Ю. Чернышенко; отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб.: БАН, 2016.
- Хлебникова В. Б. П. А. Ровинский об уникальности черногорской истории // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 17–24.
- Шемякин А. Л. Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.

References

- Antović, D., 2003. Bio-bibliografija Filipa J. Kovačevića. In: *BOKA: Zbornik radova iz nauke, kulture i umjetnosti*, 23, pp. 317–327.
- Dušan, Dr., Martinović, J., 1983. *Portreti: bio-bibliografski pregled* [Portraits: A bio-bibliographic review. Cetinje: Central National Library of Montenegro “Đurđe Crnojević”]. Cetinje: Centralna narodna biblioteka SR Crne Gore “Đurđe Crnojević”, pp. 143–144.
- Komissarova, E.V., 2000. *Slavianskii fond Biblioteki Rossiiskoi Akademii Nauk: etapy formirovaniia, struktura, puti ispol'zovaniia: dis. ... kand. ped. nauk.* [Slavic Fund of the Library of the Russian Academy of Sciences: stages of formation, structure, ways of use: dis. ... cand. ped sciences. Saint Petersburg: БАН.
- Markuš, J., 2019. Čitanka u knjaževini Crnoj Gori: Bože blagoslovi srpskog đaka. *IN4S* [online]. URL: <http://www.spckotor.com/609-2019-02-24-07-39-43> (accessed: 30.11.2019.).
- Kolpakova, N.V., ed., 2016. *Polikhronii Agapievich Syrku (1855–1905): k 160-letiiu so dnia rozhdeniia: katalog vystavki* [Polikhroniy Agapievich Syrku (1855–1905): on the occasion of the 160th birthday: catalog of the exhibition]. Saint Petersburg: БАН.
- Hlebnikova, V.B., 2009. P.A. Rovinskii ob unikal'nosti chernogorskoii istorii. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 1, pp. 17–24.
- Shemiakin, A.L., 2017. Serbskie sochineniia P.A. Rovinskogo (pervichnoe osmyslenie i perspektivy issledovaniia). In: *Slavianovedenie*, 3, pp. 87–98.

**«ГДЕ ОСНОВАНИЕ НЕ ПОЛОЖЕНО,
ТАМ И СТРОИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ»:
РАССУЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕ
ГРАФА Г. К. КЕЙЗЕРЛИНГА О ДВОРЯНАХ ПОСОЛЬСТВА**

Ольга Владимировна Хаванова –
доктор исторических наук, заместитель
директора, ведущий научный сотрудник,
профессор РАН, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес:
austrian.centre.inslav@gmail.com

Аннотация

В статье публикуется источник из фондов Архива внешней политики Российской империи – датированное 1754 годом письмо российского посла в Вене графа Генриха Карла Кейзерлинга к вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову на немецком языке и перевод на русский язык, сделанный в Коллегии иностранных дел. В письме содержится ценная информация о принципах работы российской миссии в австрийской столице, приведены рассуждения посла о недостатках в подготовке молодых русских дворян (так называемых дворян посольства), направленных за границу, чтобы на практике набираться знаний и умений, необходимых на государственной службе. Дворяне посольства рекрутировались как из выходцев из знатнейших русских семей, так и из мелкого служилого дворянства. Если для первых пребывание за границей становилось формой путешествия с образовательными целями (*grand tour*), предполагавшего пребывание при иностранных дворах и социализацию в чужеземном придворном обществе перед получением назначения послом или посланником в одну из европейских стран, то для вторых служба за границей означала скачок по карьерной лестнице, вхождение в чиновничью элиту Российской империи. Кейзерлинг точно определяет проблему – несистематическое образование, отсутствие базовых знаний, служащих необходимым основанием для строительства успешной карьеры, и предлагает меры, которые правительство должно принять для повышения квалификации будущих дипломатов. В ответном письме вице-канцлер предложил использовать все методы обучения, включая знакомство с посольским архивом, чем фактически признал неспособность российской системы образования воспитывать грамотных дипломатов высшего и среднего звена со студенческой скамьи.

Ключевые слова

Дипломатическая корреспонденция, дворянство, подготовка к государственной службе

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2019 г.

“NO FUNDAMENT – NO BUILDING”: THE RUSSIAN AMBASSADOR IN VIENNA COUNT HEINRICH KEYSERLING ABOUT THE “GENTLEMEN OF THE EMBASSY”

Olga V. Khavanova

D. Sc., Deputy Director, Chief Leading
Researcher, Professor of the Russian Academy
of Sciences, Institute of Slavic Studies, Russian
Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow,
119334, Russia
E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

Abstract

This is a publication of a source from the funds of the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire – a private letter in German from 1754 written by the Russian Ambassador at Vienna, Count Heinrich Carl Keyserling, to Vice-Chancellor Count Mikhail Vorontsov and its translation into Russian from the Collegium of Foreign Affairs. The letter contains not only precious pieces of information on how the Russian mission in Vienna functioned, but also the Ambassador’s reflections on the shortcomings of the preparation of young Russian nobles, sent abroad to acquire practical knowledge and skills, for state service. Gentlemen were recruited both from the offspring of the most prominent families, and from lesser nobles living on their salaries. For the former, their stay abroad was a form of grand tour, a journey with educational goals which implied attending foreign courts and socialisation in a court milieu before appointment as ambassador or envoy to one European country or another; for the latter, on the other hand, serving abroad was a career leap, an entrance-ticket to the administrative elite of the Russian Empire. Keyserling properly defines the core problem – non-systematic education and a lack of basic knowledge indispensable for building up a successful career – and suggests measures which the government should introduce in order to improve the qualification of the future diplomats. In his response, the Vice-Chancellor suggested using all educational methods, including attending the Vienna mission archives, and thus apparently recognised that the Russian educational system was not ready to prepare skilled diplomats from the higher and middling echelons of society.

Keywords

Diplomatic correspondence, nobility, preparation for the state service

Received 4 November 2019.

Повсеместно в Европе раннего Нового времени отношение дворянства к необходимости приобщаться к знаниям, получать образование характеризовалось нежеланием сидеть за одной партой с простолюдинами и стремлением найти формы, имитировать которые было бы максимально трудно, если не невозможно тем, кто не относился к привилегированным сословиям. В ряду специфически дворянских форм образования можно назвать домашнее обучение под руководством одного или нескольких наставников¹, создание закрытых элитарных школ-пансионов и кадетских корпусов, выполнявших функцию не только передачи знаний, но и социализации в высшем или придворном обществе². Известно, что дворяне в Западной Европе, как правило, посещали университеты спорадически, непродолжительное время, не считали необходимым матрикулироваться (что затрудняет современным ученым подсчет доли дворян в числе студентов), крайне редко защищали дипломы и тем более диссертации³.

В России, как известно, приобщение дворянства к институциональным формам получения образования и требование к желающим поступить на государственную службу, обладать более широкими знаниями и навыками связывают с реформами Петра I. Процесс этот не был ни быстр, ни линеен. После смерти Петра передача полезных знаний, подкрепленных, говоря словами Г. Р. Державина о чуть более позднем периоде, «людскостью и некоторой розвязью в обращении»⁴, отработывалась на модели шляхетских корпусов⁵. В 1750-е годы, и это неслучайно совпало с основанием в Москве первого в России университета, и идеологи реформы образования (такие как И. И. Шувалов), и дворянские публицисты все настойчивее вели речь о необходимости коренных изменений в системе подготовки дворян к государственной

¹ Для Западной Европы см.: *Fertig L.* Die Hofmeister. Ein Beitrag zur Geschichte des Lehrerstandes und der bürgerlichen Intelligenz. Stuttgart: Metzler, 1979; Французский ежегодник 2011 г. Франкоязычные гувернеры в Европе. XVII–XIX вв. / под ред. А. Чудинова, В. Ржеуцкого. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011.

² *Motley M.* Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990.

³ Для германских земель см.: *Herrlitz H.-G.* Studium als Standesprivileg. Die Entstehung des Maturitätsproblem im 18. Jahrhundert. Lehrplan- und Gesellschaftsgeschichte Untersuchungen. Frankfurt a. M.: Athenäum-Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1973.

⁴ *Державин Г. Р.* Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. Цит. по: URL: http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0060-1.shtml (дата обращения: 15.10.2019).

⁵ См., например: *Федюкин И.* «От обоих истинное шляхетство»: Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. В. Федюкина, В. Береловича, при участии М. Б. Лавринович. М.: НЛЮ, 2018. С. 245–273.

службе, о радении об общественной пользе как главном устремлении благородного юношества⁶.

Середину XVIII в. немецкий историк Ян Кусбер довольно точно назвал «бессистемным движением вперед»⁷. С одной стороны, квалификация еще не сделалась главным фактором продвижения по служебной лестнице. Даже накануне публикации «Манифеста о вольности дворянства» (1762), как показала И. В. Фаизова, около трети служилых дворян (и примерно половина, если рассматривать сословие в целом) оставались неграмотными⁸. При этом обнаруживается зависимость между уровнем грамотности / образования и имущественным положением (социальным статусом). С другой стороны, по источникам прослеживается все больше примеров, когда слабое образование и недостаток знаний могли стать препятствием и помешать дальнейшей карьере. «Поскольку государство ожидало от своих должностных лиц определенного уровня подготовки, дворянство закономерно считало образование неотъемлемой частью своего служебного долга», – пишет Кусбер⁹.

Одной из специфически дворянских форм образования с петровских времен стало направление за границу на учебу или службу при дипломатических ведомствах. Дворяне посольства (*gentilshommes d'ambassade*), как называли таких практикантов, становились кадровым резервом: из отпрысков аристократических родов впоследствии рекрутировали послов, из мелких дворян – служащих для миссий. Достаточно обратиться к публикации К. А. Писаренко «“Скаски” елизаветинской России», в которой составитель собрал краткие автобиографии, написанные действующими российскими дипломатами в 1754–1756 гг. по особому распоряжению императрицы Елизаветы Петровны¹⁰. Выходит, что едва ли не каждый десятый начинал службу дворянином посольства: будущий канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) в 1712 г. по личному распоряжению Петра I отправился в Гаагу; к тому времени его брат

⁶ Киселев М., Лыцкова А. Вопросы дворянского воспитания и образования на страницах российских журналов (1755–1764) // Идеал воспитания дворянства в Европе. С. 154–180.

⁷ Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М.: РОССПЭН, 2018. С. 119.

⁸ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 99.

⁹ Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование. С. 115.

¹⁰ «Скаски» елизаветинской России / публ. К. А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 64–179. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/default.asp?feb/rosarc/raf/raf-0641.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Михаил (1688–1760), будущий полномочный министр при берлинском дворе и посол при дворе австрийском, уже несколько лет пребывал дворянином посольства при князе В. Л. Долгорукове в Копенгагене. Граф Захар Григорьевич Чернышев (1722–1784), которому в чине генерала предстояло обеспечивать взаимодействие российской и австрийской армий в годы Семилетней войны (1756–1763), в 1741–1744 гг. пребывал в Вене дворянином посольства при русском посланнике Людвиге Ланчинском (1680–1752)¹¹. Д. Н. Бантыш-Каменский писал об этом дипломате: «Под его руководством Чернышев обогатил ум свой разными познаниями, употребляя свободное время на усовершенствование себя в иностранных языках»¹². Дворянин Петр Петрович Курбатов (1710/1711–1786), сын дипломата петровской эпохи, прослужив несколько лет (1735–1739) дворянином посольства в Берлине при после Головкине, вернулся на родину, был переводчиком секретной экспедиции Коллегии иностранных дел (КИД), в 1753 г. получил чин надворного советника, прославился как переводчик Ж. Ф. Мармонтеля.

Елизавета Петровна продолжила практику, введенную ее отцом. Например, в протоколах КИД от 21 февраля 1752 г. говорилось: «Выбрать из шляхетских детей молодых, которые способны были для посылки к обретающимся при чужестранных дворах министрах человека по два к каждому в таком намерении, чтоб они будучи при них в делах и поведении министерских обучались и чтобы со временем ко определению в министерства годными быть могли»¹³. На момент написания приводимого ниже письма в Вене находились как минимум граф Алексей Семенович Мусин-Пушкин (1730–1817) – будущий посланник в Великобритании и Швеции, и дворянин, отставной капитан Павел Артемьевич Левашёв (1725/1726–1820) – дипломат и писатель, переводчик, познакомивший российского читателя с классическими иностранными трудами по теории и практике международных отношений¹⁴. Упомянутый в письме князь

¹¹ Подробнее см.: *Костяшов Ю. В.* Российский посланник в Вене Людвик Ланчинский (1721–1751) // Проблемы истории международных отношений в новое время / научн. ред. Ю. Е. Ивонин. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 150–158.

¹² *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 г. М.: Культура, 1991. Ч. 1–2. URL: <http://militera.lib.ru/bio/bantysh-kamensky/30.html#> (дата обращения: 19.10.2019).

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1752–1755. Д. 817. Протоколы о докладах КИД, прослушанных и утвержденных Елизаветой Петровной. Л. 2–2 об.

¹⁴ *Петрова М. А.* П. А. Левашёв и его сочинение «О первенстве и председательстве европейских государств и их послов и министров» // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 126–135.

Голицын, произведенный в секретари посольства, – это Сергей Михайлович (1727–1806), брат будущего вице-канцлера Александра Михайловича Голицына (1723–1827) и двоюродный брат российского посла в Вене Дмитрия Михайловича Голицына (1721–1793).

Ниже вниманию читателя предлагается документ, добавляющий новые краски как в изучение проблемы дворянского образования в XVIII в., так и в историю российских дипломатических миссий в Европе. Речь идет о личном письме российского посла в Вене курляндского графа на русской службе Германа Карла Кейзерлинга (1695–1764) к вице-канцлеру графу Михаилу Илларионовичу Воронцову (1714–1767), датированном 24 сентября (5 октября) 1754 г. Взволнованный тон письма позволяет сделать вывод о том, что посол столкнулся с непредвиденной ситуацией, обстоятельства которой не желал предавать огласке или выяснять позицию Коллегии иностранных дел официальным путем, в одной из реляций на имя канцлера А. П. Бестужева-Рюмина или даже самой императрицы.

Опытный дипломат был застигнут врасплох просьбой, а возможно, и требованием дворян посольства разрешить им беспрепятственно работать с бумагами, в том числе секретными, из архива российской миссии. Вероятно, скучающие молодые люди под предлогом постижения искусства дипломатии хотели развлечь себя чтением увлекательных и не подлежащих преданию огласке документов (копий реляций, инструкций, проектов договоров). Между тем они, поскольку в своем статусе практикантов не приносили клятвы, обязывавшей не разглашать служебных тайн, допуска к секретным материалам не имели¹⁵.

В самом деле, пребывание дворян посольства при российских дипмиссиях было специфической формой «путешествия с образовательными целями», более скромной версией классического *grand tour* раннего Нового времени, посильного только знатым и состоятельным родам, предполагавшего появление при иностранном дворе, овладение этикетом, социализацию в чужестранной придворной среде. Для мелких же дворян служба в российской миссии часто заменяла учебу в университете: им на практике приходилось постигать все то, что, по мнению Кейзерлинга, как видно из публикуемого донесения, следовало бы изучать до попадания за границу.

О том, что императрица и ее министры желали доподлинно знать, с пользой ли молодые аристократы и дворяне проводят время, свидетельствует запрос Коллегии иностранных дел 1753 г., на который Кейзерлинг дал развернутый и в целом неутешительный ответ, суть которого сводилась

¹⁵ Об этом эпизоде см.: *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2012. С. 76.

к тому, что церемониал венского двора оставляет мало пространства для социализации молодых людей, к каким бы блистательным семействам Российской империи они ни принадлежали, стоящих пока на самых низших ступенях придворной иерархии. Им обычно дозволялось присутствовать лишь во внешних покоях, а затем двери перед ними закрывались, чтобы высородное общество имело возможность непринужденного общения среди равных. Кейзерлинг писал императрице: «В камеру совету толко одне главные придворные чины, государственные советники, камергеры и чужестранные министры имеют право входить, а дворяне посолства остаются в сих двух антикамерах»¹⁶.

По признанию Кейзерлинга, одним из полезных развлечений могли бы служить походы в театр, но бесплатные представления при дворе были редкостью, а для посещения спектаклей, организуемых венскими антрепренерами за плату, у молодых людей попросту не было денег¹⁷. Скучность содержания – один из повторяющихся мотивов официальных реляций: неслучайно любое событие при дворе, требовавшее особой формы одежды, будь то траур или торжества по случаю бракосочетания наследника престола, требовали затрат, покрывать которые удавалось месяцами жесткой экономии или субсидиями, испрошенными у начальства. В 1761 г. Кейзерлинг хлопотал перед вице-канцлером: «Ваше сиятельство соизволили в некотором из писем ваших ко мне милостивейше отозваться, что Вы Ея Императорскому Величеству всемилостивейшей нашей самодержце докладывали, не соизволено ль будет Ея Величеству здешнюю посольскую свиту какою-либо суммою пожаловать, из которой бы нажитые при помянутом торжестве долги заплатить можно было»¹⁸.

Все эти подробности повседневной жизни младшего посольского персонала отчасти объясняют желание молодых людей чем-то себя занять, например, чтением реляций и инструкций. Однако помимо чисто протокольной коллизии письмо Кейзерлинга содержит не просто конструктивную критику, но и своеобразный диагноз, поставленный дипломатом российской (и шире – европейской) системе дворянского образования. Практика, оправдывавшая себя в начале XVIII в., дававшая прекрасные результаты в виде десятков успешных посольских карьер, кажется устаревшей и недостаточной в середине столетия, когда культурно-образовательная

¹⁶ АВП РИ. Ф. 32: Сношения с Австрией. Оп. 32/1. 1754. Д. 5. Л. 221 об. Г. К. Кейзерлинг – Елизавете I, Вена, 4 (25) мая 1754 г.

¹⁷ Там же. Л. 222 об.

¹⁸ Там же. 1761. Д. 5. Л. 40. Г. К. Кейзерлинг – М. И. Воронцову, Вена, 31 января (11 февраля) 1761 г.

интеграция России в Европу достигла известных успехов, в стране множились число гражданских и военных специализированных учебных заведений для дворян, а отправка сыновей не просто в путешествие, но на учебу за границу становилась¹⁹ все более распространенной практикой. Однако усложнение системы международных отношений, заключение и пересмотр двусторонних и многосторонних договоров, все более тесные торгово-экономические связи между европейскими державами вели к усложнению обязанностей дипломата, повышению требований к знаниям, навыкам и компетенциям.

В ответном письме вице-канцлер согласился с Кейзерлингом в главном: «Я совершенно с Вашим Сиятельством в том согласуюсь, что такие молодые люди, которые со временем к делам определены быть имеют, к обучению потребных к тому наук, языков и прочего наперед время свое употребить и добрые основания тому положить должны, прежде нежели они в правление дел вступят, и к тому употреблены быть могут»²⁰. Но общий примирительный тон письма свидетельствовал о том, что Коллегия иностранных дел все-таки рассматривала службу дворян посольства в качестве своеобразного университета, где молодые люди – отпрыски аристократических родов и сыновья скромных дворян – получали наставление «в министерских делах, в политическом обхождении и во всем том, что такого молодого человека со временем к императорской службе как внутри, так и вне государства способным учить могло»²¹. Что же до проникновения в святая святых посольского архива, склонный к компромиссам Воронцов и тут нашел простой и логичный выход: «тайные дела от прочих дел, кои до тех тайностей не принадлежат, отделить и по-прежнему тайно хранить», а «посольства дворянам только тайностям и сумнениям не подлежащие дела в архиве просматривать дозволить можно»²².

Проблема, поднятая в письме Кейзерлинга, не имела быстрого решения. Достоинно внимания то, сколь точно дипломат поставил диагноз существовавшей в середине XVIII в. в России (и в Европе в целом) проблеме: «Где основание не положено, там и строиться нельзя». XVIII столетие прошло в поисках организационных форм и содержания образования для дворян: от гимназии пастора Глюка, куда принимались в обучение не только дворяне, но и дети дьяков и купцов, до Московского университетского благородного

¹⁹ Там же.

²⁰ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1754. Д. 5. Л. 223 об. М. И. Воронцов – Г. К. Кейзерлингу, Санкт-Петербург, 29 октября 1754 г.

²¹ Там же. Л. 224.

²² Там же. Л. 225.

пансиона. Прошло без малого полвека с того времени, прежде чем в России открылся Царскосельский лицей²³, в котором были заложены основания для строительства не одной, в том числе дипломатической, карьеры. В целом же дворянство получало необходимые для службы знания вне университетских стен, оберегая свой привилегированный статус в том числе через приверженность к элитарным формам образования²⁴.

Г. К. Кейзерлинг – М. И. Воронцову, Вена, 24 сентября (5 октября) 1754 г.

Л. 377

Получено 13 окт.

Hochgebohrener Graf,
Höchstzuehrender Herr Vice-ReichsCanzler,
Würcklicher Genheimer Rath und Ritter,

Es haben die bey mir befindliche Gentils' hommes d'Ambassade angesehet, damit ihnen verstattet werden möchte, das hiesige Gesandtschafts-Archiv durchzusehen, und ihr Verlangen gehet so weit, daß es scheint, als ob sie glaubten, es geschähe ihnen Unrecht wann sie nicht daßelbe völlig in die Hände bekähmen. Da aber unter hiesigen Schriften sich vieles befindet, so ad *arcana negociaciorum* gehöret, worüber nur solche pflegen gelaßen zu werden, die durch absonderliche Eydleistung, wie noch neulichst mit dem Knes Galiczin bey seiner Bestellung als Legations-Secretaire geschehen, zum Geheimniß und getreuer Bewahrung der Schriften verbunden werden; So habe Bedenken getragen, ohne einen Speciellen Befehl abgedachten Gentils-hommes d'Ambassade, die verlangte freye Hand zu geben. Dahero obgleich an ihrer Treue keinen [Л. 377об.] Zweifel trage, indeßen doch wünschte unterrichtet zu seyn, ob ihnen diese Freyheit verstattet werden solle, oder nicht, welcher Unterricht mir dann von Euer Excellence hiermittelst gehorsambst ausbitte.

In denen Rescriptis, mit welchen sie an mich gewiesen worden, sind die Befehle, daß sie in denen Ministerial-Affaires im Umgang und in denen bey mir vorfallenden Verschickungen an das Ministerium zu gebrauchen wären, damit sie sich mit der Zeit zu Kayserlichen Diensten sowohl im Lande, als außer

²³ Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы, 1811–1843. СПб.: типография В. Ф. Киришаума, 1911.

²⁴ См., напр.: Лер С. Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (семейства Голицыных и Апраксиных в 1780–1812 гг.) // *Questio Rossica*. 2015. № 2. С. 158–171. DOI 10.15826/qr.2015.2.102. Ср.: Cerman I. Habsburgischer Adel und Aufklärung. Bildungsverhalten des Wiener Hofadels im 18. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010.

Landes habitiren möchten. So wie darin eine wahre Gemüths-Vergnügung suche, zum Wachstum in der Geschicklichkeit, um des Erkenntnißes, denen die bey mir sind, möglichst beizutragen, so habe es auch an gutem Raht, Vorschläge, Darreichung dienlicher Hülfsmittel, Antrag meines Bücher-Vorrahts zum nützlichen Gebrauch, dahier nicht fehlen laßen. Ich fand gleich anfangs, und finde noch dieses, als eine unumgängliche Nohtwendigkeit, daß sich gedachte Gentils' hommes d'Ambassade zuvor etwas mehr vorbereiten, um in Affaires gebraucht zu werden, indem hierzu die Kenntniß der Sprache, die erforderliche Stärke im Canzley-Stylo, die Geschicklichkeit eines mündlichen Vortrags. vorausgesetzt wird, weil sonst nicht allein bey ihren Verschickungen [Jl.378] viel mangelhaftes, sondern auch in schriftlichen Ausarbeitungen viel unbrauchbares vorkommen würde. Eine fleißige Application auf solche Vorbereitung würde sie in den Stand gesetzt haben, in welchen zu kommen, sie anhero geschicket worden; ohne die Arcana vergangener Zeiten durchzugehen, da selbige weder zu ihrer Praeparation zum künftigen Dienst, noch zu einigem Lust in gegenwärtigen Sachen was beytragen sondern bloß eine Neugierigkeit vergnügen könnten. Denn wer sich geschickt zur Feder machen will, muß die Feder selbst ansetzen das bloße Lesen der Rescripten und Relationen kann es vor sich nicht zuwebringen.

In der That sehe ich nicht, wie diejenige die nicht das Nohtwendige in humanioribus erlernt, und die Anfangs-Gründe zur Staats-Klugheit nicht gefaßet, bey denen Gesandtschaften, der Absicht gemäß geschickter werden können. Wo kein Grund geleyet ist, da läßt sich auch wenig bauen, und es ist unmöglich, daß Jemand in denen Geschäften fortkommen kann, wenn er desjenigen unkündig, was zur Regel dienen muß. Es wäre daher zu wünschen, daß es allerhöchst gefallen möchte, diejenige, die man zu den Affaires bestimmt, auf Universitäten zu schicken, und einige Jahr lang da selbst die Sprachen, den Stylum die Staats-Kunde, das verschiedene interesse der Höfe, ihre Stärke, ihre [Jl. 378 об.] Schwäche so viel solches aus Politischen Principiis zu erörtern, lernen zu laßen; Wie solches schon Kayser Peter der Große, glorwürdigsten Andenkens, vor nohtwendig geachtet, und auch würcklich veranstaltet.

Wenn sie dergestalt genugsam zubereitet, und folglich systematischer zu denken fähig worden, alsdann erst weder sie bey den Gesandtschaften, in der Geschicklichkeit zu Ministerialischen Affaires, es desto weiter bringen, und sich desto mehr zum Dienst qualificirt machen können.

Euer Excellence geruhen die Freyheit dieser meiner Gedanken zu entschuldigen, sie rühren aus einem wahren Eyfer vor Ihro Majestät und des Reichsdienst und Nutzen her, welches zu befördern, der einige Gegenstand meiner Wünsche und meiner Bestrebungen ist.

Ich bin mit ersinnlichster Hochachtung
 Euer Excellence gehorsamst-ergebenster Diener G. von Kayserling
 Wien den 24ten Sept. / 5ten October 1754
 Herrn Vice-Kanzler Gr. Voronzow
Переведено

Л. 379

Перевод с письма к его сиятельству вице канцлеру от посла графа Кейзерлинга из Вены от 4 сентября / 5 октября полученного в „13“ день октября 1754 года

По титуле

Обретающиеся при мне дворяне посольства просили меня о позволении, чтоб здешней посольской архив им пересмотреть, их желание толь далеко простирается, что видно, будто они такого мнения были б, что им небезизобидно, когда они такого архива в руки не получают, но понеже между здешними письмами много тайн находится, кои до секретных переговоров принадлежат, к которым токмо такие люди допущены бывают, которые особливою присягою (как то недавно с князем Голицыным при определении его секретарем посольства учинено) [Л. 379 об.] к тайному и верному хранению писем обязаны, того ради не без сумнения мне было, без особенного указа помянутым дворянам посольства желанное к тому позволение дать, и хотя о верности их никакого сомнения я не имею, однакож желаю уведомления о том, надобно ль сие позволение дать или нет, котораго уведомления от Вашего сиятельства сим покорнейше себе испрашиваю.

В рескриптах, с которыми они ко мне присланы, поведено, чтоб их в министерских делах, во обхождениях, и в случающихся у меня посылках к министерству, употреблять, дабы они со временем к императорской службе, как в государстве, так и вне онаго достойными себя [Л. 380] учинить могли. И яко я за истинное удовольствие себе поставляю, в приращении искусства и в познании дел, обретающимся при мне возможнейше способствовать; и тако я добрым советом, наставлениями, подаванием удобных способов, и представлением запасных моих книг к полезному оных употреблению, здесь им вспомоществовать не преминул. Но в самом начале изобрел я да и ныне еще сие за самую необходимость нахожу, что б помянутые дворяне посольства для употребления их в делах наперед по более себя приутоновили, ибо к тому знание языка, надлежащая сила в канцелярском штиле и искусство словесного предложения, предварительно [Л. 380 об] потребны, инако же не токмо при их посылках много погрешностей, но и в писменных сочинениях много негодного случится

могло б. А прилежное рачение к сему приуготовлению их в такое состояние привело бы, к достижению котораго они сюда присланы, и без всякого пересмотрения секретов прошлых времен, ибо оные ни к приуготовлению их к предбудущей службе, ни же х какому объяснению нынешних дел, способствовать не могут, но единственно токмо любопытству удовольствие учинят, ибо кто к писанию искусным себя учинять хочет, тому надобно и за перо прилежно принимается, а одно чтение рескриптов и реляцей [Л. 381] ничего полезного произнестъ не может.

Подленно того я не предусматриваю, что б те, кои нужного обхождения в светском поведении не обучились, и начальных правил к статским делам не поняли, при посолствах, по намерению, искуснее быть могли.

Где основание не положено, там и строитца нелзя, и так невозможно, чтоб в делах кому предупевать, когда он того не знает, что правилом тому служить имеет. Чего ради желателно было б, ежели бы всевысочайше соизволено быть могло, определенных к делам, в университеты послать, и несколько лет там языкам, складу, статским делам и познанию разных интересов дворов, их силы, и слабости (поелику то и с политических основаней [Л. 381 об] понятно, обучатся велеть, как сие уже императором Петром Великим достославнейшия памяти за необходимо признано, и действительно определено было.

Когда же они таким образом довольно приуготовлены, и следовательно о системах потверже разсуждать в состоянии будут, тогда уже они при посолствах в искусстве к министерским делам вящее утвердится и толь лутче к службе себя достойными учинить могут.

Ваше сиятельство, да благоволите смелость сего моего мнения извинить, которое от истинной ревности к Ея Императорского Величества [Л. 382] и государственной службе и ползе происходит, коих поспешествование единым предметом моих желаней и раденей есть.

Кейзерлинг

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 32: Сношения с Австрией. Оп. 1. 1754. Д. 5. Л. 379–382.

Литература

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.

Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2012.

- Киселев М., Лыцова А.* Вопросы дворянского воспитания и образования на страницах российских журналов (1755–1764) // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. В. Федюкина, В. Береловича, при участии М. Б. Лавринович. М.: НЛЮ, 2018. С. 154–180.
- Костяшов Ю. В.* Российский посланник в Вене Людвик Ланчинский (1721–1751) // Проблемы истории международных отношений в Новое время / научн. ред. Ю. Е. Ивонин. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 150–158.
- Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М.: РОССПЭН, 2018.
- Лер С.* Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (семейства Голицыных и Апраксиных в 1780–1812 гг.) // *Questio Rossica*. 2015. № 2. С. 158–171. DOI 10.15826/qr.2015.2.102.
- Петрова М. А. П. А.* Левашёв и его сочинение «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров» // *Вопросы истории*. 2017. № 4. С. 126–135.
- Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999.
- Федюкин И.* «От обоих истинное шляхетство»: Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. В. Федюкина, В. Береловича, при участии М. Б. Лавринович. М.: НЛЮ, 2018. С. 245–273.
- Французский ежегодник 2011 г.* Франкоязычные гувернеры в Европе. XVII–XIX вв. / под ред. А. Чудинова, В. Ржеуцкого. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011.
- Cerman I.* Habsburgischer Adel und Aufklärung. Bildungsverhalten des Wiener Hofadels im 18. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010.
- Fertig L.* Die Hofmeister. Ein Beitrag zur Geschichte des Lehrerstandes und der bürgerlichen Intelligenz. Stuttgart: Metzler, 1979.
- Herrlitz H.-G.* Studium als Standesprivileg. Die Entstehung des Maturitätsproblem im 18. Jahrhundert. Lehrplan- und Gesellschaftsgeschichte Untersuchungen. Frankfurt a. M.: Athenäum-Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1973.
- Motley M.* *Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715.* Princeton (NJ): Princeton University Press, 1990.

References

- Andreev, A. Iu., 2005. *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh 18 – pervoi poloviny 19 veka* [Russian students in German universities from the eighteenth to the first half of the nineteenth centuries]. Moscow: Znak.
- Anisimov, M. Iu., 2012 *Rossiiskaia diplomatiia v Evrope v seredine 18 veka* [Russian diplomacy in Europe in the middle of the eighteenth century]. Moscow: Tovarishchestvo nauch. izd. KMK.

- Cerman, I., 2010. *Habsburgischer Adel und Aufklärung. Bildungsverhalten des Wiener Hofadels im 18. Jahrhundert*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Chudinov, A., Rjéoutski, V., eds, 2011. *Frantsuzskii ezhegodnik 2011 g. Frankoiazychnye guvernery v Evrope. 17–19 vv.* [French Yearbook. French-speaking family tutors in Europe. From the seventeenth to the nineteenth century]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN.
- Faizova, I.V., 1999. “*Manifest o vol’nosti” i sluzhba dvorianstva v 18 stoletii* [The Manifesto on the Freedoms of the Nobility and noble service in the eighteenth century]. Moscow: Nauka.
- Fediukin, I., 2018. “*Ot oboikh istinnoe shliakhetstvo*”: Sukhoputnyi shliakhetnyi kadetskii korpus i konstruirovaniye poslepetrovskoi elity, 1731–1762 [“The true nobility from both”: The Land Cadet Corps and the construction of the post-Petrine elite, 1731–1762]. In: Rjéoutski, V.S., Fediukin, I.V., Berelovich, V., Lavrinovich, M.B., eds, 2018. *Ideal vospitaniia dvorianstva v Evrope: 17–19 veka* [The ideal of education of the nobility in Europe: from the seventieth to the nineteenth century]. Moscow: NLO, pp. 245–273.
- Fertig, L., 1979. *Die Hofmeister. Ein Beitrag zur Geschichte des Lehrerstandes und der bürgerlichen Intelligenz*. Stuttgart: Metzler.
- Herrlitz, H.-G., 1973. *Studium als Standesprivileg. Die Entstehung des Maturitätsproblems im 18. Jahrhundert. Lehrplan- und Gesellschaftsgeschichte Untersuchungen*. Frankfurt a. M.: Athenäum-Fischer-Taschenbuch-Verlag.
- Kiselev, M., Lystsova, A., 2018. *Voprosy dvorianskogo vospitaniia i obrazovaniia na stranitsakh rossiiskikh zhurnalov (1755–1764)* [The issues of noble upbringing and education on the pages of Russian journals (1755–1764)]. In: Rjéoutski, V.S., Fediukin, I.V., Berelovich, V., Lavrinovich, M.B., eds, 2018. *Ideal vospitaniia dvorianstva v Evrope: 17–19 veka* [The ideal of education of the nobility in Europe: from the seventieth to the nineteenth century]. Moscow: NLO, pp. 154–180.
- Kostiashov, Iu.V., 2002. *Rossiiskii poslannik v Vene Lyudvik Łanczyński (1721–1751)* [The Russian envoy in Vienna Ludwyk Łanczyński (1721–1751)]. In: Ivonin, Iu.E., ed., 2002. *Problemy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v novoe vremia* [Problems of the history of international relations in the Modern time]. Smolensk: SGPU, pp. 150–158.
- Kusber, Ia., 2018. *Vospitanie elit i narodnoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii 18 – pervoi poloviny 19 veka. Diskurs, zakonodatel’stvo, real’nost’* [Education of elites and popular education in the Russian Empire from the eighteenth to the first half of the nineteenth century. Discourse, legislation, reality]. M.: ROSSPĖN, 2018.
- Lehr, S., 2015. *Vospitanie rossiiskogo dvorianstva: ot praktiki obrazovatel’nykh puteshestvii v Zapadnuiu Evropu k natsional’nym korniam kul’tury (semeistva Golitsynykh i Apraksynykh v 1780–1812 gg.)* [Educating Russian aristocratic youth: From the grand tour to the discovery of national roots (the families of Golitsyn and Apraksin, 1780–1812)]. *Questio Rossica*. 2015, 2, pp. 158–171. DOI 10.15826/qr.2015.2.102.
- Motley, M., 1990. *Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715*. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Petrova, M.A., 2017. *P.A. Levashev i ego sochinenie “O pervenstve i predsedatel’stve evropeiskikh gosudarei i ikh poslov i ministrov”* [P.A. Levashev and his treatise “On the primacy and chairmanship of European monarchs and their ambassadors and ministers”]. *Voprosy istorii*, 4, pp. 126–135.

«КОГДА У МЕНЯ ОТНЯЛИ ИМЯ»: ОБ ОДНОМ БОЛГАРСКО-ТУРЕЦКОМ НАУЧНОМ ПРОЕКТЕ *

Наталья Александровна Лунькова –
младший научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru

Аннотация

В рецензии рассматривается одно из исследований в области изучения мультикультурных сообществ в Балканском макрорегионе – совместный болгарско-турецкий проект «Идентичность и ассимиляция», реализованный Институтом литературы Болгарской академии наук и Университетом «Гази» (Анкара, Турция) под руководством доцента Вихрена Чернокожева и профессора Зейнеп Зафер. Одним из результатов этого проекта стала антология «Когда у меня отняли имя. “Возродительный процесс” в 70–80-е годы XX в. в литературе мусульманской общности» (2014), которую составили художественные и документальные произведения более 30 авторов, чья жизнь и творчество оказались непосредственно связаны с «возродительным процессом» в Болгарии 1980-х годов. Большинство текстов – переводы с турецкого языка на болгарский, однако есть поэзия и проза, изначально созданные на болгарском. Многие прозаические и стихотворные произведения сопровождаются примечаниями, поясняющими реалии турецкой культуры, некоторые исторические факты; в конце сборника приведены биографические сведения о каждом из авторов и список их произведений, вышедших на болгарском и турецком языках. Публикация книги «Когда у меня отняли имя» вызвала резонанс в болгарском обществе: она одновременно встретила восторженное одобрение и подверглась нападкам со стороны болгарских националистов. Полученные диаметрально противоположные оценки подтверждают мысль о высоком межэтническом напряжении, характеризующем современное болгарское общество. Среди основных причин обращения к данному периоду болгарской культуры выделяются насильственное исключение представителей мусульманской общности из социокультурного и литературного контекста Болгарии в связи с политическими обстоятельствами. Изучение наследия мусульманских

* Работа проводилась в рамках проекта Института славяноведения РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018–2020 гг. Президиума РАН объединенного проекта «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России».

поэтов и прозаиков направлено на определение специфики антитоталитарной литературы Болгарии эпохи социализма.

Ключевые слова

Болгарская литература, межкультурная коммуникация, «возродительный процесс», литература мусульманской общности

Статья поступила 2 декабря 2019 г.

WHEN THEY TOOK AWAY MY NAME: ON A PIECE OF BULGARIAN-TURKISH SCHOLARLY RESEARCH

Natalia A. Lunkova

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospekt 32A, Moscow,
119334, Russia

E-mail: lunkova_n@mail.ru

Abstract

This review examines one of the research studies on multicultural communities in the Balkan macroregion – the Bulgarian-Turkish project “Identity and Assimilation”, implemented between the Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences and Gazi University (Ankara, Turkey) under the supervision of Associate Professor Vikhren Chernokozhev and Professor Zeynep Zafer. One of the results of this project is the anthology *When They Took Away My Name*. “The Revival Process” in the 1970–80s in the literature of the Muslim community (2014), which is composed of fiction and documentary works of more than thirty authors, whose life and work were directly related to the “revival process” in Bulgaria in the 1980s. Most texts are translations from Turkish into Bulgarian, however there are pieces of poetry and prose originally created in Bulgarian. Much of the prose and poetry are accompanied by notes explaining the realities of Turkish culture and some historical facts. At the end of the collection, there is biographical information about each of the authors and a list of their works published in Bulgarian and Turkish. The publication of the book *When They Took Away My Name* caused a stir in Bulgarian society: it met with enthusiastic approval from some and was attacked by Bulgarian nationalists. The diametrically opposed views confirm the idea of the high interethnic tension that characterizes modern Bulgarian society. Among the main reasons for turning to this period of Bulgarian culture is to highlight the forcible exclusion of representatives of the Muslim community from the sociocultural and literary context of Bulgaria due to political circumstances. The study of the heritage of Muslim poets and prose writers is aimed at determining the specifics of the anti-totalitarian literature of Bulgaria in the era of socialism.

Keywords

Bulgarian literature, intercultural communication, the “revival process”, literature of the Muslim community

Received 2 December 2019.

Интерес современных ученых-балканистов к проблемам мультикультурных, полиэтнических, многоконфессиональных сообществ не подлежит сомнению¹. Одной из значительных инициатив по изучению сосуществования культур в Балканском макрорегионе стал совместный болгарско-турецкий проект «Идентичность и ассимиляция», который был реализован Институтом литературы Болгарской академии наук и Университетом «Гази» (Анкара, Турция) под руководством доцента Вихрена Чернокожева и профессора Зейнеп Зафер. В рамках этого проекта в 2015 г. была издана антология «Когда у меня отняли имя. “Возродительный процесс” в 70–80-е годы XX в. в литературе мусульманской общности». В нее вошли воспоминания и художественные произведения более 30 авторов, непосредственных участников «возродительного процесса» в Болгарии. Среди них – Реджеб Кюпчю, Ибрахим Камбероглу, Сабахаттин Байрамёз, Хасан Оджаклы, Нури Тургут Адалы, Хашим Акиф, Осман Азиз, Невзат Якуб Дениз, Мехмед Хасанов Карахюсеинов, Мехмед Алев Коджамустафа, Ахмед Шериф Шерифли, Али Дурмуш, Ахмед Тюркай, Ахмед Тымыш, Юсуф Керим, Ахмед Юджетюрк и др. Составители снабдили тексты примечаниями, поясняющими реалии турецкой культуры и некоторые исторические факты. В сборнике приведены биографические сведения о каждом из авторов и библиография их произведений, вышедших на болгарском и турецком языках.

Первая часть книги, имеющая подзаголовок «Когда смысл прошлого и будущего исчез...», включает в себя 108 стихотворений: подавляющее большинство было переведено с турецкого языка (16 – самими авторами и 74 – Зейнеп Зафер), и лишь 18 были написаны на болгарском языке (речь идет о представленных в сборнике поэтических текстах Мехмеда Хасанова Карахюсеинова, Реджеба Кюпчю, его сына Эрдинча Кюпчю, Свилена Капсызова (Кяшифа Ахмедова Капсызова) и Фикри Шукриева).

Во второй части («Первым делом они заковали наши мысли») собраны дневниковые записи, небольшие рассказы, фрагменты из более крупных прозаических произведений (в частности, из знаменитого романа «Высохшие реки» С. Капсызова, писателя-помака, который был «одним из первых примеров того, что свобода не дается даром, что за настоящую свободу платят кровью»²). Обращают на себя внимание и полные экзистенциальной рефлексии «Письма из Дома мучений» Юмера Османа

¹ См. в частности: *Woodward S. L. Balkan Tragedy: chaos and dissolution after the Cold War.* Washington D. C.: Brookings Institution, 1995; Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014; Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Балканские чтения. 15) и другие исследования, посвященные вопросам межъязыковой и межкультурной коммуникации на Балканском полуострове.

² *Сугарев Е.* Реквием за нашата памет. 20 години от гибелта на Свилен Капсызов // Литературен вестник. Год. 21. 7–13.11.2012. Бр. 36. С. 1.

Эрендорука: написанные на болгарском языке во время тюремного заключения в 1980-е годы, они были переведены автором на турецкий и изданы в 2007 г. (*Istiraphaneden Mektuplar*). Наследники Эрендорука передали составителям антологии письма из его личного архива, чтобы они стали доступны и болгарскому читателю. В переводах текстов второй части книги, помимо З. Зафер, приняли участие А. Делихюсеинова и А. Гавазова; фрагмент воспоминаний Ахмеда Юджетюрка из его книги «Зло забыть нельзя» опубликован в авторском переводе; написаны и изданы на болгарском уже упомянутые нами отрывки из романа Капсызова и избранные письма Эрендорука, а также фрагменты книг Азиза Азизоглу «Эпопея “Ябланово”» и «“Возродительный процесс” как комедия дель арте», в которых приведены документальные свидетельства и рассказы пострадавших от насильственной болгаризации.

«Они записали нас под какими-то именами, которые им нравились, и конец...» – третья часть антологии, в нее вошли отрывки из дневника «Прощание некстати» Мехмеда Алева Коджамустафы, «Автобиография» Ибрахима Имама и тексты из сборника «Горькие рассказы. Их правда о “возродительном процессе”» (под редакцией Сенем Кондаревой). Рассказы очевидцев были записаны Али Авдиковым в Благоевграде в 2003 г. и снабжены, по выражению составителей, «диалектным словарем» – пояснительными сносками (в основном в отношении религиозных реалий) и переводом отдельных слов на современный болгарский литературный язык.

Заключительную главу книги («Что нам было труднее: смеяться или плакать?») составили зачастую не столько смешные, сколько горькие «анекдоты» С. Байрамёза, Ю. О. Эрендорука, А. Азизоглу, Н. Алтынока, стихотворение Хайрие Йозгюр «Взяла я в руки верное перо...», существующее и в виде песни, «записанной на кассету в 1990 г.», – этот текст, по словам З. Зафер, «не был напечатан до сих пор даже на турецком языке и на болгарском публикуется впервые»³, народные песни и маане – распространенный вид турецкого устного народного творчества. В случае с литературой о «возродительном процессе» представляется интересным факт обогащения и модификации национального мифа с помощью создания и распространения новых маане. Так, в частности, составители антологии отмечают, что четверостишиям Х. Йозгюр близки тексты песен, «которые устно распространялись женщинами и дополнялись новыми четверостишиями»⁴, становясь народными.

³ Когато ми отнеха името. «Възродителният процес» през 70-те – 80-те години на XX век в литературата на мюсюлманските общности / съст. З. Зафер, В. Чернокожев. София: Изток-Запад, 2015. С. 429.

⁴ Там же. С. 436.

Для большинства текстов, составивших антологию, главной является проблема утраты, трансформации я- и мы-идентичности. Так, в стихотворении Сабахаттина Байрамёза «Когда у меня отняли имя», давшем название всей книге, метафорически воплощена деградация человека, насильственно лишённого имени и родного языка. Лирический герой последовательно теряет зрение, тайны и следы шагов; для него исчезает «смысл прошлого и будущего», ибо становится непонятно, «на чьем языке плакать, на чьем – смеяться». Его национальную гордость превратили в стыд, «голос арестовали на улице»⁵.

Мемуары и художественные произведения мусульманских писателей, пострадавших в ходе «возродительного процесса», производят тем более сильное впечатление, что в течение длительного времени они не были доступны болгарскому читателю. Реакция на выход антологии оказалась неоднозначной: причины следует искать в социокультурной и политической ситуации, сложившейся в Болгарии еще в 1980-е годы, когда стало очевидно, что многие национально-культурные, религиозные ценности (в первую очередь исламские) с трудом поддаются нивелированию в условиях социалистического строя.

В период проводившейся в 1984–1985 гг. государственной политики болгаризации, целью которой было формирование «моноэтничного» социума, представители мусульманской общности подверглись насильственной ассимиляции, так что их культурная идентичность оказалась под угрозой. Суть понятия «процесс возрождения» в контексте коммунистической доктрины НРБ заключалась в том, что проживавшие на территории страны турки объявлялись этническими болгарами, которые во времена османского владычества приняли ислам, – утверждалось, что теперь пришла пора пробудить у них «исконное» болгарское национальное самосознание. В статье «Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.)» Е. Л. Валева называет «политической авантюрой» попытку болгарского лидера Тодора Живкова «пойти по пути насильственной ассимиляции крупнейшего нацменьшинства в стране, отняв у турок имена и заменив их на другие, запретив им говорить в общественных местах на родном языке, носить национальную одежду, отмечать религиозные праздники, соблюдать обычаи, ритуалы и традиции и при этом верить, что эта политика может быть успешной, то есть принятой жертвами тех, против которых направлена»⁶. Существенными

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Валева Е. Л. Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.) // Славянский альманах 2013. М.: Индрик, 2014. С. 293.

факторами, оказавшими влияние на политику БКП по отношению к болгарским туркам, явились высокие темпы прироста населения, исповедовавшего ислам, а также активное приобщение цыганского населения и помаков (болгар-мусульман, принявших ислам во времена турецкого завоевания) к турецкой культуре и обычаям. По информации Г. Танева, первого секретаря областного комитета БКП в г. Кырджали, где в 1980-х годах плотность турецкого населения оказалась наибольшей, для региона было характерно «сильно выраженное турецкое национальное сознание, проявившееся прежде всего в болезненной пристрастии к языку, традициям и обычаям, <...> несущим отпечаток исламской религии. [Они – *Н.Л.*] являются одним из основных факторов отчуждения болгарских турок»⁷. Смена «неболгарских имен», являвшихся «эффективным символом этнического и религиозного различия»⁸, сопровождалась массовыми арестами и задержаниями; сопротивление турецкого населения принимало форму масштабных акций протеста и терактов. Насильственное «возрождение» болгарского самосознания в конечном счете способствовало созданию первого диссидентского объединения в Болгарии – «Независимого общества по защите прав человека», которое возглавили представители мусульманской общины. Кульминация протестов болгар-мусульман против принудительной ассимиляции пришлась на май 1989 г. Вскоре Т. Живков обратился к болгарскому населению с речью, в которой напрямую призвал тех, кто не считает Болгарию своей родиной, покинуть страну. Летом 1989 г. из Болгарии эмигрировали более 350 тыс. человек. Турецкое правительство, не ожидавшее такого количества переселенцев, уже в августе закрыло границу. Массовые протесты и консолидация оппозиции, безусловно, ускорили падение режима Живкова в ноябре 1989 г. и обусловили пересмотр политики в отношении болгар-мусульман (в конечном счете около 150 тыс. беженцев были вынуждены вернуться на родину). Тем не менее межнациональное напряжение оставалось высоким, особенно в этнически смешанных районах. Отрицательное влияние «возродительного процесса» на болгарское общество очевидно: обострились отношения между представителями разных религиозных конфессий и национальностей. Такая ситуация сохраняется до сих пор, о чем свидетельствует активность как болгарских националистических партий (в частности, входящих в коалицию «Объединенные патриоты» партий «Атака», «Национальный фронт спасения Болгарии» и «ВМРО – Болгарское национальное движение»),

⁷ Цит. по: *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическия режим. София: Сиела, 2008. С. 131–133.

⁸ *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии... С. 295.

так и защищающей интересы турецкого нацменьшинства оппозиционной партии «Движение за права и свободы» (ДПС).

Публикация антологии произведений мусульманских авторов «Когда у меня отняли имя» вызвала в Болгарии неоднозначную реакцию: книга была встречена с восторгом многими читателями и вместе с тем подверглась нападкам со стороны националистов (отметим мнение председателя партии «Возрождение» Костадина Костадинова, написавшего на книгу рецензию под названием «За сколько можно продать Болгарию?»), где он упрекает исследователей за выбор темы и предлагает обратить внимание на отсутствие антологии преступлений против болгар во времена турецкого рабства⁹). Диаметральные противоположные оценки подтверждают мысль о существующем до сих пор в Болгарии межэтническом напряжении и неоднозначном отношении общества к событиям 1980-х годов.

Анализируя творчество мусульманских авторов этого периода, Вихрен Чернокожев отмечает в первую очередь *транснациональный* характер их произведений, которые он определяет как «эмигрантскую литературу травматического опыта»¹⁰. Исследователь рассматривает ее не просто как альтернативу соцреализму, но как «антитоталитарную литературу сопротивления насильственной смене имен и изгнанию болгарских граждан с турецким этническим самосознанием»¹¹. Пользуясь термином, предложенным Евгенией Ивановой в монографии «Отверженные “приобщенные”, или Процесс, названный “возродительным” (1912–1989)» (2002), Чернокожев подчеркивает, что у «отверженных приобщенных» представителей мусульманской общности «рана насильственного присвоения идентичности и ее уничтожения еще не затянулась»¹². Он говорит о своеобразной «аутотерапевтической» функции произведений болгарских мусульман: «Когда я читаю их тексты, то чувствую сильную травму, лишённую голоса, заглушенную, невысказанную. Не выраженное за долгие годы страдание, которое с помощью этих текстов попытались осмыслить, выразить, превозмочь»¹³. Своего рода терапией является и деятельность

⁹ См.: Костадинов К. Колко струва да продадеш България? URL: <http://kostadin.eu/2015/08/22/колко-струва-да-продадеш-българия/> (дата обращения: 02.10.2019).

¹⁰ Чернокожев В. Българската антитоталитарна литература през 60-те – 80-те години на XX век // Дзялото. Год. II. 2014. Бр. 2. URL: <http://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (дата обращения: 14.09.2019).

¹¹ Там же.

¹² Интервью С. Джамбазова с В. Чернокожевым. URL: <http://въпреки.com/post/111194945191/доц-вихрен-чернокожев-видях-едно-несполделено> (дата обращения: 14.09.2019).

¹³ Там же.

Зейнеп Зафер в качестве составителя антологии и переводчика большинства включенных туда произведений. В 1980-х годах она принимала активное участие в деятельности «Независимого общества по защите прав человека», находилась в числе тех, кто должен был встретиться с тогдашним президентом Франции Франсуа Миттераном, чтобы обсудить проблему ассимиляции турецкого национального меньшинства, – однако накануне встречи оказалась арестована и через несколько дней выдворена из страны. О жизни в коммунистической Болгарии, о гибели близких в ходе «возродительного процесса» З. Зафер подробно рассказывает в многочисленных интервью и документальном фильме, снятом по сценарию Даниелы Горчевой и посвященном событиям тех лет.

«Возродительный процесс» и его последствия до недавнего времени изучали в основном историки и политологи. Однако вышедшая антология мусульманских авторов – плод совместной работы болгарских и турецких литературоведов – позволяет говорить об интересе ученых к «возродительному процессу» как культурологическому и литературному феномену.

Литература

- Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Балканские чтения. 15). DOI 10.31168/2618–8597.
- Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.
- Валева Е. Л. Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.) // Славянский альманах 2013. М.: Индрик, 2014. С. 292–308.
- Груев М., Кальонски А. Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическия режим. София: Сиела, 2008.
- Чернокожев В. Българската анти тоталитарна литература през 60-те – 80-те години на XX век // Дзялото. Год. II. 2014. Бр. 2. URL: <http://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (дата обращения: 14.09.2019).
- Woodward S. L. *Balkan Tragedy: chaos and dissolution after the Cold War*. Washington D. C.: Brookings Institution, 1995.

References

- Chernokozhev, V., 2014. *Bulgarskata antitotalitarna literatura prez 60-te – 80-te godini na XX vek* [Bulgarian anti-totalitarian literature in the 1960s – 1980s]. *Dzyaloto*, God. II, 2. [online]. URL: <http://www.abcdar.com/docs/magazine/2/Chernokozhev.pdf> (accessed: 14.09.2019).

- Grishina, R.P., ed., 2014. *Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX–XXI vv.* [The Balkans in European political projects of the twentieth – twenty-first centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Gruev, M., Kalyonsky, A., 2008. *Vazroditelnyat protses. Myusyulmanskite obshtnosti i komunisticheskiya rezhim* [The Revival Process. Muslim Communities and the Communist Regime]. Sofia: Ciela.
- Sedakova, I.A., ed., 2019. *Balkanskii tezaurus: kommunikatsiia v slozhno-kul'turnykh obshchestvakh na Balkanakh (Balkanskie chteniia. 15)* [Balkan Thesaurus: Communication in complex-cultural Balkan societies (Series Balcanica. 15)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. DOI 10.31168/2618–8597.
- Valeva, E.L., 2014. Gosudarstvennaia politika Bolgarii v otnoshenii turetskoi etnicheskoi obshchnosti (1980-e gg.) [Bulgarian State Policy Regarding the Turkish Ethnic Community (1980s)]. *Slavianskii almanakh, 2013*, pp. 292–308.
- Woodward, S.L., 1995. *Balkan Tragedy: chaos and dissolution after the Cold War*. Washington D. C.: Brookings Institution.

**ГАЕК М. ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕШСКИХ ЛЕВЫХ /
ОТВ. РЕД. И АВТОР ПОСЛЕСЛОВИЯ Г. П. МУРАШКО;
ПЕРЕВОД С ЧЕШСКОГО ЯЗ. Г. П. НЕЩИМЕНКО. М.; СПБ.:
НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2019**

Наталья Николаевна Приступа –

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Беларуси и славянских
народов, Белорусский государственный
педагогический университет имени
Максима Танка

Почтовый адрес: ул. Советская, 18, каб. 94,
г. Минск, Республика Беларусь, 220030

Электронный адрес: pnatalka@rambler.ru

Аннотация

Рецензируются воспоминания чешского политика и историка Милоша Гаека, в которых нашли отражения практически все ключевые события «короткого XX века». Структурно книга состоит из 10 разделов; послесловия, подготовленного известным историком-богемистом Галиной Павловной Мурашко; именного и аннотированного указателя деятелей культуры, литературы и искусства, в ней упомянутых. Наряду с сюжетами из собственной жизни М. Гаек показал и путь, который прошло чешское общество с момента создания Чехословацкой Республики в 1918 г. до «бархатной» революции 1989 г. Рассмотрены такие болезненные вопросы, как отношение населения к евреям и проявления чешского национализма. Показаны роль Коммунистической партии Чехословакии в политической жизни межвоенной Чехословакии и эволюция ее программы после окончания Второй мировой войны. Много внимания уделено организации и деятельности движения Сопротивления, а также «Пражской весне» и ее влиянию на переоценку жизненных взглядов как самого автора, так и других видных коммунистических деятелей Чехословакии. Рассказывается о зарождении и развитии правозащитного движения, росте протестной активности широких слоев населения во второй половине 1980-х годов и о взаимодействии так называемой «улицы» с организованной оппозицией, девальвации левых идей в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Несомненным достоинством М. Гаека стало его стремление показать «непричесанную» историю и представить летопись событий без попыток их оценок с учетом тех последствий, которые они имели.

Ключевые слова

Милош Гаек, Чехословакия, коммунизм, левые силы, политическая борьба

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2019 г.

**HAJEK M. MEMOIRS ABOUT THE CZECH LEFTS / EDITOR
AND THE AUTHOR OF THE AFTERWORD G. P. MURASHKO;
TRANSLATION FROM THE CZECH LANGUAGE
G. P. NESHCHIMENKO. MOSCOW; SAINT PETERSBURG:
NESTOR-ISTORIJA, 2019. 488 P.**

Natallia N. Prystupa

Ph.D., Associate Professor, Department of History of Belarus and Slavic Nations, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Postal address: Sovetskaja, 18, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: pnatalka@rambler.ru

Abstract

This article reviews the memoirs of the Czech politician and historian Miloš Hajek, which reflects on key moments from the so-called “short twentieth century”. Structurally, the book consists of ten sections with concluding remarks prepared by the famous historian Galina P. Murashko and nominal and annotated indexes of the representatives of culture literature and art mentioned. Besides the description of his own life, M. Hajek also shows the path that Czech society took from the creation of the Czechoslovak Republic in 1918 to the Velvet Revolution in 1989. Such complex questions as the attitude of the population towards Jews and manifestations of Czech nationalism are considered. The role of the Communist Party of Czechoslovakia in the political life of interwar Czechoslovakia and the evolution of its program after the end of World War II are shown. A lot of attention is paid to the organization and activities of the Prague Spring resistance movement and its influence on the reassessment of author’s life views as well as to other prominent communist personalities in Czechoslovakia. The memoirs describe the genesis and development of the human rights movement, the growth of protest activity of different groups of the population in the second half of the 1980s, the interaction of the so-called “street” with the organised opposition and the devaluation of leftist ideas in the late 1980s and early 1990s. The undoubted merit of Miloš Hajek’s book is his desire to show the “unvarnished” history and chronicle events without attempting to evaluate them, whilst taking into account the consequences that they had.

Keywords

Miloš Hajek, Czechoslovakia, communism, left parties, political struggle

Received 30 September 2019.

Большинство историков относятся к мемуарам с традиционным предубеждением в силу специфики этого вида источников. Их авторам нередко «ставятся в вину» субъективность и чрезмерная эмоциональность. Однако именно отказ мемуаристов от беспристрастной фиксации событий и фактов прошлого, собственные впечатления авторов, их размышления и оценки, дающие возможность ощутить дух эпохи,

привлекают читателей. При этом ключевую роль играет личность автора воспоминаний: ведь от его искренности и документальности изложения зависит полнота реконструируемых им событий.

Рецензируемое издание представляет собой мемуары, написанные чешским историком, членом Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) Милошем Гаеком (1921–2016), который после 1968 г. перешел в оппозицию к правящему режиму, а после «бархатной революции» 1989 г. стал активным участником левого движения. Гаек прошел долгий жизненный путь, и в его памяти запечатлелись практически все ключевые события «короткого XX века».

Уже первые детские воспоминания знакомят читателя с некоторыми особенностями жизни чешского общества после обретения страной независимости в 1918 г. Тепло и с нежностью написал он о своей семье – о бабушке, приложившей немало усилий, чтобы дать образование сыну – будущему отцу автора мемуаров, о родителях, которых до подросткового возраста он не стеснялся ласково называть «папочкой» и «мамусей» (с. 12). Особо остановился Гаек на отношении отца к религии, отмечая, что, скорее всего, он исповедовал деизм. Причиной отхода от церкви была, с одной стороны, устойчивая ассоциация католического костела с Австро-Венгрией, а с другой – «протест» против клерикализма и церкви вообще (с. 13). После окончания Великой войны разочарование в религии и церкви среди чехов росло, явившись в том числе и закономерным итогом гуманитарной катастрофы 1914–1918 гг., когда ценность человеческой жизни была сведена к минимуму. Определенным образом характеризует чешское общество и замечание Гаека-старшего, что для «невоцерковленного лица» единственным шансом найти работу в межвоенной Чехословакии было обращение «в еврейскую фирму» (с. 13). Так он и поступил, тем более что антисемитизм был ему совершенно чужд.

Замечу, что проблеме антисемитизма (особенно в годы Второй мировой войны) автор уделил пристальное внимание (с. 55–56, 74, 91–92, 96–97) и приведенные им факты позволяют адекватно оценить положение еврейства в стране и отношение к нему различных слоев чешского населения.

Значительное место в воспоминаниях отведено чешской системе школьного образования. Гаек отметил, в частности, важное значение, которое придавалось в ней культу первого президента страны Т. Г. Масарика («Уважение к личности Масарика не знало границ» (с. 17)). Соответствующие настроения культивировались и дома, где «портрет Масарика был <...> чем-то вроде распятия» (с. 22). Не обошел автор и проблему национализма («Зачем нужны немцы в чехословацком государстве?»

«Впрочем, – подчеркнул Гаек, – никогда и нигде – ни дома, ни в школе – я не слышал о том, что немцев нужно прогнать или же ассимилировать» (с. 19)). А побывав в летнем лагере Красного Креста в «чешской колонии» – Подкарпатской Руси и столкнувшись с негативным отношением русинов, Гаек тем не менее убедился, что «даже в то время чешский национализм имел свои границы» (с. 33).

Внимание читателя, безусловно, привлекут многочисленные свидетельства ранней политизации чешской молодежи, в частности, учащихся, достаточно свободно ориентировавшихся в многообразии партий, их программных установках и практической деятельности. В связи с этим Гаек указал на рост авторитета КПЧ в 1920–1930-е годы, особенно в районах с тяжелым социально-экономическим положением, как, например, в Подкарпатской Руси («Такой нищеты мне еще никогда не доводилось видеть» (с. 33)). Тем не менее среди гимназистов коммунистические взгляды осуждались: «Гимназист мог быть национальным социалистом, социал-демократом, аграрием, <...> членом Национального единства <...> Быть коммунистом, – писал Гаек, воспринималось как нечто, настолько одиозное, как, скажем, «быть мусульманином» (с. 23). Сам автор, несмотря на публично сделанное им перед одноклассниками заявление о принадлежности к коммунистам, был во второй половине 1930-х годов, по его словам, «несомненным приверженцем Народного фронта, действовавшего во Франции и Испании» (с. 23).

Международное давление на Чехословакию осенью 1938 г. с требованием передать Судеты немцам, трагедия Мюнхена (с. 38–40), а также период так называемой Второй республики (30 сентября 1938 г. – 15 марта 1939 г.) отражены в мемуарах через призму их восприятия чешским обществом. Гаек применил целую палитру эмоциональных определений: «негодование», «отчаяние», «напряженность», «слезы», «потрясение», «шок».

Значительная часть книги посвящена Второй мировой войне и, особенно, участию автора в движении Сопротивления. Отметив преобладание поначалу выжидательных настроений (среди гимназистов, к примеру, «никто даже не допускал и мысли о серьезном развитии военной ситуации» (с. 48)), Гаек отметил, что только по мере обострения обстановки на Западном фронте настроения среди чехов стали меняться, рос, помимо прочего, и интерес населения к действиям Москвы. Так, присоединение Бессарабии, Северной Буковины и прибалтийских республик к Советскому Союзу «воспринималось либо с симпатией («это направлено против Германии»), либо с безразличием» (с. 50). Сам Гаек оценивал советскую политику позитивно. Что же касается Катынского дела,

то среди чехов тогда доминировала убежденность в виновности немцев, однако допускалось, что это могло быть и делом рук советского НКВД. Показательно при этом, что, по словам Гаека, «массовое убийство офицеров Пилсудского не рассматривалось как нечто ужасающее», поляков мало кто жалел. Чешское общество склонно было трактовать трагедию Катыни как акт возмездия за насильственное присоединение поляками чешских районов Тешинской Силезии в 1938 г. (с. 106).

Первым проявлением антифашистских действий стали демонстрации протеста 28 октября 1939 г. (с. 46). Гаек подробно описал преобладавшие пассивные методы сопротивления (ношение триколоров, бойкот распоряжений администрации и т.п.), определившие его слабый и недостаточно эффективный характер. Убежденность в необходимости активных действий привела автора в нелегальную группу, распространявшую листовки и другие печатные материалы.

Успехи Красной армии, как и активное участие коммунистов и сочувствовавших им в движении Сопротивления, обусловили рост популярности и авторитета КПЧ в чешском обществе. Постепенно исчезал страх перед коммунистами. Гаек отметил этот важный факт, приведя фрагмент из разговора с владельцем доходного дома в Праге: «Я, господин коллега, всегда боялся большевиков, однако этот господин (он показал на портрет Гитлера) научил меня их больше не бояться. Я прекрасно знаю, что лишусь своего дома, но зато мой мальчик будет говорить по-чешски!» (с. 96).

С приближением окончания войны власти Протектората усилили карательные меры против подпольщиков. 21 августа 1944 г. Гаек был арестован и помещен в тюрьму гестапо на Панкраце, а 21 марта 1945 г. приговорен к смертной казни. От расстрела, назначенного на 6 мая, его спасло Пражское восстание.

«Пребывание в Панкраце – вспоминал Гаек, – хотя и короткая, но зато самая драматичная глава в моей жизни. Я узнал на собственной шкуре, что такое бесчеловечность нацизма. Узнал и то, насколько убогими и ничтожными могут оказаться маленькие людишки, попавшие в трудное положение. Но вместе с тем я имел счастье познать и тепло солидарности людей, которые в подобной ситуации не дрогнули, проявили волю и характер» (с. 162).

Радость от освобождения Чехословакии сменилась активной работой по восстановлению мирной жизни. Гаек написал о многих сложных моментах послевоенного развития страны. В частности, затронул непопулярную в наши дни острую проблему «варварской мести за варварство» (с. 170) – проявления ненависти чехов по отношению к немцам (с. 214).

Подробно описал он и становление новой политической системы, и свое участие в этом процессе. Его, в частности, радовала перспектива перехода к социализму парламентским путем (с. 179). Гаек не скрывал, что в те годы относил себя к сталинистам, что принял активное участие в подготовке коммунистического переворота в феврале 1948 г. (с. 189).

А вскоре начались разочарования, которые в конечном итоге заставили автора пересмотреть свои взгляды. Это выборы в Национальное собрание в мае 1948 г., когда Гаек узнал о готовности его соратников по партии «подправить» результаты голосования с расчетом получить не менее 90% голосов избирателей (с. 194). Затем последовали политические процессы, которые он очень точно охарактеризовал как «трагедию гражданской войны» (с. 198). Присутствуя на судебных заседаниях, Гаек смог показать их «кухню» изнутри: организацию процессов, вопрос о правомерности обвинений. Окончательный его разрыв со сталинизмом произошел после ознакомления с докладом Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина, которого Гаек назвал «восточным деспотом». А зримым выражением отказа автора от прежних политических ориентиров стало снятие со стены портрета бывшего советского лидера (с. 216).

В 1960-е годы Гаек перешел к активной научной деятельности. Он посвятил себя изучению рабочего движения в Европе. Хронологически это совпало с появлением у него на родине реформаторских тенденций, и этой странице чехословацкой истории в воспоминаниях уделено особое внимание. В поле зрения автора – отстранение от власти А. Новотного, роль А. Дубчека, О. Шика, О. Черника и других в развертывании реформ (само слово «реформа», кстати, долгое время не употреблялось (с. 278)). Гаек раскрыл суть споров по вопросу федерализации партии, кадровых перестановок и др., насколько далеко готовы были пойти реформаторы в своей деятельности. И, несмотря на высказывавшиеся опасения по поводу возможной интервенции советских войск, она все-таки стала неожиданной и явилась потрясением для организаторов и активистов «Пражской весны». Осознавая, что вторжение – «это все же не Мюнхен» (с. 286), они тем не менее приступили к разработке стратегии сопротивления (с. 291–300).

Следующий период, о котором много вспоминал Гаек, – это приход к власти Г. Гусака и связанная с его именем «нормализация». Реформаторы, что характерно, не связывали больших надежд с личностью нового партийного лидера, так как уже тогда было высказано предположение о том, что при нем установится «просвещенный абсолютизм» и что «ему

безразлично, есть ли демократия в партии или нет» (с. 304). Опасения, как свидетельствуют воспоминания, оказались небеспочвенными, отразились и на личной судьбе коммуниста Гаека. Осенью 1970 г. он, как один из «главных правых оппортунистов» Праги (именно так охарактеризовал его Гусак), был исключен из партии. Началась полоса его активной правозащитной, самиздатовской и научной деятельности, установления зарубежных контактов. Приспосабливаясь к методам работы органов государственной безопасности, независимая интеллигенция продолжала созидательную работу по организации оппозиционных структур. Гаек одним из первых подписал Хартию 77.

Очередной период надежд на изменения в стране был связан с личностью нового Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева («веяло Пражской весной» (с. 347)). В научной литературе Чехословакия традиционно представлена как страна, которая имела меньше проблем в социально-экономическом плане, нежели другие социалистические страны, и поэтому перестроечные процессы здесь протекали медленнее. Однако Гаек опроверг эту точку зрения, акцентируя внимание читателей на масштабах протестного движения в Чехословакии. Он отметил, что, к примеру, размах демонстрации, состоявшейся 28 октября 1988 г., даже для самих представителей Хартии стал потрясением: «Мы поняли, что общество не столь уж и пассивно» (с. 354). Рост уличной активности напугал и власти, которые решили пойти на уступки диссидентам.

Восстанавливая хронологию революционных событий в ноябре 1989 г., Гаек показал, как проходил процесс отстранения коммунистов от власти и формирования нового государства. Воспоминания вносят свою лепту в изучение «бархатной революции» 1989 г. и являются также весьма ценным источником по истории диссидентства, расширяют наши представления о роли политических лидеров, в частности, А. Дубчека, о протестных акциях молодежи и др.

В воспоминаниях нашел отражение и процесс создания и деятельности «Клуба за обновление социализма – Возрождение» как попытка создать сильную левую альтернативу чехословацким коммунистам. Эта инициатива встретила понимание за пределами Чехословакии. Однако, как следует из мемуаров, зарубежные единомышленники были недовольны постоянным вниманием чешских левых к акции 21 августа 1968 г. и их просьбами «повлиять на русских» и добиться осуждения ими августовской интервенции. Особенно актуально звучат сегодня слова одного из представителей делегации немецкого бундестага, находившейся в Праге осенью 1989 г.: «Почему вы все время смотрите в прошлое, а не

в будущее?» (с. 384). С такой постановкой вопроса трудно не согласиться: ведь именно постоянная апелляция к былым обидам, пестование старых «травм» мешают построению конструктивного диалога.

В 1990 г. Гаек отошел от активной политической деятельности, главным образом, из-за ставшей для него неожиданной утратой в обществе интереса к левым идеям, доминирования созданного в ходе «бархатной революции» «Гражданского форума», разобщенности самих левых сил, их неготовности идти на компромисс, антикоммунистической истерии.

Воспоминания Милош Гаек образно и точно назвал «исповедью сына своего времени». И это не случайно, поскольку они выходят далеко за рамки истории «чешских левых» и, что важно, содержат оценки именно того времени, без их последующей корректировки. Мемуары позволяют проследить не только судьбу чехословацкого социализма в XX в., но и эволюцию взглядов автора. Переоценка ценностей оказалась длительной и весьма непростой: от искренней убежденности в правоте коммунистической идеи в 1940-е годы, через сталинизм 1950-х годов и разочарование в нем – к осознанию необходимости системного реформирования режима в 1960-е годы, которое еще более укрепилось в 1970–1980-е годы, и, наконец, к возвращению в «родную гавань» – к идеалам демократического социализма (с. 439).

Издание мемуаров М. Гаека на русском языке приурочено к очередной годовщине Пражской весны и тем особенно ценно. В контексте проблемы реформируемости социализма рассмотрение попытки его «гуманизации», придания «человеческого лица», преломление масштабных событий в судьбе автора, безусловно, привлекут внимание исследователей и всех, кого интересует история Чехословакии. Освоению разнообразного материала помогают тщательно подготовленный именной указатель и аннотированный указатель деятелей культуры, литературы и искусства, которые упомянуты автором.

Завершает книгу содержательное послесловие к российскому изданию, автор которого, известный историк-богемист Г. П. Мурашко (1932–2018) была и ответственным редактором издания. Она назвала книгу Милоша Гаека «удивительной по своей искренности и честности» (с. 441). И с этой оценкой нельзя не согласиться.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ (ВИТЕБЩИНЫ) В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. МИНСК: БЕЛАРУСКАЯ НАВУКА, 2017. 628 С.

**Юрий Андреевич
Лабынцев –**

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения Российской
академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект,
32А, Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slaviabel@yandex.ru

**Лариса Леонидовна
Щавинская –**

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения Российской
академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект,
32А, Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slaviabel@yandex.ru

Аннотация

В рецензии рассматривается последний из выпущенных томов комплексного белорусского исследования этнокультурных процессов, происходивших на протяжении столетий на территории всей современной Белоруссии. Том посвящен региону Белорусского Подвинья, расположенному в северной части Республики Беларусь. На основе обширных архивных и экспедиционных материалов, собиравшихся учеными Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси в течение многих лет, им удалось подготовить очередной, четвертый по счету, том масштабного культурологического исследования, которое будет состоять из шести томов. Наш анализ всех вышедших из печати томов этого проекта, в том числе рецензируемого, позволяет констатировать, что стержневой проблемой для их авторов была конфессионально-культурная проблема, ибо именно здесь, на территории Белоруссии, пролегает граница *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*. Пограничное состояние Белорусского Подвинья (Витебщины), его расположенность в зоне многовекового активного балто-восточнославянского взаимодействия определили этническое разнообразие местного населения. Исторически вместе с белорусами здесь всегда была значительная доля русского населения, а до Великой Отечественной войны и евреев. Вместе с тем всех достаточно многочисленных местных католиков нельзя относить к этническим полякам. В большинстве это потомки давнего белорусского православного населения, попавшего в сферу католической экспансии еще в раннем Средневековье. Хотя белорусское православное население здесь абсолютно преобладает и теперь. Витебщина обладает богатейшим культурным ландшафтом, является одним из самых исторически значимых регионов Белоруссии. Это родина знаменитой православной святой княжны Евфросинии Полоцкой, белорусского просветителя, доктора наук Франциска Скорины, православного монаха-поэта Симеона Полоцкого и многих других.

Ключевые слова

Культурология, история, этнография, белорусоведение, Белорусское Подвинье, Республика Беларусь

Статья поступила в редакцию 28 июня 2019 г.

**ETHNO-CULTURAL PROCESSES IN BELARUSIAN PODVINJE
(VITEBSK REGION) IN THE PAST AND PRESENT.
MINSK: BELARUSKAIA NAVUKA, 2017. 628 P.**

Jurij A. Labyntsev

D. Sc., Lead Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: slaviabel@yandex.ru

Larisa L. Shchavinskaja

Ph.D., Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: slaviabel@yandex.ru

Abstract

This review examines the latest volume of a comprehensive Belarusian study of the ethno-cultural processes that took place over centuries in the territory of modern-day Belarus. This volume is devoted to Belarusian Podvinje, a region in the Northern part of the Republic of Belarus. The fourth volume (out of a planned six) of large-scale cultural research, based on extensive archival and expeditionary materials collected by scientists from the Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus over many years, has been published. Our previous peer-reviewed analysis of the published volumes of this project allows us to state that the main problem for the authors is a confessional-cultural problem, because Belarus contains the border between Slavia Orthodoxa and Slavia Romana. The border position of Belarusian Podvinje (Vitebsk region) and its location in the area of centuries-old active Baltic-East Slavic interaction determined the ethnic diversity of the local population. Historically, together with the Belarusians, there has always been a significant Russian population, and additionally, before World War II, Jews. The rather large local Catholic population cannot be attributed solely to ethnic Poles. The majority are in fact descendants of the old Belarusian Orthodox population, which fell into the sphere of Catholic expansion in the early Middle Ages. That said the Belarusian Orthodox population now predominates. The Vitebsk region has a rich cultural landscape and is one of the most historically significant regions of Belarus. It is the birthplace of the famous Orthodox holy princess Euphrosyne of Polotsk, the Belarusian humanist and physician Francysk Skaryna, the Orthodox monk-poet Simeon of Polotsk and many others.

Keywords

Cultural studies, history, ethnography, Belarusian studies, Belarusian Podvinje, Republic of Belarus

Received 28 June 2019.

Очередной, четвертый по счету, том комплексного шеститомного исследования белорусских ученых, в котором рассматриваются этнокультурные процессы на всей территории Белоруссии, посвящен региону Белорусского Подвинья. Вышедшие ранее тома этого масштабного научного культурно-антропологического проекта касались Восточного Полесья¹,

¹ Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / ред. А. Вл. Гурко, И. В. Чаквин, Г. И. Касперович. Минск: Беларуская навука, 2010.

Гродненского Понеманья² и Центральной Белоруссии³. Сам проект, инициированный группой ведущих белорусских ученых Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Белоруссии, изначально базировался на материалах многочисленных экспедиционных исследований и различного рода архивных собраний. Можно сказать, что он подводит итог вот уже более чем двухвекового историко-этнографического изучения Белоруссии и призван стать своего рода исторической этнокультурной энциклопедией, рассчитанной на широкий круг читателей, прежде всего ученых и специалистов различных отраслей, интересующихся судьбами белорусского и иных народов, проживавших в течение многих столетий на территории Республики Беларусь.

Рецензируемый том, подготовленный группой белорусских исследователей при участии их российских коллег, включает восемь основных разделов: «Этническая история Белорусского Поозерья», «Этноконфессиональные процессы на территории Витебского Подвинья», «Этническая структура Витебского Подвинья в XX – начале XXI в.», «Семья и семейные традиции Белорусского Подвинья», «Регионально-локальная специфика календарной обрядности Подвинья», «Материальная культура Белорусского Подвинья», «Художественная и театральная культура Витебского региона», «Этнокультурные процессы на пограничье». Большинство этих разделов состоит из нескольких глав, порой весьма объемных, таких, например, как «Конфессии в Витебском Подвинье в XX – начале XXI в.», «Сакральный ландшафт Белорусского Подвинья» и др.

Необходимо обратить внимание на то, что Витебщина имеет одну очень важную особенность – она находится в зоне многовекового славяно-балтского взаимодействия, а современные ее западная и северо-западная границы являются одновременно и государственной границей Республики Беларусь с Литвой и Латвией. Витебщина – один из самых исторически значимых и богатых регионов Белоруссии по числу памятников культурного наследия. Особенно показательны в этом отношении древнейшие ее города Полоцк и Витебск, некогда центры самостоятельных княжеств, связанные с началом христианизации Руси. Полоцк, наряду с Киевом и Великим Новгородом, занимал наиболее значимое место среди древнерусских княжеских столиц, в нем в XI в. также был возведен свой Софийский кафедральный собор. Здесь же, в Полоцке, в 1839 г. проходил собор униатских иерархов,

² Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем / ред. А. Викт. Гурко, Л. В. Ракова, А. Вл. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2014.

³ Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / науч. ред. А. Викт. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2016.

провозгласивший ликвидацию в пределах Российской империи Брестской церковной унии 1596 г. и присоединение к православию.

Структура населения Витебщины на протяжении веков не была этнически однородной, прежде всего в городах и поселениях городского типа. Пограничное ее состояние с великорусскими землями, тесная историческая связь с ними объясняют нахождение здесь большого числа русских. Так, на момент начала работы над данным проектом в первом десятилетии XXI в. численность русских, например, в Полоцком районе составляла 20%⁴, а общее их число на Витебщине было одним из самых высоких по стране. Вплоть до начала Великой Отечественной войны в городских поселениях Витебщины, как и во всей Белоруссии, десятки процентов населения, а часто и более половины его, составляли евреи. Согласно весьма точным данным переписи 1897 г., в Полоцке, одном из важнейших оплотов хасидизма, их было свыше 60%, а в Витебске, на родине всемирно известного Марка Шагала, – более 50%. Католическая экспансия коснулась западной части Витебщины уже в раннем Средневековье, а затем все более усиливалась. В католичество перешла некоторая часть местного православного населения, которое постепенно идентифицировало себя с польским этносом. Процесс этот, к сожалению, пока почти не изучен и требует отдельных специальных исследований, которые до сих пор касались в основном некоторых крупнейших католических институций, например, Полоцкой иезуитской коллегии и академии⁵, предстающей как исключительный польский центр культуры на восточных окраинах былой Речи Посполитой⁶.

При внимательном анализе текстов вышедших из печати томов комплексного исследования белорусских ученых, в том числе и тома, посвященного Витебщине, становится очевидным, что центральной проблемой для них явилась конфессионально-культурная, определяющая в конечном итоге тот или иной цивилизационный выбор народа. Как и по всей республике, по Витебщине пролегает своеобразная глубинная граница *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana* и одновременно Славии Восточной – Славии Западной, которые далеко не совпадают, хотя бы в силу их реальной исторической разобщенности, когда, например, всех современных местных католиков никак нельзя отнести исключительно к западным славянам

⁴ Привалова Н. Н. Национальный состав населения // Современная Беларусь. В 3 т. / ред. М. В. Мясникович и др. Минск: Белорусская наука, 2006. Т. 1. С. 127.

⁵ *Инглот Марек* (S.J.). Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы; Институт общества Иисуса, 2004.

⁶ *Kadulska I.* Akademia Połocka: Ośrodek kultury na Kresach. 1812–1820. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004.

(полякам). Не менее запутан в данной связи и униатский вопрос, который получил своеобразное развитие уже в наши дни с момента восстановления приходской жизни новых белорусских греко-католиков на Полотчине, руководимых украинскими монахами-студитами, а в настоящий момент непосредственно фактическим папским визитатором архимандритом Яном Сергеем Гаеком, католическим монахом-марианином, этническим поляком. Концентрируя фокус исследования именно на этой основополагающей проблематике, авторы тома констатируют во «Введении» к нему: «В формировании этнической и национальной идентичности региона значительное место занимают этноконфессиональные процессы. Как и для всего белорусского общества, для Витебской области исторически характерна поликонфессиональность. Здесь получили распространение разные христианские конфессии: православная, римско-католическая, греко-католическая, протестантизм, а также религиозные объединения иудеев, старообрядцев, лютеран и др. Всего по состоянию на 1 января 2016 г. в Витебской области зарегистрированы 543 религиозные общины, представляющие 17 различных конфессий. В то же время на протяжении столетий в регионе на фоне поликонфессионального разнообразия доминируют православные традиции. В настоящее время в регионе зарегистрирована 281 православная община (51,7% от общего количества религиозных организаций). Особенность этноконфессиональной структуры региона заключается и в том, что Римско-католическая церковь занимает в ней значительное место – 94 общины (17,3%). В настоящее время Витебская область имеет полиэтничный состав населения как следствие взаимопроникновения и переплетения культурных элементов белорусов и других этнических групп» (с. 5).

Наряду с Белорусским Поднепровьем, Белорусское Подвинье, именуемое также Поозерьем, стало приютом для большого числа русских старообрядцев, селившихся здесь уже во второй половине XVII в. Согласно известному, особенно в старообрядческих кругах, «Дегуцкому летописцу» их первые поселения на Подвинье появляются в 1660 г., когда «священноиерей Терентий <...> оставль отечество свое, московскую страну, прииде с сыном своим Афанасием <...> и вселися близь реки Двины <...> и молитвенный храм бяше»⁷. В Подвинье на территории бывшей Витебской губернии, входившей тогда в состав Речи Посполитой, в конце XVII в. основал свои монастыри, которые стали крупнейшими центрами староверия за границами Российской империи, Феодосий Васильев – один

⁷ Dėgućių metraštis: Chronografas, arba kuršo ir Lietuvos metraštis / N. Morozova, I. Potasenko (eds). Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004. P. 63–65.

из самых авторитетных старообрядческих деятелей, родоначальник беспоповского федосеевского согласия. Как справедливо писал С. А. Зеньковский, «федосеевство пережило своего основателя и в конце XVIII и начале XIX века <...> стало одним из самых сильных и влиятельных согласий не только среди беспоповцев, но, может быть, даже во всем русском старообрядчестве»⁸. В дальнейшем Витебщина становится особой жизненной зоной русских староверов и таковой продолжает оставаться до сих пор. По мнению А. Викт. Гурко, одного из основных авторов проекта и научного редактора рецензируемого тома, они здесь «избежали ассимиляции, сберегая отличительные черты своей духовной и материальной культуры» (с. 623).

К весьма ценным особенностям Витебщины, конечно же, стоит отнести наличие богатого культурного ландшафта, сохраненного «благодаря традиционному укладу жизни местного населения и конфессиональной преемственности» (с. 625). Здесь имеется большое число сакральных его элементов: крестов, часовен, храмов, различных мест культового поклонения – камней, родников, деревьев. Все это находится в этнопограничной восточнославянской зоне, которую авторы тома характеризуют как «переходную, или смешанную» (с. 626), имеющую множество общих черт как у белорусов, так и русских, особенно благодаря вероисповедному православному единству, общим религиозным праздникам, терминологии и т. д. Свое влияние на этнокультурную жизнь в регионе на протяжении столетий вносили латышский и литовский народы, и он всегда был и остается одной из важнейших территорий балто-восточнославянского взаимодействия. В находящихся в работе следующих двух томах проекта, посвященных Поднепровью и Западному Полесью, специфике этнокультурного и конфессионального пограничья будет, несомненно, уделено особое внимание. В случае Поднепровья это будет регион, граничащий с Россией и Украиной, а в случае с Западным Полесьем – пограничье белорусско-украинско-польское.

Литература

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. В 2 т. М.: Институт ДИ-ДИК; Квадрига, 2009.

Инглот М. (S. J.). Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы; Институт общества Иисуса, 2004.

⁸ *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. В 2 т. М.: Институт ДИ-ДИК; Квадрига, 2009. С. 325.

- Привалова Н. Н. Национальный состав населения // Современная Беларусь: Энциклопедический справочник. В 3 т. / ред. М. В. Мясникович и др. Минск: Белорусская наука, 2006. Т. 1. С. 126–128.
- Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / ред. А. Вл. Гурко, И. В. Чаквин, Г. И. Касперович. Минск: Беларуская навука, 2010.
- Этнокультурные процессы Гродненского Помеманья в прошлом и настоящем / ред. А. Викт. Гурко, Л. В. Ракова, А. Вл. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2014.
- Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / науч. ред. А. Викт. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2016.
- Değučių metraštis: Chronografas, arba kuršo ir Lietuvos metraštis / N. Morozova, I. Potasenko (eds). Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004.
- Kadulska I. Akademia Połocka: Ośrodek kultury na Kresach. 1812–1820. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004.

References

- Gurko, A. Vikt., Rakova, L. V., Gurko, A. Vl., eds, 2014. *Etnokul'turnye protsessy Grodnenskogo Poneman'ia v proshlom i nastoiashchem* [Ethnocultural processes of the Grodno Prinemansky Territory in the past and present]. Minsk: Belaruskaiia navuka.
- Gurko, A. Vikt., ed., 2016. *Etnokul'turnye protsessy Tsentral'noi Belarusi v proshlom i nastoiashchem* [Ethno-cultural processes of Central Belarus in the past and present]. Minsk: Belaruskaiia navuka.
- Gurko, A. Vl., Chakvin, I. V., Kasperovich, G. I., eds, 2010. *Etnokul'turnye protsessy Vostochnogo Poles'ia v proshlom i nastoiashchem* [Ethno-cultural processes of Eastern Polesie in the past and present]. Minsk: Belaruskaiia navuka, 2010.
- Inglot, M. (S.J.), 2004. *Obshchestvo Iisusa v Rossiiskoi imperii (1772–1820 gg.) i ego rol' v povsemestnom vosstanovlenii Ordena vo vsem mire* [The society of Jesus in the Russian Empire (1772–1820) and its role in the worldwide restoration of the Order]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy; Institut obshchestva Iisusa.
- Kadulska, I., 2004. *Akademia Połocka: Ośrodek kultury na Kresach. 1812–1820*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Morozova, N., Potasenko, I., eds, 2004. *Değučių metraštis: Chronografas, arba kuršo ir Lietuvos metraštis*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.
- Privalova, N. N., 2006. Natsional'nyi sostav naseleniia [National structure of the population]. In: Miasnikovich, M. V., etc, eds, 2006. *Sovremennaia Belarus': Entsiklopedicheskii spravochnik: v 3 t.* [Modern Belarus: Encyclopedic reference book]. Minsk: Belarusskaia nauka, pp. 126–128.
- Zen'kovskii, S. A., 2009. *Russkoe staroobriadchestvo: V dvukh tomakh* [Russian Old Believers: In two volumes]. Moscow: Institut DI-DIK; Kvadriga.

**Л. Г. КАЯНИДИ, К. О. ВЫСОКОВИЧ, Л. Л. СТЕПЧЕНКОВ,
В. В. ФЕДОРЕНКО. ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ В. К. ЕФРЕМЕНКОВА:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ. СМОЛЕНСК:
МАДЖЕНТА, 2018. 188 С.**

Ольга Владиславовна Белова –
доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, Россия, 119334
Электронный адрес: olgabelova.inslav@gmail.com

Аннотация

Рецензируемая книга представляет собой первую полномасштабную публикацию фольклорного наследия В. К. Ефременкова (1913–1989) – краеведа и собирателя фольклора. Сказки, предания, песни, частушки, записанные В. К. Ефременковым на Смоленщине в 1930–1940-е годы и извлеченные из различных архивных собраний, в сопровождении научного комментария дают возможность составить представление о фольклорной традиции этого региона в первой половине XX в. Имя В. К. Ефременкова было незаслуженно забыто, а богатейшая коллекция собранных им материалов, рассредоточенная по разным архивам России, долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Публикации текстов сопровождаются аналитическими статьями, в которых раскрываются тематические, структурные и поэтические особенности образцов фольклора смоленского региона. Документы, связанные с работой В. К. Ефременкова в Смоленском областном бюро краеведения, дают представление о методике и масштабах собирательской работы на Смоленщине в 1930-е годы. Фольклорная коллекция В. К. Ефременкова чрезвычайно важна при исследовании динамики развития фольклорной традиции Смоленской области и может служить ценным источником при изучении более поздних материалов, записанных в этом регионе и еще ждущих квалифицированной публикации. Каждая публикация аутентичного регионального фольклора, особенно относящаяся к первой половине XX столетия, становится настоящим подарком для фольклористов, и книга о наследии В. К. Ефременкова здесь не исключение.

Ключевые слова

Русский фольклор, жанры фольклора, история фольклористики, В. К. Ефременков
Статья поступила в редакцию 27 сентября 2019 г.

**L. G. KAIANIDI, K. O. VYSOKOVICH, L. L. STEPCHENKOV,
V. V. FEDORENKO. FOLKLORE ARCHIVE OF V. K. EFREMENKOV:
MATERIALS AND RESEARCH. SMOLENSK:
MADGENTA, 2018. 188 P.**

Olga V. Belova

D. Sc., Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Postal address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia, 119334

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Abstract

The reviewed book is the first full-scale publication of the folklore heritage of Vasily K. Efremenkov (1913–1989) – a local historian and collector of folklore. Fairy tales, legends, songs, and rhymes recorded by V. K. Efremenkov in the Smolensk region in the 1930s and 1940s and extracted from various archival collections, accompanied by academic commentaries, give an opportunity to get an idea of the folklore tradition of this region in the first half of the twentieth century. The name of V. K. Efremenkov was undeservedly forgotten, and the richest collection of materials collected by him was dispersed in different archives of Russia, for a long time remaining out of sight of researchers. Publications of texts are followed by analytical articles, which reveal the thematic, structural and poetic features of the samples of folklore of the Smolensk region. Documents related to the work of V. K. Efremenkov in the Smolensk Regional Bureau of Local History give an idea of the methodology and scope of the collection work in the Smolensk region in the 1930s. The folklore collection of Vasily K. Efremenkov is extremely important in the study of the dynamics of the folklore tradition of the Smolensk region and can serve as a valuable source in the study of later materials recorded in this region and is still waiting for publication. Each publication of authentic regional folklore, especially relating to the first half of the twentieth century, becomes a real gift for folklorists, and this book about the heritage of Vasily K. Efremenkov is not an exception.

Keywords

Russian folklore, folklore genres, history of folklore, Vasily K. Efremenkov

Received 27 September 2019.

В книгу, подготовленную коллективом смоленских исследователей, вошли все фольклорные материалы, записанные собирателем фольклора Смоленщины Василием Константиновичем Ефременковым (1913–1989), сотрудничавшим со Смоленским областным бюро краеведения в конце 1930-х годов. Имя В. К. Ефременкова было незаслуженно забыто, а богатейшая коллекция собранных им материалов, рассредоточенная по разным архивам (Государственный архив Смоленской области – ГАСО, Российский государственный архив литературы и искусства – РГАЛИ,

архив Российской академии наук – АРАН, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки – ОР РНБ, фондохранилище Государственного исторического музея, архив Государственного литературного музея), долгое время оставалась вне поля зрения исследователей; публикации материалов стали осуществляться лишь в последние годы¹.

Вводная часть книги, посвященная личности собирателя, включает очерк его деятельности как краеведа и собирателя фольклора и документы, связанные с его полевыми изысканиями в качестве внештатного сотрудника Смоленского областного бюро краеведения (с. 4–15). Как отмечают Л. Г. Каяниди и Л. Л. Степченко, «особое значение фольклорных записей Ефременкова заключается в том, что они являются единственным источником сведений о смоленском фольклоре ранней советской, довоенной эпохи» (с. 9). Кроме того, В. К. Ефременков как бы принял научно-собираТЕЛЬскую эстафету от трагически погибшего в 1920 г. **В. Н. Добровольского**, которому фольклористика обязана знакомством с богатейшим фольклорным наследием Смоленщины. Материалы, собранные в вводной части, также дают представление о методике и масштабах собирательской работы на Смоленщине в 1930-е годы. Особую ценность представляют архивные фотографии, на которых В. К. Ефременков запечатлен с коллегами и во время полевых исследований.

Первая часть книги посвящена повествовательному фольклору. В первый раздел вошла публикация народных сказок, собранных В. К. Ефременковым и извлеченных из фондов РГАЛИ (Ф. 1451, 21 текст) и ГАСО (Ф. Р-2241, 1 текст). Публикация сказок, подготовленная Л. Г. Каяниди и К. О. Высокович (с. 16–60), сопровождается несколькими статьями, представляющими собой аналитический комментарий к текстам. Статья Л. Г. Каяниди (с. 61–70) знакомит читателя с методикой анализа фольклорных сказок – при этом особое внимание уделяется методу структурного анализа волшебной сказки, воплощенному в трудах В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, Д. М. Сегала и Е. С. Новик. В статье «Особенности смоленских фольклорных сказок, собранных В. К. Ефременковым: сюжетная синтагматика, семантика, структура» (с. 71–86) Л. Г. Каяниди, опираясь на схему Е. М. Мелетинского, представил анализ сюжетно-синтагматической типологии сказок В. К. Ефременкова, их семантики,

¹ Кочанова Е., Степченко Л. Забытый собиратель старины: Василий Константинович Ефременков // Край Смоленский. 2015. № 4. С. 18–25; *Они же*. Фольклорное наследие Василия Ефременкова // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 32–41; Каяниди Л. Фольклорные материалы В. К. Ефременкова: ценное и бесценное // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 41–43; *Он же*. В. К. Ефременков – собиратель смоленского фольклора // Край Смоленский. 2019. № 6. С. 24–27.

основой которой являются две фундаментальные оппозиции (свой / чужой и низкий / высокий), и их структурных особенностей. Основной вывод, к которому пришел Л. Г. Каяниди, заключается в том, что в смоленских сказках, собранных В. К. Ефременковым, свойственные волшебным сказкам предикаты превращения и перемещения, непосредственно связанные с категориями «своего» и «чужого» (будь то статус персонажа, действие или пространство), «работают» и в сюжетах бытовых сказок, характеризуя социально-бытовые, семейные и сословные конфликты (с. 86). В качестве приложений к «сказочному» разделу помещены две небольшие, но информативные статьи: о функционально-семантических схемах сказок, собранных В. К. Ефременковым (с. 87–96, авторы Л. Г. Каяниди и К. О. Высокович), и о структурно-семантических особенностях волшебных сказок В. Н. Добровольского в сопоставлении со сказками В. К. Ефременкова (с. 97–105, автор Л. Г. Каяниди). Этот опыт сравнительного анализа сказок из двух собраний крайне важен для изучения сказочного наследия Смоленщины не только потому, что коллекции Добровольского и Ефременкова представляют материал одной региональной традиции, но с разницей в полвека (конец XIX в. у Добровольского, 1930-е годы у Ефременкова), но и потому, что после публикации В. Н. Добровольским смоленских сказок в первой части его «Смоленского этнографического сборника» (1891) тексты В. К. Ефременкова – единственный источник сведений о смоленском сказочном эпосе, дающий представление о преемственности и трансформации традиции.

Высоко оценивая опубликованные тексты сказок, хотелось бы высказать несколько соображений по поводу презентации материала. Безусловно, нужна нумерация текстов, которая облегчает и восприятие материала (в том числе при обращении к примечаниям), и дальнейшие ссылки на него. В примечаниях, кроме архивной атрибуции, следует указывать номера сюжетов по указателям сказочных сюжетов (СУС и АТУ) – это обязательное условие при публикации аутентичных текстов. Для большинства сказок публикаторы указали номера сюжетов по «Русским народным сказкам» А. Н. Афанасьева для сравнения с общерусским корпусом текстов, однако собрание Афанасьева не является указателем и не покрывает всего разнообразия русской сказочной традиции. Привлекая в качестве параллелей материалы Афанасьева, нельзя упускать из виду, что многие тексты в его собрании не снабжены географической атрибуцией; но там, где она есть, приводить ее желательно – только тогда можно адекватно оценить уникальность или типичность смоленских вариантов сюжетов.

Учитывая «пограничный» характер смоленской фольклорной традиции, не лишними бы были указания на параллели из белорусской традиции (особо стоит обратить внимание на фольклорный репертуар Витебской, Могилевской, Гомельской областей); для исследователя также могут быть интересны материалы из соседних Брянской и Калужской областей², тем более что часть этих территорий в 1930-е годы входила вместе со Смоленщиной в одну Западную область.

Среди опубликованных сказок есть и такие, для которых в комментариях не указаны ни собиратель и место записи, ни параллели из собрания А. Н. Афанасьева. В качестве примера приведу сказку под условным названием [«Злая мачеха»] (с. 54–55). Отметим попутно, что к некоторым публикуемым текстам названия даны в квадратных скобках, в связи с чем возникает вопрос: даны эти названия публикаторами или в таком виде оформлены заголовки в архивных материалах? При публикации архивных данных такие детали стоит отмечать в комментариях. По поводу сказки о злой мачехе добавлю, что это вариант сюжета СУС –480* (Мачеха и падчерица). К сожалению, в материалах Ефременкова этот текст лишен географической атрибуции, но интересную параллель к нему может составить запись сказки «Тяв-тяв тявенёк» из Вязьмы (2005), хранящаяся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета (СмолГУ)³.

Второй раздел первой части посвящен историческим преданиям. Публикаторы Л. Г. Каяниди, Л. Л. Степченко, К. О. Высокович, В. В. Федоренко представили материалы из двух архивов – ГАСО и ОР РНБ, всего 12 текстов (с. 106–113); при этом указывается, что опубликованы все предания, записанные В. К. Ефременковым. Представляется, однако, что в публикацию должна была войти еще одна запись (вероятно, 1931 г.) из д. Даньково Алексеевского с/с Починковского района – о затопленном французском золоте и серебре, которую Ефременков снабдил пометой о том, что сделана она «местным краеведом, любителем изучения своего родного края», то есть им самим⁴. Несмотря на лаконичность этого отрывка, его можно расценивать как «свернутое» историческое предание, учитывая тот факт, что сюжет о французских кладах и сокровищах, оставленных или

² Легенды, предания, устные рассказы Брянской области / сост. В. Д. Глебов. Брянск: Изд-во БГКМ, 2012.

³ Архив Литературного музея Смоленского государственного университета (СмолГУ). Ф. 19. Вязьма 2/г. Тетр. 11. Л. 10–13 (зап. от А. Ф. Плетнёвой, 1926 г.р.).

⁴ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2241. Оп. 1. Д. 3. Л. 76; *Кочанова Е., Степченко Л.* Фольклорное наследие Василия Ефременкова // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 37.

потерянных при отступлении французской армией в 1812 г., составляет значительный пласт фольклорной прозы Смоленщины и соседствующих с ней Витебщины и Могилевщины⁵.

Как и в случае со сказками, хотелось бы видеть порядковую нумерацию опубликованных текстов, а в примечаниях к каждому тексту – его атрибуцию, смысловые комментарии и толкования диалектных слов. Принятая сейчас в издании система отсылок затруднительна для восприятия, поскольку в ней смешаны атрибуции к текстам и комментарии, поданные единым списком. В примечаниях читателю не хватает комментариев к смоленским реалиям, которые как раз и указывают на локальные особенности собранных Ефременковым текстов. Например, в предании «Смерть Меркурия» (с. 111) упомянуты Молоховские ворота (не сохранившаяся до наших дней часть смоленской крепостной стены), возле которых татары отрубили голову святому, и эта деталь роднит текст Ефременкова с вариантом предания о св. Меркурии, опубликованным В. Н. Добровольским⁶, и отличает вариант Ефременкова от еще одной смоленской версии легенды о Меркурии, записанной в 1910-е годы Е. Н. Клетновой (где упоминается лишь татарская орда, что «кругом город Смоленск обложила»)⁷.

Во вторую часть книги («Песенный фольклор») вошли публикации обрядовых (календарных и свадебных) и необрядовых (лирических) песен и частушек, сопровождаемые аналитическим комментарием (Л. Г. Каяниди, К. О. Высокович, В. В. Федоренко, Л. Л. Степченков).

Среди предсвадебных песен стоит особо отметить ту, в которой жених и его родня уподобляются рою пчел, а невеста метафорически названа «белой раицей» (вероятно, с намеком на ее будущую роль пчелиной матки?) (с. 133–134). Интересен также вариант «сиротской» предсвадебной песни (с. 134–135), которую пели девушке-сироте «за неделю до свадьбы во время работы». Песня содержит мотив невозможности для покойного родителя присутствовать на свадьбе дочери («жоўтыя пескі засыпалі глазкі», «сыра маты [земля] на грудзі легла» – с. 135). Отметим, что мотив «сиротской свадьбы» с призыванием покойного отца отмечен также в одной из частушек, записанных В. К. Ефременковым (вероятно,

⁵ См.: Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. С. 107–109; Белова О. В. Водоемы псковско-витебского пограничья: между устной историей и мифологией // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых міждысцыплінарных даследаванняў. У 2 частках. Наваполацк: ПДУ, 2016. Ч. 1 / Пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. С. 52–58.

⁶ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Смоленск: Тип. Е. Евдокимова, 1891. Ч. 1. С. 379.

⁷ Клетнова Е. Н. Легенды местных крестьян / Подготовка текста Т. К. Пастернак, примечания М. В. Ахметовой, О. В. Беловой // Живая старина. 2016. № 4. С. 41.

в Починковском районе в 1938–1941 гг.) и сохранившихся в собрании РГАЛИ: «Я на папину могилку / Схожу-прогуляюся; / Вставай-ка, милый папа, / Замуж собираюся» (с. 180). И в песне, и в частушке отражен известный у русских, украинцев и поляков обряд посещения невестой-сиротой могил родителей, чтобы испросить их благословения⁸, что следовало бы отметить в комментариях к текстам.

Смоленские частушки, извлеченные публикаторами из собраний РГАЛИ, архива РАН и ГАСО, пополнят фонд текстов, отражающих переломный этап в жизни колхозной деревни в 1930-е годы. Частушки из собраний РГАЛИ и архива РАН сгруппированы по рубрикам – «Антирелигиозные», «Делегатские», «Любовные» и т. п. В комментариях следовало бы отметить, сделана ли рубрикация самим собирателем или появилась при подготовке текстов к публикации; иначе вызывает недоумение нестыковка классификации, описанной К. О. Высокович (величальные, корильные, элегические, идиллические и т. п.) в предисловии к публикации (с. 163–164), с дальнейшей рубрикацией текстов. Частушки из собрания ГАСО (публикатор Л. Л. Степченко) представлены тематическими блоками (Первая мировая война, революция, Гражданская война), что соответствует рубрикации самого В. К. Ефременкова. Для исследователей этого жанра будет интересна такая особенность, как многофункциональность одного текста, бытовавшего в одной локальной традиции (Починковский район Смоленской области): так, частушка с зачином «Пойду в сад, в самый зад, / Наломая мяты...» выступает и как припевка о подарке милому Ванечке (с. 181), и как угроза сопернице-злодейке (с. 182), и как приглашение девушками парней к совместному гулянию (с. 182), и, что наиболее интересно, как описание братания во время Первой мировой войны (с. 186). В целом же частушки из РГАЛИ, архива РАН и ГАСО – хорошая база для дальнейшего исследования этого жанра с привлечением других материалов, хранящихся в ГАСО (1930–1950-е годы) и в архиве Литературного музея СмолГУ (1960–2000-е годы).

При текстах песен и частушек также хотелось бы видеть более подробные комментарии. При наличии в тексте слов с отточиями (например, в песне, исполнявшейся на Сороки, – с. 114) следует указывать, соответствует ли такое написание оригиналу или таков был принцип публикации. Отмечу попутно, что наличие ненормативной лексики в тексте шуточной весенней песни с мотивом заигрывания друг с другом представителей

⁸ *Гура А. В.* Невеста // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 385.

разных полов предбрачного возраста, позволяет однозначно отнести ее к молодежному репертуару, а не к комплексу весенних песен с упоминанием детей (см. с. 115). Безусловно, для адекватного восприятия советских частушек необходим комментарий к реалиям первой трети XX в. – современному читателю, особенно молодому, непонятно, что такое «детская неделя» (с. 171), как и в связи с чем «Серафимушку святого провожали из Тамбова» (с. 167), почему поп ездил «за сбором хлеба», а мужики ему отказали, сославшись на то, что «нужен хлеб в налог сейчас» (с. 183). Подобный комментарий позволил бы избежать неточностей при публикации текстов, обусловленных неверным прочтением почерка собирателя. Так, совершенно очевидно, что в частушке «Хорошо в колхозе жить, / Хорошо работать; / Пятьсот восемьдесят трудностей / Можно заработать» (с. 172) речь идет не о трудностях, а о трудоднях, начислявшихся колхозникам вместо заработной платы.

В заключение необходимо сказать, что каждая публикация аутентичного регионального фольклора, особенно относящаяся к первой половине XX столетия, становится настоящим подарком для фольклористов, и книга о наследии В. К. Ефременкова здесь не исключение.

Литература

- Белова О. В. Водоемы псковско-витебского пограничья: между устной историей и мифологией // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых міждысцыплінарных даследаванняў. У 2 частках. Наваполацк: ПДУ, 2016. Ч. 1 / Пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. С. 52–58.
- Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008.
- Каяниди Л. Фольклорные материалы В. К. Ефременкова: ценное и бесценное // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 41–43.
- Каяниди Л. В. К. Ефременков – собиратель смоленского фольклора // Край Смоленский. 2019. № 6. С. 24–27.
- Кочанова Е., Степченков Л. Забытый собиратель старины: Василий Константинович Ефременков // Край Смоленский. 2015. № 4. С. 18–25.
- Кочанова Е., Степченков Л. Фольклорное наследие Василия Ефременкова // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 32–41.

References

- Belova, O.V., 2016. Vodoemy pskovsko-vitebskogo pogranich'ia: mezhdzu ustnoi istoriei i mifologii. In: Duk, D.U., Lobach, U.A., Korsak, A.I., eds, 2016. *Belaruskay Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh mizhdystsyplinarykh*

dasledavanniaŭ. U 2 chastkakh. Ch. 1 [Belarusian Dvina Region: Experience, Methodology and Results of the Field Interdisciplinary Studies]. Novopolotsk: PDU, pp. 52–58.

Belova, O.V., Petrukhin, V. Ia., 2008. *Fol'klor i knizhnost': Mif i istoricheskie realii* [Folklore and Book Culture: Myth and Historical Realities]. Moscow: Nauka.

Kaianidi, L., 2015. Fol'klornye materialy V. K. Efremenkova: tsennoe i bestsennoe. *Krai Smolenskii*, 6, pp. 41–43.

Kaianidi, L., 2019. V. K. Efremenkov – sobiratel' smolenskogo fol'klora. *Krai Smolenskii*, 6, pp. 24–27.

Kochanova, E., Stepchenkov, L., 2015. Zabytyi sobiratel' stariny: Vasiliia Konstantinovich Efremenkov. *Krai Smolenskii*, 4, pp. 18–25.

Kochanova, E., Stepchenkov, L., 2015. Fol'klornoe nasledie Vasiliia Efremenkova. *Krai Smolenskii*, 6, pp. 32–41.

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ.
Т. 1. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР /
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН;
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН;
[ОТВ. РЕД. Т. И. ВЕНДИНА]. М.; СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ,
2017. 736 С.**

Славка Керемидчиева –

профессор, доктор филологических наук, отдел болгарской диалектологии и лингвистической географии, Институт болгарского языка, Болгарская академия наук
Почтовый адрес: бул. Шипченски проход 52, блок 17, София 1113, Болгария
Электронный адрес: s.keremidchieva@ibl.bas.bg

Аннотация

Рецензия посвящена первому тому «Лексического атласа русских народных говоров» (М., 2017, отв. ред. Т. И. Вендина), имеющему подзаголовок «Растительный мир» и дающему начало тематической серии «Природа». В рецензии обсуждаются структура атласа, принципы картографирования лексем, типы карт, которые авторы атласа разработали для решения конкретных лингвогеографических задач. В атласе диалектный лексический материал распределен по нескольким тематическим группам: 1. Названия лесных массивов, в том числе общие названия леса; 2. Названия деревьев; 3. Названия кустарников; 4. Названия различных трав; 5. Названия лесных ягод; 6. Названия дикорастущих цветов и лечебных трав; 7. Названия грибов. Лингвогеографическая проекция этой лексики демонстрирует сложную и сильно дифференцированную в диалектном отношении картину русского языкового континуума. Чтобы лексические, семантические и словообразовательные сходства и различия лексики, распределенной по указанным тематическим группам, были корректно отражены на картах и удобочитаемы, авторы атласа разработали разные по своим задачам и способу исполнения типы карт: лексические, семантические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, мотивационные, номинативные. Лингвистический материал представлен на диалектном ландшафте при помощи разнообразных значков – геометрических фигур, дополненных внутренними или внешними диакритиками. Когда диалектный континуум оказывается разорванным, авторы предлагают дублетные карты, с помощью которых можно достичь большего обобщения. Используя первый том «Лексического атласа русских народных говоров», можно сделать выводы об основных лексических различиях между южно- и севернорусскими говорами или же между русским Востоком и Западом. Авторы также отмечают появившиеся в результате заимствования в диалект из литературного языка или из других языков или производные от новых диалектных слов так называемые эксклюзивные (исключительные) лексемы, характерные для северно- и южнорусских говоров.

Ключевые слова

Диалектология, лингвогеография, лингвистическое картографирование, русские диалекты, «Лексический атлас русских народных говоров», растительный мир

Статья поступила в редакцию 31 марта 2019 г.

**LEXICAL ATLAS OF THE RUSSIAN FOLK DIALECTS. VOL. 1.
THE PLANT WORLD / INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; INSTITUTE OF SLAVIC
STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; EDITED BY
T. I. VENDINA. MOSCOW; SAINT PETERSBURG:
NESTOR-HISTORIA, 2017. 736 P.**

Slavka Keremidchieva

Ph.D., Professor, Department of Bulgarian
Dialectology and Linguistic Geography, Bulgarian
Language Institute, Bulgarian Academy of
Sciences

Postal address: 52 Shipchenski Prohod Blvdr.,
Block 17, Sofia 1113, Bulgaria

Email: s.keremidchieva@ibl.bas.bg

Abstract

The review is devoted to the first volume of the *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects* (Moscow, 2017, executive editor Tatyana I. Vendina), which has the subtitle *The plant world* and starts the thematic series *Nature*. The review discusses the structure of the Atlas, the principles of mapping dialect lexemes, and the types of maps that the authors of the Atlas have developed for specific purposes of linguistic geography. Dialect lexical material is distributed in the Atlas in several thematic groups: 1. Nominations of forest areas, including common forest names; 2. Tree nominations; 3. Bush nominations; 4. Nominations of various herbs; 5. Nominations of berries; 6. Nominations of wild flowers and medicinal herbs; 7. Nominations of mushrooms. This vocabulary, considered in the perspective of linguistic geography, reveals the diversity of the Russian dialect continuum. The authors of the Atlas have developed different types of maps according to their tasks and method of execution, so that lexical, semantic and word-forming similarities and differences of the vocabulary distributed in these thematic groups are correctly reflected on the maps and remain readable. There are lexical, semantic, lexical-word-formation, word-formation, motivational, and nominative maps in the Atlas. The linguistic material is represented on the dialect landscape by various icons: geometric figures supplemented by internal or external diacritics. When the dialect continuum turns out to be dispersed, the authors propose doublet maps that help achieve greater generalisation. The reviewed Atlas demonstrates the main lexical differences between the Southern and Northern Russian dialects or between the Russian East and West. The authors of the Atlas also note the so-called exclusive lexemes, which appeared as a result of borrowing into the dialect from the standard language or from other languages or derived from new dialect words and which characterise the Northern and Southern Russian dialects.

Keywords

Dialectology, linguistic geography, linguistic mapping, Russian dialects, the Lexical Atlas of Russian folk dialects, the plant world

Received 21 March 2019.

Накануне XVI Международного съезда славистов, прошедшего в конце лета 2018 г. в Белграде, вышел из печати фундаментальный «Лексический атлас русских народных говоров» (далее ЛАРНГ), который благодаря высокой ценности и исключительному исполнению может считаться самым значительным продуктом российской лингвистической географии из создававшихся за последние десятилетия. В отличие от вышедшего с 1986 по 2005 г. четырехтомного Диалектологического атласа русского языка (далее ДАРЯ), в котором представлены результаты обследования говоров центральноевропейской части России, ЛАРНГ, чья сетка охватывает 1064 опорных пункта по числу административных районов, исследует говоры европейской части России, не включенной в ДАРЯ. Это говоры Русского Севера, юга России и восточные говоры до Урала. Другое основное отличие ЛАРНГ от ДАРЯ, в четырех томах которого обследованы фонетика, морфология, синтаксис и лексика русских говоров, состоит в том, что ЛАРНГ, как становится ясным из заглавия, посвящен изучению исключительно лексического богатства народных говоров. Первый том атласа, имеющий подзаголовок «Растительный мир», дает начало тематической серии «Природа».

ЛАРНГ представляет собой широкомасштабный научный проект не только по причине того, что охватывает говоры на указанной территории, не только потому, что в его подготовке и сборе полевых данных приняли участие более 70 университетов и институтов под руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН, но главным образом благодаря воплощению задуманной концепции на высоком научном уровне. Здесь нужно отдать должное редактору тома Т. К. Ховриной и ответственному редактору Т. И. Вендиной, многолетний опыт которой в качестве автора и редактора нескольких томов «Общеславянского лингвистического атласа» (далее ОЛА) и руководителя всего международного проекта ОЛА пригодился при работе над ЛАРНГ.

Первый том ЛАРНГ содержит 210 карт (включая и дублетные), сопровождающихся соответствующими комментариями и индексами и содержащих картографированный диалектный материал, как уже было сказано, тематической группы «Растительный мир». Собранные в полевых условиях по специальной программе атласа и систематизированные данные

подверглись лингвогеографической интерпретации с целью «локализовать в пространстве вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы русских диалектов, связанного с представлениями диалектоносителей об окружающей их природе» (с. 7).

Проецирование диалектных различий и сходства в области лексики и словообразования на диалектный ландшафт может очертить ясную и достоверную картину диалектного членения русских говоров, которая является надежной основой для дальнейших научных исследований.

В атласе используются цветные значки (а не заливка). Авторами найдено отличное решение обозначать цифрой не один населенный пункт, а весь административный район, благодаря чему удалось избежать чрезмерного скопления пунктов (и цифр) на бланковке, это предопределило читаемость карт. Для однотипных говоров из такого района выбирается один представительный населенный пункт, а для разнотипных – несколько, и материалы обозначаются в индексе только одной цифрой, относящейся к району.

Этот принцип, применявшийся и в пробном томе ЛАРНГ (Лексический атлас русских народных говоров. Пробный том. СПб., 2004), дает возможность представить в атласе весь собранный материал. Это хорошо показывают как сами карты, так и обширные и очень полезные для любого исследователя комментарии, в которых представлена общая характеристика картографированного материала и описываются ареалы картографированных лексем. Комментарии сопровождаются аутентичным иллюстративным материалом, который не только придает оригинальность структуре атласа, но, что важнее, в достаточной степени документирует значение картографируемых лексем. Как и в ОЛА, здесь представлены лексемы, оставшиеся вне картографирования, включенные в 15 индексов материалов к картам. Пользование атласом облегчат сводный индекс картографируемых лексем, а также нумерация районов по областям и в соответствии с иным крупным административным делением.

Богатый диалектный лексический материал распределен по нескольким тематическим группам: 1. Названия лесных массивов, в том числе общие названия леса; 2. Названия деревьев; 3. Названия кустарников; 4. Названия различных трав; 5. Названия лесных ягод; 6. Названия дикорастущих цветов и лечебных трав; 7. Названия грибов.

Лингвогеографическая проекция всей этой разнообразной лексики показывает сложную и сильно дифференцированную в диалектном отношении картину русского языкового континуума, которая является результатом «высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения» (с. 7).

Чтобы лексические, семантические и словообразовательные сходства и различия лексики, распределенной по указанным тематическим группам, были корректно отражены на картах и удобочитаемы, авторы атласа разработали разные по задачам и способу исполнения типы карт.

Значительно число **лексических карт**, построенных на основе онома-сиологического принципа (от значения к слову): при картографировании различных объектов (предметов, признаков) номинации исходят из семантики лексем и ищут соответствующее название. Таковы, например, карты Л 1 [к. № 1]¹ ‘лес’, Л 23 [к. № 29] ‘лес, выросший на пожарище’, Л 35 [к. № 43] ‘сухое дерево’, Л 53 [к. № 61] ‘берёза’, Л 58 [к. № 71] ‘орешник’ и мн. др. По возможности соотнося бесчисленные словообразовательные или корневые варианты с разнообразными геометрическими фигурами и вписанными в них различными знаками, которые используются для обозначения отдельных суффиксов и корней, авторы старались представить в удобочитаемом виде многоплановые и многочленные диалектные различия. Когда это оказывается невозможным, они предлагают вторую или третью карту-дубль, которая имеет более обобщенный вид, нежели основная карта. Таковы, например, карты Л 54 и Л 54 (карта-дубль) [к. № 62 и № 63] ‘верба’, Л 65 и Л 65 (карта-дубль) [к. № 74 и № 75] ‘дикая лесная яблоня’, Л 145 и Л 145 (карта-дубль) [к. № 162 и № 163] ‘подорожник’, Л 157 и Л 157 (карта-дубль) [к. № 182 и № 183] ‘белый гриб’, Л 149 и Л 149 (карта-дубль) [к. № 170–173] ‘щавель’ и др.

Практически карты этого типа свидетельствуют о богатстве лексических различий, которые содержатся в русских народных говорах. В отличие от литературного языка, который предлагает обыкновенно одну номинацию того или иного объекта, русские диалекты обладают более внушительным арсеналом лексем: например, на карте Л 87 [к. № 95] ‘верхушка дерева’ хорошо видны ареалы 14 разных лексем, не считая единичных названий с картографированным или некартографированным корнем: *верх*, *верхушка*, *верховец*, *верховина*, *вершина*, *маквица*, *маковица*, *макушка* и др.

Семасиологический подход обнаруживается при картографировании небольшого числа **семантических карт**, таких как, например, карта СМ 2 [к. № 2] «Употребляется ли и в каких значениях слово *дубрава*, *дуброва*; СМ 127 [к. № 140] «Употребляются ли и в каких значениях слова *комоника*

¹ Двойная нумерация карт – использование порядковых номеров карт и номеров, обозначающих соответствующий вопрос программы, ответ на который был положен в основу карты того или иного типа (лексической, лексико-словообразовательной, семантической, мотивационной), имеет свою логику, но затрудняет как их цитирование, так и их поиск, поскольку в содержании даются только порядковые номера карт и их заглавия.

(*команика, куманика*)?»); СМ 155 и СМ 155 (карта-дубль) [к. № 179 и № 180] «Употребляются ли и в каких значениях слова *обабок, обабка*?»; СМ 156 [к. № 181] «Употребляется ли и в каких значениях слово *губы*?» и др. Фактически карты этого типа показывают развернутую полисемию в ее многоплановости и сложности. Нередко основную карту сопровождает дублирующая ее карта, на которой дополнительно представлены многочисленные и разнообразные значения, демонстрирующие большую семантическую вариативность картографируемой лексемы. Например, к 11 значениям лексемы *обабок, обабка* ‘подберезовик’, представленным на карте СМ 155 [к. № 179], добавлено еще столько же дополнительных значений на дублетной карте СМ 155 [к. № 180], среди которых, однако, отсутствуют значения ‘вид гриба’.

Основную часть атласа составляют **лексико-словообразовательные карты**, но это совершенно естественно и подразумевалось изначально, поскольку все карты, в основу которых был положен ономаσιологический принцип, демонстрируют номинативные, но главным образом – лексико-словообразовательные различия. На картах одним обобщающим значком отмечаются и все описательные номинации.

Карты этого типа, так же как и лексические, наглядно демонстрируют лексическое богатство народных говоров и неисчерпаемые номинативные средства, которыми оперирует диалектоноситель по сравнению со значительно более ограниченным в выборе средств носителем литературного языка. Часто именно диалекты предлагают яркие и образные, с прозрачным мотивационным признаком, однословные номинации в противовес литературному языку, в котором есть только описательные наименования. Примером может служить, например, карта ЛСЛ 34 [к. № 41] с длинным литературным описательным названием ‘мертвый лес с засохшими на корню деревьями’, на которой хорошо различимы, пусть они часто разорваны, неконтактны и даже дисперсны, ареалы более 14 метафорических однословных номинаций с прозрачными мотивационными признаками: *мертвіна, мертвяк, сухара, сухарник, сушіна, суходол, сухостойник, сухоподстойник* и др. Ареалы диалектных синтаксических конструкций немногочисленны и главным образом точечны.

Различия в выборе словообразовательного инвентаря, при помощи которого диалектоносители создают номинации с тождественными корневыми морфемами, представлены в лингвогеографической проекции и на **словообразовательных картах**, составляющих также значительную часть объема ЛАРНГ. По картам этого типа (таковы, например, карты СЛ 6 ‘лес, роща с преобладанием деревьев одной породы’ (к. № 8), СЛ 77

‘маленькое растущее дерево’ (к. № 83), СЛ 78 ‘большое растущее дерево’ (к. № 85) и др.) можно проследить различное территориальное распределение отдельных суффиксов.

Очень интересны **мотивационные карты**, разработка и включение которых в ЛАРНГ не входили в первоначальный проект и программу атласа. Их появление было продиктовано возникшей в процессе работы необходимостью репрезентировать в лингвогеографическом ключе мотивационные признаки номинаций. Это, в свою очередь, дает возможность эксплицировать способ мышления диалектоносителя и способ, в соответствии с которым он видит и подбирает характерные признаки того или иного объекта окружающей природы при его назывании. Например, на мотивационной карте Л 137 ‘клевер’ (к. № 150) при помощи различных геометрических фигур разных цветов, представляющих несколько мотивационных уровней, картографированы прежде всего метафорические номинации, возникшие на основе ассоциативных связей с продуктами питания, и номинации, в основе которых лежит зооморфный признак. Далее цветным значком (пятиугольником) в его различных модификациях обозначены номинации, возникшие на основе качественно-оценочного признака: отражающие медоносные свойства, форму, цвет клевера. При помощи других геометрических фигур обозначены наименования, в основе которых лежит другой мотивационный признак, и названия с неясной внутренней формой.

Мотивационные карты являются важной частью ЛАРНГ, поскольку они хорошо представляют системность в организации различных семантических сфер и позволяют делать выводы о семантической корреляции между различными мотивационными признаками.

Карты **номинативного типа** показывают различные виды номинаций: однословные, эксплицирующие словообразовательную модель номинации, словообразовательные средства и пр., или номинации, представляющие собой описательные конструкции, выявляющие синтаксические связи между именами, входящими в их состав. Карты этого типа свидетельствуют о существовании различных номинативных моделей в отдельных русских диалектах, о разной логике, действующей в процессе номинации.

В вводной части атласа описаны принципы картографирования в ЛАРНГ, поэтому здесь я не буду подробно останавливаться на них, тем более что в их основе, как указывают авторы атласа, лежат общие теоретические установки, сформулированные при создании ОЛА. В соответствии с концепцией картографирования ЛАРНГ при работе над ним соблюдался «принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий

и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса» (с. 8). Таковы, например, регулярные фонетические диалектные различия, так как они не являются релевантными для большинства карт атласа.

Лингвистический материал представлен на диалектном ландшафте при помощи разнообразных значков – геометрических фигур, дополненных внутренними или внешними диакритиками. Сложные слова картографируются значками, вписанными в геометрическую фигуру. Цель языкового содержания карты – ясно и недвусмысленно, причем на всех уровнях, показать противопоставление диалектных различий. При решении о включении той или иной лексемы в легенду карты и о ее месте в иерархии условных знаков легенды учитывались ее дистрибуция и частотность употребления, ее связи с легендами других карт (общие для данных карт лексемы обозначаются одинаковыми значками), ее происхождение – является ли она славянской или заимствованной – и т. д.

Характеризуя ареалы на всех картах ЛАРНГ, авторы определили русский диалектный ландшафт как в высокой степени дифференцированный в лексическом и словообразовательном отношении. Разумеется, эта диалектная дифференциация неоднородна – в одних случаях она сильнее, в других слабее. Но именно эта сильная диалектная дифференциация, подтвержденная существованием многочисленных островных и точечных ареалов, ставит перед исследователями много комплексных, требующих решения задач, от социологических и этнолингвистических до глоттогенетических. Поэтому в том случае, когда диалектный континуум оказывается разорванным, авторы предлагают дублетные карты, с помощью которых можно достичь большего обобщения. Сказанное можно проиллюстрировать, обратившись к четырем картам: № 111 [Л 102 ‘поляна’ и Л 103 ‘открытое место в лесу’], № 112–114 [карты-дубли Л 102 и Л 103]. На карте № 111 [ЛСЛ 102 и Л 103] картографировано более 20 лексем с указанным значением, не считая многочисленных единичных названий с картографируемым или некартографируемым корнем. Более отчетливой представляется картина, которую мы видим на первой дублетной карте № 112, на которой отмечены названия *поляна*, *полянка*, *междулесье*, *межлесье* и другие дериваты с корнем *лес-*. На второй дублетной карте № 113 отчетливо видны ареалы других, более широко распространенных названий поляны – *дол* и *палестина* и их производные. Третья дублетная карта, № 114, также хорошо показывает четко очерченные ареалы более редких слов: *веретье*, *елань*, *круговина*, *кулига*, *чистина*, *грива* и их производных, а кроме того, маркированные

обобщающими картографическими значками ареалы других дериватов с корнями *чист-*, *круг-* и *елан-*.

Уже сейчас, используя первый том ЛАРНГ, можно сделать и другие выводы и заключения, например, об основных лексических различиях между южно- и севернорусскими говорами или же между русским Востоком и Западом.

ЛАРНГ является прекрасным и неоспоримым доказательством того, что футурологические прогнозы о скорой «смерти» русских диалектов, как и диалектов в целом, в ближайшее время не сбудутся, так как все карты отчетливо демонстрируют консервативность в сохранении традиционного и специфичного, а также и витальность народных говоров, и продуктивность диалектных номинативных моделей. Объективный научный подход к языковым фактам обязывает картографировать и слова, заимствованные в диалект из литературного языка или из других языков, или производные от новых диалектных слов в диалектной лексической системе, но независимо от этого диалектная система демонстрирует свою жизнеспособность и устойчивость и в XXI веке. Неслучайно авторы отмечают появившуюся именно в результате указанных процессов так называемую исключительную (эксклюзивную) лексику, характерную для северно- и южнорусских говоров. Лингвогеографическое прочтение и анализ примеров таких эксклюзивных лексем, которые отмечены на многих картах и часть которых авторы вывели в вводную часть атласа (с. 10), позволяют сделать очень важный вывод: «В процессе развития русских говоров возникает некоторая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов» (с. 10).

Исследуя наиболее проницаемый для изменений пласт языка – лексику, первый том ЛАРНГ успешно справился с задачей показать удивительную картину многовекового человеческого опыта и знания о мире. Поэтому его материалы послужат многочисленным исследованиям в русистике и славистике. Например, в силу использования значительно более широкой сетки пунктов карты ЛАРНГ дополняют новыми материалами и расширяют представление об общеславянском диалектном пространстве, которое в настоящий момент мы имеем благодаря в том числе картам ОЛА.

Том «Растительный мир» является удачно поставленной первой вехой на долгом пути, на протяжении которого коллектив известных русских диалектологов и их молодых коллег изучает и обследует в лингвогеографической

проекции лексическое богатство русского языка. В планы этого коллектива входят расширение границ диалектного континуума, включение еще не обследованных территорий необъятной Русской земли, а также сбор по программе ЛАРНГ и введение в научный оборот данных во всей полноте. Несомненно, что и последующие тома серии «Природа» этого замечательного по содержанию и исполнению атласа откроют исследователям новый и во многих отношениях неизвестный до сих пор материал, который разрушит старые представления, опровергнет неверные утверждения и представит аутентичные материалы, свидетельствующие о лексическом разнообразии русских говоров.

Перевод с болгарского О. В. Трефиловой

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БАЛКАНСКИЙ ДИАЛОГ – 2019»

Юлия Рифовна Хакимова –
соискатель, кафедра истории журналистики,
Высшая школа журналистики и массовых
коммуникаций, Санкт-Петербургский
государственный университет
Почтовый адрес: 1 линия В.О., 26,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
Электронный адрес: yulia.khakimova@gmail.com

Аннотация

В статье представлена информация о международной конференции «Балканский диалог – 2019», состоявшейся в Софии (Болгария) с 15 по 20 апреля 2019 г. Мероприятие, организованное Фондом поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, продолжило серию тематических конференций, ранее проходивших в Сербии и Боснии и Герцеговине. В рамках события был организован ряд круглых столов и дискуссий, посвященных роли российских медиа в формировании общественного мнения на Балканах, образу России в современных СМИ Болгарии, вопросам региональной безопасности, торгово-экономическому и энергетическому сотрудничеству России и стран Балканского региона. В качестве экспертов-докладчиков на «Балканский диалог» были приглашены представители академического сообщества, деловых кругов, средств массовой информации, а также общественные деятели из России, Болгарии, Сербии и Турции. Участники события – молодые ученые, журналисты, лидеры молодежных объединений и государственных структур, чей возраст не превышает 35 лет, – в завершение конференции представили групповые проекты, посвященные анализу политического, экономического и гуманитарного присутствия на Балканах России, США, Китая и Европейского союза.

Ключевые слова

Россия, Балканы, Болгария, София, конференция, международная безопасность, политика, «мягкая сила»

Статья поступила в редакцию 19 октября 2019 г.

INTERNATIONAL CONFERENCE “BALKAN DIALOGUE – 2019”**Iuliia R. Khakimova**

Graduate Student, Chair of History of Journalism,
School of Journalism and Mass Communications,
Saint Petersburg State University
Postal address: 1st Line V. O., 26, Saint Petersburg,
199034, Russia
E -mail: yulia.khakimova@gmail.com

Abstract

This article describes the international *Balkan Dialogue – 2019* conference held in Sofia (Bulgaria) from April 15 to 20, 2019. An event organized by the the Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund, it continued the series of thematic conferences previously held in Serbia and Bosnia and Herzegovina. The conference consisted of several round tables and discussions dedicated to the role of Russian media in public opinion formation in the Balkans; Russia's image in Bulgarian media; issues of regional security; and economic and energy cooperation between Russia and the Balkans. The key speakers at the conference were representatives from the academic and business communities, the media and public figures from Russia, Bulgaria, Serbia and Turkey. At the end of the event its participants (all under the age of 35) – researchers, journalists, leaders of youth associations and representatives from government agencies – presented group projects analyzing the political, economic and humanitarian presence of Russia, the USA, China and the European Union in the Balkans.

Keywords

Russia, Balkans, Bulgaria, Sofia, conference, international security, politics, soft power, chronicle

Received 19 October 2019.

С 15 по 20 апреля в Софии (Болгария) состоялась международная конференция «Балканский диалог – 2019». Организатором события выступил Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. В конференции приняли участие представители России, Украины, Турции, Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии, Албании и Венгрии.

Проект «Балканский диалог» реализуется с 2014 г. Конференция в Софии стала четвертой по счету: ранее аналогичные события проходили в Белграде (Сербия) в 2014 г., в Нови-Саде (Сербия) в 2015 г., в Сараеве (Босния и Герцеговина) в 2018 г.

Конференцию открыл чрезвычайный и полномочный посол России в Болгарии А. А. Макаров. Он представил обзор двустороннего сотрудничества России и Болгарии, сделав акцент на взаимодействии в культурно-гуманитарной и политической сферах, а также напомнил,

что в июле 2019 г. исполняется 140 лет дипломатическим отношениям двух стран.

От лица Фонда Горчакова участников «Балканского диалога» приветствовал советник исполнительного директора Фонда В. Ф. Канторов.

Программу открыл «круглый стол» «Средства массовой информации как инструмент формирования общественного мнения и изменения общественных мировоззрений на Балканах».

Об истории одного из первых российских СМИ на Балканах рассказал П. А. Искендеров, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия). В течение 15 лет он работал на радиостанции «Голос России», которая вела вещание на албанском, сербском, болгарском, греческом, румынском, венгерском, польском, чешском и словацком языках. По словам докладчика, во второй половине 1990-х годов передачи «Голоса России» на Восточную Европу преследовали задачу не допустить вступления стран региона в НАТО¹.

Историю присутствия российских СМИ, пришедших на Балканы на смену «Голосу России», представил В. В. Чарский, канд. филол. наук, заместитель шеф-редактора проекта *Russia Beyond* (Москва, Россия). В 2009 г. в Болгарии был запущен проект «Российской газеты» *Russia Beyond the Headlines*, который в сотрудничестве с газетой «Дума» начал выпускать печатное приложение. В Сербии аналогичное сотрудничество велось с газетой «Политика» (с 2012 г.) и с журналом *Nedeljnik* (с 2015 г.). В Хорватии в проекте участвовала газета *Večernji List*. С начала 2010-х годов для работы с интернет-аудиторией разных стран были запущены региональные версии портала. В 2015 г. на Балканах появился интернет-проект «Спутник», принадлежащий федеральному МИА «Россия сегодня»².

Об опыте создания информационных поводов на примере работы в Сербии медицентра «Руски експрес» рассказал политический обозреватель «Первого канала» Е. А. Баранов (Москва, Россия). Следствием работы медицентра стали также реализация проекта «Бессмертный полк» и транспортировка Благодатного огня на Балканы.

Ведущий программ «Деконструкция» и «12+3» на Болгарском национальном радио П. Волгин (София, Болгария) представил свой взгляд на освещение образа России в медиапространстве Болгарии. Он обратил внимание на то, что формированием общественного мнения о России

¹ Иванова Ю. Медиаприсутствие России на Балканах: от «Голоса России» до «Бессмертного полка» // «Балканист» [сайт]. URL: <https://balkanist.ru/mediaprisutstvie-rossii-na-balkanah-ot-golosa-rossii-do-bessmertnogo-polka/> (дата обращения: 19.10.2019).

² Там же.

занимаются не только местные СМИ, но и западные некоммерческие организации (НКО).

Затронутая П. Волгиным проблема стала предметом дискуссии «Образ России в современных болгарских СМИ». Председатель Союза журналистов Болгарии С. Тодорова отметила, что, по ее мнению, в стране есть проблемы в части свободы слова, а повестка дня смещена в сторону осуждения деятельности Европейского союза и НАТО. Несмотря на это, по данным С. Тодоровой, 75% болгар считают Россию дружественной страной.

О деятельности общественного движения Болгарии «Русофилы» рассказал его председатель Н. Малинов (София, Болгария). Не в последнюю очередь благодаря «Русофилам» в стране работает около 250 кабинетов русского языка в детских садах, а русский язык на постоянной основе изучает 250 тыс. человек.

Текущему состоянию отношений двух стран также была посвящена лекция канд. ист. наук, доцента университета Св. Климента Охридского (София, Болгария) и главного редактора альманаха *Via Evrasia* Д. Григоровой.

В. Божинов, докт. ист. наук, научный сотрудник Института истории Болгарской академии наук, в выступлении представил политическую историю Балканского полуострова в контексте мировой и европейской.

Круглый стол «Региональная безопасность: куда идут Балканы?» открыло выступление Е. Г. Пономаревой, докт. полит. наук, профессора МГИМО МИД РФ (Москва, Россия), на тему «Балканы в эпоху гибридных войн». Приметой времени исследовательница назвала гибридизацию мировой политики, которая проявляется в виде реорганизации социальных пространств и возникновения транслокальных культур, а также ведет к появлению феномена гибридных войн. Одной из характеристик последних является проведение «интегрированных кампаний» с использованием как военных, так и невоенных средств. Балканы, по мнению Е. Г. Пономаревой, оказались одним из полигонов подобной гибридной войны³.

В рамках этого круглого стола Н. В. Бондарев, канд. ист. наук, доцент РГГУ (Москва, Россия), рассказал о концепции «мягкой силы». Особое внимание он уделил такому ее ресурсу, как сила исторической памяти, имеющей решающее значение в контексте российско-сербских отношений – в силу реверсивного восприятия истории нашими народами.

С. Гайич, докт. полит. наук, научный сотрудник Института европейских исследований (Белград, Сербия), рассмотрел вопрос о том, как ведут работу с балканской аудиторией представители евроатлантических структур. По

³ Балканский диалог – 2019 // МГИМО МИД РФ [сайт]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/balkanskiy-dialog-2019/> (дата обращения: 19.10.2019).

мнению исследователя, интеграция всех стран региона в НАТО повлечет за собой создание «санитарного кордона», и Россия окажется в положении, сравнимом с периодом после поражения в Крымской войне 1853–1856 гг.

Аспирант МГИМО МИД РФ А. Димитровска (Москва, Россия) рассказала о террористической угрозе, с которой столкнулись в последнее десятилетие страны региона. Согласно выводам исследователя, Западные Балканы сегодня – это стратегический узел международного исламистского терроризма, а также источник распространения радикального ислама в Европе⁴.

В свою очередь, А. М. Исраилов, заместитель директора Департамента организационной работы и кадровой политики Министерства культуры Чеченской Республики (Грозный, Россия), рассказал об успешном опыте противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в республике. Он подчеркнул, что Чечня является единственным регионом в мире, где терроризм удалось искоренить в кратчайшие сроки⁵.

Об особенностях внешней политики Турции в Балканском регионе рассказал К. Хас, канд. полит. наук, эксперт в области международных и российско-турецких отношений (Москва, Россия).

Круглый стол «Экономика – концентрированное выражение политики» открыл доклад М. А. Максаковой, канд. экон. наук, доцента МГИМО МИД РФ (Москва, Россия), на тему «Балканы и восточный вектор внешне-экономического сотрудничества». Эксперт представила анализ внешне-экономических связей балканских стран с Китаем и странами Ближнего Востока и обозначила проблемы, возникающие в связи с притоком оттуда инвестиций.

Инфраструктурные инвестиции в странах Западных Балкан проанализировал преподаватель МГИМО МИД РФ Д. Д. Крыканов (Москва, Россия). По его словам, регион отличает низкий уровень инфраструктурного развития, усугубляющийся бюджетными ограничениями отдельных стран.

Заместитель генерального директора Фонда национальной энергетической безопасности А. И. Гривач и генеральный директор Института национальной энергетики С. А. Правосудов (Москва, Россия) рассказали о ходе реализации транснационального проекта по строительству газопровода «Турецкий поток», угрозах, проблемах и перспективах его развития.

Участники «Балканского диалога» в завершение конференции представили проекты, в которых проанализировали политическое, экономическое

⁴ Там же.

⁵ Представитель Чечни Алихан Исраилов принял участие в международной конференции «Балканский диалог – 2019» // Информационное агентство «Грозный Информ» [сайт]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/108286/> (дата обращения: 19.10.2019).

и гуманитарное присутствие на Балканах России, США, Китая, а также Европейского союза.

Литература

Балканский диалог – 2019 // МГИМО МИД РФ [сайт]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/balkanskiy-dialog-2019/> (дата обращения: 19.10.2019).

Иванова Ю. Медиаприсутствие России на Балканах: от «Голоса России» до «Бессмертного полка» // «Балканист» [сайт]. URL: <https://balkanist.ru/mediaprisutstvie-rossii-na-balkanah-ot-golosa-rossii-do-bessmertnogo-polka/> (дата обращения: 19.10.2019).

Представитель Чечни Алихан Исраилов принял участие в международной конференции «Балканский диалог – 2019» // Информационное агентство «Грозный Информ» [сайт]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/108286/> (дата обращения: 19.10.2019).

References

Informatsionnoe agentstvo “Groznyi Inform”, 2019. *Predstavitel' Chechni Alikhan Israilov priniat uchastie v mezhdunarodnoi konferentsii “Balkanskii dialog-2019”* [Representative of the Chechen Republic Alikhan Israilov Took Part in the International Conference “Balkan Dialogue – 2019”]. [online]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/108286/> (accessed: 19.10.2019).

Ivanova, Yu., 2019. *Mediaprisutstvie Rossii na Balkanakh: ot “Golosa Rossii” do “Bessmertnogo polka”* [Russian Media Presence at the Balkans: From “The Voice of Russia” to “The Immortal Regiment”]. [online]. URL: <https://balkanist.ru/mediaprisutstvie-rossii-na-balkanah-ot-golosa-rossii-do-bessmertnogo-polka/> (accessed: 19.10.2019).

MGIMO MID RF, 2019. *Balkanskii dialog – 2019* [The Balkan Dialogue – 2019]. [online]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/balkanskiy-dialog-2019/> (accessed: 19.10.2019).

СОВРЕМЕННОЕ ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО: СОЧИНЕНИЯ ВЛАДИМИРА ПОЖИДАЕВА (1946–2009)

Галина Андреевна Пожидаева –

доктор искусствоведения, профессор,
Высшее театральное училище (институт)
имени М. С. Щепкина при Государственном
академическом Малом театре России
Почтовый адрес: ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1, 2,
Москва, 109012 Россия

Электронный адрес: schepkinskoe@theatre.ru

Аннотация

В статье рассматриваются не изученные в музыкознании духовно-музыкальные сочинения Владимира Пожидаева, созданные в конце XX – начале XXI вв. и значимые для современной духовной музыки. Впервые раскрывается идейное и образное содержание его произведений, их драматургия. Идею симфонии «На Рождество Христово» можно выразить как христианскую надежду на спасение. В симфонии слышно противопоставление горнего мира дольнему, духовного мира – более материальным человеческим чувствам и страданиям. Идея симфонии «Пасхальные напевы» – очищение через страдания и молитву. Произведение соединяет в себе черты симфонии и кантаты, поскольку автор вводит певцов-солистов. Представляя определенный аналог западноевропейских пассионов, «Пасхальные напевы» через тексты духовных и покаянных стихов отражают народное восприятие православия на Руси. Органный концерт «Три ангела», написанный под впечатлением от иконы «Троица» преп. Андрея Рублева, передает возвышенный строй внутренней «безмолвной» молитвы, былинное повествование о Рождестве Христовом и суровый драматизм страстей Христовых. Музыкальный язык произведений связан с традиционными ценностями русской культуры: фольклором и духовной музыкой, музыкальной классикой XIX–XX вв. В произведениях слышна эпическая драматургия, характерная для творчества отечественных композиторов. Вместе с тем произведения органично включают элементы авангардного направления музыкального искусства XX в. Сочетание фольклорной архаики, традиций средневековых церковных распевов и колокольных звонов, русского эпического симфонизма и зарубежного авангарда XX в. высекают искру своеобразия в музыкальном стиле композитора и придают его сочинениям неповторимое современное звучание.

Ключевые слова

Духовно-музыкальные сочинения современных композиторов, Владимир Пожидаев, традиционные ценности русской культуры

Статья поступила в редакцию 5 июля 2019 г.

MODERN SACRED MUSICAL CREATIVITY: VLADIMIR POZHIDAEV'S WORKS (1946–2009)

Galina A. Pozhidaeva

D. Sc. in Arts, Professor, Schepkin Higher Theatre School (Institute) at the State Academic Maly Theatre of Russia
Postal address: Neglinnaya Street, 6/2, build. 1, 2, Moscow, 109012 Russia
E-mail: schepkinskoe@theatre.ru

Abstract

The article discusses the spiritual and musical compositions of Vladimir Pozhidaev from the end of the twentieth and beginning of the twenty-first centuries, which have yet to be explored in musicology and are significant works of modern sacred music. For the first time, the ideological and figurative content of his works, and their dramaturgy, are revealed. The idea of the symphony *For the Nativity of Christ* can be expressed as the Christian hope of salvation. In the symphony, one can hear the opposition of the High World (heaven) and Low World (earthly), the spiritual world and more material human feelings and suffering. The idea behind the symphony *Easter chants* is purification through suffering and prayer. The work combines the features of a symphony and a cantata, as the author introduces soloists. Presenting a certain analogue to the West European passions, the *Easter chants* through the texts of spiritual and penitential verses reflect the popular perception of Orthodoxy in Russia. The organ concert *Three Angels*, created under the impression of the *Trinity* icon of Reverend Andrei Rublev, conveys the exalted order of internal “silent” prayer, the epic story of the Nativity of Christ and the severe drama of the passions of Christ. The musical language of the works is associated with the traditional values of Russian culture: folklore and sacred music, as well as musical classics of the nineteenth and twentieth centuries. The epic dramaturgy characteristic of the work of domestic composers is heard in these works. At the same time, the works organically include elements of the avant-garde direction of 20th century musical art. They present a combination of the folk traditions, of medieval church chants and bells, Russian epic symphonies and the foreign avant-garde of the twentieth century, which fan the spark of originality in the musical style of the composer and give his compositions a unique modern sound.

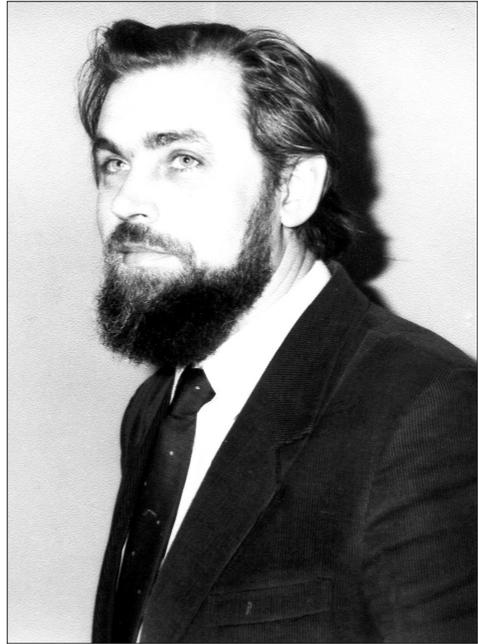
Keywords

Sacred musical compositions of modern composers, Vladimir Pozhidaev, traditional values of Russian culture

Received 5 July 2019.

Обращение к духовной музыке – тенденция композиторского творчества постсоветского периода конца XX – начала XXI вв. Статья посвящена духовно-музыкальному творчеству Владимира Пожидаяева, сочинения которого предназначались не для литургического, а для концертного исполнения.

Владимир Анатольевич Пожидаев (1946–2009) – композитор традиционного направления музыкального творчества. Он работал в жанрах академической музыки: симфонической, камерной вокальной и инструментальной, в том числе музыки для русских народных инструментов.

Им написаны три симфонии: «Летняя», «На Рождество Христово» и «Пасхальные напевы», кантаты «Златые сны» на стихи Ф. Тютчева и «Светлое Христово Воскресение» на тексты духовных стихов. Из камерной музыки назову фортепианное трио, концерт для органа «Три ангела», сонаты для скрипки и альты и три вокальных цикла: «Из песен Алексея Кольцова», «Посох» на стихи Ю. Кузнецова и «Душа хранит» на стихи Н. Рубцова. Даже простое перечисление сочинений показывает его тяготение к русской поэзии XIX в. и к современной поэзии второй половины XX в.

Весомую часть творчества композитора составляют произведения для русских народных инструментов: три концертные симфонии – для малой домры с оркестром (прочно вошедшая в педагогический и концертный репертуар), «Увятские шлемоносцы» (по повести Е. Носова) и «Лето Господне» (по роману И. Шмелева)¹.

Уже по названиям произведений очевидно стремление автора к созданию произведений крупной формы для оркестра народных инструментов и произведений, продолжающих традиции «кучкистов» – традиции программной оркестровой музыки и картинного симфонизма.

Творчество композитора обращено к традиционным ценностям: народной культуре (фольклор – песенный и инструментальный), духовной культуре, русской классической и современной традиционной поэзии высокого уровня. Отражая глубинные ценности русского менталитета, они определяют глубину художественного содержания музыкальных произведений Владимира Пожидаева. Последнее – глубину содержания – отмечают

¹ Пожидаева Г. А. Владимир Анатольевич Пожидаев. Сочинения. См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожидаев,_Владимир_Анатольевич (дата обращения: 22.05.2019).

все исполнители его сочинений, независимо от жанра музыки, будь то музыка симфоническая, камерная или для русских народных инструментов². Музыкальный стиль формируется на основе русской традиционной культуры и несет в современный культурный оборот черты национального мышления, элементы типичной звуковой среды России, органично соединяя фольклор и духовную ветвь нашего музыкального искусства. В сочинениях В. Пожидаева мы слышим фольклорные жанры: былину, протяжную песню, колыбельную, поздние лирические «страдания». Вместе с тем здесь проявляется и музыкальный язык старинных распевов – знаменного, демественного, слышны духовные стихи и, конечно же, стихия колокольных звонов. Достижения русской музыкальной классики – симфонизм и романсовая культура – также вошли в «копилку» автора. Нельзя не упомянуть, что современная струя музыки тоже присутствует в его произведениях, здесь мы услышим характерные тенденции музыкального искусства XX в.

Композитор начинал с авангардного направления – нововенской и новой польской школ, затем прошел через «новую фольклорную волну», создав ряд сочинений на основе фольклорных жанров. Наконец, в поздний период он пришел к воплощению глубоких художественных образов, связанных не только с фольклором, его этическими нормами и эстетикой, но и образов, имеющих непосредственное отношение к духовной культуре и менталитету нации. Именно эта совокупность – фольклора, духовной музыки, русской музыкальной классики XIX в. и современных тенденций авангардной музыки XX в. – определяет музыкальный стиль произведений В. Пожидаева.

Несмотря на такое обилие истоков, его музыка воспринимается очень органично и естественно, композиционные приемы не господствуют, а только становятся средством для воплощения художественной идеи.

Произведения на *духовную* тематику относятся к *позднему* периоду биографии композитора, завершая эволюционный процесс духовного развития, и становятся вершинами его творчества.

В последние десятилетия в России необычайно вырос интерес отечественных композиторов и музыковедов к духовной музыке: мы возвращаемся к своим истокам, к своим корням. В развитии духовной музыки рубеж XX–XXI вв. становится сопоставим с рубежом XIX–XX вв.: неслучайно один из ведущих специалистов в области духовной музыки Н. С. Гуляницкая назвала его «*Новейшим направлением*»

² Пожидаева Г. А. Народный оркестр подобен симфоническому // Народное творчество. 2019. № 5. С. 57–64.

в параллель с *Новым направлением* русской духовной музыки конца XIX – начала XX в.³

В чем причины? Одна из них – демократизация нашей жизни в постсоветскую эпоху, когда стало возможно сочинять, исполнять и издавать духовно-музыкальные сочинения. Другая причина – духовный рост композиторов, воспитанных в советское время. Ведь даже Г. В. Свиридов, автор сочинений, отражающих советскую идеологию, – таких, как «Патетическая оратория» на стихи Маяковского, сюиты «Время, вперед!» – обратился к хоровой музыке на канонические богослужебные тексты только в конце своей жизни, написав «Песнопения и молитвы для хора без сопровождения» (1980–1997)⁴.

В Новейшем направлении важное место занимают произведения внебогослужебных жанров, предназначенные для концертного исполнения, – эта тенденция возникла еще в Новом направлении русской духовной музыки, воплотившись в гениальной «Всенощной» С. В. Рахманинова и произведениях других авторов. Иной тенденцией стало использование современными композиторами стилистики церковного пения, в том числе и допетровской эпохи, в отдельных частях циклических произведений.

В наши дни обе тенденции очевидны в творчестве многих композиторов: Г. В. Свиридова, В. И. Рубина, Р. К. Щедрина, Ю. М. Буцко, Г. П. Дмитриева, В. Б. Довганя, В. Ю. Калистратова, В. Г. Кикты, В. И. Мартынова, А. И. Микиты, В. С. Ульянич, М. В. Генченковой и др.⁵

В этом же ряду стоит музыкальное наследие В. Пожидаева, в поздний период творчества создавшего целый ряд духовно-музыкальных произведений: три симфонии – «На Рождество Христово», «Пасхальные напевы» и «Лето Господне» (последняя – для оркестра русских народных инструментов), кантату «Светлое Христово Воскресение» (для солистов и симфонического оркестра), циклы «Пустыня красная» для баса соло и «Светлое Христово Воскресение» для сопрано соло, концерт для органа «Три ангела», пьесы для фортепиано «Покаянный стих» и «Пасхальные перезвоны».

³ Гуляницкая Н. С. Поэтика музыкальной композиции. Теоретические аспекты русской духовной музыки XX века. М.: Языки славянской культуры, 2002.

⁴ Свиридов Г. В. Полное собрание сочинений. М.; СПб.: Нац. Свирид. фонд, 2001. Т. 21. Песнопения и молитвы (для хора без сопровождения, слова из литургической поэзии).

⁵ Генченкова М. В. Новосакральная музыка современных отечественных композиторов // Тысячелетие почитания святого равноапостольного князя Владимира / Коллективное исследование / сост. и отв. ред. Н. С. Серёгина. СПб.: РИИИ, изд. дом «Петрополис», 2016. С. 164–167; Ковалев А. Б. Жанры русской духовной музыки в творчестве отечественных композиторов (вторая половина XIX – начало XXI в.). Тамбов: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2018.

В. Пожидаев впервые обратился к духовной тематике на материале духовных и покаянных стихов, когда в начале 1990-х годов были написаны циклы «Пустыня красная» (для баса соло) и «Светлое Христово Воскресение» (для сопрано соло).

Духовные и покаянные стихи относятся к ранней русской лирике. Как писал Г. Федотов, «духовными стихами в русской народной словесности называются песни, чаще всего эпические, на религиозные сюжеты, исполняемые обыкновенно бродячими певцами (преимущественно слепцами) на ярмарках, базарных площадях или у ворот монастырских церквей»⁶.

Жанр духовных стихов отличает двойственная природа: это народная поэзия, но на духовную христианскую тематику. Полная добра и света, несмотря на трагические евангельские события, она несет и определенную образную яркость, театрализацию и рассчитана на внехрамовое исполнение.

Для В. Пожидаева духовные стихи стали фактически переходным жанром, своеобразным «мостиком» от светской к духовной музыке. В этих сочинениях музыкальное творчество композитора сопоставимо с творчеством распевщиков на Руси, поскольку композитор сочинял, используя стилистику древнерусского церковного пения – знаменного и демественного распевов.

Два духовных стиха из цикла для баса – «Плач Адама» и «Пустыня красная» – были впервые исполнены Георгием Екимовым, солистом театра «Геликон-Опера», в концерте в Московском Доме композиторов 20 апреля 2018 г.⁷

«Плач Адама» («Плакася Адам пред раем сидя») – старейший текст этого жанра, известный по списку около 1470 г.⁸ Стих содержит сердечное покаяние за содеянное. Стих «Пустыня красная» (то есть уединенное пустынное, красивое место) также возносит молитву Богу и Богородице о милости к грешному человеку.

Опыт в распеве монодии позволил композитору перейти к более крупной оркестровой форме – кантате «Светлое Христово Воскресение» (написана в 1990-е годы)⁹. Позднее этот материал в переработанном и дополненном виде будет положен в основу «Пасхальных напевов».

⁶ Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. С. 13.

⁷ Пожидаева Г.А. «Три ангела». Беседа с Андреем Золотовым // Музыкальная академия. 2018. № 4. С. 239.

⁸ Панченко А.М. Стихи покаянные // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. С. 421.

⁹ Музыка этой кантаты не исполнялась.

Сочинением на духовную тематику стала симфония «На Рождество Христово» (2001), первое и пока единственное исполнение которой состоялось на XXIV международном фестивале современной музыки «Московская осень – 2002» 16 ноября 2002 г. в Большом зале РАМ им. Гнесиных. Симфонию исполнил Государственный симфонический оркестр под управлением Владимира Понькина¹⁰.

Миниатюрная по форме симфония представляет собой четырехчастный цикл, но он сжат во времени. Первая и вторая, а также третья и четвертая части исполняются без перерыва, поэтому симфония воспринимается как двухчастная.

Главную *идею* симфонии можно выразить как христианскую надежду на спасение благодаря рождению Богомладенца, который станет Спасителем человечества. В симфонии мы видим противопоставление горнего мира дольнему, духовного мира тонких ощущений (тонких «материй») – более материальным человеческим чувствам и страданиям.

Симфония начинается красиво и необычно – слушая вступительную прелюдию «Звезда Вифлеемская», мы буквально видим ее мерцание, да-да, мерцание Вифлеемской звезды, которая приведет волхвов к яслям с младенцем Иисусом. Под мерцание звезды мы слышим пение ангелов: они поют тропарь «Рождество твое, Христе Боже наш». Автор не цитирует современный напев, но сам распевает этот текст. Тропарь краткий, звучит в очень высоком регистре, соответствуя пению ангелов с небес.

Далее без перерыва идет вторая часть «Благая весть». Благую весть о Рождестве Христовом несут человечеству люди: звучит стихира повествовательного характера, очень степенная, исполняемая с большим достоинством. Принцип развития музыкального материала заимствован из средневековой русской традиции знаменного распева – это развертывание напева на основе мелодического варьирования. Русская стихира повествует всем о рождении Богомладенца в далекой Палестине, в Вифлееме. В этом отражается космическое, вселенское восприятие этого события.

Третья часть названа «О Тебе радуется» и посвящена Богородице. В этой части сопоставлен разнообразный тематизм, отражающий различные стороны нашего земного бытия: безграничную радость материнства, мужественную решимость в его защите, стихирное повествование о земной жизни пресв. Богородицы, гимн в ее честь.

Четвертая часть, «Поклонение волхвов», – постлюдия. Основной рисунок темы постлудии отражает пластику поклона и отсылает к древнерусской

¹⁰ XXIV международный фестиваль современной музыки «Московская осень '2002». Буклет / под ред. А. Григорьевой. М.: Издательский дом «Композитор», 2002. С. 18.

иконописи, посвященной Рождеству Христову. Часть, как и вступительная прелюдия, написана кратко и воспринимается лаконичным завершением сочинения.

Удивительно, что в XXI в. эта симфония В. Пожидаева насковозь мелодична. Ее напевность восходит к духовной музыке, литургическому пению и литургическому речитатив. В обращении автора не только к певческой, но и к речевой культуре проявляется важное качество русского музыкального искусства – внимание к слову, заложенное именно духовной культурой. Следствием ведущей роли слова становится повышенное внимание к речи и речевой интонации в музыке русских композиторов. Это характерное качество русской музыкальной классики – от Чайковского и Мусоргского до Свиридова – в симфонической музыке Пожидаева проявляется в инструментальном преломлении, то есть инструментальная интонация передает выразительную речевую интонацию.

Обрамление симфонии создает повторение музыки Вифлеемской звезды и темы поклонения волхвов. Звездным мерцанием и завершается весь цикл. Свет звезды льется с небес, а здесь, на земле, волхвы (и мы вместе с ними – слушатели) поклоняются младенцу.

Симфония «На Рождество Христово» – светлое, умиротворяющее сочинение, мелодичное, на основе традиций русской духовной музыки и русской музыкальной классики. Звукоизобразительность (свет звезды), программность, эпический характер драматургии – все это продолжает традиции отечественной симфонической школы. Эпичность проявляется в картинности звучания, в смене контрастных картин, сохранении одного состояния и одного образа на протяжении целых разделов произведения.

Симфония «Пасхальные напевы» (2005) – позднее сочинение композитора, несущее заряд высокой духовной культуры. Автор считал это произведение симфонией. Семь частей из восьми написаны для певцов-солистов и оркестра, и только одна часть – чисто оркестровая. Фактически произведение соединяет в себе черты симфонии и кантаты. От сольной кантаты – вокальные, сольные и ансамблевые номера, от симфонии – приемы симфонического развития.

Общая идея композиции – очищение через страдания и молитву.

Поэтической основой произведения стали духовные и покаянные стихи¹¹, отражающие *народное восприятие христианства и православия*. Обращение к народной поэзии свойственно творчеству композитора в целом. Именно эта область стала для него тем истоком, который

¹¹ Панченко А. М. Стихи покаянные. С. 421–423.

определил лад и интонацию его музыкального языка. Наивность народного мировоззрения проявляется в простоте напевов и музыкальных форм: использовании песенного тематизма, повторности, куплетности. В партитуре часто звучат высокие ударные инструменты (колокольчики, треугольник, ксилофон, вибрафон), которые усиливают лубочную «красивость» сочинения.

В произведении Пожидаева проявляется интересное качество современного музыкального искусства: с одной стороны, яркое национальное начало, с другой – своеобразная глобализация, которая, в частности, воплощается в привнесении некоторых черт западноевропейских пассионов. Тема страданий и воскресения Иисуса Христа своеобразно воплощается в сочинении, объединяя традиции средневековых театрализованных представлений Европы – мистерий – и русского народного театра.

Мы видим здесь героев и персонажей Священного Писания и народной поэзии – Иисуса Христа, Деву Марию, архангелов Михаила и Гавриила, Душу и Тело, нищую братию. Для современного слушателя образы Христа и Богородицы, несомненно, связаны с европейскими пассионами Г. Шютца, И. С. Баха и даже современной рок-оперой «Иисус Христос – суперзвезда» Л. Уэббера. В таком соединении народной духовной поэзии с типичными образами западноевропейского музыкального искусства проявляются современные черты произведения.

Двойственность, характерная для образного строя и выразительных средств духовных стихов, переходит и в музыку. Музыкальный язык сочинения удивительным образом соединяет жанровые особенности фольклора – закличек, былин, колядок, колыбельных, протяжной песни – с элементами церковно-певческой культуры допетровской эпохи: знаменным и демественным распевами, литургическим речитативом и колокольными звонами. Нечто подобное можно услышать у композиторов-классиков – Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова, в музыке которых соседство фольклорных истоков и колокольных звонов передает характерную звуковую среду России. Пожидаев представляет эти истоки в переработанном виде, используя ладоинтонационный строй и ритмические особенности.

Принципы развития сочинения основаны на типичном для русской школы эпическом симфонизме. Крупное «фресковое» письмо подчеркивает глобальность, мировое значение происходящих событий. Смена ярких, образных картин составляет основу драматургии всего произведения. Именно такая эпическая драматургия присуща русской симфонической школе, и в данном случае композитор продолжает

отечественные традиции. Части цикла подобны фрескам, очерченным ярко и зримо¹².

Произведение было исполнено на XXVIII международном музыкальном фестивале «Московская осень – 2006» 6 ноября 2006 г. в Большом зале Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского симфоническим оркестром «Русская филармония» под управлением Владимира Понькина и солистами театра «Геликон-Опера» – заслуженными артистами России Мариной Карпеченко (сопрано), Николаем Дорожкиным (тенор) и лауреатом международных конкурсов Дзян Шан Жуном (баритон)¹³.

После премьеры критики писали: «Огромное впечатление произвел вокально-симфонический цикл “Пасхальные напевы” Владимира Пожидаева – композитора, выделяющегося особым, удивительно светлым, позитивным мироощущением, тогда как большинство современных художников обращаются больше к драме, трагедии, конфликтам... Музыка “Пасхальных напевов” <...> отличалась особым колоритом, вызывающим ассоциации со звукоизобразительностью Н. А. Римского-Корсакова». Здесь же приведено высказывание автора: «Мне хотелось написать сочинение, которое создало бы среду для русского православного человека – чтобы он задумался о добре и зле, о грехе»¹⁴.

Сочинением композитора, перекликающимся с «Пасхальными напевами», стал концерт для органа «Три ангела» (2007). Первоначально автор сделал переложение «Пасхальных напевов» для певцов-солистов и органа – специально для концерта в Центральном государственном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки, который состоялся 15 апреля 2007 г. Исполнителями были те же певцы, а партию органа исполнила лауреат международных конкурсов Юлия Шмелькина. После концерта, оценив возможности органа для своей музыки, композитор решил создать сочинение именно для этого инструмента. Органный концерт был впервые исполнен на XXIX фестивале «Московская осень – 2007» 30 ноября 2007 г. в римско-католическом соборе Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии¹⁵.

¹² Подробный анализ произведения см.: *Пожидаева Г. А.* О новосакральной музыке XXI века: «Пасхальные напевы» Владимира Пожидаева // Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных. 2019. № 3. С. 32–48.

¹³ *Пожидаева Г.* Владимир Пожидаев. «Пасхальные напевы» // XXVIII международный фестиваль современной музыки «Московская осень’ 2006». Буклет / под ред. А. Григорьевой. М.: Издательский Дом «Композитор», 2006. С. 33.

¹⁴ *Захарова Е.* XXVIII «Московская осень»: симфоническая музыка // Музыкант-Классик. 2007. № 3. С. 26.

¹⁵ *Пожидаева Г.* Владимир Пожидаев. «Три ангела» // XXIX международный фестиваль современной музыки «Московская осень’ 2007». Буклет / под ред. А. Григорьевой. М.: Издательский Дом «Композитор», 2007. С. 95.

Художественный строй произведения, по словам автора, был во многом связан с творчеством гениального русского иконописца преп. Андрея Рублева¹⁶. На иконе «Троица» канонического сюжета изображено явление Бога в образе трех прекрасных юношей – трех ангелов – ветхозаветным Аврааму и Сарре. Ангелы изображены столь гармонично, что просветляют душу при созерцании иконы.

Символические образы ангелов, глубоко и поэтично запечатленные в «Троице», становятся смысловым центром концерта. Форму сочинения можно уподобить циклу прелюдий, каждая из которых является звеном единой драматургической линии. Такая форма позволяет наиболее полно и точно выразить авторское восприятие иконописных образов.

Первая часть концерта, названная «Три ангела», является ключевой в цикле. Три ангела воплощают триединое божество: Отца, Сына и Св. Духа. За трапезой, которую предложили путникам Авраам и Сарра, на столе стоит чаша – символ трагичной земной жизни Сына, богочеловека Иисуса Христа. Композитор читает этот сюжет как драматичный, даже трагичный, именно из-за этой чаши – символа драмы Иисуса Христа.

В музыке этой части воплощены тонкие духовные материи. Возвышенный строй чувств связан с внутренней «безмолвной» молитвой и светлой печалью. Музыка носит мистический созерцательный характер. Высокий регистр и парящее замедленное движение соответствуют горнему миру и его бесплотным сущностям.

В среднем разделе части выразителен звукоизобразительный момент – парение ангелов, шелест их крыльев.

Вторая часть. «Рождество Христово».

Эпохальное событие в жизни человечества отображается в народном духе: о Рождестве Христовом возвещают веселые свирели и рожки, звучит былинный напев об этом чудесном событии. Затем мы слышим шелест ангельских крыльев – ангелы склонились над колыбелью Младенца. Звучит хор ангелов «Слава в вышних Богу», и на этом фоне возникает картина поклонения волхвов.

Реприза возвращает изначально звучащие образы: радостные пастушки свирели, суровый былинный напев, парение ангелов. Завершается часть торжественным гимном.

Третья часть. «Голгофа».

Картина шествия на Голгофу: шум толпы, ее гогот и хохот, удары бича, страдания Христа, несущего тяжелейший крест.

¹⁶ Пожидаева Г. А. «Три ангела». Беседа с Андреем Золотовым // Музыкальная академия. 2018. № 4. С. 239–246.

Средний раздел части – торжественный гимн, ведущий в бессмертие. Возвращающийся шум толпы прерывается колоколами, воплощающими величие духа. Завершается часть кодой, убаюкивающей страдальца.

Музыка этой части перенесена из одноименной части «Пасхальных напевов», но переложена для органа.

Четвертая часть. «Преображение».

Драматургическая линия части – от сурового драматизма к просветленному финалу. В нем звучат успокаивающий душу знаменный распев и звонкие тихие колокола.

Таким образом, общая *концепция* цикла – от умиротворенной созерцательной молитвы трех ангелов, через Рождество Христово и его страдания на Голгофе – к успокоению души в финале.

Средства выразительности разнообразны: здесь слышны и фольклорные истоки – старинные былины, заклички, колыбельные. Кроме того, совершенно очевидно проявляется связь с духовной музыкой: культурой знаменного пения и колокольных звонов. Современное же звучание придают сложные лады, многоплановость фактуры, приемы алеаторики и сонористики. Соединение архаики и авангарда высекает искру стилистического своеобразия в музыке композитора.

Духовно-музыкальные сочинения В. А. Пожидаева являют собой высокоталантливые произведения неоспоримых художественных достоинств, демонстрируют глубоко национальный и вместе с тем современный стиль автора. Даже в наше непростое время они вызывают искреннюю заинтересованность и любовь исполнителей, встречают теплый прием слушателей. Тем не менее они исполняются крайне редко, не избалованы вниманием исследователей и совсем не изучены. Художественный мир его произведений настолько интересен, своеобразен и глубок, что, думаю, к нему будут обращаться при изучении отечественной духовной музыки рубежа XX–XXI вв., поскольку без его сочинений картина будет неполной не только формально, но и по существу.

Литература

Генченкова М. В. Новосакральная музыка современных отечественных композиторов // Тысячелетие почитания святого равноапостольного князя Владимира. Коллективное исследование / сост. и отв. ред. Н. С. Серёгина. СПб.: РИИИ, изд. дом «Петрополис», 2016. С. 164–167.

Гуляницкая Н. С. Поэтика музыкальной композиции. Теоретические аспекты русской духовной музыки XX века. М.: Языки славянской культуры, 2002.

- Захарова Е. XXVIII «Московская осень»: симфоническая музыка // Музыкант-Классик. 2007. № 3. С. 24–27.
- Ковалев А. Б. Жанры русской духовной музыки в творчестве отечественных композиторов (вторая половина XIX – начало XXI веков). Тамбов: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2018.
- Панченко А. М. Стихи покаянные // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 421–423.
- Пожидаева Г. Владимир Пожидаев. «Пасхальные напевы» // XXVIII международный фестиваль современной музыки «Московская осень’ 2006». Буклет / под ред. А. Григорьевой. М.: Издательский Дом «Композитор», 2006. С. 33.
- Пожидаева Г. Владимир Пожидаев. «Три ангела» // XXIX международный фестиваль современной музыки «Московская осень’ 2007». Буклет / под ред. А. Григорьевой. М.: Издательский Дом «Композитор», 2007. С. 95.
- Пожидаева Г. А. «Три ангела». Беседа с Андреем Золотовым // Музыкальная академия. 2018. № 4. С. 239–246.
- Пожидаева Г. А. Народный оркестр подобен симфоническому // Народное творчество. 2019. № 5. С. 57–64.
- Пожидаева Г. А. О новосакральной музыке XXI века: «Пасхальные напевы» Владимира Пожидаева // Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных. 2019. № 3. С. 32–48.
- Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс; Гнозис, 1991.
- XXIV международный фестиваль современной музыки «Московская осень’ 2002». Буклет / под ред. А. Григорьевой. М.: Издательский Дом «Композитор», 2002.

References

- Fedotov, G., 1991. *Stikhi dukhovnye. Russkaia narodnaia vera po dukhovnym stikham* [Poems spiritual. Russian folk faith in spiritual poetry]. Moscow: Progress Gnozis.
- Genchenkova, M.V., 2016. Novosakral’naia muzyka sovremennykh otechestvennykh kompozitorov [Newsakral music of modern domestic composers]. In: Seregina, N.S., ed., 2016. *Tysiacheletie pochitaniia sviatogo ravnoapostol’nogo kniazia Vladimira. Kollektivnoe issledovanie* [Millennium of veneration of St. Vladimir, Equal-to-the-Apostles. Collective research] Saint Petersburg: RIII, izd. Dom “Petropolis”, pp. 164–167.
- Grigor’eva, A., ed., 2002. *XXIV mezhdunarodnyi festival’ sovremennoi muzyki “Moskovskaia osen’ 2002”*. Buklet [XXIV International Festival of Contemporary Music “Moscow Autumn’ 2002”. Booklet]. Moscow: Izdatel’skii Dom “Kompozitor”, p. 18.
- Gulianitskaia, N.S., 2002. *Poetika muzykal’noi kompotsicii. Teoreticheskie aspekty russkoi dukhovnoi muzyki XX veka* [Poetics of musical composition. Theoretical aspects of Russian spiritual music of the XX century]. Moscow: Kompozitor, p. 18.

- aspects of Russian spiritual music of the XX century]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Kovalev, A.B., 2018. *Zhanry russkoi dukhovnoi muzyki v tvorchestve otechestvennykh kompozitorov (vtoraiaa polovina XIX – nachalo XXI vekov)* [Genres of sacred music in the works of Russian composers (the second half of the nineteenth – early twenty-first centuries)]. Tambov: Muzei-usad'ba S. V. Rakhmaninova "Ivanovka".
- Panchenko, A.M., 1989. Stikhi pokaiannye [Poems of penance]. In: Likhachev, D.S., ed., 1989. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vtoraia polovina XIV–XVI v. Vyp. 2 (vtoraia polovina XIV–XVI v.). Ch. 2: L–Ia* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia. The second half of the fourteenth – sixteenth century. Issue 2 (second half of the fourteenth – sixteenth centuries). Part 2: L–Ia]. Leningrad: Nauka, 1989, pp. 421–423.
- Pozhidaeva, G., 2006. Vladimir Pozhidaev. "Paskhal'nyye napevy" [Vladimir Pozhidaev. "Easter chants"]. In: Grigor'eva, A., ed., 2006. *XXVIII mezhdunarodnyi festival' sovremennoi muzyki "Moskovskaia osen' 2006"*. Buklet [XXVIII International Festival of Contemporary Music "Moscow Autumn' 2006. Booklet]. Moscow: Izdatel'skii dom "Kompozitor", p. 33.
- Pozhidaeva, G., 2007. Vladimir Pozhidaev. "Tri angela" [Vladimir Pozhidaev. "Three Angels"]. In: Grigor'eva, A., ed., 2007. *XXIX mezhdunarodnyi festival' sovremennoi muzyki "Moskovskaia osen' 2007"*. Buklet [XXIX International Festival of Contemporary Music "Moscow Autumn' 2007". Booklet]. Moscow: Izdatel'skii dom "Kompozitor", p. 95.
- Pozhidaeva, G.A., 2018. "Tri angela". Beseda s Andreeem Zolotovym ["Three angels". Conversation with Andrei Zolotov]. *Muzykal'naia akademiia* [Academy of Music], 4, pp. 239–246.
- Pozhidaeva, G.A., 2019. Narodnyi orkestr podobn simfonicheskomu [A folk orchestra is similar to a symphony]. *Narodnoe tvorchestvo* [Folk art], 5, pp. 57–64.
- Pozhidaeva, G.A., 2019. O novosakral'noi muzyke XXI veka: "Paskhal'nye napevy" Vladimira Pozhidaeva [About the new sacred music of the XXI century: "Easter chants" by Vladimir Pozhidaev]. *Uchenye zapiski Rossiiskoi akademii muzyki im. Gnesinykh* [Scientific notes of the Russian Academy of Music named after Gnesins], 3, pp. 32–48.
- Zakharova, E., 2007. XXVIII "Moskovskaia osen'": simfonicheskaia muzyka [XXVIII "Moscow Autumn": symphonic music]. *Muzykant-Klassik* [Musician classic], 3, pp. 24–27.

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4

Главный редактор:
Е. С. Узенёва

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редактор-корректор:
Л.А. Авакова

Proofreader:
Larisa A. Avakova

Компьютерная верстка:
Е.В. Пескова

Layout design:
Elena V. Peskova

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:
старые открытки с видами Софии

On the cover:
old postcards of Sofia

Новые бани
Площадь у бани, 1910-е годы
Отель «Комерсиал», около 1910 г.

An old bathhouse
Banski Square in the 1910s
Hotel “Comercial”, around 1910

Источник:
<http://www.stara-sofia.com/banski.html>

Source:
<http://www.stara-sofia.com/banski.html>

Подписано в печать: 04.02.2020.
Формат 70×100 1/16 Гарнитура Times New
Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,29.
Объем 16,38 печ. л. Заказ № 102.
Тираж 500 экз.

Signed to print: 04.02.2020.
Формат 70×100 1/16 Гарнитура Times
New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,29.
Объем 16,38 печ. л. Заказ № 102.
Circulation: 500 copies

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В», Москва, 119334

АДРЕС ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ:
slavmillen@yandex.ru

Журнал Института славяноведения РАН «Славянский мир в третьем тысячелетии» (главный редактор – Е. С. Узенева) издается с 2006 г. До 2017 г. включительно он выходил в свет один раз в год под грифами Института славяноведения РАН, Государственной академии славянской культуры (ныне – Институт славянской культуры, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина) и Славянского фонда России. В разные годы в издании ежегодника принимали участие Министерство образования и науки Российской Федерации, Правительство Москвы, Московский дом национальностей и др.

Журнал входит в РИНЦ, статьям присваивается DOI

С 2018 г. журнал выходит дважды в год –
летом (№ 1–2) и зимой (№ 3–4).

Сроки подачи материалов – 1 марта и 15 сентября.

Материалы принимаются на адрес редколлегии
slavmillen@yandex.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК